

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том X

Книга 1

Беседы на 1-е послание к Коринфянам

БЕСЕДА ПЕРВАЯ на 1Кор.1:1-3. Смирение Павла. - Единение церкви. - Нужно искать благодати у Бога, а не у людей. - Значение смиренномудрия.

БЕСЕДА ВТОРАЯ на 1Кор.1:4-5. Нужно благодарить Бога. - Неповиновение Божью зову. - Никто не бывает добр или зол по природе.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ на 1Кор.1:10. Обличения должны быть постепенны и умеренны. - Павел не считает себя предпочтительнее пред Петром. - Спор о Павле и Платоне. - Дивная победа апостолов. - Нужно побеждать более жизнью, чем философией.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.1:18-20. Предметы веры выше суждений разума. - Действия Христа, совершаемые противными действиям способами. - Сократ принужден был выпить яд из цикуты. - Страдания мучеников. - Протагор, Диагор и Феодор Безбожник. - В отношении к язычникам необходима снисходительность, как к детям.

БЕСЕДА ПЯТАЯ на 1Кор.1:26-27. При помощи благодати Божией апостолы обратили вселенную. - Против театральных зрелищ.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ на 1Кор.2:1-2. Для проповеди не нужна мирская мудрость. - Вера и знамения. - Почему ныне не все веруют.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ на 1Кор.2:6-7. Мудрость философов сделалась безумием. - Многие из священных книг потеряны. - Учение Христа подтверждается чудесами и исполнением предсказанного Им.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ на 1Кор.3:1-3. Может быть плотским и тот, кто совершает знамения. - Никогда не нужно отчаиваться в спасении.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ на 1Кор.3:12-15. Мучение грешников не имеет конца. - Изображение греха вообще и корыстолюбия в частности.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ на 1Кор.3:18-19. Способ обличения Павлом кровосмесника. - Осуждение внешней мудрости. - Порицание гордости священников. - Как следует пользоваться богатством.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ на 1Кор.4:3-4. Не следует осуждать ближних. - Человеческий суд ошибочен. - Прелюбодеяние помрачает душу. - Пристрастие к деньгам порождает великое зло.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:4-6. Вред от гордости. - Мудрость Павла. - Не следует искать похвалы у людей, но у Бога. - Предосудительность театральных зрелищ, конских ристалищ и звериной травли. - Осуждение свадебных обычаев. - Суеверные перевязки, погремушки и разные предрассудки.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:10. О подражании Христу. - Изображения Павла и его добродетелей. - Богатство при хорошем его употреблении не составляет греха.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:17. Павел пламеннее огня. - Каким образом возможно приобрести Царство Небесное. - Добродетель не бывает тяжка. - Бедствия, причиняемые страстью к деньгам.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ на 1Кор.5:1-2. Как поступает Павел с явным прелюбодеем. - Для христианина всякое время есть праздник. - Мудрость Павла. - В каком смысле любостыжание есть старая закваска. - Добрые плоды милостыни.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ на 1Кор.5:9-11. Об уклонении от языческих судилищ. - Страсть к деньгам все извращает. - О перенесении оскорблений и обид. - Кто не подает милостыни бедным, идет в геенну.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ на 1Кор.6:12. Доказательство истины воскресения. - Где причина греха.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ на 1Кор.6:15. Человек имеет возможность не грешить.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ на 1Кор.7:1-2. О правах супружества. - В отношении ко Христу раб и свободный равны. - Пагубные следствия зависти.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ на 1Кор.8:1. О ядении идольских жертв. - Великолепие человеческое ничтожно.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ на 1Кор.9:1. Почему Павел восхваляет себя. - Мудрость Павла. - Против сребролюбцев. - Нужно щедро подавать милостыню. - Употребление церковного достояния на нужды бедных.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ на 1Кор.9:13-14. Как поступал Павел для спасения других. - Порочная страсть кратковременна, а причиняемое ею огорчение продолжительно.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на 1Кор.9:24. Не следует отчаиваться в подвигах добродетели из-за трудности дела. - Загробные наказания будут вечны. - Сила покаяния в настоящей жизни и его бесполезность в будущей.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.10:13. Сила искушений. - Святость и непорочность Тела Христова.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ на 1Кор.10:25. Подвиг не бывает великим, если не приносит пользы другим. - Величие Павловой души.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ на 1Кор.11:2. Что прилично мужам и женам. - Муж должен совершать подвиги любомудрия, не выжидая, чтобы первая начала жена, равно и

жена должна их совершать, не выжидая, чтобы первый начал муж. - Бить жену постыдно.
- Изречение философа (Сократа) о злой жене.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ на 1Кор.11:17. О собраниях для вкушения пищи и вечера Господней. - Обязанность разделять трапезу с бедными.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ на 1Кор.11:28. Причащающемуся необходима чистота совести. - Нравственное наставление. - Нужно избегать чрезмерного сетования об умерших. - Пример Иова.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на 1Кор.12:1-2. О дарах св. Духа, послуживших поводом к несогласию. - Против духоборцев. - Не нужно быть пытливым касательно распределения благ Богом. - Вещественные блага скоропреходящи.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ на 1Кор.12:12. Сравнение церкви с человеческим телом. - Вдовицы в церкви. - Следует пренебрегать деньгами.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ на 1Кор.12:21. Необходимость согласия и опасность вражды. - Ничто не производит такого разделения, как зависть.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ на 1Кор.12:27. В Церкви Христовой было больше пророков, чем в Ветхом завете. - Благодатные дары без любви и доброй жизни не приносят пользы. - Любовь свободна от всякого зла. - Павел иногда вынуждаем был хвалиться.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на 1Кор.13:4. Значение любви. - Дело диавола - отторгать людей друг от друга. - Любовь все преодолевает.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.13:8. Любовь избавляет от всех зол. - Похвала любви. - Польза, получаемая от бедных. - Происхождение богатства и бедности.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ на 1Кор.14:1. Дар пророчества имеет преимущество перед даром языков. - Для чего существовал дар языков. - Сила тщеславия. - Тщеславия похоже на дикого зверя. - Восхваление Павла. - Как христианин должен относиться к вещественным благам. - Способ врачевания души. - Тяжелое положение богачей.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ на 1Кор.14:20. О даре языков. - Милостыня - лучшее украшение. - Суетность богатства.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ на 1Кор.14:34. Правильный порядок всегда должен быть наблюдаем. - Болезнь сребролюбия. - Удовольствие от целомудрия.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ на 1Кор.15:1-2. Против манихеев. - Смиренномудрие Павла. - Преимущества бедности.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на 1Кор.15:11. Доказательство воскресения. - Бездождие в Антиохии. - Безрассудная жестокость корыстолюбцев. - Дурные следствия роскоши.

БЕСЕДА СОРОКОВАЯ на 1Кор.15:29. Обряды маркионитян. - Обличение невоздержной жизни. - Непрочность стяжаний. - Плод роскоши - гниль. - Иметь множество слуг неодобрительно. - Против расхаживающих с толпой прислужников.

БЕСЕДА СОРОК ПЕРВАЯ на 1Кор.15:35. Против еретиков, утверждающих, что воскреснет иное тело. - Нужно не излишне оплакивать умерших, но помогать им молитвами и добрыми делами.

БЕСЕДА СОРОК ВТОРАЯ на 1Кор.15:47. Состояние тел после воскресения. - Призыв к исправлению.

БЕСЕДА СОРОК ТРЕТЬЯ на 1Кор.16:1. О милостыне.

БЕСЕДА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.16:10. Зло, проистекающее от надменности. - Как следует достигать исправления братии.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ К КОРИНФИЯНАМ^[1]

Коринф, ныне первый город Греции, в древности славился многими удобствами жизни и в особенности богатством; потому один из внешних (языческих) писателей назвал его богатым местом^[2]. Он лежит на Пелопонезском перешейке и был весьма важен в торговом отношении; также был наполнен множеством риториков и философов; и один из семи так называемых мудрецов происходил из этого города. Это сказано нами не из тщеславия и не с целью показать ученость, – что в самом деле за важное дело знать это? – но потому что имеет отношение к предмету послания. Много пострадал в этом городе Павел; здесь ему явился Христос и сказал: **"но говори и не умолкай, потому что у Меня много людей в этом городе"** (Деян.18:9-10); здесь он оставался два года. Здесь был изгнан злой дух, от которого иудейские заклинатели много потерпели; здесь рассеявшиеся (жители), собравши волшебные книги, сожгли их, по исчислению на пятьдесят тысяч драхм^[3]. Здесь же, при проконсуле Галлионе, Павел был бит пред судилищем^[4]. Дьявол, видя, что великий и многолюдный, славный богатством и мудростью и главный в Греции город принял истину, а дела афинян и лакедемонян, которых владычество давно пало, были в жалком состоянии, – видя, что жители его с великим усердием принимали слово Божие, что делает? Он разделяет их, так как знал, что и самое сильное царство, разделившись само в себе, устоять не может. Для исполнения своих козней он воспользовался богатством и мудростью жителей. И вот между ними образовались отдельные партии: некоторые самопроизвольно объявили себя предстоятелями народа, который приставал то к одним, то к другим, к одним как богатым, к другим как мудрым и способным научить чему-то большему; а эти, привлекая его к себе, хвалились, что они преподают лучшее учение, нежели апостол, – на что намекая, он и говорил: **"я не мог говорить с вами, как с духовными"** (1Кор.3:1). Очевидно, что не от собственного его бессилия, а от их немощи произошло то, что они не услышали многого. На то же он указывает, когда говорит: **"вы без нас обогатились"** (1Кор.4:8). Такое разделение церкви было делом не маловажным, но самым пагубным. При этом там был допущен и другой грех: некто, живший со своей мачехой, не только не встретил укора, но еще управлял народом и своим сообщникам подавал повод к высокомерию; потому (Павел) и говорит: **"и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать"** (1Кор.5:2). Кроме того, некоторые, почитавшиеся совершеннейшими» по чревоугодию вкушая от идоложертвенного и участвуя при возлежании в капищах, позволяли себе всякую скверность. Еще иные, имея тяжбы и споры из-за имущества, обращались с своими делами к внешним судилищам. Также многие ходили у них с отпущенными волосами; им он и повелевает остричься. Был и другой грех немаловажный, – именно тот, что они в церквях вкушали пищу отдельно друг от друга и не уделяли нуждающимся. Затем погрешал еще в том, что превозносились (духовными) дарованиями и соревновали в них

между собой, что всего более и разделяло их церковь. И учения о воскресении держались не твердо; некоторые из них не очень верили воскресению тел, страдая еще недугом языческого заблуждения. А все это происходило от бессмыслия внешней философии; она была матерью зол; оттого и разделились они, научившись этому также от философов, которые восстали друг против друга, постоянно из любоначала и тщеславия противореча учению один другого и стараясь к прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали таким недугом потому, что во всем полагались на свои умствования. Коринфяне прислал Павлу послание чрез Фортуната, Стефана и Ахаика, с которыми и он отправляет свое послание, как говорит он в конце послания: впрочем (они писали) не о всем, а только о браке и девстве; потому он и сказал: **"а о чем вы писали ко мне"** (1Кор.7:1). Он пишет о том, о чем они писали и о чем не писали, обстоятельно разведав о всех их погрешностях. С посланием он отправляет к ним и Тимофея, зная, что хотя и послание будет иметь большую силу, но не малую пользу принесет им также присутствие этого ученика. Так как те, которые были причиной разделения церкви, стыдась показаться делающими это из честолюбия, прикрывали свою страсть тем, будто они преподают совершеннейшее учение и будто сами мудрее других, то Павел прежде всего восстает против этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее отсюда разделение, и восстает с большою силою. Ведь они, преимущественно пред всеми, были учениками его, как он сам говорит: **"если для других я не Апостол, то для вас; ибо печать моего апостольства – вы"** (9:2). Притом они были слабее других, как он же говорит: **"я не говорил с вами, как с духовными, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах"** (3:1-2). Говорит же так, чтобы они не подумали, что он говорит о прошедшем времени, – поэтому и присовокупляет: **"да и теперь не в силах"**. Впрочем, вероятно, не все были преданы порокам, но были некоторые между ними и весьма благочестивые. На это указывает он в середине послания, когда говорит: **"для меня очень мало значит, как судите обо мне вы"** (4:3), и прибавляет: **"это приложил я к себе и Аполлосу"** (ст.6). Таким образом, поскольку все зло происходило от гордости и от того, что (некоторые) почитали себя знающими более других, то он низлагает ее прежде всего и начинает так:

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божию призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (1Кор.1:1-3).

1. Видишь ли, как Павел в самом начале низложил гордость и ниспроверг всякую надменность лжеучителей, назвав себя званым? Не сам я, говорит, избрал то, чему научен, и не своею мудростью постиг это, но будучи призван, когда гнал и опустошал Церковь. Здесь, можно сказать, все принадлежит Призвавшему, а призванному ничего, разве только послушание. **"Иисуса Христа"**. Учитель ваш – Христос; а вы людей считаете начальниками учения. **"Волею Божию"**, – так как Бог восхотел, чтобы вы спаслись таким образом. Мы сами не совершили ничего, но по воле Божией обрели спасение: призваны потому, что Ему было угодно, а не потому, чтобы мы были того достойны.

И Сосфен брат. Опять выражает смирение, поставляя на ряду с собою того, кто был гораздо меньше его; а расстояние между Павлом и Сосфеном велико. Если же он, не смотря на такое расстояние, поставил низшего наряду с собою, то что могут сказать те, которые презирают равностепенных? **"Церкви Божией"**. Не того или другого, но Божией. **"Находящейся в Коринфе"**. Видишь ли, как он каждым выражением низлагает их

надменность. всячески возводя ум их к небу? Церковь называет Божию, выражая тем, что в ней должно быть единение, потому что если она Божия, то соединена и едина, не только в Коринфе, но и во всей вселенной. Имя Церкви – это имя не разделения, но единения и согласия. **"Освященным о Христе Иисусе"**. Опять приводит имя Иисуса, а не людей. Что такое – освящение? Омовение, очищение. Напоминает им о той нечистоте, от которой Он избавил их, и научает смиренномудрию, так как они освящены не за собственные добрые дела, но по человеколюбию Божию. **"Призванным святым"**. И то самое, что вы спасаетесь верою, не от вас, говорит; не вы первые приступили, но были призваны, так что и это малое не вполне принадлежит вам. Хотя вы приступили, будучи отягощены множеством зол, но и этим обязаны не себе самим, а Богу.

Поэтому в послании к Ефесеям он говорит: **"благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас"** (Еф.2:8). И вера не вполне принадлежит вам: вы не сами, предварив Бога, уверовали, но послушались, когда были призваны. **"Со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа"**. Имя не такого-то или иного, но Господа. **"Во всяком месте, у них и у нас"**. Хотя послание писано только к коринфянам, но он упоминает о всех верующих по всей вселенной, показывая, что Церковь должна быть едина везде, хотя она находится в различных местах, и тем более – в Коринфе. Место разделяет, но Господь их соединяет, как общий для всех; потому, чтобы внушить им единение, он и присовокупил: **"у нас и у них"**. Последнее важнее первого. Как находящиеся в одном месте, когда имеют многих несогласных между собою господ, бывают разделены, и место несколько не способствует им быть в единении, потому что господа дают им различные приказания и каждый требует своего, – **"не можете"**, сказано, **"служить Богу и маммоне"** (Мф.6:24), – так и находящиеся в различных местах, когда имеют не различных господ, а только одного, от мест не теряют согласия, потому что один Господь соединяет их. Итак, говорит, вы, коринфяне, должны быть в согласии не только с коринфянами, но и со всеми по всей вселенной, как имеющие общего Владыку; поэтому вторично присовокупил: **"у нас"**. Чтобы кто-либо из неразумных не подумал, что он допускает разделение, когда сказал: имя Господа нашего Иисуса Христа, он опять присовокупляет: Господа нашего же и тех. А чтобы это было яснее, прочту так, как требует смысл речи: Павел и Сосфен Церкви Божией, находящейся в Коринфе, и всем, призывающим имя Господа нашего и их, во всяком месте, в Риме ли, или где бы они ни были, – благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Или можно так, и, мне кажется, это будет еще точнее: Павел и Сосфен находящимся в Коринфе освященным, званным святым со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всяком месте, как их так и нашего, т.е. благодать вам и мир вам, находящимся в Коринфе освященным, и сделавшимся званными, не одним вам, но вместе со всеми, во всяком месте призывающими имя Иисуса Христа, Господа нашего и их. Если же мир от благодати, то что ты высокоумствуешь, что надмеваешься, ты – спасающийся благодатию? Если ты в мире с Богом, то для чего прилепляешься к другим? Это ведь значит производить разделение. Для чего, если вы в мире с тем или другим, обладаете и благодатью? А я желаю, чтоб от Бога было вам то и другое, от Него и для Него. То и другое не будет твердо, если не произойдет от манования свыше; и если не будет относиться к Нему, то не принесет вам никакой пользы. Нет никакой для нас пользы, если мы, будучи в мире, хотя бы со всеми, будем во вражде с Богом; и опять нет для нас никакого вреда, если мы, будучи в несогласии хотя бы со всеми, будем в мире с Богом. Точно также нет никакой пользы, если мы у всех заслуживаем одобрение, а Господа оскорбляем; и нет никакой опасности, если все отвращаются и ненавидят нас, а Бог приемлет и любит. Истинная благодать, истинный мир – от Бога. Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол, не только – человека, но – самого дьявола. А кто оскорбил Бога, тот боится всех, хотя по-видимому находится в безопасности. Человеческий род непостоянен: не только друзья и братья, но и отцы, изменяя свое расположение часто по маловажной

причине, хуже всякого врага гнали того, кого родили, кого воспитали, и дети гнали отцов. Вот смотри.

2. Давид имел благодать пред Богом; Авессалом имел благодать пред людьми; а какой был конец того и другого и кто получил большую похвалу? Вы знаете это. Авраам имел благодать пред Богом, а фараон пред людьми, которые из угождения ему предали жену праведника: кто же из них оказался более славным и блаженным? Это всякому известно. И что говорить о праведных? Израильтяне имели благодать пред Богом и были ненавидимы от людей – египтян, но превзошли ненавидевших и победили их, знаете, с какую славою. Потому будем все мы пещись об этом: раб пусть старается обрести благодать пред Богом прежде, нежели пред господином; жена пусть ищет благодати пред Спасителем Богом прежде, нежели пред мужем; воин пусть ищет благоволения свыше прежде, нежели от царя или начальника: таким именно образом ты заслужишь благоволение и от людей. Но как же обрести благодать пред Богом? Как же иначе, если не смиренномудрием? **"Бог"**, говорит (Писание), **"гордым противится, а смиренным дает благодать"** (Притч.3:34); и: **"жертва Богу - дух сокрушенный; сердца смиренного Ты не презришь, Боже"** (Пс.50:19). Если и людям приятно смирение, тем более Богу. Так язычники обрели благодать; так и иудеи отпали от благодати: **"ибо они не покорились праведности Божией"** (Рим.10:3). Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, он станет молчать и переносить с кротостью и будет иметь такой мир со всеми, какого и выразить невозможно, а вместе с тем – и с Богом. А заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы в мире . друг с другом; Богу же никто не может причинить зла: Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти. Ничто так не делает христианина достойным удивления, как смиренномудрие. Послушай, как говорит Авраам: **"я, прах и пепел"** (Быт.18:27); или Бог о Моисее – что был самый кроткий из всех людей (Числ.12:3). Никто не был смиреннее его: управляя таким народом, потопив в море и царя и все войско египетское, как мух, совершив такие дела в Египте, в Черном море и в пустыне, удостоившись такого свидетельства, он вел себя, как заурядный человек. И зять был смиреннее тестя и принял совет его; не оскорбился и не сказал: "что это? после таких-то и таких дел, ты пришел советовать мне?" Так поступают многие, хотя бы им предлагаем был самый лучший совет, пренебрегая советующим за его скромность. А он не так; напротив, делал все со смиренномудрием. Потому-то он презрел царские чертоги, что был истинно смиренным; смиренномудрие делает ум наш здоровым и возвышенным. В самом деле, не знак ли высокой мудрости и великой души его – что он презрел и дом и стол царский? Цари у египтян почитались как боги, и наслаждались бесчисленными богатствами и сокровищами: но он оставил все это, отверг самый скипетр египетский и удалился к пленным и угнетенным, изнуренным **"глиной и кирпичами"**, презираемым самими рабами его, – **"гнушались[5] ими"**, говорится, **"египтяне"** (Исх.1:12); этих людей он предпочел владыкам. Так-то смиренный бывает высок и великодушен! Ведь гордость есть знак низкого ума и неблагородной души, кротость же – души высокой и великой.

3. Если угодно, объясним то и другое примерами. Скажи мне, кто был выше Авраама? А он говорил: **"я, прах и пепел"** (Быт.18:27); И еще: **"да не будет раздора между мною и тобою"** (Быт.13:8). Он был так смирен, что пренебрег добычею от персов и отверг трофеи надноплеменниками; он поступил так по высоте и величию души своей, потому что тот и высок, кто смирен истинно, а не мнимо и притворно. Одно – величие души, а другое – надменность; это можно видеть из следующего. Положим, что один почитает грязь и грязью и пренебрегает ею, а другой удивляется грязи, как золоту, и почитает ее за нечто великое: кто из них человек высокий? Не тот ли, кто не удивляется грязи? А кто низок и

жалок? Не тот ли, кто удивляется ей и считает за нечто великое? Так и здесь. Кто называет себя землею и пеплом, тот высок, потому что говорит это по смиренномудрию; а кто не почитает себя землею и пеплом, но превозносится и высокоумудрствует, тот низок, потому что малое почитает великим. Следовательно праотец (Авраам) по величию души сказал слова: **"я, прах и пепел"**, – по величию души, а не по надменности. Как в теле иное – полнота и дородность, а иное – опухлость, потому что хотя в том и другом случае тело бывает тучным, но одно происходит от болезни, а другое от здоровья, так и здесь иное – надменность, – это тоже, что опухлость, – а иное – величие, это – полнота. Или еще положим, что один высок ростом, а другой, хотя и мал, но взявши ходули становится высоким: кого из них, скажи мне, назовем мы высоким и большим? Не того ли, кто высок по природе? Конечно, его, потому что у другого высота не своя, но он, ставши на ходули, делается из низкого высоким. Таковы многие из людей, превозносящиеся богатством и славою, которые не составляют величия. Высок тот, кто ни в чем подобном не имеет нужды, презирает все (земное) и имеет величие в самом себе. Будем же смиренными, чтобы нам сделаться высокими: **"кто унижает себя,"** говорит (Господь), **"тот возвысится"** (Мф.23:12). Не таков человек надменный; напротив, он ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого таких людей мы и называем надутыми. Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей многое о себе воображает. Будем же достигать величия смиренномудрием; будем помнить о природе (всего) человеческого, чтобы нам воспламениться желанием будущего. Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовью к божественному и презрением к настоящему. Как тот, кто ожидает получить царство, когда вместо порфиры предложить бы ему какую-нибудь частную почесть, почел бы ее за ничто, так точно и мы посмеемся над всем настоящим, если воспламенимся желанием почести будущей. Посмотрите на детей, когда они играя становятся в строй, – как они ставят воинов и пред ними глашатаев и ликторов, а в середине один из них идет в виде начальника: не детская ли это забава? Таковы отличия человеческие, и даже – хуже: сегодня существуют, а завтра их нет! Будем же выше их и не только не станем желать, но еще – стыдиться, когда кто будет предлагать их нам. Отвергну таким образом любовь к ним, мы воспламенимся любовью божественной и удостоимся бессмертной славы, каковой и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Настоящие беседы произнесены святителем в Антиохии около 390 года.

[2] αφνειον. Гомер в Илиаде, II, 570.

[3] Это происходило в Ефесе. Деян. 19:14-19.

[4] Т.е. Сосфен при Павле. Деян. 18:17.

[5] В синод.пер. "опасались"

БЕСЕДА 2

"Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием" (1Кор.1:4-5).

1. Чему других научает (Павел, когда говорит: **"с благодарением открывайте свои желания пред Богом"** (Флп.4:6), – то делает и сам, внушая нам начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ничто так не угодно Богу, как благодарность и за себя и за других. Потому (Павел) начинает так почти каждое послание; здесь же сделать это было необходимее, нежели в других. Кто благодарит, тот благодарит как чувствующий благоденствие и как бы воздаст за дарованную благодать; благодать же не есть ни долг, ни награда, ни воздаяние. Это нужно знать всем, тем более нужно было коринфянам, которые склонялись на сторону разделявших Церковь. **"Бога моего"**. По великой любви он усваивает себе принадлежащее всем, называет Бога своим, как обыкновенно выражались и пророки: Боже, Боже мой. Вместе с тем внушает и им говорить тоже. Кто говорит так, тот, оставив все человеческое, обращается к Тому, Кого призывает с великой любовью. Говорить так может тот, кто, от житейского постоянно обращаясь к Богу, предпочитает Его всему и не только непрестанно благодарит за благодать уже дарованную, но возносит Ему хвалу и за всякое благо, какое ни получит. Потому не просто сказал: благодарю, но: **"непрестанно за вас"**, научая их благодарить всегда, и не другого кого, а только Бога. **"Ради благодати Божией"**. Видишь ли, как он везде исправляет их? Где благодать, там нет дел; а где дела, там не благодать. Итак, если (вам дана) благодать, то что высокоумствуете? Почему надмеаетесь? **"Дарованной вам"**. И чрез кого она дарована? Чрез меня ли, или чрез другого апостола? Нет, но чрез Иисуса Христа, – это и означает выражение: **"во Христе Иисусе"**. Заметь: он часто употребляет "во" (εν) вместо – "чрез" (δια). Следовательно, это тоже, что – чрез. **"Потому что всем обогатились"**. Чрез кого? Опять **"в Нем"**, говорит. И не просто обогатились, но всем. Итак у вас есть богатство, и богатство Божие, и во всем, и чрез Единородного: какое неизреченное сокровище! **"Всяким словом и всяким познанием"**. Словом не внешним, но Божиим. Есть разумение без слова, и есть разумение с словом. Есть много имеющих разум и не имеющих слова, каковы невежды и не умеющие ясно выразить того, что содержат в уме. А вы, говорит, не таковы, но способны и разуметь и говорить. **"Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас"** (ст.6). Вместе с похвалами и благодарениями сильно укоряет их. Не внешней философией, говорит, и не внешним научением, но благодатью Божией по богатству разумения и слова, от Него дарованному, вы научились догматам истины и утвердились во свидетельстве Господнем, т.е. в проповеди. Вы удостоились многих знамений, многих чудес, неизреченной благодати, когда приняли проповедь. Итак, если вы утвердились знамениями и благодатью, то для чего колеблетесь? Укоряя их, он сказанным и предрасполагает их к себе. **"Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании"** (ст.7). Здесь представляется важный вопрос: если они обогатены всяким словом и не имеют недостатка ни в каком даровании, то как они (остаются) плотскими? Если они в начале имели все это, то не тем ли более теперь? Почему же он называет их плотскими? **"Я не мог"**, говорит, **"говорить с вами, как с духовными, но как с плотскими"** (3:1). Что сказать на это? То, что они, в начале уверовав и получив всякие дарования, – о которых ревновали, – впоследствии сделались нерадивыми. Или, если не так, то не ко всем говорится то и другое, но одно к достойным обличения, а другое к достойным похвалы. А что у них еще были дарования, об этом он говорит так: **"у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, - все сие да будет к назиданию"** (14:26); и еще: **"пророки пусть говорят двое или трое"** (ст.29). Можно и иначе объяснить: как мы имеем обыкновение о большей части говорить как о целом, так и он здесь сказал. Кроме того, мне кажется, он намекает и на свои деяния, т.е. на знамения, которые он сам явил у них, о чем он говорит во втором к ним послании: **"признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением"** (2Кор.12:12); **"ибо чего у вас недостает перед прочими церквами"** (ст.13)? Таким образом он или, как я сказал, напоминает о своих деяниях, или говорит это к тем, которые еще были достойны похвалы, потому что там было много святых, которые посвятили себя на служение святым и соделались начатком Ахаии, как он говорит в конце

послания (1Кор.16:15). С другой стороны, если похвалы и не слишком близки были к истине, то все же они предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить их к принятию слова. Кто сейчас же с самого начала говорит строго, тот у немощных заграждает слух для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то сердятся; если гораздо ниже его, то скорбят. Чтобы не случилось этого, он и начинает по-видимому похвалой; самая похвала относилась не к ним, а к благодати Божией, так как отпущение грехов и оправдание есть дар свыше. Потому он и распространяется особенно о том, в чем выражается человеколюбие Божие, чтобы лучше исцелить их от недуга. **"Ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа"** (1Кор.1:7). Для чего вы смущаетесь, говорит, для чего беспокоитесь о том, что не предстоит Христос? Он предстоит и уже близок день Его. Смотри, с какой мудростью, отклонив их от всего человеческого, он приводит их в страх, напомнив о страшном суде и показав, что не начало только требуется доброе, но и конец. При дарованиях и при всякой добродетели нужно помнить об этом дне; и нужно много трудов, чтобы дойти до конца.

2. Он называет (этот день) явлением, выражая, что хотя он еще невидим, но он есть, предстоит и теперь, а тогда явится. Потому нужно иметь терпение; для того вы и удостоились чудес, чтобы пребывать твердыми. **"Который и утвердит вас до конца, неповинными"** (ст.8). Здесь он, по-видимому, говорит в угождение им; по слова его чужды всякой лести. Он не оставлял и укорять их, как, например, когда говорит: **"как я не иду к вам, то некоторые возгордились"** (1Кор.4:18); и еще: **"чего вы хотите? с железом придти к вам, или с любовью и духом кротости?"** (ст.21). Также: **"вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне"** (2Кор.13:3)? И здесь он некоторым образом обличает их; слова: **"утвердит"**, и: **"неповинными"** – выражают, что они еще не тверды и виновны. Заметь, как часто он указывает им на имя Христово; не упоминает ни о ком из людей, ни об апостоле, ни об учителе, а постоянно об этом возжеленном имени, желая воздвигнуть их от состояния как бы какого опьянения. В других посланиях нигде так часто не приводится имя Христово, а здесь в немногих стихах непрестанно, так что из него составлено почти все вступление. Посмотри с самого начала: **"Павел, призванный апостол Иисуса Христа"**; **"освященным во Христе Иисусе с призывающими Имя Господа нашего Иисуса Христа"**; **"благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа"**. **"Благодарю Бога моего ради благодати, данной вам во Христе Иисусе"**; **"ибо свидетельство Христово утвердилось в вас"**; **"ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа"**; **"Который и утвердит вас до конца неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа"**. **"Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего"**; **"умоляю вас, именем Господа нашего Иисуса Христа"**. Видишь ли, как часто употребляется имя Христово? Отсюда ясно даже для неразумных, что он не напрасно и не просто делает это, но частым употреблением этого высокого имени желает низложить их надменность и истребить злой их недуг. **"Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его"** (ст. 9). О, как много он сказал этим! Какое показал величие дара! Вы призваны в общение с Единородным и прилепляетесь к людям? Что хуже этого неразумия? И кем призваны? Отцом. Так как он, говоря о Сыне, часто употреблял выражения: чрез Него, в Нем, то, чтобы не подумали, будто (об Отце) он упоминает, как о меньшем, приписывает это Отцу. Не таким-то и таким-то, говорит, но Отцем вы призваны и Им обогачены. Опять: призваны, а не сами пришли. Что значит: **"в общение Сына Его"**? Послушай, как он говорит об этом яснее в другом месте: **"если терпим, то с Ним и царствовать будем; если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем"** (2Тим.2:11-12). Вместе с тем, так как он сказал великую истину, присовокупляет в подтверждение неопровержимое доказательство: верен, говорит, Бог, т.е. истинен. Если он верен, то и сделает, что обещал; а обещал Он сделать нас общниками Единородного Сына; для этого Он и призвал: **"ибо дары и призвание Божие непреложны"** (Рим.11:29). Об этом он говорит теперь прежде всего, чтобы после сильных обличений они не впали в

отчаяние. Обещанное Богом непременно исполнится, если только мы сами не будем сильно противиться, подобно иудеям, которые, будучи призываемы, не захотели принять благ.

Это зависело уже не от Призывающего, но от их неблагодарности: Он хотел даровать, а они не хотели принять, и таким образом лишили сами себя. Если бы Он призывал их к делу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновение их и тогда не заслуживало прощения, но, по крайней мере, они могли бы сослаться на это; если же призываются к очищению, к оправданию, к освящению, к искуплению, к благодати, к дару, к уготованным благам, **"которых не видел глаз, не слышало ухо"** (1Кор.2:9), если призывает Бог и призывает Сам, то могут ли быть достойны прощения не обращающиеся к Нему? Потому пусть никто не обвиняет Бога. Не от Призывающего происходит неверие, а от неповинующихся. Но скажешь: можно было бы привести и не желающих? Нет; Бог не желает насилия или принуждения. И кто, призывая к почестям, венцам, пиршествам и торжествам, станет влечь кого-нибудь против воли и связанного? Никто, потому что это свойственно насилующему. В геенну Он посылает против воли, а в царствие призывает добровольно; в огонь ведет связанных и плачущих, а к бесчисленным благам – не так: самые блага не были бы вожделенны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы к ним стремились добровольно и по сознанию великого их достоинства.

3. Почему же, скажешь, не все стремятся к ним? По своей немощи. А почему Он не избавляет их от немощи? Но как, скажи мне, и каким способом следовало бы избавить? Не создал ли Он творений, которые возвещают о Его человеколюбии и силе? **"Небеса"**, сказано, **"проповедуют славу Божию"** (Пс.18:2). Не посылал ли пророков? Не призывал ли и не награждал ли почестями? Не совершал ли чудес? Не дал ли закона писанного и естественного? Не послал ли Сына? Не послал ли апостолов? Не творил ли знамений? Не угрожал ли геенной? Не обещал ли царствия? Не повелел ли солнцу сиять каждодневно? Не легки ли и не удобоисполнимы ли Его заповеди, так что многие силой любознания превышают Его предписания? **"Что еще надлежало бы сделать для виноградаря, чего Я не сделал ему"** (Ис.5:4)? А почему, скажешь, Он не сделал для нас естественными знание и добродетель? Кто говорит это: язычник или христианин? И тот и другой, только не в одном и том же отношении, но один возражает касательно знания, другой – жизни. Скажем наперед к нашему, так как я говорю не столько ко внешним, сколько к собственным нашим членам. Что же говорит христианин? Следовало (говорит он) вложить в нас познание добродетели. Он и вложил; если бы не вложил, то откуда мы узнали бы, что должно делать и чего не должно? Откуда законы и судилища? Но не знание только (говорит), а самую деятельность. За что же ты стал бы получать награды, если бы все происходило от Бога? Скажи мне: если и ты и язычник согрешаешь, то одиноково ли наказывает нас Бог? Нет; ты имеешь преимущество по причине знания. Что, если бы теперь сказали тебе, что, несмотря на знание, ты и язычник достойны одного и того же, – ты не обиделся ли бы? Конечно, так; ты сказал бы, что язычник мог внутри себя найти знание, но не захотел. А если бы тот сказал, что Богу следовало вложить в нас знание естественным путем, то ты не рассмеялся ли бы и не сказал ли бы ему: почему же ты не искал, почему не старался, как я? Не восстал ли бы ты против него с великим дерзнованием и сказал ли бы, что крайне безумно обвинять Бога, будто Он не вложил знания в нашу природу? Сказал бы это потому, что касательно знания у тебя все исправно; если бы было все также исправно и касательно жизни, то ты не стал бы давать таких вопросов; но так как ты не тверд в добродетели, то предлагаешь такие безумные суждения. И как можно сделаться добрым по необходимости? Тогда стали бы состязаться с нами в добродетели и бессловесные животные, из которых некоторые воздержнее нас. Но, скажешь, я желал бы лучше быть добрым по необходимости и не получать никаких

наград, нежели быть злым по свободному решению и терпеть наказания и мучения. Но невозможно быть добрым по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно делать, заяви, и тогда мы скажем, что следует сказать; а если знаешь, что воздержание есть зло, то почему не убегаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другие люди, совершившие такие великие подвиги, осудят тебя и заградят тебе уста с великой силою. Ты, может быть, и жену имея, не соблюдаешь целомудрие; а другой, и не имея жены, хранит совершенную чистоту. Какое же ты имеешь оправдание, не соблюдая меры, тогда как другой восходит выше заповеданного? Но я, говоришь, не таков по своей телесной природе или по расположению. Да – потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что все способны к добродетели; кто чего не может сделать, тот не сможет и в случае необходимости; если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по свободному решению. Например: летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью (не повинующимся) и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сделано было касательно целомудрия и приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали бы многие повиноваться приказаниям? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий не прелюбодействовать, и не все повинуются. Но не потому, что закон бессилен, а потому, что многие надеются укрыться. Если бы при тех, кто склоняется на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы силен прогнать похоть. Если даже я представлю другую меньшую необходимость, например возьму и уведу его от любимой женщины и связавши запру где-нибудь, то и тогда он в состоянии будет перенести и не потерпит ничего худого. Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе, и такой-то зол по природе. Если бы кто был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым; а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое состояние, и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где напр. мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев. Если бы (добро и зло) были естественны, то таких перемен не было бы. Так, – мы чувствительны по природе, и при всем старании никогда не сделаемся нечувствительными. Что свойственно природе, то не выйдет из природы. Никто, имеющий нужду в сне, не перестанет спать: никто, подвергающийся тлению, не избавится от тления; никто алчущий не достигнет того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится в вину, и мы сами за это не укоряем себя. Никто в укор другому не говорит: о, тленный, о, чувствующий! – но всегда на вид обвиняемым мы поставим или прелюбодеяние или блуд или что-нибудь подобное и за это приводим их к судьям, которые осуждают и наказывают, а за противное тому награждают. Итак, и из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, и из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, и из того, что от нерадения становимся хуже, а от страха лучше, и из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, – очевидно, что в нас находится возможность добродетели. Для чего же многие из нас понапрасну обольщают себя холодными извинениями и предложениями, не только не заслуживающими прощения, но и навлекающими тяжкое наказание, тогда как следовало бы заботиться о добродетели, имея пред глазами тот страшный день, и, потерпев немного, достигать неувядаемых венцов? Эти извинения не принесут нам никакой пользы; рабы, нам подобные и успевшие в противном, осудят всех согрешающих, жестокого – милостивый, злого – добрый, дерзкого – кроткий, завистливого – дружелюбный, тщеславного – любомудрый, нерадивого – усердный, развратного – целомудренный. Так совершит Бог суд над нами,

разделив нас на две части, и одних удостоит похвалы, а других наказания. Но да не будет никто из здесь присутствующих в числе наказуемых и мучимых, а будет в числе венчаемых и получающих царствие Божие, которого и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях." (1Кор.1:10).

1. Обличение, как я всегда говорил, надобно делать постепенно и мало-по-малу; так Павел здесь и делает. Приступая к предмету, исполненному великих опасностей и могшему поколебать церковь до самого основания, он начинает речь с кротостью. Он умоляет коринфян и умоляет Христом, как бы сам один не мог предложить это наставление и убедить. Что значит: молю Христом? Призываю на помощь Христа и имя Его, оскорбленное и поруганное. Весьма сильно (внушает им), чтобы они не были бесстыдными, так как грех именно делает людей бесстыдными. Так всегда, если вдруг станешь резко обличать кого-нибудь, то он ожесточится и делается бесстыдным; если же сделаешь внушение, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь смириться. Это Павел и делает, умоляя именем Христа. О чем же он умоляет? **"Чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений"** (σχισματα). Выразительное слово: разделения, заключая в себе и обличение, могло сильно тронуть их. У них и части не были здоровы, и целое было расторгнуто. Если бы части церкви были здоровы, то были бы многие соединения. А если у них были разделения, то не было и целого. Когда целое разделяется на многие части, то не только части не составляют многих (целых), но перестает быть и одно целое. Таково свойство разделений! Сильно тронув их обличением в разделениях, он далее показывает свою кротость и смягчает речь: **"чтобы вы были"**, говорит, **"соединены в одном духе и в одних мыслях"**. После слов: **"чтобы все вы говорили одно"** не подумайте, говорит, что я разумею согласие только в словах; нет, я желаю согласия в мыслях. А так как можно иметь и одинаковые мысли, но не о всех предметах, то присовокупляет: **"чтобы вы соединены были"**. Кто согласен в одном, но не согласен в другом, тот еще не соединен, не достиг совершенного единомыслия. Бывает и то, что при согласии в мыслях, еще нет согласия в духе, – например, когда мы, имея одну и ту же веру, не соединены между собой любовью. В этом случае мы согласны в мыслях, – думаем ведь одинаково, – но еще не согласны по духу. То же было и в Коринфе, где один держал сторону того, а другой – иного. Потому Павел и говорит, что надобно быть соединенными **"в одном духе и в одних мыслях"**. Разделения у них происходили не от различия в вере, но от несогласия в духе, по человеческому тщеславию. Но так как обвиняемый без свидетелей может остаться упорным до бесстыдства, то чтобы они не могли отвергать сказанного, приводит свидетелей. **"Ибо от [домашних] Хлоинных сделалось мне известным о вас, братия мои"** (ст.11). Не вдруг сказал это, но наперед изложил обличение, потому что верил возвестившим; если бы не верил, то не стал бы и обличать; а поверить слепо Павел не мог. Таким образом он не вдруг сказал: **"сделалось известным"**, чтобы не показалось, что он обвиняет их только по словам возвестивших, и не умолчал об этом, чтобы не показалось, что он говорит только сам от себя. Здесь опять называет их братиями. Хотя грех их был явный, но ничто еще не препятствовало называть их братиями. Притом, – заметь мудрость его, – он не указал на отдельное лицо, но на целый дом, чтобы они не восстали против возвестившего: так он и его сокрыл и вину их прямо открыл! Он знал, что полезно для одних, и что нужно для других. Потому не сказал: сделалось мне известным от некоторых: он указал на известный дом, чтобы это не

показалось вымышленным. Что же было возвещено? **"Что между вами есть споры"**. Когда сам укоряет их, то говорит: чтобы не было между вами разделений; а когда передает слышанное от других, то выражается более кротко: **"ибо сделалось мне известным, что между вами есть споры"**, – чтобы не подвергнуть опасности возвестивших. Потом говорит, в чем именно состояло несогласие: **"то, что каждый[1] у вас говорит: "я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "а я Христов" (ст.12)**. Разумею, говорит, несогласия не в частных делах, но гораздо важнейшие. **"То, что каждый у вас говорит"**. Зло касалось не части, но всей церкви. Впрочем коринфяне не говорили так ни о нем, ни о Петре, ни об Аполлосе; но он показывает, что если и таких лиц не следует ставить в такое к себе отношение, то тем более других. А что они не говорили этого, он сам объясняет ниже: **"это приложил я к себе и Аполлосу, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано"** (1Кор.4:6). Если не следует называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тем более – других. Если не следует усвоить имени учителя, первого из апостолов и просветителя стольких народов, то тем более – людей ничего не значущих. Таким образом он только применительно перечисляет эти имена, чтобы скорее исцелить их болезнь. Притом делает речь свою менее неприятной, не упоминая по имени разделявших церковь, но как бы прикрывая их именами апостолов: **"я Павлов"; "я Аполлосов"; "а я Кифин"**.

2. Он поставил Петра последним, не предпочитая ему себя, а напротив именно предпочитая себе Петра. Он ведет речь от меньшего к большему; и чтобы не подумали, что он поступает по зависти и предвосхищает себе честь у других по тщеславию, ставит себя первым. Кто себя первого считает недостойным, тот делает это не из честолюбия, но по великому презрению к такой чести. Так и он прежде от себя самого отклоняет такую честь, а потом от Аполлоса, и наконец от Кифы; следовательно делает это не из предпочтения себя самого, но прежде всех на своем собственном лице показывает, чего не должно быть. А что принимавшие сторону того или другого грешили, это очевидно. Потому справедливо он и укоряет их, внушая, что они худо делают, когда говорят: **"я Павлов"; "я Аполлосов"; "а я Кифин"**. Но для чего он присовокупил: **"а я Христов"**? Если согрешили те, которые прилеплялись к людям, то неужели грешили и те, которые прилеплялись ко Христу? Нет; он укорял их не за то, что они назывались Христовыми, но за то, что не все они (делали это). Я думаю, что он прибавил это от себя, чтобы сделать обличение более сильным, чтобы показать, что в таком случае и Христос усвоится только одной части, хотя они не делали этого. Что он действительно внушал такую мысль, видно из следующих слов его: **"разве разделился Христос?"** (ст.13). Это значит: вы разделили Христа и расторгли тело Его. Видишь ли его гнев, видишь ли укоризну, видишь ли речь, исполненную негодования? Он не доказывает, а только предлагает вопрос в знак очевидной нелепости заключающейся в нем мысли. Некоторые находят здесь и другую мысль в словах **"разве разделился Христос?"**, именно: разве Он расторг и разделил Церковь между людьми, и одну часть взял Себе, а другую отдал им? Далее старается уничтожить такую нелепость и говорит: **"разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?"** Смотри, с какою любовью ко Христу он относит все доказательство к своему имени, и тем самым ясно внушает, что эта честь не принадлежит никому. Чтобы не подумали, что он говорит все это по зависти, он непрестанно повторяет свое имя, и заметь, с какой мудростью. Не сказал: разве Павел сотворил мир, разве Павел привел вас из небытия в бытие? – но представляет то, что было особенно близко к верующим и показывало великое промысление Божие: крест и крещение и происходящие от них блага. Человеколюбие Божие открывается и в сотворении мира, но особенно в крестном Его унижении. Не сказал также: разве Павел умер за вас? – но: **"разве Павел распялся за вас?"** – представляя таким образом самый род смерти. **"Или во имя Павла вы крестились?"** Не сказал: разве Павел крестил вас? – так как он крестил многих, и не в том дело, кем они были крещены, а в том, в чье имя крещены. Так как причиной распрей

было и то, что они назывались по именам крестивших их, то он исправляет это и говорит: **"или во имя Павла вы крестились?"** То есть: не говори мне, кто тебя крестил, но в чье имя. Важно не то, кто крестил, но Кто призывается в крещении, так как Он отпускает грехи. Сказав это, он не распространяется о последующем, не говорит: разве Павел обещал вам будущие блага? – разве Павел обещал вам царствие небесное? Почему же он не присоединил и этого? Потому, что не одно и то же – обещать царствие и распяться; первое не представляло опасности и не приносило бесчестия, а последнее заключало в себе все это. С другой стороны, в последнем разумеется и первое: сказав: **"Тот, Который Сына Своего не пощадил"**, прибавил: **"как с Ним не дарует нам и всего?"** (Рим.8:32). И еще: **"ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся"** (Рим.5:10). Потому он и не присоединил этого; притом (верующие) первого еще не имели, а последнее уже знали на опыте; первое было только обещанием, а последнее действительностью. **"Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия"** (1Кор.1:14). Для чего вы гордитесь тем, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершал крещения? Этими словами он мудро низлагает такое их высокомерие; унижает не силу крещения, – да не будет, – но гордость превозносившихся совершением крещения, во-первых, показывая, что это не их дар, и во-вторых, за себя благодаря Бога. Крещение важио, но важность сообщает ему не крещающий, а Призываемый в крещении. Совершение крещения ничего не значит относительно труда человеческого, а даже гораздо менее благовестования. Крещение, повторю опять, есть дело важное, и без крещения невозможно получить царствия небесного; но совершить его может человек и не очень важный, а благовестование требует великого труда.

3. Далее (Павел) приводит и причину, почему он благодарит Бога, что никого не крестил. Какую же? **"Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя"** (ст.15). Что это? Не о них ли (коринфянах) он говорит здесь? Нет; но опасаясь, говорит, чтобы болезнь не достигла до такой степени. Ведь если при совершении крещения людьми неважными и незначительными произошло разделение, то если бы я, проповедавший крещение, крестил многих, принявшие его, вероятно, не только стали бы называться моим именем, но и приписали бы мне самое крещение. Если по поводу низших произошло такое зло, то по поводу высших конечно произошло бы еще большее. Обличив таким образом заблуждающих и прибавив: **"крестил я также Стефанов дом"** (ст.16), он опять низлагает их гордость словами: **"а крестил ли еще кого, не знаю"**. Здесь выражает, что он и не старался снискать себе честь от народа таким делом и не для славы приступал к нему. Не этими только, но и последующими словами он сильно поражает гордость их: **"ибо Христос послал меня не крестить, а благовестовать"** (ст.17). Последнее гораздо труднее, требовало больших усилий и особенной твердости духа и заключало в себе все; потому оно и поручено было Павлу. Но почему он, не будучи послан крестить, крестил? Он делал это не из противления Пославшему, но от избытка (усердия). Не сказал, что ему было это запрещено, но: я не был послан на это дело, а на гораздо важнейшее. Благовестовать предоставлено было немногим, а крестить мог всякий, имевший священство. Всякий может крестить человека, наставленного в вере и уверовавшего, потому что расположение приступающего и благодать Божия совершают все; а чтобы неверных наставить в вере, это требует великого труда, великой мудрости, и даже представляет опасности. Там уже все сделано, желающий принять таинство убежден в вере, и нисколько не трудно крестить уверовавшего; а здесь нужен великий труд, чтобы переменить расположение, исправить нрав, уничтожить заблуждение и насадить истину. Впрочем, Павел не говорит об этом таким образом, не доказывает и не утверждает, что крестить не составляет никакого труда, а благовестовать напротив, – он всегда умеет соблюдать умеренность, – но особенно распространяется в рассуждении о внешней мудрости и предлагает о ней сильнейшую речь. Таким образом он крестил не из

противления Пославшему. но подобно тому, как он имел попечение о вдовицах от избытка усердия, а не из противления апостолам, которые сказали: **"нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах"** (Деян.6:2), так и здесь. Так и теперь мы поручаем это дело простейшим из пресвитеров, а преподавание учения благоразумнейшим, потому что тут нужен труд и усилие. Потому и сам он говорит: **"достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении"** (1Тим.5:17). Как для обучения ратоборцев нужен учитель мужественный и искусный, а возлагать венец на победителя может и неискусный в борьбе, хотя венец прославляет победителя, – так и в крещении: хотя без него невозможно спастись, но не великое дело совершает тот, кто крестит, принимая расположенного и приготовленного к тому. **"Не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова"** (1Кор.1:17). Низложив гордость превозносившихся крещением, он переходит к обличению гордившихся внешней мудростью, и говорит против них с особенной силой. К превозносившимся крещением говорил: **"благодарю Бога, что я никого не крестил"**, также: **"Христос послал меня не крестить"**, и для обличения их не употребил речи сильной и разительной, но, несколькими словами внушив им то, что хотел, перешел к последующему; а здесь с самого начала наносит сильный удар: **"чтобы не упразднить"**, говорит, **"креста Христова"**. Что ты гордишься тем, чего следовало бы стыдиться? Ведь если эта мудрость враждебна кресту и противна евангелию, то следует не хвалиться, а стыдиться ее. Потому-то апостолы и не были из таких мудрецов, – не по недостатку дарований, но чтобы проповедь не потерпела вреда. Мудрецы не содействовали проповеди, а вредили ей; простые же люди утверждали ее. Это могло низложить гордость, поразить высокомерие, расположить к смирению. Но, скажешь, если не в премудрости слова, то почему был послан Аполлос, **"муж красноречивый"** (Деян.17:24)? Не потому, чтобы надеялись на силу красноречия, но потому, что он был сведущ в Писании и искусен в обличении иудеев. С другой стороны нужно было, чтобы самые первые сеятели слова были неученые. Им надлежало иметь великую силу, чтобы положить начало истреблению заблуждений; нужна была великая крепость, чтобы приступить к этому делу.

4. Так (Бог), не имевший нужды в ученых вначале, если принял их впоследствии, то сделал это не потому, чтобы стал иметь в них нужду, но потому, что не взирал на различие (между учеными и неучеными). Как Он не нуждался в мудрецах для исполнения Своих намерений, так и после, когда они являлись, не отвергал их. Скажи мне, были ли Петр и Павел учеными? Этого ты сказать не можешь: они были простыми и неучеными. Как Христос, когда посылал учеников во вселенную, сначала показывая им в Палестине силу Свою, говорил: **"когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?"** (Лк.21:35) – а потом позволил взять мешок и суму, так было и здесь. Нужно было явить силу Христову, а не отвергать приступающих к вере за внешнюю их мудрость. Потому, если язычники будут укорять учеников Христовых в неучености, то мы скорее можем обратиться укоризну против них самих. Никто не говорит, что Павел был мудрец; но, превознося славившихся у них мудростью и красноречием, всех своих будем называть невеждами. Это не мало послужит к их поражению; это доставит нам славную победу.

Говорю это потому, что некогда слышал, как смешно один христианин состязался с язычником, как оба они в состязании опровергали сами себя. Что надлежало говорить христианину, то говорил язычник; а что надлежало говорить язычнику, то защищал христианин. Спор был о Павле и Платоне; язычник старался доказать, что Павел был человек простой и неученый, а христианин по простоте своей усиливался доказать, что Павел был учение Платона. Между тем, если допустить последнее, победа оставалась на стороне язычника. Ведь если Павел был учение Платона, то многие справедливо

заклучили бы, что он победил не благодатью, а красноречием. Таким образом то, что говорил христианин, обращалось в пользу язычника, а то, что говорил язычник, обращалось в пользу христианина. Если же, как я сказал, Павел был неучен, и однако превзошел Платона, то здесь славная победа, так как неученый убедил и привлек к себе всех учеников ученого. Отсюда ясно, что проповедь одержала победу не человеческой мудростью, но благодатью Божией. Итак, чтобы и нам не подвергнуться такому же посмеянию в беседе с язычниками, будем всегда, когда случится состязаться с ними, признавать апостолов неучеными: такое признание – им похвала. Когда будут говорить, что апостолы были люди простые, то мы прибавим, что они были и неученые, и некнижные, и бедные, и незнатные, и немудрые, и неизвестные. Не к бесчестию, а к славе апостолов служит то, что они, будучи такими, явились славнее всей вселенной. Эти простые, некнижные и неученые так победили мудрых, сильных и державных, хвалившихся богатством, славой и всем внешним, как будто это не были люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человеческой силой. Действительно, такие дела не в природе вещей, а выше природы. А когда что делается не по законам природы, и гораздо выше природы, вместе с тем достоительно и полезно, то очевидно, что это совершается некоторой божественной силой и помощью. Смотри: рыбарь, скинотворец, мытарь, человек простой, неученый, приходят из отдаленной страны, Палестины, восстают против всех философов, риторов и искусных в слове в их отечестве, и в короткое время при множестве опасностей, когда им противоборствовали народы, цари и самая природа, когда им полагали сильные препятствия давность времени и закоренелые привычки, когда против них ополчались демоны и диавол вооружался и употреблял все усилия, – победили царей, правителей, народы, языки, города, варваров, эллинов, философов, риторов, софистов, писателей, законы, судилища, различные мучения, бесчисленные и разнообразные роды смерти. Рыбари возвестили, и все это обличилось и исчезло, точно легкая пыль, возметаемая дуновением сильного ветра. Научимся же так беседовать с язычниками, чтобы нам не оставаться бессмысленными животными, но быть готовыми дать ответ **"в нашем уповании"** (1Пет.3:15). Особенно будем помнить это главное, немаловажное дело, и говорить им: каким образом слабые преодолели сильных, двенадцать человек – целую вселенную, не употребляя оружия, но безоружные сражаясь с вооруженными?

5. Скажи мне, если бы двенадцать человек, неопытных в военном деле, не только безоружных, но и слабых телом, вступив в борьбу с многочисленным отрядом вооруженных воинов, не потерпели от них никакого вреда, будучи осыпаны бесчисленным множеством стрел, остались неприкосновенными, принимая стрелы обнаженным телом, сами поражали всех, не употребляя оружия, но отражая рукой, одних били, а других брали в плен, не получая сами никаких ран, то кто сказал бы, что это дело человеческое? Но победа апостолов гораздо более удивительна. Не столько удивительно, если обнаженный не получает ран, сколько удивительно, если простой, неученый, рыбарь побеждает столь сильных, несмотря ни на свою незнатность и бедность, ни на опасности и закоренелые привычки, ни на строгость предлагаемых правил, ни на ежедневно угрожающую смерть, ни на множество обольщенных, ни на важность обольстителей. Так мы должны низлагать их и состязаться с ними, а прежде слов мы должны поражать их своей жизнью; это – великое состязание, это – неопровержимое доказательство от дел; на словах сколько бы мы ни рассуждали с ними, но если жизнь наша не лучше их жизни, то не будет никакой пользы. Они обращают внимание не на слова, но испытывают дела наши и говорят: ты прежде сам убедись в истине слов своих, и тогда убеждай других; если ты говоришь, что бесчисленные блага ожидают нас в будущей жизни, а сам поступаешь так, как бы их не было, прилепляясь к благам настоящим, то дела твои для меня сильнее слов; когда я вижу, что ты похищаешь собственность других, без меры скорбишь об умерших и грешишь во многом другом, то как я поверю тебе, что есть воскресение? Хотя бы даже

они так и не говорили, но они думают так и содержат это в своих мыслях. Вот что препятствует неверным сделаться христианами! Будем же обращать их своей жизнью. Многие и неученые люди поражали ум философов, являя любомудрие в делах и громче трубы вещая поведением и любомудрием: это сильнее слов. Если, например, я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тем буду причинять язычнику множество зол, то как могу привлечь его словами, когда отгоняю делами? Итак будем уловлять их жизнью, из душ их созидать Церковь, и собирать такое богатство. Ничто не может сравниться с душой, даже целый мир. Хотя бы ты раздал бедным бесчисленные богатства, ты не сделаешь столько, сколько обративший одну душу. **"Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста"**, говорит Господь (Иер.15:19). Великое благо миловать бедных; но не такое, как избавить кого-нибудь от заблуждения; кто делает это, тот уподобляется Петру и Павлу. Подлинно, можем и мы участвовать в их проповеди, не тем, чтобы, подобно им, подвергаться опасностям, терпеть голод, мучения и другие бедствия, – теперь мирное время, – но тем, чтобы проявлять ревностное к тому усердие. Можно и сидя дома совершать эту ловитву. Кто имеет друга, родственника, домашних, пусть делает с ними это, пусть говорит им это, – и он уподобится Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Будет устами Христовыми: **"Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста"**, говорит Господь. Если ты не убедишь сегодня, убедишь завтра: если и никогда не убедишь, получишь полную награду; если не убедишь всех, то, может быть, из многих – некоторых; ведь и апостолы убедили не всех людей, но ко всем простирали свое слово и получили награду за всех. Бог обыкновенно назначает венцы, взирая не на конец подвигов, а на расположение подвизающихся. Если принесешь только две лепты, Он примет; как Он поступил с вдовицею (Лк.21:2-4), так поступает и с преподающими учение. Итак, из-за того, что ты не можешь спасти всю вселенную, не пренебрегай немногими, и, устремляясь к великому, не лишай себя малого. Если ты не можешь обратить ста человек, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не пренебрегай одним; если не можешь и одного. и тогда не унывай и не оставляй делать то, что можешь. Не видишь ли, как в торговле занимающиеся ею заключают сделки не только на золото, но и на серебро? Если мы не будем пренебрегать малым, то получим и многое; а если пренебрежем малым, то не легко получим и многое. Богатыми делаются, собирая и малое и многое; так будем поступать и мы, чтобы, обогатившись всем, вам сподобиться царствия небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] В рус.пер. это слово пропущено

БЕСЕДА 4

"Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?" (1Кор.1:18-20).

1. Для страждущих и умирающих бывает неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкие, которых часто и не узнают они и даже тяготятся их присутствием. Так обыкновенно бывает и с страждущими душевно: они не знают, что нужно для спасения, и тяготятся теми, кто печется о них. Это происходит не от свойства самого дела (спасения),

а от их болезни. Как помешавшиеся в уме не терпят тех, кто заботится о них, и даже порицают их, так поступают и неверующие. Но как эти оскорбляемые тем более жалеют и плачут о больных, считая крайней степенью болезни их, когда они не узнают самых близких людей, так будем поступать и мы в отношении к язычникам и плакать о них более, нежели о своих женах, потому что они не знают общего всем спасения. Не столько муж должен любить свою жену, сколько мы должны любить всех людей и вести их к спасению, будут ли они язычники, или кто бы то ни было. Будем же плакать о них, – о том, что слово о кресте, которое есть премудрость и сила, для них – безумие. **"Ибо слово о кресте"**, говорит (Павел), **"для погибающих юродство есть"**. Так как у язычников крест подвергался осмеянию, то они, вероятно, называли учение о нем противным своей мудрости и несогласным с своим учением; потому Павел, вразумляя, говорит: не почитайте его странным и нелепым; это дело по свойству своему таково, что погибающие не могут постигнуть силы его, так как они потеряли ум и впали в безумие. Потому они и поносят и ненавидят спасительные врачевства. Что ты говоришь, человек? Христос сделался рабом, приняв для тебя образ раба, был распят и воскрес; следовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человеколюбию, так как все то, чего не сделал для тебя ни отец, ни друг, ни сын, сделал Он для тебя, своего врага и оскорбителя; следовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безумием дело, исполненное такой мудрости! Но неудивительно; погибающим свойственно не познавать того, что ведет к спасению.

Поэтому не смущайтесь; нет ничего странного и неожиданного в том, что безумные смеются над великими предметами. Таких людей невозможно убедить человеческой мудростью; и если станешь убеждать их таким образом, то сделаешь противное; для того, что превышает разум, нужна одна вера. Подлинно, если мы посредством суждений разума захотим объяснять (язычникам), как Бог сделался человеком, вселившись в утробу Девы, и не признаем этого предметом веры, то они будут только смеяться. Желаящие постигнуть это посредством суждений разума, они-то и погибают. И что я говорю о Боге? Если мы будем делать то же в отношении к предметам сотворенным, – и тогда вызовем великий смех. Пусть например человек, желающий убеждаться во всем суждениями разума, потребует от тебя объяснить ему, как мы видим свет? А ты постарайся объяснить ему это посредством суждений разума. Но ты не смог бы этого сделать. Если бы ты сказал, что довольно открыть глаза, чтобы видеть, то объяснил бы способ зрения, а не самое дело. Он возразил бы тебе: почему мы видим не ушами и слышим не глазами? Почему слышим не ноздрями и обоняем не ушами? Если же он, не получив объяснения на свое недоумение, будет смеяться, то не более ли того подвергнемся осмеянию мы? Эти чувства имеют свое начало в одном и том же мозге, эти члены находятся так близко друг к другу: почему же они не могут произвести одного и того же действия? Мы не можем объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимого и разнообразного действия; а если станем объяснять, то подвергнемся осмеянию. Предоставим же это силе и беспредельной премудрости Божией, и замолчим. Так точно, если мы захотим и предметы божественные объяснять при помощи внешней мудрости, то последует великий смех, не по свойству самых предметов, но по неразумию человеческому. Ведь великих предметов не может выразить никакое слово. Смотри, если я скажу: Христос был распят, то язычник возразит: сообразно ли это с разумом? Он не избавил Себя, когда распинали и мучили Его на кресте: как же Он после того воскрес и избавил других? Если он имел на то силу, то следовало показать ее прежде смерти (так действительно и говорили иудеи); если же Он не избавил Себя, то как мог избавить других? Это, скажет, несообразно с разумом. И точно, это выше разума; в кресте явилась неизреченная сила. Подвергнуться мучениям и быть выше мучений, быть связанным и победить, это – дело беспредельной силы. Как три отрока, будучи ввергнуты в печь и поправши пламепь, явились более чудными, нежели когда бы они в нее не были ввергнуты; и как Иона, будучи поглощен китом и

непотерпевши от него никакого вреда, стал более великим, нежели когда бы он не подвергался такой опасности, – так и Иисус Христос, умерши и упразднивши смерть, явился более славным, нежели когда бы Он не умирал. Итак не говори: почему Он не избавил Себя на кресте? Ему угодно было сразиться с смертью. Он не сошел с креста не потому, что не мог, но потому, что не хотел. Ведь если и сила смерти не могла удержать Его, то как могли бы удержать гвозди крестные?

2. Впрочем это известно псам, а неверным нет. Потому апостол и сказал: **"ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну"**. Доселе Он не говорит ничего обличительного; а теперь, приводя наперед свидетельство Писания и от него заимствуя дерзновение, начинает обличительную речь и говорит: **"Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Ибо когда мир [своею] мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих"** (ст.20-21). Сказав: **"написано: погублю мудрость мудрецов"**, он присовокупляет доказательство на это от дел и говорит: **"где мудрец? Где книжник?"** Касается вместе и язычников и иудеев. На самом деле кто из философов, кто из искусных в суждениях, или кто из знающих иудейство даровал спасение и научил истине? Никто, но все сделали рыбаки. Доказав это положение и посрамив их тщеславие, сказав: **"Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?"** – он приводит и причину, почему это так было. **"Ибо когда"**, говорит, **"мир [своею] мудростью не познал Бога в премудрости Божией"**, то явился крест. Что значит: **"в премудрости Божией"**? В творениях, посредством которых Он благоволил открыться. Он устроил все так, чтобы человек, переходя от предметов видимых к Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля: подивись же Творцу их. Ведь это великое небо не только Им сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Им, как ничто. Потому о первом сказано: **"небеса – дело Твоих рук"** (Пс.101:26); а о земле: **"землю же как ничто сотворил"** (Ис.40:23). Так как мир не хотел познать Бога посредством этой премудрости, то Он научил мнимым безумием проповеди, не чрез суждения, а чрез веру. Где премудрость Божия, там нет нужды в человеческой. Сказать, что создавший столь прекрасный и столь великий мир есть Бог, имеющий беспредельную и неизреченную силу, это значило судить по человеческой мудрости и постигать Его посредством них; но теперь нужны не суждения, а одна вера. Чтобы принять и убедиться, что Распятый и Погребенный воскрес и сидит горé, для этого нужны не суждения, но вера. Апостолы шли не с мудростью, но с верою, и явились мудрее и выше внешних мудрецов, и тем более, чем принятие предметов божественных верою выше рассуждений, – так как это превышает человеческий разум. Как же он погубил премудрость? Открывшись нам чрез Павла и подобных мужей и показав, что она бесполезна. К принятию евангельской проповеди ни мудрость нисколько не помогает мудрому, ни невежество нисколько не препятствует неученому, и даже, к удивлению надобно сказать, невежество гораздо скорее и легче может принять ее, нежели мудрость. Пастух и земледелец, не увлекаясь рассуждениями и предавая себя Господу, скорее примут ее. Так Он погубил эту мудрость! Так как она сама прежде посрамила себя, то и стала затем ни к чему негодной. Когда она должна была показать себя и познать Господа из дел Его, она не хотела; а теперь, хотя бы и хотела содействовать этому, не может, потому что теперь не таково положение дел, – есть путь к богопознанию гораздо лучше ее. Теперь нужна простая вера; ее везде надобно искать и предпочитать внешней мудрости: **"обратил в безумие"**, говорит, **"Бог мудрость"**. Что значит: **"обратил в безумие"**? Показал, что она неразумна для принятия веры. Так как люди высоко думали о ней, то Он прямо обличил ее. Что в самом деле это за мудрость, если она не может найти главного блага? Он обличил ее безумие, потому что она наперед обличила сама себя. Если она не открыла ничего тогда, когда можно было исследовать посредством суждений, то какого успеха ожидать от нее теперь. когда

предстоят предметы высшие, когда нужна одна вера, а не искусство суждений? Так Бог показал ее безумие; благоизволил же спасти безумием проповеди, впрочем безумием не действительным, но кажущимся. Это особенно и важно, что не другой какой-нибудь мудростью, которая выше ее, а кажущимся невежеством Он превзошел ее. Платона Он низложил не другим каким-нибудь более мудрейшим философом, но неученым рыбаком. Такое поражение – сильнее; такая победа – блистательнее. Выражая силу креста, Павел говорит далее: **"Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость"** (1Кор.1:22-24).

3. Великая мудрость в этих словах. Он хочет показать, как Бог победил тем, что не обещало победы, и как проповедь не есть дело человеческое. Слова его означают следующее: когда мы говорим иудеям – веруйте, то они возражают: воскресите мертвых, исцелите беснующихся, покажите нам знамения. Что же вместо этого говорим мы? Говорим, что Проповедуемый нами распят и умер. Это не только не может привлечь противляющихся, но может отогнать и не противляющихся; однако не отгоняет, а привлекает, удерживает и покоряет. Опять язычники требуют от нас красноречия в словах и искусства в суждениях, а мы и им проповедуем крест. Иудеям это кажется бессилием, а язычникам – безумием. Если же мы предлагаем им не только не то, чего они требуют, но и противное тому, – а крест, по суждению разума, представляется не только не знамением, но чем-то противным знамению, не только не знаком силы, но знаком бессилия, не только не выражением мудрости, но доказательством безумия, – если требующие знамений и мудрости не только не получают требуемого, но еще слышат от нас противное тому, чего требуют, и однако этим противным убеждаются, то не есть ли это – дело неизреченной силы Проповедуемого?

Если бы, например, кому-нибудь из обуреваемых волнами и ищущих пристани ты указал не пристань, а другое место в море, еще более опасное, и однако убедил бы его плыть туда с благодарностью, или если бы врач приступил к раненому и ожидающему лекарств не с лекарствами, а обещал бы исцелить его посредством жжения, и однако убедил бы его, то это было бы делом великой силы; так и апостолы побеждали не только не знамениями, но тем, что по-видимому противно знамениям. Так и Христос поступил со слепым: желая даровать ему исцеление, Он уничтожил слепоту тем, что производит слепоту: **"положил брение"** (Ин.9:15). Как слепого Он исцелил брением, так вселенную привлек к Себе крестом, – тем, что увеличивало соблазн, а не уничтожало его. Так сделал Он и при сотворении, устрояя противное противным; оградил море песком, обуздав сильное слабым; повесил землю на воде, утвердив тяжелое и плотное на жидком и текучем. Через пророков опять Он заставлял железо всплывать из воды посредством малого древа (4 Цар.6:6). Так и вселенную Он восстановил посредством креста. Как вода держит землю, так и крест держит вселенную. Таким образом убеждать противным есть знак великой силы и премудрости. Крест по-видимому производит соблазн, и однако он не только не соблазняет, но и привлекает. Все это представляя и удивляясь, Павел говорит: **"потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков"** (1Кор.1:25). Говоря о буйстве и немощи креста, понимает не то, чтобы он был действительно таков, но кажется таким: он говорит применительно к мнению противников. Чего не могли сделать философы посредством рассуждений, то сделано кажущимся безумием. Кто же мудрее? Тот ли, кто убеждает многих, или тот, кто – немногих, или, лучше сказать, никого? Тот ли, кто убеждает в делах важнейших, или кто – в маловажных? Сколько трудился Платон с своими последователями над линией, углом и точкой, над числами соизмеримыми и несоизмеримыми, равными между собой и неравными, и сказав нам об этих паутинах, – ведь все это для жизни бесполезнее даже

паутины, – и не принесши пользы ни большой, ни малой, затем окончил свою жизнь. Сколько он старался доказать, что душа бессмертна, но, не сказав ничего ясного и не убедив никого из слушателей, затем скончался. Напротив крест чрез неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем суде; он сделал философами всех – земледельцев, неученых. Видишь, как **"немудрое Божие премудрее и немощное Божие сильнее человеков"**. Чем сильнее? Тем, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всех своей власти, и, тогда как бесчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятого, соделало противное. Это имя прославлялось и возрастало более и более, а они погибали и исчезали; живые, восставая против Преданного смерти, не могли сделать ничего. Потому, если язычник назовет меня безумным, то обнаружит собственное крайнее безумие, – так как, почитаемый от него безумным, оказываюсь мудрее мудрого; если он назовет меня бессильным, то обнаружит собственное еще большее бессилие, так как, что благодатью Божией совершили мытари и рыбаки, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при бесчисленных усилиях, не могли даже и представить. Чего не сделал крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении благ настоящих и стремлении к благам будущим; он сделал людей ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели.

4. Но и у них, скажешь, многие презирали смерть. Кто же, скажи мне? Тот ли, кто выпил яд из цикуты? Но подобных ему я представляю, если угодно, целые тысячи в нашей Церкви: если бы во время гонений позволено было умирать, приняв яд, то все (гонимые) явились бы славнее его. Притом он выпил яд, не будучи властен пить или не пить; хотел или не хотел, но он должен был подвергнуться этому, и следовательно это было делом не мужества, а необходимости; и разбойники, и убийцы, по приговору судей, терпели еще большие страдания. Но у нас все напротив: мученики страдали не поневоле, но по своей воле, и тогда как были властны не подвергаться страданиям, явили мужество крепче всякого адаманта. Неудивительно, что тот выпил яд, когда не мог не пить, и притом, достигнув глубокой старости. Он говорил, что ему было уже семьдесят лет, когда он был готов презреть жизнь, если только можно назвать это презрением жизни, чего впрочем я не скажу, и конечно никто другой не скажет. А ты укажи мне на кого-нибудь такого, кто пострадал бы за благочестие, как я могу указать тебе на бесчисленное множество повсюду во вселенной. Кто мужественно терпел, когда у него вырывали ногти? Кто – когда терзали члены? Кто – когда разрывали тело его на части? Кто – когда исторгали кости из головы? Кто – когда постоянно клали его на раскаленную сковороду? Кто – когда бросали в кипящую воду? Вот это укажи мне! А умереть от цикутного яда – это почти тоже, что заснуть спокойно; даже такая смерть, говорят, приятнее сна. Если же некоторые действительно терпели мучения, то и за это не достойны похвалы, потому что причина их страданий была постыдна: одни пострадали за то, что открыли какую-нибудь тайну, другие за то, что злоупотребляли властью, иные за то, что были застигнуты в постыднейших преступлениях, а некоторые и без всякой причины, напрасно и безрассудно, лишили жизни сами себя. Но у нас совершенно не так. Потому-то дела их преданы забвению, а наши прославляются и возрастают с каждым днем. Все это представляя, Павел сказал: немощное Божие крепче всех человек есть. Божественность евангельской проповеди открывается и из следующего: каким образом решились на такие дела двенадцать человек, и притом простолюдины, жившие при озерах, при реках и в пустынях, и, может быть, никогда не бывавшие ни в городах, ни на торжищах? Как они решились идти против целой вселенной? Они были прежде робки и боязливы, как свидетельствует писавший о них, не усомнившийся не скрывать их слабостей, что и служит сильнейшим доказательством истины. Что же говорит он о них? То, что когда Христос был взят, не смотря на бесчисленные чудеса Его, одни из них разбежались, а

главный из них оставшись отрекся (Мк.14:50,68). Отчего те, которые при жизни Христа не могли снести нападения от иудеев, после смерти и погребения Его решились идти против целой вселенной, если Он, как вы говорите, не воскрес, не беседовал с ними и не укрепил их? Не могли ли они сказать самим себе: что это? Он не мог спасти Себя, – как же может избавить нас? Он не мог отомстить за Себя при Своей жизни, – как же может подать нам руку помощи после Своей смерти? Он при жизни Своей не покорил Себе ни одного народа, – как же мы можем убедить всю вселенную, возвещая Его имя? Не странно ли не только сделать это, но даже и подумать? Отсюда ясно, что если бы они не видели Его воскресшим и не получили величайших доказательств силы Его, то не решились бы на столь опасное дело. Если бы они имели бесчисленное множество друзей, то и тогда не обратили ль бы всех во врагов, изменяя древние обычаи и отменяя отеческие законы? Но им были враждебны все, и свои и чужие. Если бы они отличались всеми внешними преимуществами, то и тогда не возбудили ль бы против себя всеобщую вражду, вводя новый образ жизни? Между тем они не имели у себя ничего, и естественно поэтому, что были ненавидимы и презираемы всеми. На кого указать тебе? На иудеев ли? Они питали к ним невыразимую ненависть за их Учителя. На язычников ли? И эти не менее отвращались их, о чем лучше знают сами язычники. Платон, желавший ввести новое гражданское управление, или, лучше, часть управления, и не касаясь богов, а только изменяя одни обычаи на другие, подвергся опасности умереть изгнанником в Сицилии; хотя этого не случилось, однакож он был лишен свободы; и если бы не нашелся другой иноземец добрее властителя сицилийского, то этот философ конечно навсегда остался бы рабом в чужой стране. Между тем нововведения в делах гражданских не так еще опасны, как в делах веры; последние особенно раздражают людей и приводят их в смятение. Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить в брак с такою-то, или стражи должны стеречь таким-то образом, это еще не может произвести большого смятения, тем более, если такие постановления остаются в книге, и законодатель не много заботится о приведении их в действие. Но сказать, что почитаемые боги не боги, а демоны, что истинный Бог – Распятый, это, вы знаете, какой воспламеняло гнев, какую возбуждало месть, какую причиняло брань.

5. Протагор у них (язычников), дерзнувший сказать: "не знаю богов", и притом не вслух всей вселенной, по которой бы он расхаживал и проповедовал, а в одном городе, подвергся крайней опасности. Диагор Мелийский и Феодор (Киринейский), прозванный безбожником, хотя имели друзей, славились красноречием и удивляли своей философией, но ни в чем этом не нашли себе спасения. Великий Сократ, превосходивший всех их своей философией, потому и выпил яд, что был подозреваем в некоторых нововведениях касательно богов. Если же одно только подозрение нововведения подвергало такой опасности философов и мудрецов, пользовавшихся великим уважением, и они не только не могли исполнить своего намерения, но сами лишались жизни и отечества, то как не удивляться и не изумляться, видя, что рыбаки совершили столь великие дела во вселенной, исполнили то, что предприняли, и победили всех, и варваров и эллинов? Но они, скажешь, не вводили новых богов, подобно тем (философам). Весьма странно говорить это; они вводили двоякую новость: отвергали тогдашних богов и проповедовали Распятого. Каким же образом они решились проповедовать это? Каким образом надеялись достигнуть своей цели? Видели ль они, чтобы кто-нибудь прежде них совершил что-либо подобное? Не все ли тогда поклонялись демонам? Не все ли боготворили стихии? Не были ли крайне разнообразны виды нечестия? Но они восстали против всего этого, ниспровергли все это и в короткое время протекли, как бы на крылах, по всей вселенной, не думая ни об опасностях, ни о смерти, ни о трудности дела, ни о малочисленности своей, ни о многочисленности противников, ни о власти, ни о силе, ни о мудрости врагов своих, потому что им содействовала помощь превыше всего этого, сила Распятого и Воскресшего. Не столько было бы удивительно, если бы они решились вести со вселенной

чувственную войну, сколько удивительно дело, ими совершенное. По правилам войны можно было бы стать лицом к лицу к неприятелю, занять противоположную местность и приготовить строй против врага, иметь время для нападения и отступления; но здесь не так. Они не составляли особого строя, но смешивались с самими врагами, и таким образом поборали их; находясь среди врагов своих, отражали их нападения, преодолевали и одерживали славную победу, на которой исполнилось пророческое слово: и **"господствуй среди врагов Твоих"** (Пс.109:2). Изумительно, как враги, имея их в руках своих, ввергая в темницы и узы, не только не преодолели их, но и сами потом покорились им, притеснители – притесняемым, связующие – связуемым, гонители – гонимым. Все это мы можем сказать язычникам и даже более того: обильна сокровищница истины. Если вы будете внимать предлагаемому, то мы научим вас всячески бороться с ними. Заметим пока два главных обстоятельства: как слабые победили сильных, и как они, будучи такими, решились бы на такие дела, если бы не содействовала им божественная помощь?

б. Вот ответ с нашей стороны. Между тем сами мы в делах своих будем соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродетели, потому что **"вы"**, говорит (апостол), **"сияете, как светила в мире"** (Флп.2:15). Каждый из нас получил от Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на круг солнца и удивляясь красоте, веществу и блеску этого светила, будем вместе с тем представлять, что в нас есть свет высший и лучший, равно как может быть и мрак густейший, если мы не будем внимательны. Глубокая ночь объемлет всю вселенную. Разгоним же и уничтожим ее. Ночь не только у еретиков и язычников, но и у многих между нами, – как в веровании, так и в жизни. Многие не веруют воскресению, многие гадают при рождении, многие наблюдают приметы, прибегают к чарованиям, волхвованиям, условным знакам, повязкам и нашептываниям. Впрочем к ним будем говорить после, когда окончим речь к язычникам. Помните же сказанное и окажите содействие мне в борьбе с ними, обращая и привлекая их к нам жизнью. Я всегда говорю, что кто учит любомудрию, тот должен наперед являть его в своей жизни и быть вождельным для слушателей.

Постараемся же сделаться вождельными для язычников и приобрести их расположение к нам. А это будет тогда, когда мы будем готовы не только делать добро, но и терпеть зло. Не видим ли мы, как дети, находясь на руках у отца, бьют его по щекам, как отец с удовольствием позволяет дитяти насытить гнев свой и, когда видит, что гнев его прошел, утешается? Так будем поступать и мы: будем говорить с язычниками, как отцы с детьми. Все язычники – настоящие дети; некоторые и из них самих говорили, что они всегда дети и старца между ними нет ни одного. Дети не хотят думать ни о чем полезном; так и язычники хотят постоянно забавляться и пресмыкаются по земле, предавшись низкому и земному. Дети, слыша наши разговоры о предметах необходимых, часто не понимают ничего из сказанного, но постоянно смеются; так и язычники: когда мы говорим о царствии (небесном), они смеются. У детей из уст часто течет слюна и оскверняет пищу и питье; так и из уст язычников исходят слова суетные и нечистые; вы подаете им необходимую пищу, а они оскорбляют подающих злословием, и надобно терпеть это. Дети, видя вора, вошедшего в дом и производящего здесь хищение, не только не изгоняют его, но и забавляются его хитростью, если же отнимешь у них корзиночку или побрякушку, или что-нибудь другое из игрушек, то огорчаются, сердятся, выходят из себя и бросаются на пол; так точно и язычники, видя диавола, отнимающего у них все прирожденные блага, необходимые для их жизни, смеются и предаются ему, как другу, а если кто отнимает у них имущество, богатство или что-нибудь подобное из этих детских игрушек, они огорчаются и выходят из себя. Дети обнажаются, не чувствуя стыда и не краснея; так и язычники, смешиваясь с блудниками и блудницами, извращая законы

природы и вступая в незаконные связи, остаются бесстыдными. Вы громко рукоплещете и одобряете, но при этих рукоплесканиях смотрите, как бы это не оказалось сказанным и на ваш счет. Всех увещаю – быть мужами; ведь, если мы сами будем детьми, то как других научим быть мужами? Как их избавим от детского неразумия? Будем же мужами, чтобы нам достигнуть **"в меру полного возраста Христова"** (Еф.4:13) и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 5

"Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых" (1Кор.1:26-27).

1. Сказав: **"немудрое Божие премудрее человеков"** (1Кор.1:25), (ап.Павел) выразил, что мудрость человеческая отвергнута, и доказал это как свидетельством Писаний, так и самыми событиями, – свидетельством Писаний в словах: **"погублю мудрость мудрецов"** (ст.19), а событиями в предложенном вопросе: **"где мудрец, где книжник?"** (ст.20). Вместе с тем показал, что это дело не новое, но давно известное, так как оно прообразовано и предсказано издревле: **"ибо написано"**, говорит: **"погублю мудрость мудрецов"**. Затем доказал, что это было и полезно и нужно: **"ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих"**; что крест есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что немудрое Божие гораздо выше человеческой мудрости. Теперь он доказывает тоже не со стороны только учителей, но и со стороны самих учеников: **"Посмотрите"**, говорит, **"кто вы, призванные"**. Не только неученые учителя, но и ученики избраны такие же: **"не много из вас"**, говорит, **"мудрых по плоти"**. Так открывается большая сила и большая премудрость, когда убеждаются многие и притом немудрые. Самое трудное дело – убедить невежду, особенно когда речь о предметах необходимых и великих. И однако их убедили, чему свидетелями представляет их же самих: видите бо звание ваше, братие, т.е. посмотрите, помыслите. Научить невежд догматам столь мудрым и мудрейшим всего, это – знак величайшей мудрости учителя. Что значит: по плоти? По наружности, по-житейски, по внешнему учению. Чтобы не подумали, что он противоречит себе, – а он убедил и проконсула, и Ареопагита, и Аполлоса, и других мудрецов, о которых мы знаем, что принимали проповедь, – он не говорит: никто из мудрых, но: **"не много мудрых"**. Он не исключительно призывал невежд, а мудрых отвергал, но принимал и последних, гораздо же больше первых. Почему так? Потому, что мудрый по плоти исполнен великого неразумия, и особенно он бывает неразумным тогда, когда не хочет отвергнуть нечестивого учения. Как в том случае, когда какой-нибудь врач хочет научить других своему искусству, люди мало знающие, но худо и превратно пользующиеся этим искусством и упорные не скоро могут научиться, а ничего не знающие могут скорее принять учение, так было и здесь. Невежды убеждались скорее, потому что они не имели того крайнего безумия, чтобы считать себя мудрыми. Подлинно, весьма безумны те, которые подвергают суждению разума то, что усвоится не иначе, как только верой. Если бы какой-нибудь кузнец, вместо того, чтобы вынимать раскаленное железо щипцами, стал делать это рукой, то мы приписали бы это крайнему его безумию; так и философы, стараясь сами собой постигнуть (предметы веры), унижали веру. Потому они и не нашли ничего из того, чего искали. **"Не много сильных, не много благородных"**. Ведь и такие люди бывают исполнены гордости; а ничто столько не вредит истинному богопознанию, как гордость и пристрастие к богатству, потому что преданные им удивляются настоящему, нисколько не заботятся о будущем и заграждают

слух свой множеством попечений. **"Но немудрое мира избрал Бог"**. Это величайший знак победы – побеждать посредством немудрых.

2. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побеждаются мудрецами, сколько тогда, когда видят, что люди, работающие собственными руками и принадлежащие к простому народу, любомудрствуют лучше их. Потому Павел и сказал: **"чтобы посрамить мудрых"**. И не только с этим, но то же сделал Бог и с другими житейскими преимуществами. **"И немощное мира избрал, чтобы посрамить сильное"**. Не только неученых, но и бедных, презираемых и незнатных Он призвал, чтобы посрамить сильных. **"И незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее"** (ст.28). Кто здесь называется **"ничего не значащее[1]"**? Те, которые считают себя за ничто по великому унижению. Так Он явил великую силу, низлагая великих чрез тех, которые казались ничем, как Он и в другом месте говорит: **"сила Моя совершается в немощи"** (2Кор.12:9). В самом деле, нужна великая сила, чтобы людей униженнейших и никогда не занимавшихся никаким учением вдруг научить любомудрствовать о том, что выше неба. Врачу и ритору и всем другим мы удивляемся особенно тогда, когда они успешно убеждают и научают невежд. Если же великое дело – внушить невежде учение о каком-нибудь искусстве, то тем более – такую мудрость. Впрочем Бог сделал это не только для того, чтобы явить чудо, или показать Свою силу, но и для того, чтобы смирить превозносящихся. Потому апостол, как выше сказал: да премудрия посрамит, да сущая упразднит, так и здесь говорит: **"для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом"** (ст.29). Бог делает все для того, [чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство; а вы, говорит, предаетесь этому? Он делает все для того], чтобы мы ничего не приписывали себе, чтобы все относили к Богу: а вы предали себя такому-то и такому-то? И какого заслужите вы прощения? Бог показал, что нам невозможно спастись самим по себе, и это Он устроил в начале. И тогда невозможно было самим достигать спасения, а нужно было созерцать красоту неба и величие земли и исследовать природу других созданий, чтобы восходить к Творцу вещей. Сделал же это Он, чтобы низложить имевшее явиться высокоумие. Подобно тому, как учитель, приказавший своему ученику следовать туда, куда ведет его, когда видит, что ученик забегает вперед и хочет научиться всему сам по себе, то оставляет его блуждать и, дав ему испытать, что он сам по себе научиться не может, тогда уже начинает руководить его, так и Бог в начале повелел идти путем созерцания творений, а когда люди не захотели этого, то Он, дав им испытать, что они сами по себе идти не могут, стал вести их к Себе иначе. Он дал нам мир, как бы дощечку; но философы об этом не думали, не хотели повиноваться Ему и идти к Нему тем путем, которым Он повелел. Потому Он предложил другой путь яснее первого, научающий, что сам человек один для себя недостаточен. Прежде можно было предаваться и рассуждениям, пользоваться и внешней мудростью, при руководстве природы; а теперь, кто не будет **"безумным"**, т.е. не оставит всякие рассуждения и всякое мудрование и не предастся вере, тот не может спастись. Таким образом, Он совершил немаловажное дело: предложил удобный путь, а вместе уничтожил бывшую болезнь и научил не хвалиться и не высокоумствовать: **"чтобы никакая плоть не хвалилась"**. Грех происходит оттого, что люди хотят быть мудрее законов Божиих и не хотят учиться так, как Он заповедал; потому они ничему и не научаются. Так было и в начале. Бог сказал Адаму: это делай, а этого не делай; но он, думая найти что-то большее, не послушался – и потерял то, что имел. Потом Он сказал: не останавливайтесь на творении, но чрез него познавайте Творца; а люди, как бы найдя что-то более мудрое сравнительно с сказанным, построили себе бесчисленные лабиринты; потому и сами потерялись и друг с другом вошли в столкновения, ни Бога не нашли, ни о творении не узнали ничего ясного, и не составили о нем надлежащего и верного понятия. После этого, желая решительно уничтожить их высокомерие, Он призвал прежде всего людей простых, и тем показал, что все имеют нужду к премудрости свыше. Не только в

отношении к познанию, но и во всех других отношениях люди и все прочие твари имеют великую в Нем нужду; и это Он сделал для того, чтобы дать им сильное побуждение к покорности и преданности, чтобы они, отлучившись от Него, не погибли. Потому Он и не попустил им быть самодовлеющими. Ведь если и теперь, когда имеют в Нем нужду, многие оставляют Его, то, если бы этого не было, до какого забвения не дошли бы они? Не по зависти Он лишил их основания к превозношению, но чтобы избавить их от гибели, происходящей отсюда. **"От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением"** (ст.30). Словом: **"от Него"**, я думаю, апостол выражает не приведение из небытия в бытие, но приведение к вере, т.е. то, что мы стали чадами Божиими **"ни от крови, ни от хотения плоти"** (Ин.1:13). Не думайте, что, лишив нас основания к превозношению, Он так и оставил нас, – нет, – Он даровал нам другую похвалу, большую. Не должно хвалиться пред лицом Его. Вы – чада Его, и сделались ими чрез Христа. Сказав: буяя мира избра и худородная, апостол теперь показывает, что они стали благороднее всех, потому что имеют Отцем Бога; и виновник этого благородства не такой-то или такой-то, но Христос, соделавший нас мудрыми, праведными и святыми; это и означают слова: бысть нам премудрость.

3. Кто же мудрее нас, имеющих не Платонову мудрость, но – самого Христа, по воле на то Божией? Что значит: от Бога? Сказав нечто великое о Единородном, апостол упоминает и об Отце, чтобы кто не подумал, что Сын не рожден. Он сказал о столь великих делах и все приписал Сыну, изъяснив, что Сын сделался для нас премудростью, правдою, освящением и избавлением; теперь чрез Сына возводит все к Отцу, прибавляя: от Бога. Но почему он не сказал: умудрил нас, а: бысть нам премудрость? Этим он показывает обилие дара, как бы так говоря: дал нам самого Себя. И смотри, какую он соблюдает постепенность. Сначала (говорит) Бог сделал нас мудрыми, освободив от заблуждения, потом праведными и святыми, даровав Духа, и таким образом избавил нас от всех зол, так что мы стали Его (достоянием), разумеется не по существу, а по вере.

В другом месте он говорит, что мы сделались правдою в Нем: **"ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом"** (2Кор.5:21); а теперь говорит, что Он сделался для нас правдою, так что всякий желающий может приобщаться Ее обильно. Не такой-то или такой-то сделал нас мудрыми, но Христос. Поэтому кто хочет хвалиться, тот пусть хвалится Им, а не таким-то или таким-то: все ведь совершено Христом. Потому, сказав: **"Который сделался для нас премудростью, праведностью и освящением и искуплением"**, апостол присовокупляет: **"чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом"** (ст.31). Для того он сильно и восстал против языческой мудрости, чтобы этим убедить людей хвалиться Богом, как и следует. Когда мы ищем сами собою того, что выше нас, тогда нет ничего глупее, нет ничего бессильнее нас. Изошрить свой язык мы можем, но измыслить твердые догматы не можем: наши рассуждения сами по себе подобны ткани паутинной. Некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто из всего существующего нет ничего истинного, но все противно тому, что нам представляется. Потому не приписывай ничего себе, но во всем хвались Богом. Не приписывай никогда ничего никакому человеку; если не следует ничего приписывать Павлу, то тем более другим: **"я"**, говорит он, **"насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог"** (1Кор.3:6). Кто научился хвалиться Господом, тот никогда не будет превозноситься, но всегда будет смиряться и за все благодарить Его. Не так поступают язычники, но они все приписывают себе. Потому они и делают из людей богов: так гордость овладела ими! Впрочем, уже время выступить на борьбу с ними. На чем же мы остановились в прежней беседе? Мы говорили, что, по человеческому соображению, невозможно было рыбакам победить философов; однако это сделано, и следовательно сделано силой благодати. Мы говорили, что невозможно было им и

решиться на такие дела, и показали, что они не только решились, но и окончили с великой легкостью.

Сегодня опять будем беседовать главным образом о том же: могли ли бы они надеяться победить вселенную, если бы не видели Христа воскресшим? Неужели они потеряли рассудок, так что решились на такое дело просто и необдуманно? Подлинно было бы выше всякого безумия ожидать успеха в столь великом деле, без содействия благодати Божией. И как они могли бы совершить это, если бы были безумными и иступленными? Если же они были в здравом уме, а это показали самые дела их, то как могли бы они, двенадцать человек, препоясаться и выступить на такую брань, на земле и на море, восстать против обычаев всей вселенной, укоренившихся в течение столь долгого времени, и восстать так мужественно, если бы они не имели верных залогов с неба и не получили помощи свыше? И, что еще важнее, как они надеялись убедить слушателей, призывая их к небу и горним обителям? Если бы они были образованы и воспитаны в славе, богатстве и почестях, то хотя и тогда они едва бы решились на столь великое дело, но по крайней мере могли бы иметь более надежды; а здесь – одни из рыбаков, другие – из кожевников, иные – из мытарей. Такие занятия всего менее могли располагать к любознательности и способствовать высоким помыслам, особенно если не было подобного примера. И не только у них не было примеров успеха в подобных предприятиях; напротив были примеры неуспеха, и притом самые недавние. Многие, покушавшиеся на нововведения, – говорю не об язычниках, у которых этого не было, а о самих иудеях, в то же самое время, – погибли, приступив к делу не с двенадцатью человеками, но с великим множеством. Так Февда и Иуда, собрав множество сообщников, погибли вместе с учениками своими (Деян.5:36-37). Страх от подобных примеров достаточно мог бы вразумить их, если бы они не были уверены, что одержать победу возможно не иначе, как силой божественной. И при надежде на успех, как они решились бы на такие опасности, если бы не имели в виду будущего? Положим, что они имели надежду на успех; но какой они могли ожидать пользы от того, что обращали всех к не Воскресшему, как вы говорите?

4. Если теперь люди, верующие учению о царствии небесном и неисчислимых благах, едва решаются на опасности, то как апостолы решились подвергаться им напрасно, или, лучше, ко вреду своему? Если бы не было того, что было, если бы Христос не восшел на небо, то, решившись выдумать это и преподавать другим, они оскорбили бы Бога и должны были бы ожидать себе грозных наказаний свыше. С другой стороны, хотя бы при жизни Христа они имели такую решимость, все же оставили бы ее по смерти Его, так как, если бы Он не воскрес, то они почли бы Его обманщиком и оболъстителем. Разве не знаете, что при жизни полководца и царя даже слабые войска держатся, а по смерти даже и сильные расстраиваются? Какими же, скажи мне, соображениями побуждались они, когда решались начать проповедь и идти во всю вселенную? И какие препятствия не встретили бы их? Если бы они были иступленные, – не перестану повторять это, – то решительно ничего не сделали бы, потому что иступленных никто не слушает; а если они совершили свое дело так, как совершили, то и конец показывает, что они были мудрее всех. Если же они были мудрее всех, то очевидно, что они пошли на проповедь не просто. Если бы они не видели Христа воскресшим, то что могло бы вывести их на такую брань? Что напротив не отклонило бы их от нее? Он говорил им, что чрез три дня воскреснет, обещал царствие небесное, предрекал, что они, получив Святого Духа, победят вселенную, и многое возвещал другое, превышающее все законы природы. После этого, если бы ничего такого не исполнилось, то они, хотя бы и верили Ему при жизни, по смерти Его перестали бы верить, если бы не видели Его воскресшим. Они сказали бы: Он говорил, что чрез три дня воскреснет, и не воскрес; обещал послать Духа, и не послал: как же мы можем верить Ему в дальнейшем, если оказалось ложным ближайшее? Почему же

они стали бы проповедовать, что Христос воскрес, если бы Он не воскрес? Потому, скажешь, что любили Его. Но тогда они конечно возненавидели бы Его, как обольстителя и предателя, который, воспламенив их бесчисленными надеждами, отлучив от домов, и от родных, и от всего, вооружив против них весь народ иудейский, потом оставил их. Если бы это происходило только от слабости, то они могли бы простить Ему; но тогда они почли бы это великим злоумышлением. Ему надлежало бы говорить истину и не обещать неба, если бы Он был человек смертный, как вы говорите. Тогда и они конечно стали бы делать противное, стали бы открывать обман и называть Его обольстителем и злоумышленником: таким образом они и избавились бы опасностей, и окончили бы брань. Если иудеи дали деньги воинам для того, чтобы они сказали, что тело Его украдено (Мф.28:12-13), то чего не получили бы ученики, если бы пришли и сказали: мы украли Его, Он не воскрес? Тогда, вероятно, наградили бы их и почестями и венцами. Почему же они предпочли всему этому поношения и бедствия, если не было божественной силы, действовавшей в них могущественнее всего этого? Если ты еще не убеждаешься, то обрати внимание на следующее: если бы не было (воскресения Христова), то апостолы, хотя бы были весьма готовы, не стали бы проповедовать о Нем, но оказали бы к Нему отвращение. Вы знаете, что мы не хотим даже слышать об именах тех, которые жестоко обманули нас. Почему же они проповедовали имя Его? Разве они надеялись победить этим именем? Напротив, им надлежало бы ожидать, что и в случае победы они погибнут, потому что возвещали имя обольстителя. А если бы они захотели утаить прошедшее, то не следовало бы и проповедовать, потому что усилия их еще более возбуждали бы только брань и смех. И как они могли бы выдумать все это? Напротив они забывали бы и то, что слышали. Если тогда, когда им нечего было страшиться, они многое забывали, а иного не разумели, как замечает евангелист (Ин.12:16), то, при угрожающей опасности, не вышло ли бы все из их памяти? И что говорить о словах? Самая любовь их к Учителю несколько охладевала от страха будущих опасностей, за что Он и укорял их. Прежде они, следуя за Ним, часто спрашивали: **"куда идешь?"** (Ин.13:36), а потом, когда Он в продолжительной беседе представил им бедствия, каким они подвергнутся во время Его крестного страдания, то они, пораженные страхом, пребыли безмолвными, о чем, послушай, как Он сам говорит: **"никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше"** (Ин.16:5-6). Если же они так скорбели, когда еще ожидали Его смерти и воскресения, то, не увидев Его воскресшим, не пали ли бы духом совершенно, не пожелали бы сами быть погребенными в земле, как от скорби при виде обмана, так и от страха будущего?

5. Откуда у них и это высокое учение? Им сказал (Христос), что высочайшее учение они услышат после: **"еще многое"**, говорил Он, **"имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить"** (Ин.16:12). Следовательно, высшее сообщено было им после. Один из учеников Его, услышав об опасности, не хотел даже идти с Ним в Иудею, но сказал: **"пойдем и мы умрем с Ним"** (Ин.11:16): с такой скорбью ожидал Его смерти! Если же он, ожидая смерти, в присутствии самого (Иисуса Христа) терял бодрость, то без Него и без прочих учеников каким опасностям не подвергались его надежды? И много есть доказательств их малодушия. Притом о чем им было говорить, вышедши на проповедь? Страдание (Христово) было известно вселенной, так как Он был распят на высоком древе, в полдень, в столичном городе, и в величайший праздник, на котором особенно должны были присутствовать все (иудеи); а о воскресении Его не знал никто из посторонних, и это было для них немалым препятствием к убеждению. О погребении Его была всеобщая молва, и воины со всеми иудеями говорили, что ученики украли тело Его; а о том, что Он воскрес, никто из посторонних не знал. Каким же образом они надеялись убедить вселенную? Если стражи при виде чудес согласились свидетельствовать противное, то как они без чудес решились проповедовать, и, не обладая и малым количеством денег, надеялись убедить всех на земле и на море в истине воскресения? Если бы они делали это

из честолюбия, то каждый из них приписывал бы свое учение скорее самому себе, а не Умершему. Но (скажешь) им люди не поверили бы? Напротив, кому они скорее могли верить, Тому ли, Кто был взят и распят на кресте, или тем, которые избегли иудейских рук? Почему, скажи мне, решившись на такое дело, они не тотчас оставили Иудею и ушли в другие города, но оставались там? И каким образом они успели убедить, если не совершали знамений? Если они совершали знамения, – а они действительно совершали, – то это было действие силы Божией; если же не совершали и однако победили, то сделанное ими еще более удивительно. Разве, скажи мне, они не знали иудеев, их злобное сердце и переполненную ненависти душу? Эти люди хотели побить камнями Моисея, после того, как он провел их по морю, после победы и того чудного торжества, которое они чрез него одержали без пролития крови над поработившими их египтянами, после манны, после источников вод, изведенных из камней, после бесчисленных чудес в Египте, при Черном море и в пустыне; Иеремию они ввергли в ров и многих пророков убили. Послушай, что говорит о них Илия, который был изгнан ими далеко из страны их, после страшного голода и чудного дождя, после огня, низведенного им с неба, и после славного всеожжения: **"разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут"** (3Цар.19:10). Между тем (пророки) не вводили никаких перемен в законе. Как же, скажи мне, могли слушать апостолов, которые были униженнее всех их (пророков) и преподавали то же новое учение, за которое Учитель их был распят? Притом не столько могло казаться странным, когда говорил это Христос, сколько когда они. О Нем могли думать, что Он делал это для Своей славы, а их могли ненавидеть тем более, что они подвизались за другого. Но не содействовали ли им римские законы? Напротив, с этой стороны было еще более препятствий, – ведь сказано было: **"всякий, делающий себя царем, противник кесарю"** (Ин.19:12). Одно то могло служить для них препятствием, что они были учениками считавшегося за тирана и действовали в Его пользу. Что же побуждало их подвергаться таким опасностям? Что они могли сказать о Нем такого, чем показались бы заслуживающими доверия? То ли, что Он был распят? То ли, что он родился от бедной иудейки, обрученной с иудейским плотником? То ли, что Он происходил от народа, ненавидимого в целом мире? Но все это могло не только не убеждать и не привлекать слушателей, а напротив отвращать всех, тем более, когда было возвещаемо скинотворцем и рыбаком. Не могло ли все это приходиться на мысль ученикам Его? Люди робкие могут воображать даже более того, что есть на самом деле; а таковы и были апостолы. На чем же они основали надежду успеха? Скорее они не имели бы надежды при тех бесчисленных препятствиях, которые встречались им, если бы не воскрес Христос.

6. Не ясно ли для всех, даже самых неразумных, что апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дела, но даже и подумать о нем, если бы не получили великой и обильной благодати и не имели залога воскресения? Если при таких препятствиях к предприятю, не говорю уже к выполнению дела, они и решились, и исполнили и совершили выше всякого ожидания, то не для каждого ли ясно, что они действовали не человеческой силой, но божественной благодатью? Будем же заниматься подобными рассуждениями не только сами с собой, но и друг с другом: тогда удобнее можем научиться и прочему. Хотя бы ты был ремесленник, не считай такого занятия чуждым для себя. Ведь и Павел был делателем палаток, однако исполнился великой благодати и ею возвещал все. Но прежде благодати он был при ногах Гамалиила; и самую благодать получил потому, что явил душу достойную благодати, и после того опять занимался своим ремеслом. Итак, не стыдись никто занимающийся ремеслом; но пусть устыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда – это род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли – основательнее. Человек праздный и говорит много пустого, и делает много пустого, и целый день не

занимается ничем, предаваясь неге: а тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его по-пустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью, или чем-нибудь другим подобным – легчайший? Это видно и из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден; а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы.

Укажешь ли на свое военное звание и приведешь его в оправдание своей беспечности? Но и это извинение неосновательно. Корнилий был сотником, однакож воинская перевязь нисколько не препятствовала его благочестию. Ты, когда занимаешься с шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрелищах, не ссылаешься ни на необходимые дела по военной службе, ни на страх пред начальниками; а когда мы приглашаем в церковь, тогда – бесчисленные препятствия. Что же ты скажешь в тот день, когда увидишь пламя, огненные реки и неразрешимые узы, и услышишь скрежет зубов? Кто поможет тебе в тот день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшего жизнь свою, наслаждающимся великой славой, а себя, который ныне украшаешься нежными одеждами и дышишь благовониями, невыразимо страждущим? Какая польза будет тебе от богатства и изобилия, и какой вред ремесленнику от бедности? Потому, чтобы нам не потерпеть этого, устрашимся сказанного и приложим всякое старание к совершению дел необходимых. Таким образом, умилившись Богом за прежние грехи свои и присоединив добрые дела в будущем, мы сможем получить царствие небесное, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] Гр. "μη ουτα"=букв."несуществующее"

БЕСЕДА 6

"И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1Кор.2:1-2).

1. Ничто не может сравниться в деятельности с душою Павла, или лучше, не с его душою, – так как он не сам достиг этого, – но с благодатью, которая действовала в нем и побеждала все. И сказанного прежде достаточно было для низложения гордости превозносившихся своею мудростью; достаточно было даже и части сказанного. Но чтобы победа была славнее, он продолжает свою речь, попирая уже поверженных противников. Смотри: привел пророчество: погублю премудрость премудрых: показал премудрость Божию в том, что Бог кажущимся безумием низложил внешнюю мудрость; объяснил, что немудрое Божие премудрее человек; указал, что Бог не только научил чрез людей неученых, но и призвал также неученых; а теперь он доказывает, что и самый предмет проповеди и способ проповедания могли бы иных смутить, однако не смутили. Не только, говорит, ученики – люди простые, но и я проповедающий. "**И я, братие**", – опять называет их братьями, чтобы смягчить суровость речи, – "**приходил возвещать вам**

свидетельство Божие не в превосходстве слова". Но, скажи мне, если бы ты захотел придти с высоким словом, мог ли бы? Я, говорит, если бы и хотел, не мог бы: а Христос, если бы восхотел, мог бы (послать); но Он не восхотел, чтобы победа сделалась славнее. Потому и выше, доказывая, что делом Христа и Его волею было, чтобы слово проповедовалось с такой простотой, он говорит: **"ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова"** (1Кор.1:17). А воля Христа много важнее, несравненно важнее воли Павла. Таким образом, говорит, не высоким словом и не помощью красноречия я возвещаю свидетельство Божие. Не сказал: проповедь, но: свидетельство Божие, что также могло не нравиться, так как он везде проповедовал о смерти; потому и присовокупил: **"ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого"**. Говорит это потому, что он был совершенно чужд внешней мудрости, как и выше сказал: **"приходил не в превосходстве слова"**. Нет сомнения, что ему можно было иметь и это; тот, чьи одежды воскрешали мертвых и тень исцеляла болезни, тем более мог душой своей усвоить красноречие. Последнее свойственно и ученикам, а первое выше всякого искусства. Следовательно, кто знал то, что выше искусства, тот тем более мог знать низшее. Но Христос не попустил этого, потому что это не было полезно. Потому Павел справедливо говорит: **"ибо я рассудил быть незнающим ничего"**, так как и я желаю того же, чего Христос. Мне кажется, что апостол беседует с нимн (коринфянами) гораздо проще, нежели с другими, для того, чтобы низложить гордость их. Итак слова: **"ибо я рассудил быть незнающим ничего"** сказаны в противоположность внешней мудрости. Я пришел к вам, говорит он, не сплетать силлогизмы и софизмы, или говорить что-либо подобное, но только возвестить, что Христос распят. Те (мудрецы) говорят много и ведут длинные речи о бесчисленных предметах, составляя суждения и умозаключения и сплетая тысячи софизмов: а я пришел к вам говорить не о чем другом, как только о том, что Христос распят, и всех их превзошел, что и служит неизреченным знаменем силы Проповедуемого. **"И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете"** (1Кор.2:3). Вот еще другое важное обстоятельство. Не только верующие – люди простые, не только проповедующий – человек простой, не только способ учения исполнен простоты, не только самый предмет проповеди может смущать, так как предмет этот – крест и смерть; но вместе с тем были и другие препятствия, именно опасности и козни, ежедневный страх и гонения. Немощью он часто называет гонения, как например **"и немощи плоти моей вы не презрели"** (Гал.4:13-14); и еще: **"если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею"** (2Кор.11:30). О какой немощи? Языческий **"правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня"** (ст.32). И еще: **"посему я благодушествую в немощах"**, а в каких, объясняет далее: **"в обидах, в нуждах, в притеснениях"** (2Кор.12:10). То же говорит и теперь; сказав: **"И был я у вас в немощи"**, он не останавливается на этом, но, чтобы показать, что под немощью он понимает опасности, присовокупляет: **"и в страхе и в великом трепете"**. Что это? Неужели и Павел боялся опасностей? Да, боялся и сильно боялся. Ведь он был хотя и Павел, а все же человек. И это не вина Павла, но слабость (человеческой) природы, а вместе и похвала его воле, если он, даже боясь смерти и ран, под влиянием страха не делал ничего недостойного. Потому те, которые говорят, что он не боялся ран, не только не делают ему чести, но и много унижают его достоинство. Если бы он не боялся, то какая твердость, или какое любомудрие было бы в перенесении бедствий? А я потому и удивляюсь ему, что он, хотя боялся, и не просто боялся, а трепетал бедствий, однако всегда подвизался со славой и ни при какой опасности не ослабевал, очищая вселенную и везде, на земле и на море, посеивая семена проповеди. **"И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости"** (ст.4), т.е. чуждо внешней мудрости. Если же проповедь не имела в себе ничего софистического, и призываемые были люди простые, и проповедующий таков же, и кроме того были гонение, страх и трепет, то, скажи мне, каким образом одержана победа? Божественной

силой. Потому, сказав: **"слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости"**, присовокупляет: **"но в явлении Духа и силы"**.

2. Видишь ли, как **"немудрое Божие премудрее и немощное Божие сильнее человек"** (1Кор.1:25)? Простые проповедники, будучи стесняемы и гонимы, победили гонителей. Почему? Не потому ли, что они внушали веру Духом? Это и значит явление (Духа). Кто, скажи мне, не уверует, видя воскресение мертвых и изгнание бесов? Но так как есть ложные силы, каковы волшебные, то апостол устраняет и эту мысль; не просто говорит: силы, но наперед – Духа, а потом – силы; этим выражает, что все сделанное совершено Духом. Таким образом для проповеди служит не унижением то, что она возвещается без помощи мудрости, но напротив величайшим украшением. Это особенно и доказывает, что она божественна и имеет высшее небесное происхождение. Потому он и присовокупляет: **"чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией"** (ст.5). Видишь ли, как ясно он представляет великую пользу простоты и великий вред мудрости? Последняя унижала крест, а первая возвещала силу Божию; последняя производила то, что люди не познавали должного и хвалились самими собой, а первая располагала принять истину и хвалиться Богом; мудрость внушала многим считать учение (апостольское) человеческим, а простота ясно выражала, что оно божественно и низошло с неба. Когда доказательство составляется из мудрых слов, тогда часто и недостойные, будучи сильнее в слове, одерживают верх над достойнейшими, и ложь заступает место истины. Здесь же не так: Святой Дух не входит в нечистую душу, а вошедши не может быть побежден, хотя бы против него восстала вся сила красноречия, так как доказательство посредством дел и знамений гораздо яснее доказательства посредством слов. Но, может быть, кто скажет: если проповедь должна побеждать и не имеет нужды в силе слова, да не упразднится крест, то почему ныне прекратились знамения? Почему? Ты не веришь и думаешь, что их не было и при апостолах, или в самом деле хочешь знать, когда говоришь это? Если не веришь, то я остановлюсь прежде на этом. Если тогда не было знамений, то каким образом апостолы, будучи гонимы, притесняемы, подвергаясь страху и узам, будучи общими всех врагами и ненавистными для всех, не имея в себе ничего привлекательного, ни красноречия, ни знатности, ни богатства, ни известности по городу, по народу, по происхождению, или по искусству, и ничего другого подобного, но имея все противное тому, неученость, незнатность, бедность, простоту и унижение, и притом восставая против целых народов и возвещая такие истины, – как они производили убеждение? Правила их были не легки, догматы опасны, а слушатели, которых надлежало убеждать, преданы были сластолюбию, пьянству и великому нечестию. Как же они убедили, скажи мне? Как приобрели доверие? Если они, как я и прежде говорил, убедили без знамений, то это есть еще большее знамение. Итак из того, что теперь нет знамений, не заключай, что их не было и тогда. Тогда полезно было им быть, а теперь полезно не быть. Впрочем из того, что теперь убеждение производится одним словом, не следует, будто теперь проповедь зависит от мудрости. Как первоначальные сеятели слова были простые и неученые и ничего не говорили от себя, но что приняли от Бога, то и преподали вселенной, так и мы теперь предлагаем не свое, но что приняли от них, то и возвещаем всем. И теперь мы убеждаем не умозаключениями, но свидетельствами божественных Писаний, и тогдашними знамениями внушаем верить возвещаемому. Впрочем и апостолы убеждали тогда не одними знамениями, но и беседами; только слова их получали более силы от знамений и свидетельств ветхозаветного Писания, а не от искусства красноречия. Как же, скажешь, знамения тогда были полезны, а теперь стали бесполезны? Предположим, – я обращаюсь к язычнику и потому называю предположением то, что несомненно будет, – предположим и пусть неверный хотя на несколько времени допустит, например, что Христос придет. Итак, когда придет Христос и все ангелы с Ним; когда Он явится, как Бог, и все покорится Ему, – тогда не уверует ли в Него и язычник? Конечно, он и поклонится Ему и назовет Его Богом, хотя бы он был человек крайне упорный.

3. Кто, видя небеса отверстые, Христа грядущего на облаках, и все воинство горних сил вокруг Него, текущие реки огненные и всех предстоящих Ему с трепетом, не поклонится Ему и не признает Его Богом? Но, скажи мне, заменит ли это поклонение и признание для язычника веру? Нет. Почему? Потому, что это – не вера; это – следствие необходимости величественного зрелища; не собственное решение, но величие созерцаемого увлекает в этом случае душу. Следовательно, чем яснее и разительнее знамения, тем менее бывает вера, потому знамения теперь и не совершаются. Чтобы убедиться в истине этого, послушай, что говорит Христос Фоме: **"блаженны невидевшие и уверовавшие"** (Ин.20:29). Следовательно, чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры. То же самое было бы, если бы и теперь совершались знамения. Что тогда (по пришествии Христовом) мы уже не будем познавать Его верою, это объяснил Павел в словах: **"ибо мы ходим верою, а не видением"** (2Кор.5:7). Как тогда вера не вменится тебе по причине очевидности предмета, так и теперь она не вменялась бы, если бы совершались такие же знамения, какие были прежде. Ведь вера бывает тогда, когда принимаем то, чего никаким образом, никакими рассуждениями невозможно постигнуть. Так, Бог угрожает геенной, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы то же. Впрочем, если ты хочешь знамений, то можешь и теперь видеть их, хотя и не такого рода, именно исполнение бесчисленных пророчеств о множестве событий, обращение вселенной, любомудрие язычников, изменение грубых нравов, преуспевание благочестия. Что это, скажешь, за пророчества? Ведь все эти предсказания написаны уже после событий? Когда же, скажи мне, где, кем и за сколько лет? За пятьдесят, или за сто? Значит, за сто лет совершенно не было ничего написано. Как же вселенная сохранила догматы и все прочее, когда одной памяти для этого недостаточно? Откуда узнали, что Петр был распят? Откуда последующим пришло на мысль предсказывать, например, что евангелие будет проповедано по всей вселенной, что иудейское царство прекратится и более не восстанет? Полагавшие душу свою за проповедь как могли бы допустить, чтобы проповедь их подвергалась искажению? Как стали бы верить писателям, после того как знамения уже прекратились? И как писания проникли бы в страну варваров и индийцев и до самых пределов океана, если бы сами писатели не были достоверными? Какие же это писатели? Когда писали они, где и для чего? Не для того ли, чтобы приобрести себе славу? Но почему они надписывали свои книги именами других? Не для того ли, чтобы придать твердость учению? Но истинно оно, или ложно? Если они признавали его ложным, то не стоило и заниматься им; если же признавали его истинным, то не было нужды в тех вымыслах, о которых ты говоришь. С другой стороны эти предсказания таковы, что даже до настоящего времени ничто не могло изменить предсказанного. Так, разрушение Иерусалима совершилось за много лет. Есть и другие предсказания, которые со времени произнесения их будут иметь силу до Его пришествия, как можешь видеть, если хочешь, из следующего, например: **"Я с вами во все дни до скончания века"** (Мф.28:20); **"на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее"** (16:18); **"проповедано будет сие Евангелие всем народам"** (24:14); **"где ни будет проповедано Евангелие сие, сказано будет и о том, что она сделала"** (26:13), и другие весьма многие. Отчего эти предсказания оказываются истинными, если они были вымышлены? Отчего не одолели Церкви врата ада? Отчего Христос всегда пребывает с нами? Ведь, если бы Он не был с нами, то Церковь не одержала бы победы. Отчего евангелие распространилось по всей вселенной? Древность книг наших могут засвидетельствовать даже те, которые говорили против нас, как-то: последователн Цельса и бывшего после него Ватанеота (Порфирия), – они конечно опровергали не то, что было написано после них, – а также и вся вселенная, которая единогласно приняла это учение. Если бы не благодать Духа, то не было бы такого единодушного принятия его от концов до концов земли, но виновники вымыслов были бы скоро обличены, и не совершились бы столь великие дела при помощи вымыслов и лжи. А теперь не видишь ли, как вся вселенная обратилась, заблуждение истреблено, любомудрие иноков сияет светлее солнца? Не видишь ли сонмов девственниц,

благочестия между варварами и всех, смиряющихся под одним игом (Христовым)? Это не в наших только книгах предсказано, но еще издревле пророками; а их предсказаний ты конечно не можешь отвергать, потому что их книги есть и у врагов и, по усердию некоторых язычников, переведены на греческий язык. Они содержат в себе много пророчеств и указаний на то, что имеющий придти есть Бог.

4. Почему же ныне не все веруют? Потому, что дела наши не хороши, и причиною этому мы сами; обращаю слово к нам самим. И тогда обращались к вере не одними только знамениями, но многие из обращающихся привлекаемы были и жизнью (верующих). **"Так"**, говорится, **"да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного"** (Мф.5:16). Тогда у всех **"было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее, и каждому давалось, в чем кто имел нужду"** (Деян.4:32,35), и жили они жизнью ангельской. Если бы то же было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и без знамений. Потому желающие спастись пусть внимают Писаниям; здесь они найдут и такие и еще высшие добродетели. И сами учителя изобиловали ими, проводя жизнь в голоде, жажде и наготе. Мы хотим жить в роскоши, в неге и удовольствиях; они же не так жили, но говорили: **"даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся"** (1Кор.4:11). Один из них путешествовал от Иерусалима до Иллирии, другой в страну индийцев, третий в страну мавров, иной в другие части вселенной; а мы не решаемся даже выйти из отечества, ищем роскоши, великолепных жилищ и всякого другого богатства. Кто из нас когда-нибудь терпел голод за слово Божие? Кто был в пустыне? Кто предпринимал далекое путешествие? Кто из учителей, живя трудами рук своих, помогал еще другим? Кто подвергался ежедневной смерти? Потому нерадивы и окружающие нас. Воины и военачальники, когда переносят голод, жажду, смерть и все бедствия, тогда побеждают и холод, и опасности, и все, как львы, и совершают дела доблестные; а потом, если, оставив такое добродетели, предавшись неге, пристрастившись к земным благам и занявшись куплей и продажей, будут побеждаемы врагами, то было бы совершенно безумно искать причину этой перемены. Так и мы должны рассуждать о нас самих и бывших прежде нас: мы сделались изнеженнее всех, прилепившись к настоящей жизни. Если и найдется человек, имеющий в себе хотя несколько древнего добродетели, то он, оставляя город и торжища, не желая обращаться с людьми и исправлять других, удаляется в горы; и если кто спросит его о причине удаления, то он дает ответ неуважительный: я, говорит, удаляюсь для того, чтобы не погубить себя и не сделаться неспособным к добродетели. Но не лучше ли было бы тебе быть не столь добродетельным и доставлять пользу другим, нежели пребывать на высоте и с презрением взирать на погибель братий? Если же одни нерадят о добродетели, а другие, пекущиеся о ней, удаляются из строя, то как мы будем побеждать врагов наших? Кто убедился бы, если бы теперь и были знамения? Кто из язычников стал бы слушать нас, когда нечестие так распространяется? Праведная жизнь наша для многих бывает убедительнее знамений. Люди бесстыдные и злые могут взирать на знамения с мыслями коварными; а чистая жизнь может с великой силой заградить уста самого диавола. Говорю это и начальникам и подчиненным, а прежде всех себе самому, чтобы мы проводили жизнь достохвальную, исправили себя и презирали все настоящее. Будем презирать имущество, но не геенну; будем презирать славу, но не спасение; будем здесь трудиться и терпеть, чтобы там не подвергнуться мучению. Так будем ратоборствовать с язычниками; так будем увлекать их в плен, который превосходнее свободы. Впрочем это часто и непрестанно говорится нами, только редко исполняется. Но исполняется, или нет, – наш долг непрестанно напоминать об этом, так как, если иные, для обольщения других, говорят столько увлекательных речей, то тем более ведущим к истине не следует утомляться, возвещая полезное. Если вводящие в заблуждение употребляют столько усилий к достижению своей цели, расточают имущество, прибегают к искусству красноречия, подвергаются опасностям и

сами являются впереди всех, то тем более нам, отклоняющим от заблуждения, должно терпеть и опасности, и смерть, и все, чтобы, доставив пользу и себе и другим и оставшись непобедимыми от врагов наших, сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей" (1Кор.2:6-7).

1. Для больных глазами мрак кажется лучше света; потому они любят находиться более в темных жилищах. То же произошло и с духовной премудростью: премудрость Божия язычникам казалась безумием, а их мудрость, которая действительно есть безумие, почиталась ими мудростью. С ними случилось тоже, как если бы кто, зная искусство кормчего, обещался переплыть беспредельное море без корабля и парусов и старался бы умствованиями своими доказать, что это возможно, а другой, совершенно неопытный, севши на корабль и вверив себя кормчему и мореплавателям, совершил бы таким образом плавание безопасно. Кажущееся неведение последнего было бы мудрее мудрости первого. Умение править рулем, конечно, прекрасно; но когда оно обещает слишком много, то становится безумием; таково же и всякое знание, не удерживающееся в своих пределах.

Так и внешняя мудрость была бы мудростью, если бы приняла Духа; но так как она все присвоила себе и думала, что не имеет нужды в высшей помощи, то сделалась безумием, хотя и казалась мудростью. Потому Павел, наперед обличив ее самыми делами, потом назвал ее безумием, а премудрость Божию наперед назвал безумием, согласно с мнением язычников, потом же доказывает, что она есть истинная мудрость, – а после доказательств уж весьма легко посрамлять противников, – и говорит: премудрость же глаголем в совершенных. Если я, почитаемый безумным и проповедником безумия, победил мудрых, то победившая мудрость есть не безумие, но совершеннейшая мудрость и настолько превосходящее внешней мудрости, что та кажется безумием. Назвав ее сначала так, как называли ее тогда язычники, и доказав превосходство ее самыми делами, а их обличив в крайнем безумии, он потом называет ее свойственным ей именем и говорит: **"Мудрость же мы проповедуем между совершенными"**. Мудростью он называет проповедь и способ спасения посредством креста; совершенными же называет верующих. Действительно совершенны те, которые знают, что все человеческое весьма немощно, презирают все это и уверены, что оно не служит им ни к чему; а таковы верующие. **"Но мудрость не века сего"**. К чему в самом деле полезна внешняя мудрость, которая ограничивается здешним миром и далее его не простирается, даже и здесь не может принести никакой пользы обладающим ею? Властями века он называет здесь не бесов, как думают некоторые, но людей, облеченных отличиями и властью и почитающих ее чем-то весьма важным, философов, риториков и писателей, которые тоже часто обладали властью и бывали народными вождями. Властями же века сего называет их потому, что власть их не простирается далее настоящего века: потому и присовокупляет: преходящих, и таким образом доказывает ничтожность внешней мудрости как самым ее свойством, так и свойством тех, которые обладают ею. Доказав, что она ложна и безумна, что она не может открыть ничего, что она бессильна, теперь он показывает, что она и кратковременна. **"Но проповедуем премудрость Божию, тайную"**. Какую тайну? Христос говорил: **"что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях"** (Мф.10:27). Почему же Павел называет ее тайною? Потому, что ни ангел, ни архангел, и никакая другая сотворенная сила не знала ее прежде, нежели она открылась. Потому апостол и говорит: **"дабы ныне соделалась"**

известною через Церковь начальствам и властям на небесах многообразная премудрость Божия" (Еф.3:10). Бог так почтил нас, что и они услышали ее вместе с нами; и мы в отношении к друзьям считаем знаком нашей дружбы с ними то, когда никому прежде них не открываем тайны. Пусть внимают те, которые хвалятся проповедью, без разбора предлагают всем жемчуг учения, бросают святыню псам и свиньям, и притом с излишними мудрованиями. Тайна не допускает прикрас, но какова есть, такую точно и возвещается; она не будет уже тайною божественною и неповрежденною, если ты прибавишь к ней что-нибудь от себя. Тайною она называется и потому, что мы созерцаем в ней не то, что видим, но одно видим, а другому веруем. Таково свойство наших таинств. Иначе смотрю на них я, иначе неверный. Слышу я, что Христос распят, и удивляюсь Его человеколюбью; слышит неверный, и считает это бессилием. Слышу я, что Христос сделался рабом, и удивляюсь Его промышленности; слышит неверный, и считает это бесчестием. Слышу я, что Христос умер, и изумляюсь Его могуществу, как Он, подвергшись смерти, не был удержан ею, но еще разрушил смерть; слышит неверный, и приписывает это Его немощи. Слыша о воскресении, он называет это басней; а я, удостовераясь в том самыми событиями, поклоняюсь домостроительству Божию. Слыша о крещении, он представляет одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищение души, совершаемое Духом. Он думает, что у меня только омыто тело; а я верую, что и душа стала чистою и святою, и представляю гроб, воскресение, освящение, оправдание, искупление, усыновление, наследие, небесное царствие, дарование Духа, так как я взираю на видимое не простым зрением, но очами духовными. Говорится о теле Христовом, и иначе разумею сказанное я, иначе неверный.

2. Дети, видя книгу, не понимают значения написанного и не разумеют того, что видят, то же бывает и со всяким человеком безграмотным; между тем знающий грамоту найдет в написанном смысл, целые жизнеописания и повествования; также, получивши письмо, безграмотный увидит только бумагу и чернила, а грамотный услышит голос отсутствующего, будет беседовать с ним, и сам посредством письма ответит ему, что угодно. То же бывает и с таинствами: неверные, слыша о них, как будто не слышат; а верующие, будучи научены Духом, разумеют силу сокровенного. Потому Павел говорит, что и ныне **"закрото благовествование"**: **"для погибающих"**, говорит, **"закрото"** (2Кор.4:3). С другой стороны, словом тайна он выражает, что проповедь есть нечто необычайное; так обыкновенно Писание называет то, что бывает сверх чаяния и превышает человеческое разумение. Потому и в другом месте говорится: **"тайна моя и мне и моим"**[1]; и опять Павел говорит: **"говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся"** (1Кор.15:51). Хотя она проповедуется везде, но, несмотря на то, она – тайна. Нам и заповедано говорить с кровлей то, что мы слышали на ухо (Мф.10:27), и повелено не давать **"святыни псам"**, и не бросать **"жемчуга перед свиньями"** (7:6), потому что одни – люди душевные и не разумеют, другие имеют покрывало на сердце своем и не видят. Следовательно тем более тайна то, что хотя и проповедуется везде, но не постигается не имеющими здравого разумения, и открывается не с помощью мудрости, но Духом Святым, сколько мы можем вместить. Потому не погрешит тот, кто и вследствие этого назовет ее недоведомою тайной, – ведь и нам верующим не дано полное и совершенное ведение, как говорит Павел: **"отчасти знаем, и отчасти пророчествуем. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу"** (1Кор.13:9,12). Потому он и говорит: **"проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей"**. Сокровенную, т.е. такую, которой прежде нас не знал никто из горних сил, или которой и ныне многие не знают. Это и выражают слова: **"которую предназначил к славе нашей"**; а в другом месте говорит: **"к славе Его"** (Еф.1:12), потому что Бог почитает наше спасение Своей славой, также и Своим богатством, хотя Сам есть сокровище благ и ни в ком не нуждается, чтобы быть богатым. Предназначил, говорит, выражая этим попечение Божие

о нас. Обыкновенно те почитаются наиболее пекущимися о нас и любящими нас, которые издавна расположены делать нам добро, как поступают и родители с детьми: они хотя отдают им имущество впоследствии, но бывают расположены к тому за долгое время и с самого начала. Так и Павел старается здесь показать, что Бог любил нас издревле и всегда, даже и тогда, когда мы еще не существовали; если бы Он не любил нас, то не предназначил бы нам богатства. Потому не думай о минувшей вражде, – любовь древнее ее. Слова: **прежде веков** – означают вечность, подобно тому, как и в другом месте говорится: **"Сущий прежде веков"** (Пс.54:20). Также доказано будет, что и Сын вечен, потому что о Нем говорится: **"через Которого и веки сотворил"** (Евр.1:2); это значит, что Он существует прежде веков, потому что Творец, без сомнения, существует прежде тварей. **"Которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы"** (1Кор.2:8). Но если они распяли по неразумию, то, значит, они не виновны? И еще: если они не разумели, то почему Христос говорил им: **"и знаете Меня, и знаете, откуда Я"** (Ин.7:28)? Писание говорит о Пилате, что он не уразумел; вероятно и Ирод также не уразумел. Их и можно назвать князьями века сего. Если же кто скажет, что здесь говорится об иудеях и священниках, тот не погрешит; и им сказал Христос: **"вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего"** (Ин.8:19). Как же Он выше сказал: **"и знаете Меня, и знаете, откуда Я"**? Впрочем какой смысл того и другого изречения, об этом уже сказано при изъяснении Евангелия; а потому, чтобы часто не повторять одного и того же, туда отсылаем желающих.

3. Что же? Прощен ли иудеям грех их касательно креста, по слову Христову: **"прости им"** (Лк.23:34)? Если они покаются, то прощен. И Павел, воздвигший множество рук на Стефана и гнавший Церковь, сделался защитником Церкви.

Так прощен был грех и тем из них, которые захотели покаяться, о чем и Павел говорит: **"итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак"**. И опять: **"неужели Бог отверг народ Свой? Никак"**. Затем в доказательство того, что и для них не закрыто покаяние, приводит собственное обращение: **"ибо и я Израильтянин"** (Рим.11:11,1-2). Слово: **"не познали"**, мне кажется, сказано здесь не относительно Христа, но относительно дела домостроительства Божия, т.е. они не разумели того, что значили смерть и крест. И здесь Христос не сказал: не знают Меня, но: **"не знают что делают"** (Лк.23:34), т.е., не разумеют совершающегося домостроительства и таинства. Они не понимали, что крест так просияет, что им совершится спасение вселенной и примирение Бога с людьми, что город их будет взят и что они подвергнутся крайним бедствиям. Премудростью Павел называет и Христа, и крест, и проповедь. Но не напрасно он называет здесь Христа Господом славы. Так как крест казался знаком бесславия, то он показывает, что в кресте великая слава. Большая нужна была мудрость, чтобы не только познать Бога, но и уразуметь такое домостроительство Божие; внешняя же мудрость была препятствием не только к первому, но и к последнему. **"Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его"** (1Кор.2:9).

Где это написано? Так говорится и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми действиями, как например в повествованиях, или когда выражена та же мысль, хотя и не теми же словами, как здесь; например слова: **"они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали"** (Ис.52,15) – означают то же, что и слова: **"не видел того глаз, не слышало ухо"**. Таким образом апостол или это выражает, или может быть, действительно было написано в книгах, но самые книги утратились. В самом деле, многие книги потеряны и только немногие сохранились, еще во время первого пленения. Это видно из книги Паралипоменон. Так апостол говорит, что **"все пророки, от Самуила и после него, предвозвестили"** о Нем (Деян.3:24); но этого не видно, между

тем Павел, как сведущий в законе и говоривший по внушению Духа, вероятно, знал все в точности. Но что я говорю о пленении? Многие книги были потеряны еще прежде пленения, когда иудеи впали в крайнее нечестие. Это видно из конца четвертой книги Царств, где говорится, что Второзаконие едва было найдено где-то в нечистом месте (4Цар.22:8). Притом есть много пророчеств различного значения, которые понятны только мудрейшим и в которых можно находить многое, неясное для других. Что же? Ужели глаз не видал того, что уготовал Бог? Точно не видал: кто из людей видел имевшее быть домостроительство Божие? Ужели и ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Так ли это? Если пророки предвозвестили, то как ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Точно не входило. Апостол говорит не о пророках только, но о всем естестве человеческом. Как? Ужели и пророки не слыхали? Они слышали, но пророческий слух их не был слухом человеческим; они слышали не как люди, но как пророки. Потому и говорит Исаия: **"пробуждает[2] ухо Мое, чтобы Я слушал"** (50:4), разумея приложение, даруемое Духом. Отсюда видно, что прежде, нежели они услышали, человеку и на сердце не входило, так как после дарования Духа сердце пророков было не сердцем человеческим, но сердцем духовным, как и сам Павел говорит: **"мы имеем ум Христов"** (1Кор.2:16). Смысл слов его следующий: прежде, нежели нам дарован Дух и открыты неведомые тайны, не разумел их никто ни из нас, ни из пророков. И могло ли быть иначе, если не знали их даже ангелы? Что же после этого говорить о князьях века сего, если никто из людей и даже горние силы не знали этого? Чего? Того, что кажущимся безумием проповеди будет побеждена вселенная, обращены народы, совершенно примирение Бога с людьми и дарованы нам столь великие блага. Как же мы познали это? **"А нам"**, говорит, **"Бог открыл это Духом Своим"** (ст.10). Не внешней мудростью, которой, как презренной рабе, не дозволено входить внутрь и проникать в тайны Господни.

4. Видишь ли, какое различие между той и другой мудростью? Одна научила нас тому, чего не знали ангелы; а внешняя сделала противное: не только не научила, но еще служила к тому препятствием и, когда уже все совершилось, затмевала события и уничижала крест. Таким образом Павел воздает нам честь, показывая, что мы не только научились, и притом вместе с ангелами, но и научились от самого Духа. Далее, показывая важность знания, говорит, что если бы нам не открыл этого Дух, знающий тайны Божии, то мы и не познали бы. Так Бог благоволил хранить это дело в тайне. Потому мы имели нужду в таком учителе, который бы знал это ясно. **"Ибо Дух"**, говорит, **"все испытует[3], и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога"** (ст.10-12). Здесь слово испытует означает не незнание, а точное знание; такое же выражение он употребляет и о Боге, когда говорит: испытай же сердца весть, что есть мудрование Духа (Рим.8:27). Сказав о совершенном знании Духа, показав, что оно равно знанию Божию, как знание человеческое равно самому себе, и доказав, что мы познали все от Него, и не иначе, как от Него, он продолжает: **"что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным"** (ст.13). Видишь ли, как он возвеличил нас достоинством Учителя? Мы настолько мудрее язычников, насколько Платон отстоит от Святого Духа. Они имеют своими учителями риторов, а мы – Святого Духа. Что значит: **"соображая духовное с духовным"**? Если касательно духовного встречается какое-либо недоумение, то мы приводим и объяснения от предметов духовных; например: я говорю, что Христос воскрес, что Он родился от Девы, и для объяснения привожу свидетельства и прообразование, пребывание Ионы внутри кита и последующее освобождение, рождение бесплодными женами, Саррой, Ревеккой и другими, произрастание деревьев в раю, тогда как еще не были брошены семена, не проливались дожди, не были проведены борозды.

Будущие события были начертаны и прообразованы, как бы в тени, прежними, чтобы уверовали в них после их исполнения. Показываю и еще, как человек произошел из земли, как без всякого совокупления жена произошла от одного мужа, как самая земля произошла из ничего, как везде и во всем достаточно было могущества Создателя. Так я объясняю духовное духовным и нигде не прибегаю к внешней мудрости, к рассуждениям и умозаключениям. Языческие мудрецы напрягают и терзают слабый разум свой, и никак не могут объяснить того, о чем говорят, но еще делают противное, приводят в большее замешательство, увеличивают мрак и недоумение. Потому апостол и говорит: **"соображая духовное с духовным"**. Видишь ли, как он доказывает, что внешняя мудрость излишня, и не только излишня, но даже враждебна и вредна? Это выразил он, когда сказал: **"чтобы не упразднить креста Христова"** (1Кор.1:17), и: **"чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой"** (2:5). А теперь доказывает, что те, которые надеются и во всем полагаются на нее, не могут познать ничего полезного. **"Душевный человек не принимает того, что от Духа"** (ст.14). Потому прежде всего надобно отвергнуть ее (внешнюю мудрость). Как, скажешь, неужели внешняя мудрость достойна отвержения? Ведь и она – дело Божие. А откуда это видно? Нет, не Бог создал ее, но ты изобрел; мудростью же здесь апостол называет чрезмерную пытливость и излишнее красноречие. А если скажешь, что он говорит здесь о разуме человеческом, то и в таком случае твоя вина. Ты сам унижаешь его, употребляя во зло, во вред себе и на противление Богу, и требуя от него того, чего он не имеет. Ты хвалишься им и восстаешь против Бога, – поэтому Бог и обличил его бессилие. Так и сила телесная – добро; но когда Каин употребил ее не так, как должно, то Бог навел на него расслабление и трясение. Вино также – добро; но когда иудеи стали неумеренно употреблять его, то священникам Бог совершенно запретил его употребление. Так, когда и ты стал употреблять мудрость на противление Богу и приписал ей большую силу, нежели какую она имеет, то Он, отклоняя тебя от человеческого упования, показал ее бессилие. Душевный человек – тот, кто все подчиняет холодным умствованиям и не считает нужной для себя высшую помощь; а это – безумие. Бог даровал нам разум для того, чтобы он познавал и принимал сообщаемое от Бога, а не для того, чтобы он считал самого себя достаточным для себя. Прекрасны и полезны – глаза; но если бы они захотели видеть без света, то красота и собственная сила их нисколько не принесли бы им пользы, но еще причинили бы вред. Так и душа, если захочет видеть без Духа, то сама себе послужит препятствием. Как же, скажешь, прежде она видела сама собою? Никогда она не видела сама, но имела пред собой творения, как бы книгу. Когда же люди, не восхотев идти путем, заповеданным от Бога, и из красоты видимого познавать Творца, вручили скипетр знания умствованиям, то впали в бессилие и пучину нечестия, допустили бездну зол и стали утверждать, что из ничего не бывает ничего, а все произошло из несозданного вещества, откуда и родились бесчисленные ереси. В самых странных нелепостях они соглашались между собой, а в том, что представляли себе несколько здраво, хотя как бы в тени, разногласили друг с другом, и оказались в том и другом случае смешными. Что из ничего не бывает ничего, это они почти все единогласно утверждали и писали, и притом с большим усердием: так диавол опутал их нелепостями! А о предметах полезных, в которых они, по-видимому, уразумевали нечто как бы в гадании, они спорили между собой, как, например, о том, что душа бессмертна, что добродетель не имеет нужды ни в чем внешнем, что люди бывают добрыми или злыми не по необходимости и не по определению судьбы.

5. Видишь ли злоухищрение диавола? Когда он видел, что люди говорят нечто нечестивое, то устраивал всеобщее в том согласие, а когда видел, что они утверждают нечто здоровое, то возбуждал одних против других, – для того, чтобы нелепое, будучи утверждаемо общим согласием, не уничтожалось, а доброе, будучи понимаемо различно, истреблялось. Смотри, как душа всегда бессильна и недостаточна сама по себе. И это устроено не напрасно. Если она, будучи такой, думает не иметь нужды ни в ком и уклоняется от Бога,

то до какого не дошла бы она безумия, если бы не была такой? Если она, получив тело смертное, хотела достигнуть слишком многого, по ложному обещанию диавола: **"будете как боги"** (Быт.3:5), то какому не подверглась бы она падению, если бы в начале получила тело бессмертное? Она и после этого, нечистыми устами манихеев, называла себя нерожденной и происшедшей из существа Божия; по той же болезни (гордости) она выдумала богов, признаваемых язычниками. Потому-то, мне кажется, и добродетель Бог сделал трудной для нее, чтобы обуздать ее и научить смирению. А что это справедливо, покажем из примера израильтян, заключая от малого к великому. Когда израильтяне вели жизнь безбедную и наслаждались спокойствием, то впадали в нечестие, не умея пользоваться своим благоденствием. Что же Бог? Он дал им множество законов, чтобы обуздать их своеволие. Эти законы не вели к добродетели, а только служили для них как бы уздой, не позволявшей им предаваться праздности: вот, послушай, что говорит о них пророк: **"я дал им повеления[4] недобрые"**. Что значит: недобрые? Не много способствующие добродетели; потому и прибавляет: **"постановления, от которых они не могли быть живы"** (Иез.20:25). **"Душевный человек не принимает того, что от Духа"**. Справедливо: как телесными глазами никто не может видеть того, что находится на небесах, так и душа сама по себе (не может постигать) предметов духовных. И что я говорю: на небесах? Даже и всего того, что находится на земле. Так, взирая издали на четырехугольную башню, мы думаем, что она круглая; а такая мысль есть обман зрения. Подобным образом, если кто по одному умозаключению станет судить о предметах отдаленных, то последует великий смех; он не только не скажет, каковы они на самом деле, но и почтет их противоположными тому, каковы они действительно. Потому апостол и присовокупляет: **"потому что он почитает это безумием"**. Это происходит не от свойства предметов, но от слабости того, кто очами души не может обнять их величия. Далее прибавляет и причину: "не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно", т.е. возвещаемое им требует веры и не может быть постигнуто разумом, потому что величие этого далеко превосходит наш слабый разум. Потому он говорит далее: **"но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может"** (ст.15). Видящий видит все и даже то, что относится к невидящему; а что к нему относится, того не видит никто из невидящих. Так и здесь: мы знаем и свое и все то, что относится к неверным, а они нашего не знают. Мы знаем, каково свойство предметов настоящих и каково достоинство будущих, что будет с миром впоследствии, какое понесут наказание грешники и чем будут наслаждаться праведники; знаем, что блага настоящие не имеют никакого достоинства, и обличаем их ничтожность, – судить значит вместе и обличать, – а будущие вечны и неизменны. Духовный знает все это, и то, какое понесет наказание человек душевный в жизни будущей, и то, чем будет наслаждаться верующий, переселившись отсюда; а душевный не знает ничего такого. Потому, для объяснения сказанного, апостол присовокупляет: **"ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов"** (ст.16), т.е. мы знаем то, что в уме Христовом, чего Он хочет и что Он открыл нам. Так как апостол выше сказал, что Дух открыл нам, то, чтобы кто не отверг Сына, присовокупляет, что и Христос открыл, выражая не то, будто мы знаем все, что знает Христос, но что все наше знание не есть человеческое, и потому подверженное сомнению, но есть знание ума Христова и духовное.

6. Ум, который мы на этот счет имеем, есть Христов, т.е. знание, которое мы имеем о предметах веры, есть знание духовное, а потому действительно никто о нас судить не может, так как человек душевный не может знать предметов божественных. Потому апостол и сказал: кто бо разуме ум Господень, утверждая, что наш ум на счет этих предметов есть Его ум. И слова: иже изъяснит и – он прибавил не напрасно, но соответственно вышесказанным словам: духовный ни от единого востязуется. Если никто не может узнать ума Божия, то тем более учить и исправлять его; это и означают слова: иже изъяснит и. Видишь ли, как разнообразно он опровергает внешнюю мудрость и

показывает, что духовный человек знает и больше и лучше? Так как вышеприведенные причины: **"чтобы никакая плоть не хвалилась"**; **"Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых"**; **"чтобы не упразднить креста Христова"** – для неверных могли казаться не слишком убедительными, сильными, необходимыми и полезными, то он приводит наконец главнейшую причину, т.е. что мы только таким образом можем видеть и познавать предметы высокие, таинственные и находящиеся выше нас: а разум оказался недостаточным потому, что посредством мирской мудрости мы не можем постигнуть того, что выше нас. Не очевидно ли, как полезно принимать учение от Духа? Такое учение есть и самое легкое и самое ясное. **"А мы имеем ум Христов"**, т.е. духовный, божественный, не имеющий в себе ничего человеческого; не Платоново, или Пифагорово, но свое Христос сообщил нашему разуму. Устыдимся же, возлюбленные, и будем проводить жизнь добродетельную. Сам Христос знаком великой дружбы представляет то, что Он открыл нам тайны: **"Я уже"**, говорит, **"не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего"**, т.е. вверил вам (Ин.15:14-15). Если же и одно только доверие служит знаком дружбы, то подумай, какую любовь выразил Он, вверив нам тайны не на словах только, но и сообщив их нам на самом деле. Устыдимся же; и если не слишком устрашает нас геенна, то пусть будет для нас страшнее геенны – оказаться непризнательными и неблагодарными к такому другу и благодетелю. Будем делать все не как наемные рабы, а как сыны и свободные – из любви к отцу, и перестанем прилепляться к миру, чтобы посрамить язычников. Желая теперь состязаться с ними, я опасаюсь, чтобы, опровергая их словами и истиною учения, не подвергнуться нам великому осмеянию в рассуждении нашей жизни, так как они, находясь в заблуждении и ничему нашему не веруя, соблюдают любомудрие, а мы совсем напротив. Впрочем стану говорить: может быть, стараясь опровергнуть их, мы постараемся оказаться лучше их и по самой жизни. Прежде я говорил, что апостолам не пришло бы на мысль проповедовать то, что они проповедали, если бы они не имели благодати Божией, и что они не только не совершили бы, но и не предприняли бы столь великого дела. Будем говорить и теперь об этом же предмете и покажем, что им невозможно было бы предпринять и даже помыслить о том, если бы с ними не было Христа, не потому только, что они слабые выступали против сильных, немногие – против многих, бедные – против богатых, неученые. – против мудрых, но и потому, что велика была сила предрассудков. Вы знаете, что у людей нет ничего сильнее давней привычки, и следовательно, если бы их было и не двенадцать человек, если бы они были и не столь уничижены, но хотя бы на их стороне была другая такая же вселенная и число людей, равное противникам и даже гораздо большее, и тогда это было бы трудно.

Тем помогала привычка, а их затрудняло нововведение. Ничто так не возмущает душу, как введение чего-нибудь нового и необычайного, хотя бы это служило к пользе, особенно если это касается богослужения и богопочтения. Как сильно было это препятствие, я объясню после; а наперед скажу, что со стороны иудеев было еще другое препятствие. У язычников апостолы ниспровергли богов и все их учение; но с иудеями рассуждали не так: из учения их многое отвергали, а Богу Законодателю повелевали поклоняться; заповедуя почитать Законодателя, они говорили: не во всем повинуйся закону, данному от Него, как-то: касательно хранения субботы, обрезания, приношения жертв и другого подобного. Таким образом здесь не только жертвы были препятствием, но и то, что они, заповедуя поклоняться Богу, повелевали оставить многие из Его законов. У язычников же велика была сила привычки.

7. Если бы апостолы вышли против людей, коснеющих в привычке только в течение десяти лет, не говорю в течение столь долгого времени, против людей немногих, не говорю против всей вселенной, то и в таком случае совершить перемену было бы трудно. А тогда преданы были заблуждению философы и риторы, отцы и деды, прадеды и

дальнейшие предки, земля и море, горы и долины, все племена варваров и все народы язычников, мудрые и неученые, начальники и подчиненные, жены и мужи, юноши и старцы, господа и рабы, земледельцы и ремесленники, все жители городов и селений. Слыша проповедь, они могли бы сказать: что это значит? Неужели все жители вселенной находятся в заблуждении, и софисты, и риторы, и философы, и писатели, и настоящие и прежде бывшие, последователи Пифагора и Платона, военачальники, сановники и цари, древние жители городов и их основатели, варвары и эллины? Неужели двенадцать рыбаков, скинотворцев и мытарей мудрее всех их? Кто мог бы допустить это? Однако они не говорили этого и не думали, но согласились и признали, что мудрее всех были апостолы, которые поэтому всех и победили. А как велика сила привычки, можешь видеть из того, что она часто действовала сильнее заповедей Божиих. Что я говорю: заповедей? Даже благодеяний Божиих. Так иудеи, получая манну, желали чеснока; пользуясь свободой, вспоминали о рабстве и часто жалели о Египте по привычке. Так велика сила привычки! Если хочешь видеть это и из примеров от внешних, то о Платоне говорят, что он, хотя признал учение о богах заблуждением, однако участвовал в празднествах и во всем прочем, потому что не мог преодолеть привычки и научился тому из примера учителя. И этот (Сократ), будучи подозреваем в некоторых нововведениях, не только не достиг желаемого, но и лишился жизни, хотя и говорил в свое оправдание. Сколько и теперь мы видим людей, которые коснеют в нечестии по предрассудку и, будучи обвиняемы в язычестве, не могут сказать ничего основательного, а только ссылаются на отцов, дедов и прадедов! Потому-то некоторые из внешних (языческих писателей) называли привычку второй природой. Но привычка в предметах веры бывает еще сильнее; люди ничего не переменяют с таким трудом, как богопочтение. Вместе с привычкой, не малым препятствием был и стыд – учиться в глубокой старости, и притом от людей, почитаемых неразумными. И удивительно ли, что так бывает с душой, когда привычка имеет великую силу и над телом? При апостолах было еще другое, сильнейшее препятствие: им нужно было не только изменить столь древнюю и давнюю привычку, но притом изменить с опасностями. Они не просто от одной привычки склонялись к другой, но от привычки безопасной – к тому, что было сопряжено с опасностями. Верующий тотчас должен был лишиться имущества, подвергнуться изгнанию, удалиться из отечества, терпеть крайние бедствия, быть ненавидимым всеми, сделаться общим врагом и для своих и для чужих. Если бы они обращались от нововведения к прежним обычаям, то и это дело было бы трудно; но склоняя от обычаев к нововведению, и притом с такими бедствиями, представь, какие они встречали препятствия. Между тем, кроме сказанного, им предстояло еще другое, не меньшее препятствие, затруднявшее дело перемены. Кроме привычки и опасностей, самые заповеди их были более трудны, а то, от чего отклонялись они, было легко и удобно. Они призывали от прелюбодеяния к целомудрию, от пьянства к посту, от смеха к слезам и сокрушению, от любостяжания к нестяжательности, от пристрастия к жизни к смерти, от спокойствия к опасностям, и во всем требовали крайнего воздержания. **"Сквернословие"**, говорили они, **"и пустословие и смехотворство не приличны вам"** (Еф.5:4), и говорили это тем, которые ничего другого не знали, как только предаваться пьянству и пресыщению, которых празднества состояли не в чем другом, как только в сквернословии, смехотворстве и всяких непристойностях. Таким образом учение (апостолов) было тягостно не только потому, что требовало целомудрия, но и потому, что предлагаемо было людям, воспитанным в своеволии, бесстыдстве, пустословии и порочных весельях. Кто из привыкших к такой жизни не изумился бы, слыша: **"кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня"**, и: **"не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее"** (Мф.10:38,34)? Кто не усомнился бы и не отошел бы прочь, слыша: кто не отречется дома и отечества и имения, не достоин Меня (Лк.14:26,33)? Однако слышавшие не только не изумлялись и не отходили прочь, но прибегали и устремлялись на дела трудные и с ревностью принимали заповедуемое. Кто

из тогдашних не удалился бы, слыша, что за всякое слово праздное мы отдадим ответ (Мф.12:36), **"что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею"** (5:28), что гневающийся напрасно, ввержен будет в геенну (5:22)? Однако все прибегали, а многие даже превосходили заповеданное. Что же привлекало их? Не явно ли, сила Того, кого апостолы проповедовали? Если бы было не так, а было бы напротив, если бы они были на месте тех, а те на месте их, то легко ли было бы привлечь противящихся? Нельзя сказать.

8. Таким образом все доказывает, что здесь действовала божественная сила. Иначе как, скажи мне, убедили бы она людей изнеженных и сластолюбивых вести жизнь суровую и строгую? Таковы-то были заповеди апостолов. Посмотрим, не было ли привлекательно их учение? И оно было таково, что могло отвратить неверных. Проповедуя, что говорили они? Говорили, что должно поклоняться Распятому и почитать Богом Того, который родился от жены иудейки. Кто поверил бы им, если бы не содействовала этому сила божественная? О том, что Христос распят и погребен, все знали; а того, что Он воскрес и вознесся, не видал никто, кроме апостолов. Но они, скажешь, воспламеняли людей обещаниями и увлекали оболстительными словами? Это самое, даже без всего вышесказанного, особенно и доказывает, что наше учение не ложно. Все неприятное предстояло здесь, а приятное было обещаемо после воскресения. Это самое, повторю опять, и доказывает божественность нашей проповеди. Почему никто из верующих не говорил: я не принимаю и не могу снести этого; неприятным ты угрожаешь мне здесь, а приятное обещаешь по воскресении? Откуда известно еще, что будет воскресение? Кто из отшедших возвращался сюда? Кто из умерших воскресал? Кто из них сказал, что будет по отшествии отсюда? Верующие ничего такого не думали, но и полагали души свои за Распятого. Таким образом это самое особенно и служит доказательством великой силы, что людей, никогда ничего подобного не слышавших, апостолы внезапно убеждали в столь великих истинах и делали готовыми испытывать неприятное на деле, а приятное иметь только в надежде. Если бы они обманывали, то поступали бы напротив: приятное обещали бы здесь, а о неприятном, как настоящем, так и будущем, умалчивали бы. Так именно поступают обманщики и оболстители: они не представляют ничего сурового, неприятного и тягостного, а все напротив; в этом и состоит обман. Но многие, скажешь, по неразумию поверили сказанному? Что ты говоришь? Пока они были язычниками, до тех пор не были неразумными, а когда обратились к нам, то стали неразумными? Но апостолы взяли и привели к вере не других людей и не из другой вселенной. Притом эти люди держались язычества безопасно, а принятие нашего учения сопряжено было для них с опасностями. Следовательно, если они держались язычества с разумным убеждением, то, живя в нем столь долгое время, не отступили бы от него, тем более, что отступить от него было не безопасно. Нет, они по самому существу вещей разумели, что язычество смешно и нелепо, и потому, несмотря на угрожавшую им смерть, отступали от своих обычаев и прибегали к новому учению, видя, что последнее согласно с природой, а первое противно природе. Но веровавшими, скажешь, были рабы, женщины, кормилицы, старухи и евнухи? Нет, не из таких только людей составила наша Церковь, как известно всем; если бы и из таких, то это и делает особенно чудной проповедь, что рыбаки, люди самые необразованные, могли внезапно убеждать к принятию такого учения, которого никак не мог изобрести Платон с своими последователями. Если бы они убеждали только мудрых, это еще не было бы удивительно; а если слуг, старух и евнухов они приводили к такому любомудрию, что делали их подобными ангелам, то в этом заключается величайшее доказательство их божественного вдохновения. Если бы они преподавали что-нибудь маловажное, то убеждение таких людей можно было бы приводить в доказательство низости учения; а если они любомудрствовали о предметах важных и высоких, даже превышающих человеческую природу и доступных для ума высокого, то чем менее разумными представишь убеждавшихся, тем более мудрыми и исполненными благодати

Божией окажутся убеждавшие. Но, скажешь, они убеждали величию обещаний? А это самое, скажи мне, неужели не удивляет тебя, что они убеждали людей ожидать наград и воздаяний после смерти? Меня это приводит в изумление. Но и это, скажешь, происходило от неразумия? От какого же неразумия, скажи мне? Что душа бессмертна, что после здешней жизни ожидает нас нелицеприятный суд, и мы отдадим Богу, знающему самое сокровенное, отчет и в словах, и в делах, и в помышлениях, и увидим наказание злых и награждение добрых, – такие убеждения означают не неразумие, но великое любомудрие.

9. Это самое, чтобы презирать блага настоящие, высоко ценить добродетель, ожидать наград не здесь, а простираться надеждами гораздо далее, иметь душу столь твердую и исполненную веры, чтобы ни от какого настоящего бедствия не ослабевать в надеждах на будущее, это, скажи мне, не есть ли знак великого любомудрия? Хочешь ли видеть силу самых обетований и предсказаний и истину прошедшего и будущего? Посмотри на золотую цепь (истин), разнообразно сплетенную от начала. (Христос) возвещал ученикам о Себе самом, о Церкви и будущих событиях, и, возвещая, совершал чудеса. Исполнение сказанного Им служит доказательством истинности и чудес Его и будущих обетований. Чтобы это было яснее, представлю примеры. Христос воскресил Лазаря, одним словом возвратив ему жизнь. Он же сказал: **"врата ада не одолеют"** Церкви (Мф.16:18); также: **"всякий, кто оставит отца, или мать получит во сто крат и наследует жизнь вечную"** (Мф.19:29). Здесь одно чудо – воскресение Лазаря, и два предсказания, из которых одно исполняется теперь, а другое исполнится в будущем. Смотри же, как все это взаимно подтверждается. Кто не стал бы верить, что Лазарь воскрес, тот должен поверить этому чуду по предсказанию касательно Церкви: ведь сказанное о ней за столько времени сбылось и исполнилось впоследствии: врата ада действительно не одолели Церкви. Потому ясно, что изрекший истину в предсказании совершил и чудо, а совершивший чудо и исполнивший сказанное изрек истину и в предсказании будущего, т.е. что презирающий настоящие блага **"получит во сто крат и наследует жизнь вечную"**. В том, что уже совершилось и было сказано, заключается великий залог истинности и того, что имеет исполниться в будущем. Таким образом, заимствуя все это и подобное тому из Евангелий, будем говорить им (язычникам) и заграждать им уста. Если же кто скажет: отчего еще не совсем уничтожилось (языческое) заблуждение? – на это мы ответим: виновны в том вы сами, действующие против своего спасения; а Бог все устроил так, чтобы не осталось даже и следов нечестия. Повторим теперь кратко сказанное. Что естественнее: слабым ли побеждать сильных, или напротив? Предлагающим легкое, или трудное? Склоняющим к делу опасному, или безопасному? Вводящим что-либо новое, или подтверждающим прежние обычаи? Ведущим на путь неудобный, или удобный? Отвергающим отеческие предания, или внушающим нечуждое? Обещающим все приятное по отшествии отсюда, или обольщающим надеждами в жизни настоящей? Немногим (побеждать) многих, или многим – немногим? Но, скажешь, и вы обещаете нечто здесь. Что же мы обещаем здесь? Отпущение грехов и очищение **"банею возрождения"** (Тит.3:5). Но и крещение доставляет больше благ в будущем; и Павел говорит: **"ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе"** (Кол.3:3). Если же оно и здесь доставляет блага, как и действительно доставляет, то это особенно и чудно, что людей, совершивших бесчисленное множество грехов, каких никто другой не совершал, апостолы могли убедить, что все их нечистоты омоются, и они уже не будут давать никакого отчета в грехах своих. Подлинно, это особенно и удивительно, что люди грубые убедились принять такую веру, питать благие надежды в будущем, свергнуть прежнее бремя грехов с великим усердием и немедленно приступить к подвигам добродетели, не прилепляться ни к чему чувственному, сделаться выше всего плотского и принять дары духовные, – что перс и сармат, мавр и индеец познали чистоту души, силу и неизреченное человеколюбие Божие, любомудрие веры,

наитие Святого Духа, учение о воскресении тел и жизни вечной. О всем этом и многом другом подобном рыбаки научили людемудрствовать племена варварские, просветив их таинством крещения. Будем же тщательно сохранять все это и говорить им (язычиикам), а вместе доказывать им это и собственной жизнью, чтобы нам и самим спастись и их обратить к прославлению Бога, Которому слава во веки. Аминь.

[1] Эта фраза отмечена как цитата, но откуда она взята, – неясно

[2] Гр. "προσέθηκεν" = "приложил"

[3] В рус.пер. "проникает"

[4] Гр. "εἶω εἰδωκα αυτοῖς προσταυματα". В синод.пер. "попустил им учреждения..." (т.е. ошибочно понимая под этим языческие обычаи)

БЕСЕДА 8

"И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские" (1Кор.3:1-3).

1. Обличив внешнюю (языческую) мудрость и низложив всю происходящую от нее гордость, апостол переходит к другому предмету. Они (коринфяне) могли сказать: если бы мы проповедовали учение Платона, или Пифагора, или другого какого-либо философа, то ты справедливо мог бы так много говорить против нас; если же мы проповедуем о предметах духовных, то для чего ты опровергаешь внешнюю мудрость? Как он на это отвечает – послушай: **"И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными"**. Если бы вы, говорит, были даже совершенны в предметах духовных, то и тогда не надлежало бы вам превозноситься, так как вы проповедуете не свое, не то, до чего вы сами достигли; а теперь вы и этого не знаете, как должно знать; вы только еще ученики, и притом последние из всех. Потому, если вы гордитесь внешней мудростью, то она, как уже и доказано, не только не значит ничего, но и препятствует нам в познании предметов духовных; если же гордитесь духовным (знанием), то и в этом вы еще весьма несовершенны и стоите между последними. Потому, говорит, **"И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными"**. Не сказал: я не говорил, – чтобы не подумали, что это происходило от зависти, но низлагает их высокомерие двояким образом: во-первых, тем, что они не знают предметов духовных совершенно, и во-вторых, тем, что они сами причиною этого незнания; к этому присовокупляет, в-третьих, что они и теперь еще не могут (знать их). Если они не могли – вначале, то это, может быть, зависело от сущности самых предметов, хотя и такого оправдания, как он доказал, представить они не могут: не потому, говорит, они не приняли высоких истин, что не могли принять, а потому, что они плотяны. Впрочем, вначале это было еще не так предосудительно; а не достигнуть знания предметов совершенных в течение столь долгого времени – это уже знак крайней беспечности. В том же апостол обличает и евреев, но не с такой силой. Те, говорит он, были такими по причине прискорбных обстоятельств, а эти по своим порочным наклонностям; но то и другое не одно и то же. Тем он говорит такие же истины для назидания, а этим – для их возбуждения; этим говорит: **"вы и теперь не в силах"**, а тем: **"посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству"**; и еще: **"мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так"**

(Евр.6:1,9). Но как он называет плотскими людей, которые получили столько (даров) Духа и которых он в начале послания превозносил такими похвалами? Точно также, как были плотскими те, которым говорит Господь: **"отойдите от Меня, не знаю вас, делающие беззаконие"** (Мф.7:23), хотя они изгоняли бесов, воскрешали мертвых и изрекали пророчества. Следовательно и тот, кто совершал знамения, может быть плотским. Так Бог действовал и чрез Валаама, открывал будущее и фараону и Навуходоносору, и Каиафа пророчествовал, сам не зная, что говорил, и другие некоторые изгоняли бесов Его именем, хотя сами не были с Ним, – потому что все это бывает не для совершающих, а для других. Часто это совершалось и чрез недостойных. И удивительно ли, что это бывает чрез людей недостойных для других, если и чрез святых (Бог действует для других)? Так Павел говорит: **"Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или жизнь, или смерть, – все ваше"** (1Кор.3:22); и еще: **"Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения"** (Еф.4:11-12). Если бы этого не было, то все беспрепятственно впадали бы в погибель. Случается, что начальники бывают злы и невоздержны, а подчиненные добры и воздержны, миряне живут благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойных, то не было бы ни крещения, ни совершения тела Христова, ни приношений. Но теперь Бог действует и чрез недостойных, и благодать крещения нисколько не терпит вреда от жизни священника; иначе и приемлющий терпел бы вред. Хотя это бывает редко, однако бывает. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь из предстоящих, наблюдая за жизнью священника, не соблазнился касательно совершаемых им таинств. Человек ничего не привносит в них от себя, но все – дело силы Божией; Бог действует на вас в таинствах. **"И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими. Я питал вас молоком, а не [твердую] пищу, ибо вы были еще не в силах"**. Чтобы не подумали, что он из честолюбия сказал вышеприведенные слова: **"но духовный судит о всем"**, и еще: **"о нем судить никто не может"**, и еще: **"мы имеем ум Христов"**, и чтобы низложить гордость их, Павел, смотри, что говорит: я не потому, говорит, умалчивал, чтобы не мог сказать вам ничего больше, но потому, что вы плотские. Но ниже еще можете ныне.

2. Почему апостол не сказал: не хотите, но: не можете? Последнее он поставил вместо первого, так как они не могли потому, что не хотели, а это и служит для них обвинением, для учителя же оправданием. Если бы они не могли по природе, то можно было бы извинить их; но так как они не могли по своей воле, то им нет прощения. Далее он высказывает и признак, почему они плотские: **"ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли [обычаю] поступаете?"** (ст.3). Он мог бы укорять их и в прелюбодеянии и в невоздержании, но особенно указывает на тот грех, который теперь старается искоренить. Если же зависть делает плотскими, то всем нам должно возрыдать, облечься во вретиче и посыпать пеплом. Кто в самом деле чист от этой страсти, если только могу по себе заключать о других? Если зависть делает плотскими и препятствует быть духовными даже таким людям, которые пророчествовали и совершали другие чудные дела, то что будет с нами, которые и не имеем такой благодати и предаемся не только этому, но и другим важнейшим грехам? Отсюда мы научаемся, как справедливо сказал Христос, что **"делающий злое не идет к свету"** (Ин.3:20), что нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Как невозможно, чтобы заблуждающийся, но живущий хорошо, навсегда остался в заблуждении, так, напротив, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до познания наших догматов; но должно очиститься от всех страстей желающему постигнуть истину. Кто очистится от них, тот избавится и от заблуждения и познает истину. Не думай, что для этого тебе довольно только не быть корыстолюбивым и не прелюбодействовать; нет, кто ищет истины, в том должны соединиться все добродетели. Потому и говорит Петр: **"истинно познаю, что Бог**

нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему", т.е. такого человека Бог призывает и привлекает к истине (Деян.10:34-35). Павел не был ли ревностнее всех в гонении и преследовании (верующих)? Но так как он проводил жизнь безукоризненную и поступал так не по страсти человеческой, то и был принят и превзошел всех. Если же кто скажет: почему такой-то язычник, добрый, милостивый и человеколюбивый остается в заблуждении? – на это я отвечаю: потому, что он имеет другую страсть, тщеславие, или душевную леность, или нерадение о собственном спасении, и думает, что все с ним бывает просто и случайно. Делающим правду Павел называет того, кто во всем безупречен по правде, предписанной законом (Флп.3:6), и (в другом месте говорит): **"благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью"** (2Тим.1:3). Но почему, скажешь, люди нечистые удостоились слышать проповедь? Потому, что они сами желали того и усердно желали. Бог привлекает к Себе и заблуждающихся, если они очищают себя от страстей; не отвергает и тех, которые сами приходят к Нему. Так многие из предков наших приняли благочестие. **"Ибо если между вами зависть и споры"**. Здесь он обращается к подчиненным; в предыдущих словах он обличал начальников и говорил, что мудрость красноречия не имеет никакого достоинства, а теперь обличает подчиненных и говорит: **"ибо когда один говорит: "я Павлов", а другой: "я Аполлосов", то не плотские ли вы?"** (1Кор.3:4)? Показывает, что это не только не принесло им никакой пользы, или приобретения, но и воспрепятствовало получению высшего. Это именно произвела зависть; зависть сделала их плотскими; а когда они сделались плотскими, то помешала слушать о высших предметах. **"Кто Павел, кто Аполлос?"** (ст.5). Объяснив и доказав свою мысль, он уже открыто приступает к обличению, и поставляет свое имя, чтобы смягчить суровость речи и не оскорбить их своими словами. Ведь если Павел – ничто, и не огорчается этим, то тем более они не должны огорчаться. Так он успокаивает их двояким образом: и представляя в пример самого себя, и их не лишая всего, как ничего не сделавших; он уступает им нечто, хотя и небольшое, а именно, сказав: **"Кто Павел, кто Аполлос?"**, присовокупляет: **"они только служители, через которых вы уверовали"**. Это, конечно, само по себе важно и достойно великих наград, но в сравнении с первообразом и источником благ – ничто, потому что не тот благодетель, кто служит при раздавании благ, а тот, кто сообщает и дарует их. Не сказал: благовестники, но: служители, что означает более. Они не просто благовествовали, но и служили нам; первое требует слова, а последнее заключает в себе и дело. Если и Христос – только служитель благ, а не сам виновник и источник их, – что свойственно Ему, как Сыну, – то ясно, как надобно судить об этом деле.

3. В каком же смысле апостол называет Христа **"служителем для обрезанных"** (Рим.15:8)? Там он говорит о домостроительстве Его по плоти и не в том смысле, в каком мы теперь говорим; там под словом служитель разумеется исполнитель, а не то, что Он не от Себя самого сообщает блага. Не сказал: приведшие вас к вере, но: **"через которых вы уверовали"**, чтобы опять и верующим воздать должное и показать, кто – служители. Если же (учители) служили другим, то могут ли они присвоить себе какие-либо достоинства? Впрочем, заметь, он нигде не осуждает их как присвояющих себе, но говорит против приписывающих им это; причина разделения заключалась в народе, так что если бы он не производил смятения, то и те перестали бы. Таким образом апостол поступил вдвойне мудро: искоренил грех там, где следовало, и в других не возбудил к себе негодования и не подал им повода к словопрениям. **"Поскольку каждому дал Господь"**. И это малое дело зависело не от них самих, а от Бога, даровавшего им. Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащих нам? Так, говорит он, но надобно знать, до какой степени; дело их не от них самих, а от Бога, даровавшего им: **"Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог"** (1Кор.3:6), т.е. я первый посеял слово; а чтобы семена не засохли от искушений, Аполлос прибавил нечто с своей стороны; но все было делом

Божиим. **"Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а [все] Бог возвращающий"** (ст.7). Видишь ли, как он смягчает речь свою, чтобы они не ожесточились, если бы он сказал: кто такой-то и такой-то? То и другое неприятно, т.е. сказать ли: кто такой-то и такой-то, или сказать: **"и насаждающий и поливающий есть ничто"**. Чем же он смягчает эти слова? Тем, что принимает уничижение на свое лицо: **"кто Павел, кто Аполлос?"**, и тем, что все относит к Богу, даровавшему все: сказав, что он насадил и что насаждающий есть ничто, присовокупляет: **"но возвращающий Бог"**. Не останавливается и на этом, но для той же цели присовокупляет еще следующее: **"насаждающий же и поливающий суть одно"** (ст.8). Вместе с тем он этим внушает, чтобы они не превозносились друг пред другом. Одно называет их в том отношении, что они ничего не могут без возвращающего Бога. Этими словами он не дозволяет и много трудившимся превозноситься пред теми, которые совершили менее, и последним завидовать первым. Но чтобы не подать повода к нерадению той мыслью, что все, и много и мало трудящиеся, суть одно, он далее, смотри, как предупреждает это: **"но каждый"**, говорит, **"получит свою награду по своему труду"**. Как бы так говорит: не бойся, когда я говорю, что они суть одно; они одно по отношению к делу Божию, но не одно по трудам своим, а **"каждый получит свою награду"**. Внушив то, что хотел, он потом еще более смягчает речь и с любовью говорит им приятное столько, сколько можно. **"Ибо мы соработники у Бога, [а] вы Божия нива, Божие строение"** (ст.9). Видишь ли, как он и им (учителям) приписывает не малое дело, доказав наперед, что все принадлежит Богу? Он всегда увещевал повиноваться предстоятелям; потому не слишком уничижает и учителей. **"Вы Божия нива"**. Сказав: **"я насадил"**, он продолжает метафору. Если же вы – Божия нива, то вам следует носить имя не возделывающих, но Божие, так как нива называется именем не земледельца, а господина ее. **"Вы Божие строение"**. Также и строение принадлежит не строителю, а господину. Если же вы – строение, то вам не должно распадаться на части; иначе не будет и строения. Если вы – нива, то вам не должно разделяться, но ограждаться одним оплотом единомыслия. **"Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание"** (ст.10). Здесь, называя себя мудрым, он не превозносит самого себя, но представляет им пример и показывает, что мудрому свойственно полагать одно основание. И, смотри, как он и здесь соблюдает скромность. Назвав себя мудрым, он не приписал этого себе, но наперед всего себя предал Богу, и тогда уже так назвал себя: по благодати, говорит, Божией, данной мне. Вместе с тем он внушает, что все – Божие, и что благодать в том особенно и состоит, чтобы не разделяться, но утверждаться на одном основании. **"А другой строит на [нем]; но каждый смотри, как строит"**. Здесь, мне кажется, он обращает их к подвигам в жизни, после того, как соединил их и сделал единым. **"Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос"** (ст.11). Не может, пока он (истинный) строитель; а если положит, то он уже и не строитель.

4. Видишь, как он доказывает предложенную мысль и общежитскими соображениями. Слова его означают следующее: я возвестил Христа, дал вам основание; смотрите, как вы строите на нем, не с тщеславием ли, не с целью ли – отклонять от Него учеников и привлекать к людям? Не будем же увлекаться ересями: **"никто не может положить другого основания, кроме положенного"**. Будем строить на этом основании и держаться на нем, как ветвь на виноградной лозе, и пусть не будет никакого разделения между нами и Христом, потому что если отделимся от Него, то немедленно погибнем. Ветвь втягивает в себя сок потому, что соединена с лозой, и здание стоит потому, что связано; а что отрывается, то погибает, потому что ни на чем не держится. Потому будем не просто держаться Христа, но прилепляться к Нему: если отделимся, погибнем. **"Удаляющие себя от Тебя гибнут"**, говорит Писание (Пс.72:27). Будем же прилепляться к Нему, и прилепляться делами, потому что **"исполняющий"**, говорит Он, **"заповеди мои, во Мне пребывает"** (Ин.14:20-21). Он внушает нам единение с Ним многими сравнениями.

Смотри: Он глава, мы тело; между главою и телом может ли быть какое-либо расстояние? Он основание, мы здание; Он лоза, мы ветви; Он жених, мы невеста; Он пастырь, мы овцы; Он путь, мы идущие; мы храм, Он обитатель; Он первенец, мы братия; Он наследник, мы сонаследники; Он жизнь, мы живущие; Он воскресение, мы воскресающие; Он свет, мы просвещаемые. Все это означает единение и не допускает никакого разделения, даже малейшего, так как кто отделился немного, тот потом отделится и много. Так тело, получив хотя малую рану от меча, портится; здание, расщелившись хотя немного, разрушается; и ветвь, отломившись от корня хотя немного, делается негодной. Таким образом, это малое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрешим в чем-нибудь малом, или почувствуем леность, не будем презирать этого малого, потому что, будучи оставлено в небрежении, оно скоро делается великим. Так одежда, если начнет раздираться и будет оставлена в небрежении, вся раздирается; и кровля, если обнажится от нескольких черепиц и будет оставлена в небрежении, разрушает весь дом. Итак, представляя себе это, никогда не будем пренебрегать малыми грехами, чтобы не впасть в великие; если же по небрежению впадем даже в бездну зол, то и тогда не будем отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствует над собою тщательно, не только по причине глубины этой бездны, но и по самому положению. Грех – это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет. Как упавшие в колодезь не скоро могут выйти оттуда и имеют нужду в других, которые бы вытащили их, так точно и тот, кто впал в глубину грехов. Спустим же к ним вервие и извлечем их оттуда; или лучше сказать, не в других только здесь нужда, но и в нас самих, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотим, и гораздо выше. Сам Бог – помощник, потому что Он не хочет смерти грешника, но **"чтобы он обратился и был жив"** (Иез.18:23). Итак никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болезни нечестивых, которым этот грех свойствен: **"Когда достигнет, сказано, нечестивый до глубины зол, нерадит"** (Притч.18:3).

Таким образом не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души. Поэтому, хотя бы ты впал во все роды пороков, скажи самому себе: Бог человеколюбив и желает нашего спасения: **"Если"**, говорит Он, **"будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю"** (Ис.1:18), т.е. изменю в противное состояние. Не будем же отчаиваться; не столь опасно пасть, как упавши лежать; не столь страшно быть раненным, как, будучи раненным, не желать исцеления, потому что **"кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего"?"** (Притч.20:9). Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, но чтобы удержать вас от отчаяния.

5. Хочешь ли знать, как благ наш Владыка? К Нему пришел мытарь, виновный в бесчисленных пороках, и, сказав только: **"будь милостив ко мне грешнику!"**, ушел оправданным (Лк.18:13). И чрез пророка Бог говорит: **"за грех Я слегка опечалил его, и увидел, что он опечалился, и ходил смущенный, и исцелил пути его"** (Ис.57:17-18). Что может сравниться с таким человеколюбием? Потому только, говорит, что он опечалился, Я простил грехи его. А мы не делаем и этого, и тем особенно прогневаем Бога. Он, умиловляющийся малым, когда не видит и этого, справедливо гневается и подвергает нас великому наказанию, потому что мы обнаруживаем крайнее небрежение. Кто когда-нибудь скорбел о грехах? Кто воздыхал? Кто бил в перси свои? Кто сокрушался? Я не знаю никого. Люди непрестанно плачут об умерших рабах, о потере имущества, а погубляя каждый день душу свою, даже и не думают о том. Как же ты можешь умиловить Бога, если даже и не знаешь, что ты согрешил? Правда, говоришь ты, я грешен; но это говоришь одним языком; говори же и сердцем и вместе с тем воздыхай, чтобы тебе постоянно быть в добром настроении. Ведь если бы мы скорбели о грехах, если бы воздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль. Таким образом, от исповедания грехов мы

получили бы и другую пользу, ту, что не стали бы падать духом в горестных обстоятельствах настоящей жизни, ни надмеваться в радостных; а чрез это много умилостивили бы Бога; между тем теперь делами своими оскорбляем Его. Скажи мне: если бы твой раб, претерпевая много зла от своих товарищей, не обращал никакого внимания на других, а заботился бы только о том, чтобы не прогневать господина, то не мог ли бы он этим одним утолить гнев твой? Напротив, если бы он несколько не заботился о проступках своих пред тобой, а заботился бы только об отношениях своих к товарищам, то не подверг ли бы ты его еще большему наказанию? Так поступает и Бог: когда мы пренебрегаем гневом Его, тогда Он являет на нас сильнейший гнев; а когда бываем внимательны, тогда смягчает, или, лучше, прекращает гнев свой. Он желает, чтобы мы сами себя наказывали за грехи, и тогда Он уже не наказывает. Для того Он и угрожает наказанием, чтобы страхом истребить в нас нерадение; и когда мы страшимся одной угрозы, то Он уже не попускает нам испытать ее на самом деле. Смотри, что говорит Он Иеремии: **"не видишь ли, что они делают? Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто"** (Иер.7:17-18). Боюсь, чтобы и о нас не было сказано того же: не видишь ли, что они делают? Никто не ищет ничего Христова, а все – своего. Сыновья их предаются распутству, отцы их – любостыжанию и хищению, жены их – житейской суете, не только не удерживая мужей своих, но и поощряя их. Стань на торжище, спроси уходящих и приходящих, и увидишь, что никто не заботится о предметах духовных, а все гоняются за плотскими. Доколе мы не пробудимся? Доколе будем объаты глубоким сном? Неужели мы еще не насытились злом? Впрочем и без слов самый опыт достаточно может научить нас, что все настоящее низко и ничтожно. Люди, занимавшиеся внешнею (языческою) мудростью и не знавшие ничего будущего, уразумев совершенное ничтожество вещей настоящих, удалялись от них. Как же можешь получить прощение ты, пресмыкающийся по земле и не презирающий малого и преходящего для великого и вечного, ты, который слышал от самого Бога, открывшего и внушившего тебе это, и получил от Него такие обетования? Что эти вещи не стоят привязанности, доказательством тому служат те, которые оставляли их без надежды благ больших. В самом деле, какого ожидая богатства, они избирали бедность? Никакого; они очень хорошо знали, что такая бедность лучше богатства. Какой жизни надеясь, они оставляли роскошь и предавались строгому житию? Никакой; они, познав свойство вещей, уразумели, что отсюда великая польза и для душевного любомудрия и для телесного здоровья. Итак, представляя себе это и непрестанно помышляя о благах будущих, перестанем прилепляться к настоящим, чтобы нам сподобиться тех будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня" (1Кор.3:12-15).

1. Здесь представляется нам вопрос не маловажный, но касающийся предмета самого необходимого и исследуемый всеми людьми: будет ли иметь конец огонь геенский? Христос открыл нам, что этот огонь не имеет конца: **"червь их не умирает и огонь не угасает"** (Мк.9:46). Вижу, что вы содрогаетесь, слыша это; но что делать? Бог повелевает непрестанно возвещать это: **"укажи"**, говорит, **"народу Моему"** (Ис.58:1). Мы поставлены на служение слова, и потому нужно говорить и неприятное слушателям; хотя и вопреки желанию, а нужно. Впрочем, если хотите, это не будет для вас неприятно. Если делаешь

добро, говорит (апостол), не бойся (Рим.13:3). Следовательно вы можете слушать нас не только без страха, но и с удовольствием. Итак, Христос открыл, что геенский огонь не имеет конца; и Павел утверждает, что мучение будет нескончаемое, когда говорит, что грешники **"подвергнутся наказанию, вечной гибели"** (2Фес.1:9); и еще: не обманывайтесь: **"ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии Царства Божия не наследуют"** (1Кор.6:9-10). И к евреям он говорит: **"старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр.12:14). Также Христос на слова: **"мы Твоим именем многие чудеса творили"**, скажет: **"отойдите от Меня делающие беззаконие: не знаю вас"** (Мф.7:22-23). И девы, для которых затворились двери, уже не могли войти; и о тех, которые не питали Его, Он говорит: **"пойдут в муку вечную"** (Мф.25:46).

Не говори мне: где же справедливость, если мучение не будет иметь конца? Когда Бог делает что-либо, повинуйся Его определениям и не подчиняй их умствованиям человеческим. Притом разве это несправедливо, если человек, получивший сначала тысячи благ, а потом совершивший достойное наказания и не сделавшийся лучше ни от угроз, ни от благодеяний, подвергается наказанию? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды нам следовало еще в начале тотчас же погибнуть; а лучше, и тогда это было бы не по одному закону правды, но было бы действием и человеколюбия, если бы мы и это потерпели. Кто оскорбляет человека, не причинившего ему никакого зла, тот по закону правды подлежит наказанию; если же кто своего благодетеля, не обязанного ему ничем, но оказавшего ему бесчисленные благодеяния, единственного виновника его бытия и притом Бога, вдохнувшего в него душу, даровавшего тысячи благ и хотевшего возвести его на небо, если такого (благодетеля), после таких благодеяний, не только оскорбляет, но и каждый день огорчает своими делами, то какого прощения он будет достоин? Не видишь ли, как (Бог) наказал Адама за один грех? Он, скажешь, дал ему рай и удостоил его своего великого благоволения? Но не одно и то же – грешить, наслаждаясь благоденствием, или – проводя жизнь в великой скорби. То и тяжело, что ты грешешь, находясь не в раю, а среди бесчисленных бедствий настоящей жизни, и не вразумляешься несчастьями; это подобно тому, как если бы кто делал зло, будучи связанным. (Бог) обещал тебе блага больше рая; еще не дал их, чтобы ты не обленился во время подвигов, но и не умолчал о них, чтобы ты не ослабевал в трудах своих. Адам, совершив один грех, навлек на себя смерть; а мы каждый день совершаем тысячи грехов. Если же он, совершив один грех, навлек на себя столько зла и ввел смерть в мир, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущие во грехах, хотя и ожидающие неба вместо рая? Тяжко это слово и прискорбно для слушателя. Знаю это по чувству, которое сам испытываю: сердце мое смущается и содрогается, и чем более удостоверяюсь в несомненности геенны, тем более трепещу и объемяюсь страхом. Но нужно говорить об этом, чтобы нам не впасть в геенну. Не рай, не древа и растения получил ты, а небо и блага небесные. Если же получивший меньшее осужден и ничто не могло оправдать его, то тем более мы, призванные к высшему и согрешающие больше его, подвергнемся нестерпимым мучениям. Представь, сколько времени род наш за один грех остается под владычеством смерти. Прошло уже пять тысяч и более лет, а смерть еще не прекратилась за один грех. Притом мы не можем сказать, что Адам слушал пророков, что он видел наказания, постигшие других за грехи, что он мог оттого придти в страх и вразумиться этими примерами; он был тогда первый и единственный, однако же наказан. Ничего такого не можешь представить ты, который делаешься хуже после таких примеров, который удостоился таких даров Духа, и допускаешь не один, не два и не три, а бесчисленное множество грехов. Не смотри на то, что грех совершается в краткое время и не думай, что потому и наказание будет кратковременное. Не видишь ли, как люди, совершившие воровство или прелюбодеяние один раз и в одну минуту, часто проводят целую жизнь в темницах и рудопониях, подвергаясь непрестанному голоду и бесчисленным родам смерти? И однако никто не

оправдывал их и не говорил, что так как грех совершен ими в краткое время, то и наказание должно продолжаться соответственное греху время.

2. Но, скажешь, так поступают люди, а Бог человеколюбив? Во-первых, и люди так поступают не по жестокости, а по человеколюбию; и Бог так наказывает потому, что Он человеколюбив; по величию милости Его велико и наказание Его. Следовательно, когда ты говоришь, что Бог человеколюбив, то тем более доказываешь справедливость наказания. если мы грешим против такого (Существа). Потому и Павел говорил: **"страшно впасть в руки Бога живаго"** (Евр.10:31). Вникните, увещаваю вас, в силу этих слов; может быть, вы получите отсюда некоторое утешение. Кто из людей может наказывать так, как наказывал Бог, устроивший потоп и истребление человеческого рода, а немного после одождивший с неба огонь и до основания истребивший всех (жителей Содома)? Какое человеческое наказание может сравниться с таким наказанием? Не видишь ли и здесь почти бесконечное наказание? Прошло четыре тысячи лет, а наказание содомлян доселе остается в силе. Как велико человеколюбие Божие, так и наказание Его. Притом, если бы Бог заповедал что-либо трудное и невозможное, то иной мог бы сослаться на трудность Его заповедей; если же Он заповедует весьма легкое, то что мы можем сказать, не заботясь и об этом? Разве ты не можешь поститься и сохранять девство? Можешь, если захочешь, в чем обличают нас те, которые исполняли это; но Бог не употребил против нас всей строгости, не повелел и не заповедал этого, а предоставил воле слушателей; ты можешь быть целомудренным и в браке, можешь воздерживаться и от пьянства. Разве ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, как показывают сделавшие это; но Бог не заповедал и этого, а повелел не похищать чужого и из имущества своего уделять нуждающимся. Если кто скажет, что он не может довольствоваться одной женой, тот обольщает и обманывает себя, в чем обличают его те, которые сохраняют целомудрие и без жены. Разве ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротив, труднее делать это, нежели не делать. Какое же мы имеем оправдание, когда не исполняем столь легкого и удобного? Не можем представить никакого. Из всего сказанного очевидно, что мучение будет вечно. Но некоторым кажется, что изречение Павла противоречит этому; потому обратимся к его объяснению. Сказав: **"у кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон"**, он присовокупил: **"впрочем сам спасется, но так, как бы из огня"**. Что сказать об этом? Рассмотрим, во-первых, что такое основание, что золото, что драгоценные камни, что сено и солома. Основанием он сам ясно назвал Христа: **"основания иного"**, говорит, **"никто не может положить, кроме положенного, которое есть Иисус Христос"**; а здание, мне кажется, означает дела. Правда, некоторые утверждают, что здесь говорится об учителях и учениках, и о нечестивых ересях; но смысл речи не допускает этого. Ведь, если так, то как же дело погибнет, а назидующий спасется как бы из огня? Виновнику тем более надлежало бы погибнуть, а здесь большему наказанию окажется подвергшимся тот, кто был назидаем. Если учитель был виновником зла, то он и достоин большего наказания: как же он спасется? Если же он не виновен, а ученики сделались такими по собственному развращению, то хорошо назидавший вовсе не заслуживает наказания или какого-нибудь вреда: как же говорится, что он потерпит урон? Отсюда видно, что здесь идет речь о делах. Намереваясь говорить о кровосмеснике, апостол заранее и еще задолго делает к тому вступление. Он, обыкновенно, рассуждая о каком-либо предмете, в этом самом рассуждении наперед намекает на другой предмет, к которому намеревается перейти. Например, укоряя коринфян за то, что они не дожидаются друг друга на вечерях, он сделал вступление к речи о таинствах. Так и здесь, намереваясь говорить о кровосмеснике и сказав об основании, присовокупил: **"разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог"** (ст.16-17). Этими словами он уже устрашал и потрясал душу кровосмесника. **"Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных**

камней, дерева, сена, соломы". После веры нужно назидание; потому, и в другом месте он говорит: **"утешайте друг друга сими словами"** (1Фес.4:18). В назидании участвуют вместе и художник и ученик; потому он и говорит: **"но каждый смотри, как строит"**.

3. Если бы это было сказано о вере, то было бы сказано неосновательно. В вере должны быть все равны, потому что вера одна; а в делах жизни не все одинаковы. Вера не бывает ни хуже, ни лучше, но одинакова у всех истинно верующих; а в жизни одни ревностнее, другие беспечнее, одни исправнее, другие небрежнее, одни делают больше, другие меньше, одни грешат тяжелее, другие легче. Потому апостол и сказал: **"золото, серебро, драгоценные камни, дрова, сено, солома. Каждого дело обнаружится"**. Здесь Он говорит о делах. **"У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон"**. Если бы это было сказано об учениках и учителях, то учителям не надлежало бы терпеть наказания, если ученики не слушали их. Потому Он и говорит: **"каждый получит свою награду по своему труду"**, не по окончанию дела, а по труду. Что ему нужды, если слушатели не внимали? И отсюда также видно, что здесь говорится о делах. А смысл слов следующий: кто при правой вере ведет худую жизнь, того вера не защитит от наказания, когда дело будет гореть. Сгорит, значит – не перенесет силы огня. Если бы кто с золотым оружием переходил огненную реку, то перешел бы ее со славою; а если напротив кто станет переходить ее с сеном. тот не только не будет иметь успеха, но и погубит самого себя: так бывает и с делами. Говоря это, апостол понимает не действительное сожжение людей, но желает внушить сильнейший страх и показать, что живущий порочно находится в опасности. Потому и говорит: **"потерпит урон"**: вот первое наказание. **"Сам спасется, но так, как бы из огня"**: вот и другое. Эти слова означают следующее: он сам не погибнет так, как дела, не обратится в ничто, но останется в огне. Это апостол и называет спасением; потому не просто сказал: спасется, а прибавил: **"как бы из огня"**. Так и мы обыкновенно говорим: в огне сохраняются – о таких вещах, которые не сгорают и не вдруг обращаются в пепел. Потому, слыша об огне, не думай, что сожигаемые обратятся в ничто. Не удивляйся и тому, что апостол называет такое мучение спасением; он нередко о предметах неприятных употребляет хорошие выражения, а о предметах приятных – нехорошие. Например, слово плен обозначает дурной предмет; но Павел употребляет его по хорошему, говоря: **"пленим всякое помышление в послушание Христу"** (2Кор.10:5). Также, говоря о худом, употребляет хорошее выражение в следующих словах: **"грех царствовал"** (Рим.5:21); между тем слово царствование скорее хорошо звучит. Так и здесь, сказав: спасется, он выражает не что иное, как продолжение наказания, и как бы так говорит: сам же будет мучиться непрестанно. Далее говорит: **"разве не знаете, что вы храм Божий?"**. Сказав прежде о разделявших Церковь, он теперь касается кровосмесника, намекая, хотя неясно и неопределенно, на его развратную жизнь и показывая великость его греха из дарованной ему благодати. Также и других вразумляет тем самым, что они уже получили. Таким образом он направляет к одной цели и будущее и настоящее, и прискорбное и приятное; будущее: **"ибо день покажет, потому что в огне открывается"**; настоящее: **"разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог"**. Видишь ли, какова сила речи? Впрочем доколе не открыто лицо (обличаемого), доколе обличение не так тяжко, потому что все разделяют страх укоризны. Того покарает Бог, т.е. предаст погибели. Здесь апостол не проклинает, а предсказывает. Храм бо Божий, говорит, свят есть, и присовокупляет: а этот храм – вы. Никто не обольщай самого себя. И это (относится) к нему, так как он считал себя чем-то важным и хвалился мудростью. А чтобы не поразить его слишком много, апостол, приведши его в страх и трепет, опять предлагает общее обличение и говорит: **"если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым"** (ст.18). Обличает с великой силой, как уже довольно вразумивший их. Хотя бы кто был богат, хотя бы благороден, он будет презреннее презренных, если впадет во власть греха. Как царь, если

делается рабом варваров, бывает несчастнее всех, так действует и грех. Грех есть варвар, который, однажды пленив душу, не щадит ее, но мучит ее на погибель подпавших власти его.

4. Подлинно, ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышущей огнем, безобразной и черной, как внешние (языческие) поэты изображают Сцилл. Грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить (самых людей), подобных ему? Кого же наперед изобразить вам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Действительно, что может быть бесстыднее глаз его? Что бессовестнее его и более похоже на псов? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие: не так глядят человеческие глаза. Он не смотрит на людей, как на людей, не смотрит на небо, как на небо, не устремляет взоров к Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы; а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое; а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотол, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверски. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, – ведь для них оно свое и тогда, когда по наружности принадлежит другим, – а глаза корыстолюбца не насыщаются дотол, пока не обнажат кого-либо совершенно и не скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. Если же мы станем употреблять их на последнее, то лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Ты скорбишь, когда дикий зверь растерзает овцу; а когда сам делаешь тоже с своим единоплеменником, то и не считаешь этого дела ужасным? Что же ты за человек? Разве ты не знаешь, что человеческим мы называем то дело, которое исполнено милосердия и человеколюбия, а дело грубое и жестокое называем бесчеловечным? Таким образом характер человека мы изображаем делами милосердия, а характер зверя – делами противными тому, и часто говорим: ужели он человек, а не зверь и не пес? Людям свойственно облегчать бедность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивых и уста – уста зверские, или еще хуже их; они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто испытает душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания царствия, ни страха геенны, ни стыда пред людьми, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему; вещания Божии о (будущих) мучениях кажутся им басней, угрозы – посмешищем. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извне звери и даже хуже зверей, то за кого, скажи мне, мы будем считать их? Что они хуже зверей, это видно из следующего: звери таковы по природе, а они, получив от природы кротость, вопреки природе стараются усвоить себе свойства зверей. Сами демоны делают своими споспешниками людей неблагонамеренных, так как если бы последние не были их споспешниками, то большая часть их козней против нас оставалась бы без успеха; а те стараются притеснять и содействующих им в несправедных делах их. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов; а

корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему и родному, не стыдясь самой природы. Знаю, что многие негодуют на меня за эти слова; но я не сержусь на них, а жалею и плачу, что они находятся в таком состоянии. Если бы они захотели даже бить меня, и это я с удовольствием перенес бы, только бы они оставили свое зверство. И не я только, но и пророк вместе со мной исключает таких из числа людей: "**человек**", говорит, "**который в чести и неразумен, подобен животным**" (Пс.48:21). Постараемся же быть людьми: будем взирать на небо, "**облекаться в образ**" (Создавшего нас) (Кол.3:10) и не унижать себя самих, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом" (1Кор.3:18-19).

1. Приступив к обличению кровосмесника еще заранее, как я выше сказал, сделав это прикровенно и в кратких словах, и пробудив совесть его, апостол опять обращается к опровержению внешней (языческой) мудрости и к обличению тех, которые, гордясь ею, разделяли Церковь, чтобы, присовокупив то, что еще оставалось сказать, и совершенно окончив этот предмет, со всей силой направить речь против кровосмесника, которого он касался и прежде. Слова: "никто не обольщай самого себя" направлены особенно против него, чтобы вразумить и утрашить его; также на него особенно делается намек в слове: тростие, и в словах: не знаете ли, что вы – храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Обыкновенно два побуждения более всего удерживают нас от греха: когда мы представляем следующее за грехом наказание, и когда размышляем о собственном достоинстве. Так и апостол речью о сене и трости утрашает, а указанием на наше достоинство пристыжает, исправляя первым более нечувствительных, а последним – более кротких. "**Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным**". Как он повелевает быть мертвым для мира (Кол.2:20), и эта мертвенность не только не вредит, но еще приносит пользу, делаясь источником жизни, так теперь повелевает быть безумным для мира, указывая нам в этом истинную мудрость. Безумным для мира бывает тот, кто презирает внешнюю мудрость и убежден, что она нисколько не содействует ему к принятию веры. Потому, как нищета по Боге ведет к богатству, смирение – к величию, презрение (земной) славы – к славе, так и это безумие делает человека мудрее всех, потому что у нас все бывает напротив. И для чего он не сказал: пусть оставит мудрость, но: буй да бывает? Для того, чтобы как можно более унижить внешнюю ученость. Не одно ведь и то же сказать: оставь свою мудрость, или – будь безумным. С другой стороны, он научает нас не стыдиться нашей неучености, представляя все внешнее достойным осмеяния. Он не стыдится названий, потому что полагается на силу дел. Как крест, вещь по-видимому поносная, сделался источником бесчисленных благ, причиной и виновником неизреченной славы, так и кажущееся безумие делается для нас виною мудрости. Как тот, кто худо научился чему-нибудь, если не оставит всего, не изгладит из души своей и не представит ее чистою для желающего вновь учить его, не познает ясно здравого учения, так и при внешней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вере, подобно простолудину, то не познаешь ничего доброго надлежащим образом. Так и имеющие слабое зрение, если, закрыв глаза, не вверят себя другим, а будут руководиться своим испорченным зрением, будут блуждать гораздо более тех, которые совершенно ничего не видят.

А как можно, скажешь, оставить внешнюю мудрость? Не принимая ее учения. Повелев таким образом оставить эту мудрость, апостол приводит и причину, – следующую: премудрость бо мира сего буйство у Бога есть. Она не только не помогает, но еще служит препятствием; следовательно надобно оставить ее, как вредную. Видишь ли, как победоносно он опроверг ее, доказав, что она не только бесполезна, но еще приносит нам вред? Впрочем, он не довольствуется собственными доказательствами, а приводит еще свидетельство: писано бо есть, говорит: **"уловляет мудрых в лукавстве их"** (ст.19). В лукавстве, т.е. уловляя их собственным их оружием. Так как они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться без Бога, то Он чрез нее именно и доказал им, что они имеют великую нужду в Боге. Как и каким образом? Они чрез нее сделались безумными; следовательно чрез нее и уловлены. Думая обходиться без Бога, они пришли в такое бедственное состояние, что оказались хуже рыбаей и неученых, и в них же стали нуждаться. Потому он и говорит: в лукавстве их уловил их. Слова: погублю премудрость – выражают совершенную ее бесполезность; а слова: запинаяй премудрым в лукавстве их – показывают силу Божию.

2. Далее апостол показывает и способ, каким Бог уловил их, присовокупляя другое свидетельство: **"Господь знает умствования мудрецов, что они суетны"** (ст.20). А когда беспредельная Премудрость произносит о них такой суд и представляет их такими, то какого другого требовать доказательства крайнего их безумия? Человеческие суждения часто погрешают, а суд Божий всегда праведен и нелицеприятен. Воздав таким образом славу суду Божию, он с большой силой обращается к поучаемым и говорит: **"итак никто не хвалился человеками, ибо все ваше"** (ст.21). Опять повторяет прежнее и показывает, что они не должны гордиться и духовными дарованиями, потому что ничего не имеют от себя самих. Итак, если внешняя мудрость вредна, а духовные дарования ваши не от вас, то чем вы можете хвалиться? Касательно внешней мудрости он говорит: никтоже себе да прельщает, потому что она служила им ко вреду; а здесь, где дело идет о предмете полезном, говорит: никтоже да хвалится, и смягчает речь свою следующими словами: **"ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, - все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий"** (ст.21-23). Так как он сильно тронул их, то опять ободряет. И выше он говорил: **"ибо мы соработники у Бога"** (3:9), и многим другим утешал их; и здесь говорит: **"все ваше"**, чтобы низложить гордость учителей и показать, что они не только ничем не обязали учеников своих, но еще сами обязаны им благодарностью, потому что для них сделались учителями и получили благодать. А так как и ученики могли хвалиться, то он уврачевал и их болезнь словами: **"поскольку каждому дал Господь"**, и: **"возрастил Бог"** (3:5-6), чтобы и те не гордились, как подающие, и эти не превозносились, услышав: вся ваша суть. Ведь хотя все и для вас, но все от Бога. Заметь, как он доселе продолжает ставить свое имя и имя Петра. А что значит: или смерть? Учители, хотя бы умирали, умирают для вас, подвергаясь опасностям для вашего спасения. Видишь ли, как он опять низлагает гордость учеников и превозносит учителей? Он беседует с ними, как бы с благородными детьми, имеющими пестунов и долженствующими наследовать все. Также можно сказать, что для нас и смерть Адамова, чтобы мы вразумились, и смерть Христова, чтобы мы спаслись. Вы же Христовы, Христос же Божий: Иначе мы – Христовы, иначе Христос – Божий, и иначе мир – наш. Мы – Христовы, как творение Его; Христос – Божий, как истинный Сын Его, а не как творение и не так, как мир – наш. Таким образом здесь, хотя выражение одно, но смысл различный. Мир – наш, как созданный для нас; Христос – Божий, потому что имеет виновником Своим Бога, как Отца; а мы – Христовы, как сотворенные Им. Если же, говорит, учителя – ваши, то для чего вы поступаете напротив, называя себя именами их, а – не Христа и Бога? **"Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих"** (4:1). Низложив гордость их, смотри, как он опять ободряет их словами: **"как служителей Христовых"**. Потому не называйтесь именем

исполнителей и слугителей, оставляя Господа. Строителями назвал (учителей) для того, чтобы показать, что не всем должно присвоить это дело, но кому следует и кто достоин быть домоправителем. А еже прочее, ищется в строителех, да верен кто обрящется (ст.2), т.е. чтобы не присвоил себе того, что принадлежит Господу, и не приписывал себе вместо Господа, а поступал бы, как домоправитель. Дело домоправителя – хорошо распоряжаться вверенным ему, не называть своим принадлежащего Господу, а напротив свое приписывать Господу. Каждый, владеющий даром слова или имуществом, представляя это, т.е. что это вверено ему Господом, а не его собственность. пусть не удерживает у себя и не присвоит себе, но приписывает Богу, даровавшему все. Хочешь ли видеть верных домоправителей? Послушай, что говорит Петр: **"что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?"** (Деян.3:12). Также Корнилию он сказал: **"я тоже человек"** (Деян.10:26); и Христу: **"вот, мы оставили все и последовали за Тобою"** (Мф.19:27). Равно и Павел, сказав: **"я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною"** (1Кор.15:10). И в другом месте, обращаясь к ним же, сказал: **"что ты имеешь, чего бы не получил?"** (1Кор.4:7). Ты ничего не имеешь своего, ни богатства, ни дара слова, ни самой души, – и она от Господа.

3. Потому, когда потребует нужда, отдай и душу свою. Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебе повелевается, то ты уже неверный домоправитель. Можно ли противиться, когда повелевает Бог? Я вот что скажу: потому особенно я и удивляюсь человеколюбию Божию, что Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, чтобы ты заслужил награду. Например, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле, говоря с Павлом: **"я каждый день умираю"** (1Кор.15:31). Он может лишить тебя почестей без твоей воли и сделать тебя униженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, чтобы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, чтобы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление?

Достиг ли ты высокой степени достоинства и получил власть церковную? Не высокоумствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облек тебя ею; береги ее, как чужую; не злоупотребляй ею и не употребляй на то, на что не следует; не гордись и не присвой себе, но считай себя бедным и бесславным. Если бы тебе поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не стал бы злоупотреблять этой одеждой и портить ее, но с великим тщанием хранил бы ее для вручившего тебе. Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся: это не твой дар; не будь непризнателен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами, не превозносись ими, как своими, и не жалея разделять их с другими. Имеешь ли детей? Ты получил их от Бога; если так будешь думать, то имея будешь благодарить, и потеряв не будешь скорбеть. Таков был Иов, который говорил: **"Господь дал, Господь и взял"** (Иов.1:21). Все мы получили от Христа; от Него имеем и самое бытие, и жизнь, и дыхание, и свет, и воздух, и землю. Если бы Он лишил нас чего-нибудь из этого, то мы погибли бы и истлели, так как мы – пришельцы и странники. Выражение: мое и твое – только пустые слова, а на деле не то. Например, если ты назовешь своим дом, это – пустое слово, не соответствующее предмету, так как Творцу принадлежат и воздух, и земля, и вещество, и ты сам, построивший его, и все прочее. Если же он в твоём употреблении, то и это не верно, не только по причине угрожающей смерти, но и, прежде смерти, по причине непостоянства вещей. Представляя это непрестанно, будем любознательными, и сделаем два весьма важных приобретения: будем благодарными и при получении и при потере, и не станем раболепствовать предметам преходящими не принадлежащими нам. Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба, – не ты ведь, а Он сотворил его; ты только содействовал появлению его, а все сделал Бог. Будем

же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но что? Ты хотел бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Как расстающиеся благодушно знают, что находящееся у них не принадлежит им, так скорбящие (при лишении) присвоят себе принадлежащее Царю. Если мы сами – не свои, то как прочее – наше? Мы в двух отношениях принадлежим Богу – и по сотворению, и по вере. Так Давид говорит: "**состав мой от Тебя произошел**" (Пс.38:7). Также Павел: "**ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян.17:28); и, рассуждая о вере, говорит: "**и вы не свои, ибо вы куплены [дорогою] ценою**" (1Кор.6,19-20). Все – Божие. Потому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присвоить себе принадлежащее Владыке. Душа твоя – не твоя: как же имущество – твое? И как ты тратишь не свое на то, на что не должно? Разве ты не знаешь, что мы будем осуждены за то, что худо употребляли данное нам? Что не наше, а Владычне, то нам следует употреблять на подобных нам рабов. За то и богач был осужден, что не делал этого, равно и те, которые не напитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и наслаждаюсь своим; это не твое, а чужое. Говорю: чужое, потому что ты сам так хочешь; Бог желает, чтобы то, что вручено тебе для братий, сделалось твоим; чужое делается твоим, когда ты употребляешь его на других; а когда невоздержно употребляешь на себя, тогда твое делается чужим. Ты не имеешь сострадания и говоришь, что по праву употребляешь свое только для своего наслаждения; потому я и говорю, что оно – чужое. Все твое есть общее – для тебя и твоего ближнего, как общее – солнце, и воздух, и земля, и все прочее. Как в теле есть деятельность всего тела и каждого члена порознь, и когда какой-нибудь член действует отдельно, то теряет и собственную деятельность, так бывает и с имуществом.

4. Скажу яснее: пища телесная, назначаемая вообще для всех членов, если достанется одному члену, то делается чужою и для него. Она не может свариться и питать, – оттого делается чужою и для него. А сделавшись общею, она становится собственностью и его и всех членов. Тоже и с имуществом: если ты один будешь пользоваться им, то потерпишь вред и ты, потому что не получишь награды; если же будешь разделять его с другими, тогда оно более будет твоим, тогда и получишь от него пользу. Не видишь ли, как руки служат, рот разжевывает, а желудок принимает пищу; и желудок не говорит: я принял, потому и должен удержать все у себя? Не говори того же и ты об имуществе. Кто принимает, тот должен и давать. Как для желудка было бы пороком – удерживать пищу у себя, а не распределять, потому что это повредило бы всему телу, так и для богатых порок – удерживать свое имущество у себя, потому что это губит и их самих и других. Также глаз один принимает свет, но не удерживает его у себя, а освещает все тело, потому что ему неестественно удерживать его у себя, пока он остается глазом. Ноздри ощущают благовоние, но не удерживают его у себя, а передают мозгу, сообщают благовоние и желудку и доставляют усладу всему человеку. Ноги одни ходят, но не себя только переставляют, а переносят и все тело. Так и ты не удерживай один того, что тебе вверено, потому что таким образом повредишь всем, а более всех самому себе. И не на членах только (телесных) можно видеть это. Кузнец, если не захочет ни с кем делиться своим искусством, то нанесет вред и себе и другим искусствам. Также сапожник, земледелец, хлебник и всякий, занимающийся каким-нибудь необходимым ремеслом, если не захочет сообщать другим произведений своего искусства, повредит не только другим, но вместе с другими и себе. И что я говорю о богатых? Даже бедные, если бы стали подражать вашему, корыстолюбцы и богачи, пороку, то причинили бы вам великий вред, скоро сделали бы и вас бедными, или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотели сообщить своего нуждающимся, например, земледелец – изделия рук своих, мореплаватель – приобретений от мореплавания, воин – воинской доблести. Устыдитесь же, если не другого чего, то хотя этого, и подражайте их любознательности. Ты не хочешь уделить никому из своего богатства? Не бери же и сам ничего у других. А если будет так,

то все придет в расстройство, потому что давать и принимать есть источник многих благ, и в сеянии, и в учении, и в искусствах. Если бы кто захотел удержать у себя свое искусство, то погубил бы и себя и всю жизнь извратил бы. Земледелец, если бы стал хранить семена у себя дома, закопав их, произвел бы страшный голод. Так и богач, если сделает тоже с имуществом, прежде бедных погубит себя самого, навлечет на свою голову страшный пламень геенны. Учителя, хотя бы имели много учеников, сообщают каждому свое знание: так и ты старайся приобрести многих благодетельствованных. Пусть все говорят о тебе: он такого-то избавил от бедности, такого-то от опасности, такой-то погиб бы, если бы, по милости Божией, не получил его помощи, такого-то он исцелил от болезни, другого освободил от клеветы, странника принял в дом, нагого одел. Такие отзывы лучше неисчетного богатства и многих сокровищ; они привлекают всех гораздо более, нежели золотые одежды, лошади и рабы. Последнее представляется несносным и делает человека ненавистным, как общего врага; а первое провозглашает его общим отцом и благодетелем, и, что всего важнее, такие благодеяния всегда сопровождаются благоволением Божиим. Пусть один говорит о тебе: он помог мне выдать дочь мою замуж; другой: он постарался вывести сына моего в люди; третий: он спас от несчастья; четвертый: он избавил от опасностей. Такие слова лучше золотых венцов, это – как бы бесчисленные проповедники твоего человеколюбия в городе; такие слова гораздо приятнее и сладостнее голоса вестников, предшествующих повелителям, именно слова: спаситель, благодетель, покровитель, каковые названия свойственны Богу, а не: корыстолюбец, гордец, ненасытный, скряга. Будем же, увещеваю, домогаться не этих последних названий, а противоположных. Ведь если такие отзывы еще на земле делают человека столь славным и знаменитым, то, когда они будут написаны на небе и Бог провозгласит их в день будущий, представь, какой ты насладишься честью, какой славой, – которой и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь" (1 Кор.4:3-4).

1. Не знаю, каким образом между другими родами зла вошло в природу человеческую зло испытания и неуместного осуждения ближних, которое и Христос обличал, когда говорил: **"не судите, да не судимы будете"** (Мф.7:1). Оно не доставляет даже никакого удовольствия, как другие грехи, а ведет только к неприятностям и наказанию. Между тем мы, будучи сами виновны в бесчисленных грехах и имея в глазах своих как бы бревно, тщательно разбираем грехи ближнего, которые не более сучка (Мф.7:3). Так было и у коринфян. Мужей благочестивых и богоугодных они осмеивали и отвергали за неученость их, а виновных в бесчисленных пороках уважали за их красноречие. Принимая на себя роль судей, они с дерзостью произносили приговоры: такой-то достоин, такой-то лучше такого-то, этот выше того, а тот ниже этого; вместо того, чтобы оплакивать свои грехи, судили о других, и таким образом возбуждали великую борьбу. Для уврачевания этой болезни Павел, смотри, как мудро вразумляет их. Сказав: **"от домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным"** (1 Кор.4:2), и этими словами, по-видимому, дозволив им судить и исследовать жизнь каждого, – отчего и происходили смятения, – он хочет освободить их от такой страсти и говорит: **"Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы"**, опять сводя речь на свое лицо. Что значит: **"для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди"**. Недостойно меня, говорит, быть судимым вами; что я говорю: вами? – и другим кем бы то ни было. Не подумайте, что

Павел по гордости говорит, что никто из людей не достоин произносить о нем суд. Во-первых, он не для себя говорит это, а для того, чтобы других исцелить от их болезни; во-вторых, он не остановился на коринфянах, но не приписал и себе права суждения, сказав, что такое суждение выше его собственного разумения: но **"я и сам"**, присовокупляет он, **"не сужу о себе"**. Притом надобно смотреть, с каким расположением он сказал это; он часто употреблял высокие выражения, но не из гордости или тщеславия, а с мудрой предусмотрительностью; так точно и теперь в этих словах он не превозносит самого себя, но смиряет других и старается показать достоинство святых. А что он был один из числа весьма смиренных, послушай, что говорит он, представляя свидетельство о себе врагов своих: **"в личном присутствии слаб, и речь его незначительна"** (2Кор.10:10); и в другом месте: **"а после всех явился и мне, как некоему извергу"** (1Кор.15:8). И однако этот смиренный, в случае нужды, смотри, на какую высоту возводил понятия учеников, не гордости научая их, но внушая им здравомыслие. Беседуя с теми же коринфянами, он говорит: **"если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?"** (1Кор.6:2). Христианину следует удаляться как от гордости, так и от льстивости и неблагородного образа мыслей. Кто говорит, например, что имущество он не вменяет ни во что и все настоящее считает тенью, сновидением и детскими игрушками, того мы не обвиняем в гордости, – иначе мы должны были бы обвинять в гордости и Соломона, который, любомудрствуя об этом, говорит: **"суета сует, – все суета"** (Еккл.1:2). Но не будем называть любомудрие именем гордости. Презирать блага настоящие – это не гордость, а великодушие, хотя не отвергают их и цари, и начальники, и вельможи. Бедный по любомудрию часто презирает их; но мы не назовем его за это гордым; подобно как человека, слишком привязанного к ним, не назовем умеренным и смиренномудрым, а слабым, малодушным и пристрастным. Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами: а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобных себе людей – это гордость, а произносить истинное суждение о вещах – это не гордость, но любомудрие.

2. Таким образом Павел не превозносит себя, но смиряет других, вразумляет превозносящихся и научает их смиренномудрию, когда говорит: **"для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди"**. Видишь ли, как он врачует их? Слыша, что он на (суд) всех равно не обращает внимания и всех считает недостойными судить его, никто из них не мог скорбеть и говорить, что он только один отвергнут. Если бы он сказал: от вас только, и остановился бы, то они могли бы огорчиться, как отверженные, а присовокупив: **"или другие люди"**, он облегчил удар, признав вместе с ними и других недостойными. Далее смягчает и это, присовокупляя: **"я и сам не сужу о себе"**. Видишь, как слова его происходят не от гордости: я и сам, говорит, не в состоянии произносить суд. А так как и эти слова могли быть приписаны чрезмерной гордости, то для отклонения такого мнения говорит: **"но тем не оправдываюсь"**. Как, неужели не должно осуждать себя и за грехи свои? Должно и даже очень, когда мы грешим; но Павел не о том говорит. **"Ибо я ничего"**, говорит, **"не знаю за собою"**. За какой грех он стал бы осуждать себя, если он не знает за собою ничего? И несмотря на то, говорит, **"но тем не оправдываюсь"**. Что же скажем мы, которые имеем совесть, пораженную бесчисленными ранами, и не знаем за собой ничего доброго, но все противное тому? А почему он не оправдан, если не знает за собой ничего? Потому, что и ему случалось допускать некоторые прегрешения, без собственного сознания этих прегрешений. Отсюда можешь заключать, как тщателен будущий суд. Таким образом он считал других недостойными судить о нем не потому, что признавал себя безукоризненным, но желая заградить уста безрассудно делавшим это. В другом месте, когда обстоятельства требовали, он запрещает осуждать ближних даже в случае явных грехов.

"А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего?" (Рим.14:10). Тебе, человек, заповедано не других осуждать, а смотреть за самим собою: для чего же ты присвояешь дело Владыки? Судить – Его дело, а не твое. Потому и продолжает: **"посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога"** (1Кор.4:5). Как, неужели и учителя не должны делать этого? Должны в случае явных грехов, при исповеди, в надлежащее время, и притом со скорбью и сокрушением, а не с гордостью и тщеславием, как делали коринфяне. Апостол говорит здесь не об исповедуемых грехах, а о предпочтении такого-то такому-то и о сравнении их жизни. Судить об этом безошибочно может один только Тот, который будет судить сокровенные наши помышления и определять, какие из них достойны большего, какие меньшего наказания, или награждения; а мы судим по внешности. Если я, говорит, не могу точно знать, в чем я сам грешен, то как почту себя достойным произносить приговор о других? Не зная с точностью своих собственных дел, как я могу судить о делах других? Если же таков был Павел, то тем более мы. А говорил он это не для того, чтобы показать свою безукоризненность, но чтобы показать, что если бы даже был между ними кто-нибудь непричастный никакому греху, и тот был бы недостоин судить о жизни других, и что если он, ничего не знающий за собою, не считает себя невинным, то тем более не могут считать себя такими они, знающие за собою множество грехов. Заградив уста делавшим такие суждения, он потом с прискорбием обращает гнев свой на кровосмесника. Как при наступлении бури наперед появляются мрачные облака, потом, когда прогремит гром и все небо делается как бы одним облаком, внезапно низвергается на землю дождь, так и он поступает здесь. Он мог бы с великим негодованием прямо обратиться к кровосмеснику, но не делает этого, а наперед низлагает надменность его устрашающими словами, потому что и допущен был им сугубый грех, прелюбодеяние и, что еще хуже прелюбодеяния, нераскаянность во грехе. Он скорбит не столько о согрешении, сколько о нераскаянности грешника: **"чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаются в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали"** (2Кор.12:21). Покаявшийся после греха достоин не скорби, а утешения, как вступивший в лик праведников. **"Говори ты"**, говорит пророк, **"беззакония твои первым[1], чтобы оправдаться"** (Ис.43:26). А кто после греха не стыдится, тот достоин сожаления не столько потому, что он пал, сколько потому, что упавши лежит.

3. Если же не каяться в грехах тяжело, то гордиться грехами какого достойно наказания? Если превозносящийся своими добродетелями нечист, то превозносящийся своими пороками какое получит прощение? Таков был кровосмесник, – так душа его загрузела и ожесточилась во грехе; потому (апостол) нашел необходимым наперед низложить его гордость, и обличает его не прежде всех, чтобы он не сделался еще более бесстыдным, как обличаемый прежде других, и не после всех, чтобы он не стал считать (своего преступления) маловажным, но, предварительно виушив ему большой страх вразумлением других и потрясши душу его обличением, направленным против других, потом уже обращается к нему. Эти самые слова: **"ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь"**, также: **"судия же мне Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения"**, – сказаны не случайно, а касаются его же и его сообщников, которые унижали святых. Что из того, говорит, если некоторые по внешности кажутся добродетельными и удивительными? Не по внешности только судит этот Судия, но обнаруживает и сокровенное. Таким образом по двум или, лучше, по трем причинам, суд наш не бывает правым: во-первых, потому, что, хотя бы мы ничего не знали за собою, мы однакож повинны пред судом Обличающего наши грехи с точностью; во-вторых, потому, что большая часть дел остается для нас неоткрытой и неизвестной; в-третьих, потому, что многие из действий других кажутся нам добрыми, но совершаются

не с добрым намерением. Для чего вы говорите, что такой-то и такой-то не сделали никакого греха, или такой-то лучше такого-то? Этого нельзя сказать даже и о том, кто ничего не знает за собою; Кто видит сокровенное, Тот только произносит суд правый. Вот и я **"ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь"**, т.е. не свободен от вины и осуждения. Не говорит: я не в числе праведников, но: я не чист от греха. И в другом месте говорит: **"умерший оправдался[2] от греха"**, т.е. освободился (Рим.6:7). Мы совершаем много и добрых дел, но не с добрым намерением. Так мы многих хвалим, но не для того, чтобы показать их совершенства, а для того, чтобы чрез них унижить других. Дело само по себе доброе, – потому что хвалится человек добродетельный; но намерение дурное, – потому что происходит от сатанинского расположения; не из сорадования брату, но из желая повредить другому часто делают это. Еще: иной совершит тяжкий грех, а другой, желая погубить его, утверждает, что он не совершил ничего худого, и ободряет согрешившего, указывая на общее (свойство) природы; но часто не для того делает это, чтобы простить, а с намерением придать более беспечности. А часто обличает, но не для того, чтобы вразумить и исправить, а чтобы обнаружить и осмеять грех его. Таких намерений люди не знают, а **"Испытующий сердца"** (Пс.3:10) знает их в точности и откроет все это в свое время. Потому (апостол) и говорит: **"Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения"**.

Если же мы и тогда, когда ничего не знаем за собою, не можем быть свободными от осуждения, и за самые добрые дела, когда совершаем их не с добрым намерением, подлежим наказанию, то представь, насколько неправы суды человеческие. Люди не могут видеть всего; это возможно только для одного недремлющего Ока; людей мы можем обмануть, но Его – никогда. Потому не говори: мрак и стены окружают меня: кто видит меня? **"Создавший по одному сердца наши"** (Пс.32:15) знает все, потому что **"и тьма не затмит от"** Него (Пс.138:12). Впрочем, справедливо говорит грешник, что мрак и стены окружают его. Если бы не было мрака в душе его, то он яе отверг бы страха Божия и не предавался бы бесстыдству, так как прежде, нежели помрачится главенствующая часть (душа), грех не смеет войти. Потому не говори: кто видит меня? Есть Тот, Который **"проникает до души и духа, составов и мозгов"** (Евр.4:12), хотя сам ты не видишь себя, не можешь рассеять облака и, как бы окруженный со всех сторон стеною, не в состоянии воззреть на небо.

4. Мы представим тебе, какой угодно, грех, и ты увидишь, что действительно так бывает. Как воры и подкапыватели стен, намереваясь похитить что-нибудь драгоценное, исполняют это, погасив светильник, так порочный помысл поступает и с грешниками. В нас есть умственный светильник, постоянно горящий. Если дух прелюбодеяния, устремившись с великой силою, погасит свет его, то немедленно помрачает и преодолевает душу и тотчас расхищает все, в ней находящееся. Когда овладевает душой порочное пожелание, тогда разумное око ее, помрачившись, подобно как телесные очи помрачаются облаком и тьмой, не может видеть ничего, ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи, наконец, не в состоянии противиться силе пожелания, делается удобопреклонной ко греху; пред очами ее как бы воздвигается непроницаемая стена, которая не позволяет лучу правды просветить разум ее, потому что порочные помыслы, порождаемые пожеланием, со всех сторон окружают ее. Тогда представляется человеку блудница, беспрестанно появляющаяся пред его глазамн, в его разуме и мыслях; и как слепые, хотя бы стояли среди полудня под открытым небом, не могут видеть света, потому что закрыты глаза их, так и он, хотя бы оглашали его со всех сторон бесчисленные спасительные догматы, будучи наперед охвачен в душе своей этой страстью, заграждает слух свой для всех внушений. Это хорошо знают те, которые испытали это. Но вам пусть не придется узнать это на опыте. И не один только этот грех, но и всякая порочная страсть производит то же самое.

Обратим, если угодно, речь нашу от блудницы к деньгам; здесь мы увидим густой и непроницаемый мрак. Там, где бывает одна любовница, заключенная в одном месте, страсть не так сильна; а когда везде представляются деньги, в мастерских серебряных и золотых вещей, в гостиницах, в богатых домах, тогда страсть действует сильно. Когда больной этой страстью видит детей, гуляющих на торжище, лошадей, украшенных золотом, людей, одетых в драгоценные одежды, тогда в душе его разливается великий мрак. Но что говорить о домах и мастерских? Такие люди, я думаю, когда увидят богатство, изображенное на картине, и тогда возмущаются, досадуют и беснуются: так мрак везде окружает их! Если они обратят взор на изображение царя, то не удивляются ни красоте камней, ни золотой и пурпуровой одежде, а мучатся страстью; и как несчастный любовник, увидев изображение любимой женщины, не может оторваться от бездушной картины, так и они, видя бездушное изображение богатства, страдают так же, и еще тем более, чем сильнейшей преданы страсти; им остается или сидеть дома, или, вышедши на торжище, получать тысячи ран и с ними возвращаться домой, потому что слишком много предметов, поражающих их глаза. Как тот не видит ничего другого, кроме женщины, так и они не видят на пути ни бедных, ни всего другого, от чего могли бы получить утешение, а устремляют глаза только на богатых и, взирая на них, собирают великий и сильный огонь в свою душу. Подлинно, это – огонь, жестоко посядающий подвергшегося ему; и если бы не было ни геенны, ни будущего наказания, то в самой настоящей жизни было бы наказанием – постоянно страдать и не видеть конца своим страданиям. Одно это могло бы удерживать от такой болезни; и нет ничего хуже безумной страсти, которая заставляет прилепляться даже к вещам, приносящим одну горечь и никакой пользы. Потому увещаваю вас истреблять страсть в самом ее начале. Как приключившаяся горячка вначале не слишком возбуждает в больных жажду, а когда огонь ее возрастет и усилится, тогда производит неутолимую жажду, и если кто подаст им питья, то не утоляет, но еще более усиливает пламень, – так бывает и с этой страстью: если вначале, когда она вторгается в нашу душу, мы не остановим ее и не заключим двери, то войдя она причиняет неисцельную болезнь в принявших ее. Все ведь, и доброе и злое, чем долее остается в нас, тем становится сильнее.

5. То же можно видеть и во всем другом. Дерево, недавно посаженное в землю, исторгается легко, а укоренившееся в течение долгого времени – не легко, но с великим трудом; здание, недавно построенное, легко разрушается, если кто станет разрушать его, а долго стоявшее представляет много затруднений для желающих разрушить его; и зверь, долго обитавший в каком-нибудь месте, не легко выгоняется оттуда. Потому увещаваю тех, которыми еще не овладела страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее; а тем, в которых она поселилась и произвела вред, обещаю надежду совершенного исцеления благодатью Божией, если они захотят принять врачевание. Если они представят себе людей, впавших в болезнь страсти, и потом освободившихся от нее, то получают добрую надежду на исцеление от болезни. Кто же впадал в эту болезнь и скоро освобождался от нее? Закхей (упоминаемый в Евангелии). Кто более мытаря пристрастен к деньгам? Но он внезапно сделался любомудрым и погасил в себе весь огонь (страсти) (Лк.19:8). Также апостол Матфей: и он был мытарь и постоянно проводил жизнь в делах корыстолюбия; но внезапно оставил это пагубное занятие, истребил в себе жажду (корысти) и обратился к стяжанию духовному (Мф.9:9). Представляя их и подобных им людей, не предавайся отчаянию. Если захочешь, то и ты можешь скоро исцелиться. Если угодно, мы по примеру врачей предпишем тебе и подробные правила, как поступать. Прежде всего надобно не падать духом и не отчаиваться в своем спасении; потом – взирать не на одни только примеры людей исправившихся, но и погибших от страстей. Вспоминая о Закхее и Матфее, надобно представлять и Иуду, и Гиезия, и Ахара, и Ахаава, и Ананию, и Сапфиру, чтобы примерами первых предохранить себя от отчаяния, а примерами последних истребить в

себе нерадение и не допустить душу – оставаться невнимательной к предлагаемым увещаниям, но расположить себя – говорить то же, что говорили приступившие к Петру иудеи: что сотворим, да спасемся (Деян.2:37), и услышать, что нужно делать. Что же нужно делать? Нужно знать, что вещи ничтожны, что богатство есть беглый и неблагодарный раб, что оно подвергает бесчисленным бедствиям владеющих им, и тому подобные истины постоянно повторять себе. Как врачи, для утешения больных, требующих себе холодного питья, уверяют их, что оно будет подано, упоминают об источнике, о сосуде, о потребном для того времени и о многом другом, – потому что если отказать вдруг, то они могут придти в гнев и бешенство, – так будем поступать и мы с корыстолюбцами. Если они скажут: мы хотим обогатиться, – не будем тотчас же говорить, что богатство есть зло, но согласимся и скажем, что и мы желаем им того же, но желаем в надлежащее время, – богатства истинного, доставляющего радости вечные, собираемого для них самих, а не для других и часто для врагов: обратим их внимание на правила любомудрия и скажем, что мы запрещаем не обогащаться, но обогащаться дурными способами; можно обогащаться, но без корыстолюбия, без грабительства и насилия, без худой молвы. Располагая их к себе такими словами, не будем еще говорить им о геенне, потому что больной сначала не может переносить этих напоминаний; а будем в рассуждениях своих касаться более предметов настоящих и говорить: для чего ты хочешь обогащаться несправедливо? Для того ли, чтобы другим собрать золото и серебро, а себе – бесчисленные укоризны и проклятия? Для того ли, чтобы ограбленный тобою терзался и мучился, имея нужду в необходимом, везде порицал тебя и при наступлении ночи ходил по площадям и всем переулкам, недоумевая и не зная, как провести ночь? И может ли он спать, когда терпит беспокойство от желудка, мучится бессонницей, терзается голодом, страдает часто от холода и дождя? Ты, вымывшись в бане, облакаешься в мягкие одежды и возвращаешься с радостью и весельем, поспешая к приготовленному роскошному ужину; а он, непрестанно гонимый холодом и голодом, ходит по всем площадям с поникшей головой, протягивая руки и даже от страха не смея напомнить сытому и покоящемуся о необходимой пище, а часто и отходит, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложе, когда в доме твоём будет устроено блистательное освещение и приготовлена роскошная трапеза, вспомни об этом бедном и несчастном, который подобно псам ходит по переулкам во мраке и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не к жене, не на ложе, а на кучу сена, подобно псам, лающим во всю ночь. Ты, если увидишь одну малую каплю, упавшую с кровли, то поднимаешь весь дом, гоняешь слуг, приводишь все в движение; а он, лежа в рубище на сене и в грязи, переносит страшный холод.

6. Какой зверь не будет поражен этими обстоятельствами? Кто так жесток и бесчеловечен, что и при этом не преклонится на милость? Но есть люди, дошедшие до такой жестокости, что говорят: они страдают достойно. Вместо того, чтобы жалеть, плакать и облегчать несчастья, они безжалостно и бесчеловечно обвиняют их же самих. Хотел бы я спросить: почему они, скажи мне, страдают достойно? Потому ли, что хотят есть, а не голодать? Нет, скажешь, но потому, что они проводят жизнь в праздности. А ты разве не проводишь времени в праздности и забавах? Или часто не предаешься такой деятельности, которая хуже всякого бездействия, занимаясь грабительством, насилием и любостыжанием? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой же праздности, потому что такая праздность гораздо лучше любостыжания. Между тем ты нападаешь на чужие несчастья; не только проводишь время в праздности, не только предаешься деятельности, которая хуже бездействия, но еще обвиняешь несчастных. Будем же рассказывать им о чужих несчастьях, о преждевременных сиротствах, о заключенных в темницах, обижаемых в судилищах, о подвергающих опасности жизнь свою, о неожиданном вдовстве жен и внезапной нищете богачей, и этими страшными событиями трогать их душу. Рассказами о других мы внушим им бояться того же и за себя. Когда они услышат, что сын такого-то

корыстолюбца и грабителя и жена такого-то, сделавшего множество несправедливостей, по смерти его, потерпели тысячи бедствий, потому что обиженные им приступили к жене и детям и сделали со всех сторон общее нападение на дом его, тогда всякий из них, хотя бы был самый нечувствительный, ожидая и себе таких же бедствий, опасаясь того же и за своих домашних, делается благоразумнее. Жизнь наша исполнена подобных случаев, и у нас не будет недостатка в способах такого вразумления. Впрочем, сообщая все это, будем говорить не в виде увещания или совета, чтобы слова наши не показались неприятными, но в виде рассказа; от других предметов всегда будем склонять наш разговор также к этому предмету и как можно чаще предлагать такие рассказы, не позволяя останавливаться ни на чем, кроме следующего: как дом такого-то, бывший прежде богатым и знатным, пал; как он запустел до того, что все, бывшее в нем, перешло в руки других; сколько судебных следствий, сколько дел ежедневно открывается по его имуществу; сколько рабов его одни сделались нищими, другие умерли в темнице. Все это будем рассказывать, выражая сожаление о покойнике и свое презрение к благам настоящим, чтобы и страхом и сожалением поразить жестокую душу их. Когда же увидим, что они тронуты этими рассказами, тогда наконец будем говорить с ними и о геенне: впрочем не как бы желая устроить их, но выражая сожаление о других, скажем: что говорить о настоящем? – жизнь наша здесь не оканчивается; в будущем постигнет таких людей еще жесточайшее наказание, река огненная, червь ядовитый, мрак нескончаемый, мучения вечные. Вразумляя их такими рассказами, мы исправим и их и себя самих, скоро исцелим их от болезни и сами заслужим в день будущего суда похвалу от Бога, как говорит Павел: и **"тогда каждому будет похвала от Бога"** (1Кор.4:5). Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения; а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что когда воздает похвалу ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью. Зная это, будем поступать так, чтобы нам заслужить похвалу от Бога и получить величайшие блага, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Гр. "τας ανομιαις του πατορος" – в синод.перев. эти слова пропущены.

[2] В рус.пер. так и читается: "освободился"

БЕСЕДА 12

"Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано" (1Кор.4:6).

1. Пока нужно было употреблять речь обличительную, (апостол) говорил прикровенно и беседовал с коринфянами так, как будто бы дело касалось его самого, – чтобы осуждающие, представляя достоинство лиц осуждаемых, не могли от обличений придти в гнев; а когда нужно было смягчить укоризну, тогда он оставляет переносную речь и, разоблачив прикровенное, показывает лица, скрывавшиеся под именами Павла и Аполлоса. Потому и говорит: **"это, братия, приложил я к себе и Аполлосу"**. Как поступают с больными, когда например больное дитя упрямится и не хочет принимать лекарств, предлагаемых врачами, тогда ухаживающие за ним приглашают отца или наставника и просят их взять из рук врача лекарство и поднести к дитяти, чтобы оно из страха к ним приняло и успокоилось, – так и Павел, обличая коринфян за других, как

осуждаемых, так и чрезмерно превозносимых, не открыл самых лиц их, но употребил в речи имя свое и Аполлосово, чтобы из уважения к этим именам они приняли врачевание; а когда приняли, тогда наконец и открыл, о ком идет речь. Это – не притворство, а снисхождение и предусмотрительность. Если бы он прямо сказал: вы осуждаете святых и достопочтенных мужей, то они оскорбились бы и не стали бы слушать; а теперь, когда он сказал: **"для меня очень мало значит, как судите обо мне вы"**, и еще: **"кто Павел? кто Аполлос?"**, то они скорее могли принять внушение. Потому он и сказал: **"это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано"**, выражая этим, что если бы он прямо стал говорить о тех мужах, то они не научились бы тому, чему следовало научиться, и не приняли бы вразумления, оскорбившись сказанным. А теперь, из уважения к Павлу и его спутнику, они скоро приняли обличение. Что значит: **не мудрствовать сверх того, что написано?** В Писании сказано: **"ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?"** И еще: **"не судите, да не судимы будете"** (Мф.5:3,1). Если мы соединены между собой и составляем одно, то мы не должны восставать друг против друга. Также сказано: **"кто унижает себя, тот возвысится"** (Мф.23:12); и еще: **"кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою"** (Мк.10:43-44). Вот что написано! **"Чтобы вы не превозносились один перед другим"** (1Кор.4:6). Здесь он, оставив учителей, опять обличает учеников, потому что последние превозносили первых. Притом учителя не скоро приняли бы такое внушение, потому что искали внешней славы и были ослеплены этой страстью; а ученики, не получая славы, но воздавая ее другим, скорее могли принять вразумление и были способнее своих начальников исцелиться от болезни. Действительно, и это – от гордости, когда кто, не имея ничего у себя, превозносится другим. Как превозносящийся чужим богатством делает это от гордости, так и превозносящийся чужой славой. Потому справедливо (апостол) называет это гордостью.

Когда в теле один член делается выше других, то это не что иное, как болезненная опухоль, так как один член не иначе может подняться выше другого, как от воспаления. Так и в теле Церкви кто гордится и превозносится, тот находится в болезненном состоянии, потому что он поднимается выше общего соразмерного положения, и следовательно подвергается болезненной опухоли. В теле это бывает тогда, когда накапливается какая-нибудь излишняя и вредная влага вместо обыкновенных питательных соков. Так и в душе рождается гордость, когда в нас входят чуждые помыслы. Видишь, как точно он выразился, сказав: не превозносите. Гордость есть как бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочем, говоря это, он не запрещает оказывать почтение, но осуждает почтение, соединенное со вредом. Ты хочешь оказать почтение такому-то? Не препятствую; но только бы без вреда другому. Не для того нам даны учителя, чтобы мы восставали друг против друга, но чтобы все соединялись друг с другом. Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов составить одно тело; если же он станет производить в войске разделение, то он более враг, нежели военачальник. **"Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил?"** (ст.7). Здесь, оставив подчиненных, он обращается к начальникам. А смысл слов его следующий: откуда известно, что ты достоин похвалы? Разве был суд? Разве произведено испытание, исследование, точное дознание? Ты не можешь сказать этого. Если же люди так рассудили, то суд не верен. Положим даже, что ты достоин похвалы, что ты действительно имеешь дарования и суд человеческий не ложен; и тогда тебе не следует высокоумствовать. Ты ничего не имеешь от себя, но все получил от Бога. Почему представляешь себя имеющим то, чего не имеешь? А что ты имеешь, то же имеют и другие с тобою. Следовательно, ты получил не только то или другое, но все, что имеешь.

2. Достоинства твои не от тебя, но от благодати Божией. Укажешь ли на веру, – она от призвания; укажешь ли на отпущение грехов, на дарования, на способность учительства,

на добродетели, – все ты получил оттуда. Что же, скажи мне, ты имеешь такого, чего бы не получил, а достиг сам собою? Не можешь указать ни на что. Ты получил, и потому превозносишься? Поэтому следовало бы смиряться, так как данное принадлежит не тебе, но давшему. Если ты получил, то получил от Него; если получил от Него, то получил не свое; если получил не свое, то почему превозносишься, как бы имея все от себя самого? Потому (апостол) и присовокупил: А если получил, что хвалишься, как будто не получил (ст.7)? Таким образом последовательно доказав свою мысль, он далее показывает, что еще многого недостает им, и говорит: если бы даже вы получили все, и тогда никак не следовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многого не имеете. И в начале он намекал на это, когда говорил: **"я не мог говорить с вами, как с духовными"** (3:1), и еще: **"я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого"** (2:2); а здесь с укоризною внушает им это и говорит: **"вы уже пресытились, вы уже обогатились"** (ст.8), т.е. ни в чем более не нуждаетесь, сделались совершенными, достигли самой вершины, почитаете себя не требующими ничьего содействия – ни апостолов, ни учителей. **"Вы уже пресытились"**. Не напрасно он употребляет слово: уже, но самым временем доказывает, как неосновательно и безрассудно их мнение. Он иронически говорит им: так скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство – в будущем; довольствоваться малым, это – знак слабой души; при малом считать себя богатым свойственно душе болезненной и жалкой; благочестие ненасыσιμο; при начатках считать себя получившим все и только еще в начале дела – достигшим конца свойственно детскому рассудку. Последующими словами он укоряет их еще более. Именно, сказав: **"Вы уже пресытились"**, продолжает: **"вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!"** (ст.8). Эти слова исполнены великой укоризны. Потому он и привел их в заключение после многих обличений. Вразумление тогда более уважается и скорее принимается, когда после обличений приводятся укоризны. Это может тронуть самую бесстыдную душу и поразить ее больше прямого обличения, и вместе с тем облегчить происходящую от обличения скорбь и досаду. Слова укоризны заключают в себе то удивительное свойство, что они производят вдруг два противоположных действия: наносят удар тяжелее прямого обличения и располагают обличаемого, несмотря на тягчайшее поражение, к большему терпению. Без нас воцаритесь. Сильная укоризна и учителям и ученикам! Здесь показывается и бесстыдство их и великое безумие. Смысл слов его следующий: в трудах у нас с вами все общее, а к наградам и венцам вы – первые. Впрочем, говорит, я не скорблю об этом; потому и присовокупляет: **"о, если бы вы и в самом деле царствовали!"** А чтобы и эти слова не показались иронией, продолжает: **"чтобы и нам с вами царствовать"**. Тогда, говорит, и мы получили бы эти блага. Видишь ли, как он в одно и то же время выражает и укоризну, и попечение, и любомудрие? Посмотри, как он низлагает и гордость их последующими словами: **"ибо я думаю, что нам, посланникам, Бог судил быть последними, как бы приговоренными к смерти"** (ст.9). Опять великое обличение и укоризна заключаются в слове: нам. Но он не остановился на этом слове, а указал и на свое достоинство, чтобы сильнее вразумить их; нам, говорит, посланникам (*αποστόλους*). Тех, которые претерпели множество бедствий, посеяли проповедь благочестия, обратили вас к такому любомудрию, тех **"Бог судил быть как бы приговоренными к смерти"**. Сказав: чтобы и нам с вами царствовать, он смягчил силу речи; но, чтобы не сделать им послабления, опять продолжает речь еще более укоризненную и говорит: **"ибо я думаю, что нам, посланникам, Бог судил быть последними[1], как бы приговоренными к смерти"**. Я вижу, говорит, и из ваших слов следует, что мы всех презреннее и осуждены терпеть постоянные бедствия; а вы уже мечтаете о царствии, о почестях и наградах. Желая еще более показать нелепость такого мнения и обличить крайнюю его неосновательность, не сказал просто: мы стали последними, но: **"Бог судил нам быть последними"**. Не остановился и на слове: последними, а присовокупил: **"приговоренными к смерти"**,

чтобы и самый неразумный мог видеть, как неосновательна мысль, заключающаяся в этих словах, как он огорчается ими и сильно укоряет их.

3. Посмотри на мудрость Павла. Чем он при настоящем случае выражает свое превосходство, важность и величие, тем самым обличает их, называя себя осужденным на смерть. Вот что значит делать все в надлежащее время! Выражение – **"приговоренные к смерти"** (ἐπιθανατους) означает здесь осужденных на смерть и достойных всякого рода смерти. **"Потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и человеков"** (ст.9). Что значит: позор быхом миру? Не в каком-нибудь углу, говорит, и не в малой части вселенной мы подвергаемся этому, но везде и при всех. А что значит: **"для Ангелов"**? Иначе сказать: можно быть зрелищем для людей, но не для ангелов, когда совершаемое маловажно; а наши, говорит, подвиги таковы, что они достойны быть зрелищем и для ангелов. Смотри: чем по-видимому он унижает себя, тем же более возвышает; и чем они превозносились, тем же и доказывает их ничтожество. Быть безумным казалось хуже, нежели быть мудрым, также быть немощным – нежели быть крепким, быть бесчестным – нежели быть славным и знаменитым; и однако последнее он приписывает им, а первое усваивает себе, и тем доказывает, что первое лучше последнего, потому что обращает на себя взоры не только людей, но и сонмы ангелов. **"Потому что наша брань не"** с человеками только, но с бесплотными силами (Еф.6:12); потому и смотрит на нас великое множество зрителей. **"Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе"** (1Кор.4:10). Этими словами он опять укоряет их и показывает, что столь противоположным качествам невозможно соединиться в одно и столь различным предметам невозможно быть вместе. Как можно, говорит, чтобы вы были мудры, а мы безумны в Христовых делах? Мы подвергаемся биению, презрению, бесчестию, и почитаемся ни за что, а вы пользуетесь честью и от многих почитаетесь разумными и мудрыми; но возможно ли, чтобы проповедующие одинаковое учение имели противоположные качества? **"Мы немощны, а вы крепки"**, т.е., нас гонят, преследуют, а вы наслаждаетесь спокойствием и великим уважением: но это несообразно с сущностью проповеди. **"Вы в славе, а мы в бесчестии"**. Здесь он обращается к благородным и превозносившимся внешними достоинствами. **"Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками"** (ст.11-12), т.е. я говорю не о давно бывших обстоятельствах, но о происходящем с нами в настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещах человеческих и о внешней славе, но обращаем наши взоры только к Богу. Точно так надобно всегда поступать и нам, потому что не ангелы только взирают на нас, но еще прежде них сам Заповедавший нам подвиги. Потому мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам, это значит оскорблять Его. Как борцы, действующие на малом зрелище, ищут большего, считая первое недостаточным для своего отличия, так и подвизающиеся в очах Божиих, а потом ищущие славы от людей, оставляя большее, домогаются меньшего, и тем навлекают на себя великое наказание. Оттого и низвратилось все, оттого и произошло смятение во всей вселенной, что мы все делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов, и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на суд и нисколько не помогут нам; а Бог, на которого мы теперь не обращаем внимания, произнесет Свой приговор над нами. Мы знаем это, и однако не перестаем искать внимания людей: вот наш главный грех! Пред очами человеческими никто не решится прелюбодействовать, но, как бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побеждается стыдом человеческим; а пред очами Божиими не только совершают блуд и прелюбодеяние, но дерзали и дерзают и на другие грехи еще более тяжкие. Это уже одно разве не способно низвести на нас громы небесные? Но что я говорю о блуде и прелюбодеянии? Грехи гораздо более легкие делать пред людьми стыдимся, а пред Богом

– нет. Оттого и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избегаем дел добрых, которые не кажутся таковыми людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других.

4. Точно также мы поступаем касательно злых дел: не хорошее и не доброе само в себе, но кажущееся таким для людей, мы по привычке своей стараемся получить, как доброе, и таким образом совершенно развращаемся. Может быть, эти слова многим представляются неясными; потому необходимо пояснить их. Когда мы совершаем прелюбодеяние, – начнем с того, о чем уже было упомянуто, – тогда боимся больше людей, нежели Бога. Им мы подчиняем себя; их делаем нашими владыками; и многого такого, что этим владыкам кажется худым, на самом деле и не худо, мы избегаем по той же причине. Так, например, жить в бедности – многим кажется постыдным, и мы избегаем бедности, не потому, что она постыдна, и не потому, что мы убеждены в этом, но потому, что владыкам нашим она кажется постыдной и мы боимся их. Еще, подвергаться бесчестию и презрению и не иметь никакой власти – многим также кажется весьма постыдным и жалким. Этого мы также избегаем, не вникая в дело, а следуя мнению наших владык. И касательно противоположных предметов мы поступаем с таким же для себя вредом. Быть богатым, знатным, славным и знаменитым кажется благом, и мы домогаемся этого, опять также не вникая в сущность предметов, действительно ли хороши они, но повинувшись мнению наших владык. Народ – наш владыка; толпа – наш строгий господин и жестокий тиран. Даже не нужно ему приказывать, чтобы мы слушались его; для нас довольно только знать, чего он хочет, и мы повинuemся без его приказания: так мы преданы ему! Бог ежедневно угрожает и вразумляет, – и Его не слушают; а беспорядочная и грубая толпа не имеет нужды даже приказывать, довольно лишь сказать, что ей нравится, – и мы тотчас во всем повинuemся. Как же, скажешь, избавиться от этих владык? Если будешь поступать благоразумнее их, если будешь вникать в сущность вещей, если не будешь взирать на мнение людей, если прежде всего приучишь себя – в делах действительно постыдных бояться не людей, а недремлющего Ока, и в делах добрых ожидать венцов также от Него. Таким образом и во всем прочем мы не будем зависеть от людей. Кто, делая добро, не считает их достойными судить об его добродетелях, но довольствуется судом Божиим, тот не будет обращать на них внимания и в делах противоположных. Но как, скажешь, достигнуть этого? Размысли, что такое человек и что такое Бог, кого ты оставляешь и к кому прибегаешь, – и ты скоро всего достигнешь. Человек вместе с тобою подвержен тому же греху, тому же суду и наказанию; **"человек подобен суете"** (Пс.143:4), судит не верно и имеет нужду в высшем руководстве; человек – **"прах и пепел"** (Быт.18:27), и когда станет хвалить, то часто хвалит не истинно, или из угождения, или из ненависти, а когда станет обвинять или порицать, то делает и это по тем же побуждениям. Но Бог не так; напротив, нелицеприятен приговор Его и чист суд Его. Следовало бы поэтому всегда прибегать к Нему, и не только поэтому, но и потому, что сам Он создал, наделил тебя больше всех и любит тебя больше, чем ты сам себя. Для чего же мы, оставляя дивного Мздовоздаятеля, прибегаем к человеку, который есть ничто, судит неверно и действует неправо? Называет ли тебя кто-нибудь злым и порочным, тогда как ты совершенно не таков? Ты лучше жалеешь о нем, плачь о том, что он развратился, и не смотри на его суждение, потому что ослеплены очи души его; и об апостолах говорили то же, но они не обращали внимания на клеветников своих. Называет ли он тебя добрым и честным? Если ты действительно таков, то не делайся нерадивым от этого отзыва; если же не таков, то тем более не обращай внимания и принимай это за насмешку. Хочешь ли знать, как суждения людей неправы, бесполезны, смешны и похожи на суждения бесноватых и сумасшедших, или грудных детей? Послушай, что было когда-то. Скажу тебе о суждениях не простого народа, но людей, почитавшихся мудрейшими, древних законодателей. Кто из людей может быть мудрее человека, признанного достойным писать законы городам и народам? И однако эти мудрецы не считали прелюбодеяние делом порочным и достойным

наказания; ни один из внешних (языческих) законов не наказывал за это и не призывал виновного в судилище, а если бы кто из-за этого стал призывать, то народ осмеял бы его и судья не принял бы. Гадание у них также не подвергалось преследованию и никто у них не был наказываем за это. Пьянство и чревоугодие не только не было пороком, но еще у многих считалось добродетелью; на воинских пиршествах много состязались в этом между собой, и те, которым особенно нужно было иметь здравый ум в здоровом теле, они-то особенно и предавались пьянству, расслабляя тело и помрачая душу; а из законодателей никто не полагал наказание за это преступление.

5. Что может быть хуже такого безумия? А ты домогаешься похвал от людей с такими наклонностями и не скрываешься. Если бы даже все они удивлялись тебе, и тогда не следовало ли бы стыдиться и удаляться, слыша суждения и рукоплескания от людей столь развратных? Также и богохульство у законодателей не считалось делом предосудительным; никто из богохульников не был призываем в судилище и наказываем. Кто украдет одежду или отрежет карман, тому терзают бока и часто даже наказывают смертью; а кто хулит Бога, тот не осуждается внешними (языческими) законодателями. Если кто совершит прелюбодеяние с служанкой, имея свою жену, это считается совершенно ничтожным и пред законами и пред людьми.

Хочешь ли слышать и о многом другом, доказывающем их безумие? Иного они не наказывают, а иное сами предписывают законом. Что же такое? Они учреждают зрелища, приводят туда толпы блудниц и блудодействующих мальчиков, оскорбляющих самую природу, помещают весь народ на местах возвышенных, и таким образом как бы оживляют город и прославляют великих царей, которым удивляются при торжествах и победах. Что постыднее такой чести? Что неприятнее такого удовольствия? И от таких людей ты домогаешься похвал за дела свои? Неужели, скажи мне, ты хочешь слышать похвалы наравне с плясунами, развратниками, шутами и блудницами? Не знак ли это крайнего безумия? Хотел бы я сказать им: хорошо ли – извращать законы природы и допускать незаконные связи? Без сомнения они ответят: не хорошо; и сами по-видимому наказывают это преступление. Для чего же ты выводешь на сцену людей развратных, и не только выводешь, но и награждаешь бесчисленными и невыразимыми подарками? В другом месте ты наказываешь дерзающих совершать эти дела, а здесь расточаешь на них деньги, как на общих благодетелей города, и питаешь их на счет общественных сумм. Но, скажешь, они считаются бесчестными. Для чего же ты воспитываешь их? Для чего чрез бесчестных хочешь воздавать честь царям? Для чего наносишь вред городу? Для чего издерживаешь на них такие суммы? Если они бесчестны, то следовало бы прогнать их, как бесчестных. Чем ты обыкновенно сопровождаешь бесчестие: похвалами, или порицанием? Конечно, порицанием. Почему же, презирая их, как бесчестных, ты бежишь смотреть на них, как на достойных чести, удивляешься им, восхищаешься и рукоплещешь? А что еще сказать о забавах на конских ристалищах и на звериных травлях? Они сопровождаются всякими бесчинствами, научают народ быть всегда жестоким, безжалостным и бесчеловечным, приучают смотреть на терзаемых людей, на проливаемую кровь и на буйство зверей, ничем не удержимое. Мудрые древние законодатели ввели все эти недуги, а граждане рукоплещут и удивляются. Впрочем, если хочешь, оставим эти дела, которые прямо и явно безнравственны, хотя и не считались такими у языческих законодателей; перейдем к постановлениям достоуважаемым, и увидим, как и к ним примешались злоупотребления по неразумению людей. Брак считается делом честным и у нас и у язычников; и действительно он честен, но при совершении браков делается много смешного, как сейчас услышите. Многие, следуя обычаю и жертвуя ему умом своим, даже не замечают нелепости всего этого, но еще обращаются к другим за наставлениями. Здесь бывают и хороводы, и кимвалы, и свирели, и бесстыдные речи, и срамные песни, и пьянство, и неприличные шутки, и всякое диавольское бесчинство. Знаю, что я могу

показаться смешным, порицая это, и быть принят людьми за безумного, восставая на старые обычаи, так как велика сила привычки, как я говорил и прежде; но, несмотря на то, не перестану говорить об этом. Может быть, и вероятно будет, что если не все, то по крайней мере немногие выслушают нас, и согласятся лучше быть осмеянными вместе с нами, нежели вместе с другими смеяться над нами смехом, достойным слез, всякого порицания и наказания. В самом деле, не достойно ли крайнего осуждения, когда девица, всегда пребывавшая во внутреннем покое и научившаяся стыдливости с детского возраста, вдруг принуждается оставить всякий стыд, в начале брака научается бесстыдству и выводится на средину в круг людей бесчестных и безнравственных, блудников и развратников? Какое зло не посеется в душе невесты с того дня? Бесстыдство, дерзость, неуважительность, тщеславие; она захочет проводить также и все будущие дни. Оттого бывают жены небережливые и расточительные: оттого в них бесчисленное множество зол. Не говори мне об обычае. Если это – дело порочное, то пусть оно не бывает и однажды; если же – доброе, то пусть будет постоянно. Блуд, скажи мне, не есть ли дело порочное? Извиним ли мы, если он будет совершен хотя однажды? Отнюдь нет. Почему? Потому что, хотя бы он был совершен однажды, он всегда порок. Точно так и веселье невесты, если оно порочно, не должно быть и однажды; если же не порочно, то пусть будет постоянно.

6. Как, скажешь, ты позоришь брак? Да не будет! Не брак я осуждаю, но зло, приведшее к браку, притирания, украшения и все прочие излишества. Подлинно, многие влюбятся в невесту в тот день еще прежде будущего ее супруга. Но, скажешь, многие будут и удивляться женской красоте ее. Чтож из этого? Если она целомудренна, то с трудом избегнет дурного подозрения; если же неблагоразумна, то скоро будет уловлена, по случаю беспутств того дня. Столько здесь бывает зла, и несмотря на то, если его не будет, то люди, которые не лучше животных, считают это позором и находят неприличным, чтобы невеста не являлась пред всеми и не представляла общего позорища для любопытных. Между тем следовало бы считать позорным, смешным и неприличным то, что бывает. Знаю и теперь, что за это будут осуждать меня, называть неразумным и смешным; но я перенесу насмешки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза. Да, я был бы достоин осмеяния, если бы, научая презирать мнения людей, сам прежде других впал в болезнь тщеславия. А вот что следует далее: не только днем, но и вечером мужчины пьянствуют и, одуревшие и разгорячившиеся от пьянства, приготавливаются смотреть на красоту девичьего лица: и не в доме только пируют, но выходят и на площади, провожая ее в глубокую ночь с факелами, так чтобы все видели ее, и тем внушая не что иное, как то, что здесь надобно оставить всякий стыд. Не останавливаются и на этом, но ведут ее с срамными речами; такой обычай у многих обратился в закон. Бродяги, негодяи и развратники в бесчисленном множестве смело говорят все, что вздумают, как ей, так и будущему ее супругу; здесь ничего не делается скромно, но все с бесстыдством. Какой же добрый урок целомудрия получит невеста, видя и слыша все это? Бывает даже какое-то диавольское соревнование приглашенных – превзойти друг друга искусством позорного и срамного красноречия, которым они пристыжают присутствующих, и те из них уходят победителями, которые более других наговорили позорного и срамного. Знаю, что слова мои неприятны, тяжелы и несносны, потому что направлены как бы против приятностей жизни; но о том я и жалею, что неприятное стало считаться чем-то приятным. Не неприятно ли, скажи мне, подвергаться оскорблению, поруганию и бесчестию от всех вместе с своей невестой? Если кто один на площади скажет что-нибудь худое о твоей супруге, ты крайне огорчаешься и считаешь жизнь не в жизнь; а когда бесчинствуешь в присутствии целого города вместе с будущей супругой, то радуешься и восхищаешься. Не безумно ли это? Но таков, скажешь, обычай. Это-то особенно и достойно слез, что диавол ввел такой обычай. Так как брак – дело честное, служащее к продолжению человеческого рода и доставляющее много благ, то лукавый, снедаясь

завистью и зная, что брак предохраняет от прелюбодеяния, вводит другим путем всякое прелюбодеяние. Действительно, многие девы в таких собраниях подвергались посрамлению; если же это бывает не всегда, то для диавола довольно и одних срамных речей и песен, чтобы опозорить невесту и обесславить жениха среди площади. Далее, так как все это бывает вечером, то, чтобы мрак не покрывал зла, зажигаются факелы, не допускающие скрыться бесстыдству. Что значит это великое скопище? Что – это пьянство? Что – эти свирели? Не очевидно ли, что они служат к тому, чтобы находящиеся в домах и погруженные в глубокий сон узнали об этом, пробудились от звуков свирели и, высунувшись за перила, были свидетелями этой комедии? Что сказать о самых песнях, которые исполнены крайней безнравственности, изображают безумную любовь, незаконные связи, низвращения семейных уз и бесчисленные трагедии, беспрестанно повторяют названия любовника и влюбленного, влюбленной и любовницы? А что всего хуже, и девы, оставив всякий стыд, находятся при этом в честь невесты, или лучше к ее бесчестию, и подвергают опасности свое спасение, занимаясь среди развратных юношей бесчинными песнями, срамными речами, сатанинским веселием. И после этого ты спрашиваешь: отчего бывает распутство, отчего – прелюбодеяния, отчего – распадаются браки? Но, скажешь, это делают не благородные и не честные девы. Что ты смеешься надо мною, зная сам прежде меня этот обычай? Если совершаемое здесь хорошо, то пусть и те делают то же самое; а если не хорошо, то бедные, потому только, что они бедны, разве также не девы, разве и им не следует хранить целомудрие? А ныне, когда дева пляшет среди общего собрания развратных юношей, не кажется ли она, скажи мне, бесчестнее блудницы? Если же скажешь, что это делают служанки, то и в таком случае я не могу не осуждать тебя, потому что это непозволительно и им.

7. Все зло происходит оттого, что мы нисколько не заботимся о своих домашних; чтобы выразить презрение, довольно сказать, что он – раб, или она – служанка, хотя мы ежедневно слышим: **"во Христе Иисусе нет раба, ни свободного"** (Гал.4:28). Ты не оставляешь без своего попечения ни коня, ни осла, но употребляешь все меры, чтобы они не были дурными; почему же презираешь рабов, которые имеют одинаковую с тобою душу? И что я говорю о рабах, когда ты не заботишься и о сыновьях и о дочерях? Что же выходит? По необходимости скоро приходится испытывать скорбь, когда все они ведут себя беспорядочно; а нередко и состояние подвергается величайшему расстройству, потому что в толпе и шуме тратится много золота и драгоценностей. Потом после брака, если родится дитя, опять мы видим то же безумие, видим множество символических действий, достойных смеха. Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именем святого, как древние делали прежде всего, но засветив светильники и дав им различные названия, называют младенца именем того, который прогорит дольше всех, предполагая, что дитя оттого проживет долее. Потом, если с ним приключится смерть (как часто случается), то следует множество смешных действий, внушенных диаволом, который играет людьми, как неразумными детьми.

Говорить ли о перевязках, о погремушках, привешиваемых к руке, о красной пряже и о многом другом, доказывающем великое безумие, тогда как не следует возлагать на младенца ничего другого, кроме спасительного креста? Между тем ныне крест, обративший всю вселенную, поразивший диавола и ниспровергший всю силу его, остается в пренебрежении; а ткани, пряже и другим подобным привескам вверяется безопасность младенца. Сказать ли нечто еще более смешное? Никто пусть не укоряет нас в непристойности, если слово наше касается таких предметов. Кто хочет очистить гнилые наросты, тот не отказывается наперед запачкать свои руки. Что же это такое смешное? Это считается пустяком, – о чем я и жалею, – но доказывает нерассудительность и крайнее безумие. Женщины, кормилицы и служанки берут в бане грязь и, обмакнувши в нее палец, помазывают чело младенца; если кто спросит: что значит эта грязь, это брение? – то

говорят: она предохраняет от дурного глаза, от зависти и ненависти. Увы! Грязи и брению приписывают такую способность и такую силу – разрушать всякие козни диавола! Не стыдно ли вам, скажите мне? Поймете ли вы когда-нибудь, как диавол с раннего возраста человека мало-по-малу раскидывает свои сети и употребляет свои хитрые уловки? Если грязь производит такие действия, то почему не помазывается ею своего чела ты, достигший возмужалого возраста и имеющий у себя завистников более младенца? Почему не помазывается грязью всего тела? Если она на челе имеет такую силу, то почему бы тебе не намазать грязью всего себя? Смешное и забавное внушение сатаны, впрочем не смеху только, но и геенне подвергающее обольщаемых! Если это делается у язычников, то несколько не удивительно; а когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие любомудрия держатся таких постыдных обычаев, это – достойно многих слез. Бог удостоил тебя духовного мира; а ты пачкаешь младенца грязью? Бог почтил тебя; а ты сам себя бесчестишь? Следовало бы изображать на челе крест, сообщающий непреоборимую безопасность; а ты, оставив его, впадаешь в сатанинское безумие? Если кому это кажется маловажным, тот пусть знает, что это ведет к великому злу, и что Павел не считал подобных предметов маловажными и не оставлял их без внимания. Что может быть, скажи мне, маловажнее, как покрывать человеку свою голову? Однако, смотри, какое он оказывает об этом попечение и с какой силой обличает (молящихся с покрытой головой), выражая, между прочим, что они **"постыжают свою голову"** (1Кор.11:4). Если же покрывающийся бесчестит свою голову, то помазывающий грязью не делает ли младенца отвратительным? Как он, скажи мне, подведет его к рукам священника? Как священник удостоит запечатлеть рукой чело его, которое ты помазал грязью? Нет, братие, не делайте этого; но с самого первого возраста ограждайте детей духовным оружием и научайте их запечатлеть рукой чело, а прежде, нежели они будут в состоянии делать это своею рукой, вы сами изображайте на них крест.

Говорить ли о других сатанинских предрассудках при беременности и родах, которые поддерживаются повивальными бабками на пагубу собственной их головы, о предрассудках при смерти и выносе каждого, о столах и бессмысленных воплях, о безумных действиях на гробах и попечении о надгробных памятниках, о неблаговременном и смешном скоплении плачущих женщин, о предрассудках касательно дней, входов и выходов? И от них, скажи мне, ты ищешь прославления? Не крайне ли безумно – искать славы у людей, которые так неправы в своих мнениях и все делают зря, вместо того, чтобы постоянно прибегать к дремлющему Оку, делать и говорить все с мыслью об Его суде? Если будут хвалить нас люди, то не принесут нам никакой пользы; а если Ему будут угодны дела наши, то Он и здесь прославит нас и в будущий день удостоит неизреченных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1]В рус. перев. слово "последние" переставлено: "нам, последним посланникам".
Греческий текст допускает оба чтения, но Златоуст имеет в виду так, как здесь

БЕСЕДА 13

"Мы безумны Христа ради" (необходимо опять отсюда начать слово), "а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии" (1Кор.4:10).

1. Высказав множество укоризн, которые поражают больше всякого обличения, апостол говорит здесь о том же с свойственным ему достоинством. Сказав: **"вы стали царствовать без нас"**, и: **"Бог судил нам, последним быть как бы приговоренными к смерти"**, далее он показывает, каким образом они действительно осуждены на смерть, и говорит: **"мы безумны, и немощны, и бесчестны, и терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками"** (ст.10-12), что и было признаком истинных учителей и апостолов. Но коринфские учителя хвалились противоположным: мудростью, славой, богатством, почестями. Потому, желая низложить гордость их и показать, что не только не следует хвалиться этим, но еще следует стыдиться, он наперед посмеивается над ними и говорит: **"вы стали царствовать без нас"**. Я возвещаю, говорит он, что настоящее время не есть время почестей и славы, которыми вы наслаждаетесь, но гонений и скорбей, которые мы претерпеваем. Если же это несправедливо, а напротив настоящее время есть время воздаяний, – здесь он говорит иронически, – то вы, ученики, уже царствуете, как я вижу, а мы, учителя и апостолы, которым следовало бы прежде всех получить награду, не только стали последними пред вами, но и осужденными на смерть, постоянно проводя жизнь в бесчестии, голоде и опасностях, претерпевая оскорбления, как безумные, и гонимые, и подвергаясь невыносимым бедствиям. Говорит это для того, чтобы такими внушениями убедить их, что они должны подражать апостолам, предпочитать опасности и скорби почестям и славе, потому что проповедь обещает не первое, а последнее. Впрочем говорит это не прямо, чтобы слова его не показались им слишком тяжкими, но как ему прилично было, так и делает это внушение. Если бы он стал говорить прямо, то сказал бы так: вы заблуждаетесь и обманываетесь и далеко отстали от апостольского учения, потому что апостолу и служителю Христову следует почитаться безумным и проводить жизнь в скорби и бесчестии, как происходит с нами; а вы живете напротив. Но в таком случае слова его скорее показались бы им пристрастными, как заключающие похвалу апостолам, и произвели бы в них еще большую дерзость, как обличаемых в нерадении, тщеславии и невоздержании. Потому он и употребляет не такой образ речи, а другой, более разительный, но не оскорбительный; продолжает речь ироническую и говорит: **"а вы крепки; вы в славе"**. Если бы он не употребил иронии, то сказал бы так: нельзя называться одному безумным, другому мудрым. одному крепким, другому немощным; проповедь не требует ни того, ни другого. Если бы позволительно было называться одному так, а другому иначе, то проповедуемое вами, быть может, имело бы какое-нибудь основание; но теперь не позволительно ни почитаться мудрым или славным, ни быть свободным от опасностей. Если это несправедливо, то, значит, Бог предпочел вас нам, учеников учителям, претерпевшим бесчисленные бедствия. Если же этого никто сказать не может, то остается вам подражать нашему образу жизни. И пусть не подумает кто-нибудь, говорит, что я говорю только о прошедшем; нет, **"даже доньше терпим голод и жажду, и наготу"**. Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христиан, а не один или два дня? Так и из борцов кто увенчан за победу в одной только борьбе, тот не удостоивается вновь венца, если падет (в другой борьбе). Мы терпим голод, говорит против невоздержных: и побои – против высокомерных; и скитаемся – против покоящихся; и наготу – против богатых; и трудимся – против лжеапостолов, которые не хотели ни трудиться, ни подвергаться опасностям, но заботились о собственных выгодах. А мы не так, говорит, но при внешних опасностях еще предаемся постоянным трудам: и, что еще выше, никто не может сказать, чтобы мы негодовали на это или обвиняли гонителей; напротив, мы воздаем оскорбителям нашим добром за зло. Ведь не то важно, чтобы страдать, – это общая участь всех, – но чтобы страдая не роптать и не досадовать.

2. Мы же не только не досадуем, говорит, но и радуемся. Доказательством служит то, что делаемым зло мы воздаем добром. А что они действительно так поступали, послушай далее: укоряемы благословляем, гонимы терпим, хулимы молим: яко же отребил миру

быхом (ст.12-13), т.е. **"безумны Христа ради"**, потому что кто терпит зло, и не мстит и не гневается, тот у внешних (язычников) почитается безумным, бесчестным и слабым. А чтобы слова его не были слишком тяжелыми для них, если бы он приписал свои страдания их городу, – что он говорит? Отреби, говорит, не вашему городу, но миру быхом; и еще: всем поправие, не вам только, но всем. Как, беседуя о любви Христовой, он не упоминает о земле, о небе, о всех тварях, но указывает на крест, так и здесь, желая расположить их к себе, умалчивает о знамениях и говорит о своих страданиях за них. Подобным образом поступаем и мы: когда какие-нибудь люди обижают или презирают нас, мы обыкновенно представляем им то, что претерпели за них. **"Всеми попираемы донине"** (ст.13). В заключение наносит сильный удар. Всем, не гонителям, говорит, но тем, за кого страдаем, т.е. и к ним я питаю великую благодарность. Вот слова души глубоко чувствующей, впрочем, не огорчающейся, но желающей тронуть других! Хотя он мог укорить их во многом, но вместо того приветствовал. Так и Христос повелевает нам кротко переносить обиды, чтобы и сами мы научились любомудрию и других лучше вразумляли, потому что не оскорбляющий, а молчаливо переносящий обиды скорее достигает этого. Видя затем, что нанес тяжкую рану, он тотчас же врачует ее, продолжая: **"Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих"** (ст.14). Не для того, говорит, я сказываю вам это, чтобы пристыдить вас. О том, что уже сделано словами его, говорит, что он не делал; или лучше – говорит, что сделал это, но не с худым и ненавистным намерением; это – прекрасный способ врачевания – сказавши слово, оправдывать его намерением. А не говорить невозможно было, потому что иначе они остались бы неисправленными; и сказавши оставить рану без врачевания, также было бы опасно; потому он после обличения оправдывается. Это не только не уничтожает действия врачевства, но еще глубже внедряет его, и между тем, утоляет всю боль раны; слышащий, что это говорится не с огорчением, но с любовью, скорее принимает вразумление. Впрочем, и здесь великое обличение и укоризна. Говорит не как учитель, не как апостол, не как имеющий учеников, – что выражало бы достоинство, – но: **"но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих"**; не просто: чада, но и: возлюбленная. Простите мне, говорит; если сказано что-нибудь неприятное, то это произошло от любви. Не сказал: обличаю, но: вразумляю. Кто не стал бы слушать отца, сетующего и предлагающего полезные советы? Потому сказал это не прежде, но когда уже нанес удар. Но, скажут, разве другие учителя не любят нас? Я не говорю этого, но они не столько любят. Для краткости он не объяснил этого, но указал на это занятиями и названиями, употребив слова: наставник и отец. **"Ибо, хотя у вас тысячи, говорит, наставников во Христе, но не много отцов"** (ст.15). Здесь он указывает не на достоинство свое, но на избыток любви; не укоряет их, присовокупив: во Христе, но утешает, назвав не льстецами, но наставниками тех, которые принимают на себя заботы и труды; также выразил и свое попечение. Потому не сказал: не много учителей, но: не отцов. Таким образом он не хотел ни указывать им на свое достоинство, ни напоминать, как много они получили от него пользы, но согласившись, что и другие учителя много потрудились для них, – а таково свойство наставника, – избыток любви усвоит себе, так как это свойство отца. И не говорит только, что никто так не любит их, как он, – это было бы недоказательно, – но указывает и на самое дело. Какое? **"Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием"**. Во Христе Иисусе: я, говорит, не приписываю этого себе самому. Опять намекает на тех, которые присвоили учение себе самим. **"Ибо печать"**, говорит, **"моего апостольства – вы"** (1Кор.9:2); и еще: **"я насадил"** (3:6); а здесь: **"я родил"**. Не сказал: я возвестил слово, но: **"я родил"**, употребив выражение близкое к природе, так как он старался об одном, как бы выразить любовь, которую питал к ним. Те, приняв от меня, воспитали вас; а то, что вы стали верующими, произошло чрез меня. Сказав им: **"как детей"**, и желая показать, что это не слово лести, он указывает на дело. **"Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу"** (ст.16). О, какое дерзновение учителя! Каким верным он был образом (Христа),

если и другим указывает на это! Впрочем, здесь он не превозносит себя, но показывает легкость добродетели.

3. Не говори: я не могу подражать тебе; ты – учитель, и великий учитель. Не такое расстояние между мной и вами, какое между мной и Христом, и однако я подражал Ему. Когда он пишет к ефесеям, то не предлагает в посредники себя самого, но прямо руководит всех их к Нему: "**подражайте**", говорит, "**Богу**" (Еф.5:1); а здесь, так как обращал речь свою к немощным, представляет посредствующим себя самого. С другой стороны показывает, что и таким образом можно подражать Христу. Кто подражает верному образу, тот подражает первообразу. Посмотрим же, как он подражал Христу. Это подражание не требует ни времени, ни искусства, но одного желания. Вошедши в мастерскую живописца, мы не в состоянии подражать его картине, хотя бы тысячу раз смотрели на нее; а Христу можно подражать даже по одному слуху. Итак, хотите ли, я покажу вам картину, изобразив пред вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царских изображений. Основание ее – не склеенные доски и не натянутое полотно, а дело Божие служит ей основанием; это – душа и тело. Душа есть творение Бога, а не людей; равно также и тело. Вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканий, а после можете и рукоплескать и подражать. Таким образом основанием этой картины служит вещество общее для всех. Душа от души несколько не отличается, как душа, но от желания зависит их различие. Как тело от тела несколько не отличается, как тело, но оно одинаково у Павла и у всех других, и только подвиги делают одно чище другого, так надобно думать и о душе. Итак, представим картину – душу Павла. Эта картина была прежде закоптевшая и покрытая паутинами, – ничего ведь нет хуже вражды против Бога, – но когда пришел Преобразующий все и увидел, что она имеет такой вид не по лености и нерадению, а по неведению и потому, что не имеет цветов благочестия, – он ведь имел ревность, но красок не имел, потому что имел ревность не по разуму, – то сообщил ей цвет истины, т.е. благодать, и тотчас же сделал ее царским изображением. Он, принявши краски и узнав то, чего не знал, не терял времени, но тотчас же стал превосходным художником. И во-первых, глава его явилась царской, когда он проповедовал Христа; затем и все тело стало таким же, по строгости жизни. Живописцы, заключившись у себя дома, исполняют свое дело с великим тщанием и безмолвием и никому не отворяют двери; а он, выставив картину среди вселенной, где все противились ему, возмущались и беспокоили его, довершал здесь это царское изображение, и не смотрел на препятствия. Потому и говорил: "**мы сделали позорищем для мира**" (1Кор.4:9), на земле и на море, для неба и всей вселенной, для мира чувственного и духовного, – и между тем живописал свою картину. Хотите ли видеть и прочие ее части, начиная с головы? Или хотите, чтобы мы начали исчисление снизу? Посмотри же на эту статую из золота, или еще драгоценнейшую золота и достойную стоять на небе, не спаянную оловом и не прикрепленную к одному месту, но пробегающую от Иерусалима до Иллирика, достигающую Испании и как бы на крыльях носящуюся по всей вселенной. Что может быть прекраснее этих ног, прошедших всю лежащую под солнцем землю? О красоте их и пророк предвозвестил, когда сказал: "**как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир!**" (Ис.52:7). Видишь ли, как прекрасны ноги его? Хочешь ли видеть грудь? Приди, я покажу тебе и ее, и ты увидишь, что она светлее прекрасных ног его и даже самой груди древнего законодателя. Моисей держал каменные скрижали, а он имел внутри самого Христа, носил в себе образ самого Царя и очистителя; потому был честнее херувимов. Не такой голос оттуда исходил, какой отсюда; там беседа касалась большей частью предметов чувственных, а язык Павла возвещал о предметах, превышающих небеса; от очистителя произносились вещания к одним только иудеям, а от него – к целой вселенной; там – чрез вещи бездушные, а здесь – чрез добродетельную душу.

4. Он был очистилищем, светлейшим неба, сияющим не разнообразием звезд и не лучами солнечными, но имеющим внутри себя самое Солнце правды, изливавшее оттуда лучи свои. На это (чувственное) небо иногда находит облако и потемняет его, а на грудь Павла не находила никогда никакая подобная непогода, или лучше, многие непогоды и часто находили на него, но не помрачали света его, а напротив этот свет блистал среди искушений и опасностей. Потому он, находясь сам в узах, восклицал: **"для слова Божия нет уз"** (2Тим.2:9). Так всегда язык его изливал лучи и ни страх, ни опасность не помрачали груди его. Эта грудь, по-видимому, была превосходнее ног его; но и они также превосходны, как ноги, и она – как грудь. Хочешь ли видеть, как прекрасен и желудок его? Послушай, что он сам говорит о нем: **"если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего"** (1Кор.8:13). Хорошее дело не есть мяса, не пить вина и не употреблять ничего такого, чем брат твой оскорбляется, соблазняется, или смущается. **"Пища для чрева, и чрево для пищи"** (1Кор.6:13). Что может быть и прекраснее этого желудка, приученного к такому воздержанию, хранившего всякое целомудрие, умевшего поститься, алкать и жаждать? Как хорошо обученный конь, управляемый золотой уздой, так и он выступал стройно, побеждая требования природы, потому что в нем выступал Христос. А при таком целомудрии, очевидно, исчезало и всякое другое зло. Хочешь ли видеть и руки его, каковы они ныне? Или хочешь видеть, как худы они были прежде? Прежде он входил в дома и влачил (в темницу) мужей и жен, как бы имея руки не человека, но какого-нибудь дикого зверя (Деян.8:3); а когда принял цветы истины и достиг духовной опытности, тогда эти руки были уже не человеческие, но духовные, имевшие на себе узы каждый день; они уже не наносили ударов никому и никогда, но сами тысячу раз подвергались ударам. Этих рук даже устыдилась некогда эхидна: они были уже не человеческие руки; поэтому она и не причинила им вреда (Деян.28:3-6). Хочешь ли видеть плечи его, столь же прекрасные, как и прочие члены? Послушай, что он сам говорит о них: **"от Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской"** (2Кор.11:24-25). Но чтобы и нам не погрузиться в беспредельную глубину и не слишком распространить речь свою, перечисляя все члены его порознь, оставим тело его и обратим взоры на другую красоту, – на красоту одежд его, которых боялись злые духи, и потому бежали от них, от которых исцелялись и болезни (Деян.19:12). Где ни являлся Павел, все уступало и покорялось ему, как бы победителю вселенной. Подобно тому, как получившие на войне множество ран, увидев оружие нанесшего им раны, трепещут, так и злые духи, увидев только полотенца его, отступали. Где теперь богатые и гордящиеся своим имуществом? Где исчисляющие свои достоинства и драгоценные одежды? Сравнив себя с Павлом, они увидят, что все их сокровища – грязь и помет. И что я говорю об одеждах и золотых вещах? Если бы кто предложил мне во власть целую вселенную, то один ноготь Павла я почел бы важнее такой власти, бедность его выше всякой роскоши, бесчестие – всякой чести, наготу – всякого богатства, заушение священной его главы – всякого удовольствия, брошенные в него камни – всякой диадемы. Будем и мы, возлюбленные, желать себе такого же венца; и хотя теперь нет гонения, однако будем готовить себя к тому. И он сделался славным мужем не от одних гонений: **"порабощаю тело мое"**, говорил он (1Кор.9:27); а это можно делать и без гонений. Также **"попечения о плоти"**, увещевал он, **"не превращайте в похоти"** (Рим.13:14); и еще: **"имея пропитание и одежду, будем довольны тем"** (1Тим.6:8); а для этого не нужно гонений. Богатых же он вразумляет так: **"желающие обогащаться впадают в искушение"** (1Тим.6:9). Потому если мы будем таким образом упражняться и подвизаться, то будем увенчаны и, хотя бы и не было гонения, получим за то великие награды; а если станем утучнять тело свое и проводить жизнь свойственную свиньям, то и во время мира впадем во многие грехи и подвергнемся стыду. Разве ты не знаешь, с кем у нас брань? С силами бестелесными (Еф.6:12). Как же мы одолеем их, будучи плотскими?

Если сражающийся против людей имеет нужду в благоразумном воздержании, то тем более – против злых духов. Если же мы при своей тучности будем еще привязаны к богатству, то как одолеем этих противников? Богатство – это узы, тяжкие узы для неумеющих пользоваться им, это жестокий бесчеловечный тиран, направляющий все к гибели раболепствующих ему. Но, если мы захотим, то можем низвергнуть с престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться нам, а не повелевать нами. Каким же образом? Если будем разделять свое богатство всем. Доколе оно находится наедине с нами, то, как бы какой разбойник в пустыне, причиняет всякого рода зло; а когда мы выводим его в общество людей, то оно уже не может повелевать нами, потому что тогда все со всех сторон обуздывают его.

5. Не то я говорю, чтобы иметь богатство было грешно, грех – не разделять его бедным и худо пользоваться им. Бог не сотворил ничего худого, но **"все хорошо весьма"** (Быт.1:31); следовательно и богатство – добро, но тогда, когда оно не завладевает имеющими его, когда оно избавляет ближних от бедности. Как свет не был бы добром, если бы не прогонял мрака, но еще увеличивал его, так и богатство я не назову добром, если оно не избавляет от бедности, но умножает бедность. Богат тот, кто не нуждается брать у других, но сам помогает другим; а кто старается брать у других, тот не богат, но беден. Таким образом не богатство есть зло, а бедственное настроение души, обращающее богатство в бедность. Такие люди несчастнее просящих (милостыню) в переулках, слепых и увечных; облакаясь в шелковые и светлые одежды, они презреннее одетых в рубища; выступая гордо на торжище, они беднее скитающихся по перекресткам, входящих во дворы и там вопиющих и просящих помощи. Эти последние прославляют Бога и изрекают слова милости и великого любомудрия; потому мы и оказываем им сострадание, простираем руку (помощи) и никогда не осуждаем. А недобрые богачи изрыгают слова жестокости и безчеловечия, любостяжания и сатанинских похотей; потому они для всех ненавистны и смешны. Посмотри, что у всех людей считается постыдным – от богатых ли брать, или от бедных? Конечно, от бедных. А это и делают богатые, которые никогда не пойдут к более богатым. Бедные же берут от богатых; нищий не станет просить у нищего, но у того, кто достаточнее его; а богатый требует от бедного. Притом, скажи мне, что почтеннее – брать ли от дающих добровольно и расположенных к тому, или требовать и вынуждать нежелающих? Конечно, не вынуждать нежелающих. А богатые поступают напротив. Бедные получают от дающих добровольно и расположенных к тому, богатые же от нежелающих и противящихся; а это и есть доказательство большой бедности (их самих). Если и на обед никто не решится идти, когда приглашающий не будет иметь расположения к приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого с принуждением? Не потому ли мы отвращаемся и убегаем от лающих псов, что они неотступно нападают на нас? То же делают и богатые. Разве почетнее, когда к потере имущества присоединяется еще страх? Это хуже всего. Потому употребляющий все меры к приобретению имущества не смешнее ли всех? Из страха мы часто и псам бросаем все, что имеем в руках. Притом что постыднее, скажи мне, просить ли одетому в рубище, или облеченному в шелковые одежды? Когда какой-нибудь богач держит у себя престарелых бедных, чтобы овладеть их имуществом, тогда как у них еще есть дети, то достоин ли он прощения? Если хотите, обратим внимание на самые слова, какие произносит богач, требуя себе чего-нибудь, и какие – бедные. Что же говорит бедный? Подающий милостыню, говорит он, никогда не оскудеет, потому что подает из Божьего достояния; Бог человеколюбив и воздаст больше. Все это – слова любомудрия, вразумления и совета; они внушают тебе взирать на Владыку и избавляют тебя от страха будущей бедности; вообще много назидательного всякий может заметить в словах нищих. А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезах, о блюдах, о сластях, о винах, о благовониях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие – о процентах и закладах, о составлении заемных писем и

уплате неисчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного – дома, у другого – поля, у иного – слуги и всего его имущества. Что сказать о духовных завещаниях, писанных не чернилами, а кровью? Представив неизбежную опасность, или сделав какие-нибудь обольстительные обещания тем, у кого видят несколько имущества, они убеждают устранить всех прямых наследников, часто угнетаемых бедностью, и вместо того вписать их самих. Не хуже ли это всякого неистовства и свирепости диких зверей? Потому, увещаваю вас, будем убегать всякого такого богатства, покрытого стыдом и убийствами, а приобретать богатство духовное, искать сокровищ небесных. Кто имеет эти сокровища, тот только богат, тот достаточен, тот владеет всеми здешними и тамошними благами. Кто хочет быть бедным по слову Божию, для того бывают отворены двери всех, – потому что человеку, не ищущему никаких стяжаний для Бога, всякий уделит от своего; а кто хочет получить несправедно хотя немного, для того бывают заключены двери всех. Потому, чтобы нам иметь и здешние и тамошние блага, изберем сокровища непогибающие и богатство бессмертное, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 14

"Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе" (1Кор.4:17).

1. Посмотри и здесь, как доблестна душа (Павла), как она пламеннее и живее огня. Он хотел сам придти к коринфянам, находившимся в тяжкой болезни и смятении, потому что хорошо знал, как полезно было ученикам присутствие его и каким вредом сопровождалось его отсутствие. Первое он выразил в послании к филиппийцам, когда сказал: **"не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение"** (Флп.2:12); а последнее выражает в настоящем послании, словами: **"как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились, но я скоро приду"** (ст.18). Он хотел и спешил сам придти; но так как сделать это было еще невозможно, то вразумляет их обещанием своего прибытия, и кроме того отправлением ученика: **"для сего"**, говорит, **"я послал к вам Тимофея"**. Для сего. А почему? Потому что я пекусь о вас, как о детях, как родивший вас. Далее в послании описывает личность его: **"моего возлюбленного и верного в Господе сына"**. Этими словами выражает свою любовь и вместе располагает их – с уважением принять его. Не просто: верно, но: о Господе, т.е. в делах Господних. Если быть верным в житейских делах – похвально, то тем более – в духовных. Если же он был сын его возлюбленный, то представь, как велика была любовь Павла, когда он решился разлучиться с ним для коринфян. Если он верен, то устроит дела безукоризненно. **"Который напомнит вам"**. Не сказал: научит, чтобы они не огорчились, как бы долженствующие учиться у него; потому и в конце послания сказал о нем: **"ибо он делает дело Господне, как и я"** (1Кор.16:10), и потому никто пусть не унижает его. Между апостолами не было зависти, но одно они имели в виду – домостроительство Церкви; и хотя бы действовавший был менее других, они со всем усердием содействовали ему. Потому он не удовольствовался словами: вспомянет вам, но простирает далее слово, стараясь уничтожить в них зависть, так как Тимофей был молод, – почему и присовокупляет: пути моя. Не свои пути, но моя, т.е. распоряжения, опасности, обычаи, законы, учреждения, правила апостольские и все прочее. После того как сказал: наготуем и страждем и скитаемся, говорит: он напомнит вам и это все и законы Христовы, чтобы уничтожить ереси. Далее, устремляя слово свое выше, присовокупляет: яже о Христе; по обычаю своему приписывает все Владыке, и тем утверждает достоверность последующего; потому и продолжает: **"как я учу везде во**

всякой церкви" (4:17). Ничего я не говорил вам нового; это подтвердят и все прочие церкви. О путях своих говорит, что они о Христе, выражая, что они не имеют в себе ничего человеческого, и что он совершает все при помощи свыше. Сказав это и вразумив их, он, желая приступить к обличению кровосмесника, опять изрекает слова, исполненные гнева, не потому, чтобы сам был в таком состоянии, но чтобы исправить их, и притом, оставив кровосмесника, обращает речь свою к другим, не удаляя его даже слов своих, как и мы поступаем с слугами, которые слишком оскорбили нас. Сказав: послах к вам Тимофея, и опасаясь, чтобы они оттого не сделались более беспечными, смотри, что он говорит: **"как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились"**. Здесь касается и их и некоторых других, желая низложить их высокомерие. Действительно, предаваться гордости во время отсутствия учителя, это грех властолюбия. Обращая речь ко всем другим, смотри, как он пристыжает их; а обращаясь к виновным, выражается гораздо сильнее. Тем говорит: **"всеми попираемый"**, и вразумляет их словами: **"яне к постыжению вашему пишу сие"**: а этим говорит: **"как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились"**, выражая, что гордость свойственна детскому рассудку, потому что и дети делаются более беспечными в отсутствие учителя. Таким образом открывается и то, что для исправления их достаточно его присутствия.

2. Как присутствие льва приводит в страх всех животных, так и присутствие Павла – развращающих Церковь. Потому он и продолжает: **"но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу"** (ст.19). Но сказать одни эти слова значило бы употребить угрозу; а указать на самое дело, обещать, что он потребует с них отчета, это свойственно великой и мудрой душе; потому он и присовокупляет следующее: и уразумею не слово разгордевшихся, но силу. Гордость их была следствием не собственных их достоинств, но отсутствия учителя, что и было знаком низкого расположения их души. Потому сказав: **"послал Тимофея"**, он не тотчас прибавил: приду, но наперед обличил их в гордости, а потом и сказал: приду. Если бы он сказал это прежде обличения, то это было бы скорее оправданием его в том, будто он сам не хочет придти, нежели угрозой, и самое обещание было бы не так несомненно; а теперь, сказав это после обличения, он сделал прибытие свое достоверным и страшным. И заметь, как он тверд и осмотрителен. Не просто говорит: приду, но: **"если угодно будет Господу"**; не назначает определенного времени, – так как он мог и замедлить, – чтобы неизвестностью поддержать в них бдительность; и чтобы с другой стороны они не сделались от того беспечными, присовокупляет: скоро. **"И испытаю не слова возгордившихся, а силу"**. Не сказал: не посмотрю ни на мудрость, ни на мнения, но что? – не слово, и этим выражением то унижил, то возвысил. Доселе он обращает речь свою к другим, защищавшим кровосмесника; а если бы говорил к нему самому, то не сказал бы – силу, но – дела, которые у него были развратны. Почему же ты не ищешь слова? Не потому, что я скуден в слове, но потому, что наше дело в силе. Как на войне одерживают верх не много говорящие, но много делающие, так и здесь победа принадлежит не говорящим, но действующим. Ты гордишься, говорит, красноречием; если бы теперь было поприще и время риториков, то ты справедливо мог бы гордиться им; но так как теперь время апостолов, возвещающих истину и подтверждающих ее знамениями, то для чего ты гордишься делом излишним, ничего незначущим и не могущим принести в настоящем никакой пользы? Может ли красноречие послужить к воскрешению мертвого, к изгнанию злых духов, или к совершению какого-нибудь другого подобного чуда? А теперь нужно это, и чрез это утверждается наше дело. Потому и присовокупляет: **"ибо Царство Божие не в слове, а в силе"** (ст.20). Мы побеждаем, говорит, знамениями, а не красноречием, и величайшим доказательством того, что наше учение божественно и что мы возвещаем царствие небесное, представляем знамения, которые совершаем силой Духа. Таким образом, если превозносящиеся ныне хотят быть великими, то когда я прииду, пусть покажут, имеют ли они такую же силу, а не выставляют мне пышность красноречия, потому что это искусство не служит нам ни к

чему. **"Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и Духом кротости?"** (ст.21). Эти слова заключают в себе много страшного и много кроткого. Когда он говорил: испытаю, то еще удерживал себя; а теперь, когда говорит: **"что хотите? С жезлом прийти к вам?"** – он восходит на седалище учителя и оттуда говорит с полной властью. Что значит: с палицей? Для наказания, для мучения, т.е. чтобы умертвить, или ослепить, как поступил Петр с Сапфирой (Деян.5:9), или как он сам с волхвом Елимою (Деян.13:11). Здесь он уже говорит не сравнивая себя с ними, но властно. И во втором к ним послании он выражает то же самое, когда говорит: **"вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне"** (2Кор.13:8). **"С жезлом ли придти, или с любовью?"** А придти с палкой разве не было знаком любви? Да, было знаком любви; но сильно любящий не легко склоняется на наказание; потому он так и говорит. Потому, говоря о наказании, он не выразился: Духом кротости, но: жезлом, хотя и это было делом Духа, – так как есть Дух кротости и Дух крепости, – но он не желает называть Его таким образом, а приписывает Ему дела более кроткие. Потому и Бог, хотя посылает наказания, но чаще называется милосердным, долготерпеливым, богатым милостью и щедротами, а наказующим называется один или два раза, вообще очень редко и притом тогда, когда требует того необходимость. И посмотри на мудрость Павла: имея у себя власть, он предлагает им на выбор то и другое, и говорит: что хотите? – от вас это зависит. От нас зависит и то и другое, – попасть в геену, или получить царствие, – потому что так желает Бог. Вот, говорит Он, огонь и вода: **"на что хочешь, прострешь руку твою"** (Сир.15:16); и еще: **"если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь, то меч пожрет вас"** (Ис.1:19-20).

3. Но, может быть, скажет кто-нибудь: я хочу; и нет никого настолько безумного, чтобы не хотеть; но хотение не приносит мне достаточной пользы. Нет, оно принесет пользу, если ты будешь хотеть, как должно, и действовать сообразно с хотением; а теперь ты не совсем хочешь. Докажем это, если угодно, некоторыми примерами. Скажи мне: кто хочет жениться, тот довольствуется ли одним хотением? Отнюдь нет; он приглашает свах, просит друзей посмотреть вместе с ним невесту, собирает деньги. Также купец не сидит дома, довольствуясь одним хотением торговать, но и нанимает корабль, приглашает кормчих и гребцов, занимает серебро, разведывает о месте торговли и цене товаров. Не безрассудно ли в делах земных оказывать такое усердие, а для приобретения неба довольствоваться одним хотением, или, лучше, не иметь и хотения в надлежащей степени? Ведь кто хочет, как должно, тот принимается и за дела, ведущие к тому, чего он хочет. Когда голод принуждает тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла к тебе сама собой, но употребляешь все меры к отысканию пищи; также в случае жажды, холода и всех подобных обстоятельств ты бываешь деятелен и готов позаботиться о теле. Поступай также и по отношению к царствию небесному, и непременно достигнешь его. Для того Бог и сотворил тебя с свободной волей, чтобы ты впоследствии не обвинял Бога, как бы связавшего тебя необходимостью. А ты тем именно и недоволен, что составляет честь твою? Я слышал многих, говоривших: для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели? Но как возвести на небо тебя дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши и чревоугодию? Ты и там не отстал бы от пороков. Если и теперь, когда положена угроза, ты не перестаешь грешить, то тогда, когда бы Он предназначил тебе в награду небо, оставил ли бы ты свою беспечность и не сделался ли бы гораздо хуже? Не можешь сказать и того, будто Бог показал блага, но не подал помощи к их достижению; напротив, Он обещал тебе великую помощь. Но, скажешь, добродетель трудна и тяжела, а порок сопровождается многими удовольствиями; последний путь широк и просторен, а первый тесен и прискорбен. А всегда ли, скажи мне, это было так? Было ли так в начале? И ты сам против воли говоришь о добродетели то, что говоришь: так убедительна истина! Если бы пред тобой были два пути, один ведущий в пещь, а другой – в рай, и ведущий в пещь был широк, а ведущий в рай – тесен, который путь скорее избрал бы ты? Сколько бы

ты ни старался возражать, но несомненной истине не можешь противоречить, как бы ни был бесстыден. Впрочем постараюсь из предметов, находящихся у нас под руками, доказать, что скорее тот путь достоин избрания, который имеет трудное начало, а не конец. Возьмем для примера, если хотите, искусства; в них начало исполнено труда, а конец – пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство без принуждения; молодой человек, сделавшийся господином себя самого скорее изберет – в начале предаваться удовольствиям, а в конце терпеть бесчисленные бедствия, нежели трудиться в начале, а потом собирать плоды трудов. Значит, такой выбор есть дело сиротливого мышления и детской беззаботности, а выбор противоположный – благоразумия и мужеской зрелости. Так и мы, если бы по уму не были детьми, то уподоблялись бы не безрассудному сироте, но сыну, руководимому отцом. Потому мы должны оставить детское суждение, а не слагать вину на самые предметы, и приставить к своей совести возницу, который бы не позволял нам предаваться чревоугодию, а заставлял бы простираться вперед и подвизаться. Не нелепо ли – детей насильно принуждать заниматься предметами, имеющими трудное начало, и полезный конец, а самим нам вести себя противно тому в отношении к предметам духовным? Между тем в житейских делах совершенно неизвестно, будут ли они еще иметь хороший конец. Преждевременная смерть, бедность, клевета, перемена обстоятельств и многое другое подобное часто после многих трудов оставляют без плодов; а если трудящиеся и не лишаются всего, то собирают не большие плоды, потому что в настоящей жизни все подвержено разрушению. А мы и здесь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами, и не боимся конца, но еще большая и несомненнейшая надежда остается нам по отшествии из настоящей жизни. Потому какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не хотят трудиться для добродетели? Но, спросишь еще, для чего путь добродетели тесен? Как? В земные царские чертоги ты не позволяешь входить никому из прелюбодеев, пьяниц и развратников, а на небо хочешь открыть путь людям, преданным распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбию и всем порокам? Достойно ли это какого-нибудь прощения?

4. Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широк путь добродетели? Нет, если захотим, то и очень удобен. Что в самом деле удобнее, скажи мне, подкопать ли стену и, похитив чужую собственность, сидеть потом в темнице, или, довольствуясь своей собственностью, быть свободным от всякого страха? Но еще не все я сказал. Что удобнее, скажи мне, отнять ли у всех собственность и, насладившись этой малостью в течение краткого времени, страдать и мучиться вечно, или, пожив краткое время в праведной бедности, блаженствовать потом непрестанно? Мы пока не говорим, что полезнее, но что удобнее.

Что же лучше – видеть ли приятное сновидение, а на самом деле мучиться, или, увидев неприятное сновидение, на самом деле блаженствовать? Очевидно, что последнее. Почему же, скажи мне, ты называешь добродетель тяжелой? Тяжка она для нашей лености, а сама по себе легка и удобна, – о чем, послушай, как говорит Христос: **"ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко"** (Мф.11:30). Если ты не чувствуешь ее легкости, то, значит, ты не имеешь крепкого усердия. Как при усердии тяжелое бывает легким, так без него и легкое – тяжелым. Что может быть, скажи мне, приятнее и бестручнее пищи из манны? Но иудеи роптали, употребляя такую пищу (Числ.11:6). Что мучительнее голода и других бедствий, которые терпел Павел? Но он восхищался, радовался и говорил: **"ныне радуюсь во страданиях моих"** (Кол.1:24). Что же тому причиной? Различие (душевного) расположения. Если ты настроишь душу свою, как должно, то почувствуешь легкость добродетели. Следовательно, скажешь ты, она бывает такой от расположения людей? Не от одного только расположения, но она такова и по существу своему. Если бы добродетель всегда была трудна, а порок всегда легок, то иной из падающих справедливо мог бы сказать, что последний легче первой; если же только в начале первая тяжела, а последний приятен, а после та и другой напротив, бесконечные же последствия первой

приятны, а последнего – тяжки, то, скажи мне, что из них скорее можно избрать? Почему же многие не избирают удобного? Потому, что одни не веруют, а другие, хотя и веруют, но имеют развращенную волю и избирают удовольствие временное вместо вечного. Легко ли и это? Не легко, но они делают это по немощи души своей. Как больные горячкой требуют холодного питья не потому, что приятнее несколько времени чувствовать удовольствие, нежели постоянно быть в жару, но потому, что не могут воздержаться от безрассудного желания, – так и они. Между тем, если бы кто, предлагая им удовольствие, предлагал вместе и наказание, то и они не решились бы на это. Видишь ли, как не легок и порок? Если хочешь, объясни это самым делом. Что приятнее, скажи мне, и удобнее? Впрочем опять замечу, что мы будем судить о предметах не по желаниям многих людей, так как не суждениями больных, но здоровых надобно руководствоваться в этом случае, и, хотя бы ты представил мне тысячи людей, страдающих горячкой и желающих противного здоровью, несмотря на то, что после придется им терпеть мучение, я не одобрю их решения. Что же удобнее, скажи мне, желать ли большого богатства, или быть выше такого желания? Мне кажется, что последнее удобнее; если же ты не веришь, то обратимся к опыту. Представим, что один желает многого, а другой – ничего. Кто из них, скажи мне, лучше и почтеннее?

5. Впрочем оставим это; несомненно, что последний почтеннее первого; не об этом мы теперь ведем речь, но о том, кто из них живет удобнее и приятнее? Корыстолюбец не пользуется тем, что имеет, так как к чему он питает любовь, того не решится издержать, но скорее согласится рассеять себя самого и отдать тело свое, нежели золото; а презиравший богатство имеет по крайней мере то преимущество, что он просто и с полной свободой пользуется своей собственностью и ставит себя выше ей. Что же приятнее – свободно ли пользоваться своим имуществом, или, проводя жизнь под властью богатства, не сметь даже прикоснуться ни к чему из своей собственности? Это мне кажется подобным тому, как если бы два мужа, имеющие жен и сильно любящие их, были в различных к ним отношениях: один мог бы находиться вместе и беседовать с женой, а другой не смел бы даже подойти к ней близко. Скажу и еще нечто в доказательство, как приятна жизнь одного и неприятна другого. Корыстолюбец никогда не оставит своей страсти, не потому только, что невозможно завладеть имуществом всех, но и потому, что, сколько бы он ни имел, он считает себя неимеющим ничего; а презиравший богатство считает все излишним и не мучит свою душу беспредельными желаниями. Ничто не причиняет столько мучения, как желание, не получающее удовлетворения; это более всего и служит доказательством развращения воли. Желавший богатства и приобретший многое, как известно, считает себя как бы неимеющим ничего; что же может быть тревожнее такой болезни? И не только это дурно, но и то, что имея, он, по-видимому, не имеет того, что имеет, и страдает, как бы неимеющий; чем более он приобретает, тем более мучится; если получил сто талантов, скорбит, что не получил тысячи; если получил тысячу, досадует, что не десять тысяч; если получил десять тысяч, терзается, что не в десять раз более, – так что большее приобретение обращается для него в сильное приращение его мучений, потому что чем больше он получает, тем большего желает. Таким образом чем более он приобретает, тем становится беднее; ведь кто желает все большего, тот становится все беднее. Когда он имеет сто талантов, он еще не слишком беден, потому что желает тысячи; когда получит тысячу, то становится более бедным, потому что, по его мнению, нуждается уже не в тысяче, как прежде, а в десяти тысячах. Если же самое желание без удовлетворения ты назовешь удовольствием, то я скажу, что ты мне кажешься совершенно не знающим свойства удовольствия. Это не удовольствие, а мучение; объясним опять и это другими примерами. Когда мы чувствуем жажду и потом принимаем питье, то не потому ли получаем удовольствие, что утоляем жажду, и не потому ли питье доставляет нам удовольствие, что освобождает нас от великого мучения, т.е. от желания пить? Это очевидно для всякого. Если бы мы оставались всегда с этим

желанием, то были бы в состоянии мучения не менее того богача, который видел Лазаря; для него было наказанием то, что он, сильно желая хотя малой капли воды, не получал ее ни от кого (Лк.16:24). Так и сребролюбцы, кажется мне, мучатся непрестанно, подобно этому богачу, просившему капли воды и не получившему ее; душа их горит в огне даже более, нежели его душа. Хорошо некто сравнил сребролюбцев с страдающими водяной болезнью. Как те, чем более имеют воды в своем теле, тем более чувствуют жажду, так и сребролюбцы, имея много, желают большего. А причиной то, что как у тех вода находится не в надлежащем месте, так и у них желание не в надлежащих пределах. Будем же избегать этой странной и опасной болезни, будем избегать этого корня зол, будем избегать этой настоящей геенны; ведь желание таких людей – это геенна. Раскрой душу того и другого, не презирающего богатство и презирающего, и ты увидишь, что первый подобен беснующимся, потому что не хочет ничего ни видеть, ни слышать, а последний подобен тихой пристани, не возмущаемой волнами, и есть друг всех, тогда как тот – враг всех. Если кто у него отнимет что-нибудь, он не печалится, а если кто опять даст ему что-нибудь, он не тщеславится, но сохраняет всегда какую-то свободу, сопровождающуюся совершенным спокойствием; тот принужден и льстить и лицемерить пред всеми, а он – ни перед кем. Если же сребролюбец и беден, и жалок, и неправдив, и лицемерен, и подвержен страху, наказанию и великому мучению, а презирающий богатство находится совершенно в противоположном состоянии, то не очевидно ли, что добродетель приятнее? Можно было бы доказать примерами и других пороков, что никакой порок не заключает в себе удовольствия, если бы мы выше не сказали многого. Итак, зная это, будем предпочитать добродетель, чтобы нам и здесь иметь удовольствие, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 15

"Есть верный слух, что у вас [появилось] блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто [вместо] [жены] имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело" (1Кор.5:1-2).

1. Когда апостол беседовал (с коринфянами) об их разделении, то не тотчас начал речь обличительную, но наперед говорил с ними кротко, а потом уже перешел к обличению, сказав: **"ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры"** (1Кор.1:11). А здесь не так, но тотчас же высказывает обличение, и силу укоризны направляет, сколько возможно, против всех. Не говорит: почему такой-то предается прелюбодеянию? – но: **"у вас [появилось] блудодеяние"**, чтобы они, считая себя совершенно свободными от обвинения, не остались невнимательными, но видели бы, что все их общество подлежит обличению и вся их церковь несвободна от обвинения, и оттого были бы ревностны в благочестии. Никто не скажет, говорит, что такой-то предался прелюбодеянию, но что в коринфской церкви совершилось преступление. Не говорит: дерзают на прелюбодеяние, но: **"есть верный слух, какого не слышно даже у язычников"**. Он часто примером язычников укоряет верующих; так в послании к фессалоникийцам говорит: **"чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники"** (1Фес.4:4-5): также к колоссянам и ефесеям: **"чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы"** (Еф.4:17). Если им непростительно грешить одинаково с язычниками, то превосходить язычников в этом отношении, скажи мне, как это считать? У них, говорит, не только не совершается что-нибудь подобное, но ниже именуется. Видишь ли, как он оценивает это преступление? Если они допускают такой род безнравственности, какого не только не делают, но и не знают неверные, то невыразима

великость их греха. Слово: в вас употреблено здесь с особенной силой, т.е. у вас верующих, сподобившихся таких таинств, получивших неизреченные блага, призванных к небу. Видишь ли, какого негодования, какого гнева против всех исполнены его слова? Если бы он не чувствовал большого гнева, то и не обращал бы речи своей ко всем, а сказал бы так: я слышал, что такой-то предается прелюбодеянию; накажите его. Но теперь не так, а направляет речь против всех. Если бы они предварительно написали ему об этом, то он выразился бы таким образом; но так как они не только не писали, но еще прикрывали грех, то он употребляет более сильный образ речи. **"Что некто имеет жену отца своего"**. Почему он не сказал: некто прелюбодействует с женой? Он ставил на вид нечто слишком постыдное; потому сказал об этом с некоторой стыдливостью, как объяснено нами выше, но вместе чрез это самое опять выразил важность преступления, показав, что у них совершается нечто такое, чего Павел не позволяет себе даже назвать прямо. Потому и далее он употребляет такой же образ речи: **"сделавший"**, говорит, **"такое дело"**; опять стыдится и не позволяет себе сказать прямо, подобно тому, как и мы имеем обыкновение делать касательно слишком низких поступков. Не говорит: мачеху, но: жену отца, чтобы сильнее тронуть их. Когда самые названия достаточны для обличений, тогда он употребляет их, не прибавляя ничего другого. Не возражайте мне, говорит, что один только прелюбодействует; нет, это – грех общий всем. Потому и продолжает: **"и вы возгордились"**. Не сказал: таким грехом, – это было бы безрассудно, – но учением его (грешника). Впрочем, не выразил этого ясно, но опустил посредствующую мысль, чтобы сильнее тронуть их. И посмотри на благоразумие Павла. Он наперед низложил внешнюю мудрость и показал, что она ничтожна сама по себе, хотя бы не соединена была с грехом, а потом уже говорит и о грехе. Если бы он доказал величие духовных дарований сравнительно с кровосмесником, который, может быть, отличался внешней мудростью, то не сделал бы ничего важного; но, низложив ее без отношения к греху и показав, что она ничтожна сама по себе, он доказал крайнюю ее негодность. Потому он наперед произнес о ней такое суждение, а потом уже стал говорить о грехе. Впрочем, он не удостоивает своей беседы его (кровосмесника), – чем выражает чрезмерное бесчестие его поступка, – но говорит другим, что им следовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говорит, поступаете напротив; потому и присовокупляет: **"и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать"**. О чем, скажут, нам плакать? О том, что нарекание навлечено на церковное общество. А для чего нам плакать? **"Дабы изъят был из среды вас"** таковой. Не называет его по имени здесь, или лучше – нигде, подобно тому, как мы обыкновенно делаем касательно предметов слишком постыдных. Не сказал: вы не отвергли его, но, как бы говоря о какой заразной болезни, когда бывает нужно плакать и усердно молиться, выражается: **"дабы изъят был"**; следует и молиться, и употреблять все меры к тому, чтобы он был отлучен от вас. Не за то осуждает их, что они не уведомили его об этом, но за то, что они не плакали, **"дабы изъят был"**, выражая, что и без учителя им следовало бы сделать это по причине важности преступления. **"А я, отсутствуя телом, но присутствуя [у вас] духом"** (1Кор.5:3).

2. Посмотри на ревность его: не позволяет дожидаться его прибытия и по принятии его наказать кровосмесника, но как бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла во все тело, старается обуздать его. Потому и продолжает: **"уже решил, как бы находясь у вас"**. Сказал это не только для того, чтобы побудить их к исполнению приговора и не думать ни о каком другом решении дела, но и утешить тем, что ему известно все, имеющее там происходить и обсуждаться. Это и означает выражение: быть духом, подобно как Елисей говорил, что он был вместе с Гиезием: **"разве сердце мое не сопутствовало тебе"** (4Цар.5:26)? Вот какова сила духовного дарования: оно доставляет возможность быть вместе всем в одно время, и сообщает способность знать отдаленное! **"Уже решил, как бы находясь у вас"**. Не позволяет им помышлять о чем-нибудь другом; я уже положил, говорит, как бы находясь у вас; не

представляйте мне отговорок и промедлений; ничего другого не должно быть. А чтобы власть его не показалась слишком великой и чтобы слова его не были приняты за выражение гордости, смотри, как он делает и их участниками суда. Сказав: решил, он продолжает: **"сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане"** (ст.3-5). Что значит: о имени Господа нашего Иисуса Христа? Значит – о Боге, руководствуясь не человеческим суждением. Некоторые читают это место так: **"сделавшего такое дело во имя Господа нашего Иисуса Христа"**, и поставив здесь точку или запятую, продолжают читать далее: **"в собрании вашем, обще с моим духом, предать сатане"**, давая этому чтению такой смысл: сделавшего такое дело во имя Христа предайте сатане, т.е. оскорбившего имя Христово, бывшего верным и называющегося таким именем и между тем дерзнувшего на такое дело, предайте такового сатане. Но мне кажется более истинным первое чтение. Какое? **"В собрании вашем во имя Господа"**, т.е. самое имя соединяет вас; о нем и соберитесь. **"И обще с моим духом"**. Опять представляет им себя, чтобы они, производя суд, как бы в его присутствии, осудили кровосмесника на отлучение, и чтобы никто не осмелился признавать его достойным прощения, имея в виду, что Павел узнает происходившее. Далее прибавляет более страшные слова: **"силою Господа нашего Иисуса Христа"**, т.е. или то, что Христос может даровать им силу – предать такового диаволу, или то, что Он Сам вместе с ними произнесет против него приговор. Не говорит: отдать такового сатане, но: предать, отвергая ему двери покаяния и как бы передавая его учителю. И опять: такового; нигде не позволяет себе назвать его по имени. Во измождение плоти, подобно как было с блаженным Иовом, хотя не с одинаковой целью: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, чтобы сатана наказал его злокачественными ранами или другой какой-нибудь болезнью. В другом месте он говорит: судимся от Господа, терпя это (1Кор.11:32); а здесь, желая сильнее тронуть (грешника), предает его сатане, хотя и это зависит от воли Божией, чтобы наказана была плоть его. Так как пожелания рождаются от чревоугодия и от невоздержания плоти, то он и наказывает ее. **"Чтобы дух был спасен в день Господа Иисуса"**, т.е. чтобы спасена была душа, не в том смысле, чтобы она спасалась одна, но разумея ту несомненную истину, что когда она спасется, тогда и тело непременно будет участвовать в спасении. Оно сделалось смертным за ее грех; потому, если она будет праведной, то и оно опять удостоится великой славы. Некоторые под духом здесь разумеют (духовное) дарование, которое погашается нашими грехами. Чтобы этого не было, говорит, пусть он будет наказан, чтобы исправившись он сподобился благодати и оказался сохранившим ее целой в тот день. Таким образом эти слова означают более попечение и врачевание, нежели простое поражение, или напрасное и тщетное наказание: ведь польза больше наказания; это – временное, а та – вечная. И не просто говорит: **"Чтобы дух был спасен"**, но: в тот день. Прекрасно и благовременно напоминает им об этом дне, чтобы и они усерднее приступили к врачеванию, и он скорее принял врачество, видя, что эти слова происходят не от гнева, но от заботливости попечительного отца. Для того он и сказал **"во измождение плоти"**: здесь он предписал законы диаволу и не позволил ему простираться далее пределов, подобно как об Иове Бог сказал: **"только душу его сбереги"** (Иов.2:6).

3. Высказав свое решение, выраженное кратко и без замедления, далее он опять обращается (к коринфянам) и употребляет обличение: **"нечем вам хвалиться"** (ст.6); показывает, что они, хвалясь им, были причиной его нераскаянности до настоящего времени. Затем объясняет, что он делает это для блага не одного только грешника, но и всех их: **"разве не знаете"**, продолжает он, **"что малая закваска квасит все тесто?"**. Хотя, говорит, грех – его, но, будучи оставлен без внимания, может заразить и все тело церкви, потому что, если первый согрешивший не будет предан наказанию, то скоро и другие впадут в тот же грех. Этими словами выражает, что им следует опасаться и

заботиться о всей церкви, а не об одном только члене; для того и употребляет подобие закваски. Как закваска, говорит, хотя и небольшая, изменяет собой все тесто, так и он, если останется без обличения и грех его без наказания, то заразит и прочих. **"Очистите старую закваску"** (ст.7), т.е. этого грешника; или, лучше, не о нем только говорит, но намекает и на других, потому что не только прелюбодеяние есть старая закваска, но и всякий порок. Не сказал: очищайте, но: очистите, тщательно очистите, чтобы не было ни остатков, ни тени его. Словом – очистите выражает, что между ними есть пороки; а словами: **"чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны"**, ясно показывает, что зло господствует не слишком во многих. Впрочем выражение: **"так как вы бесквасны"** – означает не то, чтобы они все были чистыми, но что им должно быть такими. **"Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины"** (ст.7-8). Так и Христос называет учение Свое закваской (Мф.13:33). Продолжая переносную речь, (Павел) напоминает им о древних событиях, о пасхе и опресноках, о благодеяниях тогдашних и нынешних, о страданиях и наказаниях.

Подлинно, настоящее время есть время праздника. Он сказал: **"станем праздновать"** не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христиан всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын Божий соделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в царствие. Получив и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: **"радуйтесь всегда в Господе"**; радуйтесь, **"и еще говорю: радуйтесь"** (Флп.4:4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. **"Царство Небесное"**, говорит (Господь), **"подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего"** (Мф.22:2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестьем, то подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак. Впрочем, не для этого только он напоминает им об опресноках, но и желает показать сродство ветхого завета с новым и вместе объяснить, что после опресноков уже непозволительно возвращаться в Египет, а кто пожелает возвратиться, тот испытает то же, что те (израильтяне), так как бывшее с ними есть тень настоящего, хотя иудей бесстыдно отвергает это. Если спросишь его, то он не скажет ничего великого; или, лучше, наскажет много, но ничего не скажет такого, что говорим мы, потому что не знает истины. Он скажет, что египтян, удерживавших нас, Бог привел в такое положение, что они сами насильно стали гнать нас, хотя прежде удерживали, и не дали времени даже заквасить теста. Если же кто спросит меня, то услышит не о Египте и фараоне, но о свободе от демонского заблуждения и от дьявольского мрака, не о Моисее, но о Сыне Божиим, не о Чермном море, но о крещении, которое изобилует бесчисленными благами и в котором потопляется ветхий человек. Опять, если спросишь иудея. почему он всячески избегает закваски, то он и здесь будет молчать и не скажет причины, так как одно было у них прообразом будущего и имело свою причину в настоящем, а другое напротив было для того, чтобы удержать иудеев от пороков и чтобы они не остались навсегда при тени. Что значит, скажи мне, чтобы агнец был мужеского пола, непорочный, единолетний, и чтобы кость его не сокрушалась? Что значит повеление пригласить соседей, есть стоя, вечером, кровью помазать дом (Исх.12)? Ничего другого он не скажет на это, а только будет твердить о Египте. А я скажу, что значит кровь и что вечер, что значит, чтобы все ели вместе и стоя.

4. Наперед скажем, для чего (у иудеев) решительно изгоняется закваска. Что же это значит? Значит, что верующему надобно быть свободным от всякого порока. Как иудей погибает, если у него найдена старая закваска, так будет и с нами, если в нас будет найден порок. Ведь, если ходящих в тени постигает такое наказание, то нас не может не постигать гораздо большее. Если они так тщательно очищают свои дома от закваски, что осматривают даже мышиные норы, то тем более нам должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякий нечистый помысл. Впрочем это делалось у них прежде, а теперь уже нет, – потому что везде есть закваска, где только есть иудей. Если в городах бывают опресноки, то это более шутка, нежели исполнение закона. Когда явилась истина, то прообразования уже не имеют места. Таким образом Павел и этим подобием весьма разительно отлучает кровосмесника от Церкви. Он не только, говорит, не приносит пользы своим присутствием, но и причиняет вред, заражая все тело. Когда гниение скрывается внутри и не видно, откуда происходит зловоние, тогда приписывают это всему телу. Потому апостол с особенной силой побуждает их очистить закваску: **"чтобы быть вам"**, говорит, **"новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас"**. Не сказал: умер, но употребил выражение, более близкое к предмету: заклан. Потому не ищи таких же опресноков, так как и Агнец у тебя не такой; не ищи такой же закваски, так как и опресноки твои не таковы. От закваски чувственной пресное делается квасным, и квасное уже не может сделаться пресным; а здесь может быть и наоборот. Впрочем он не выразил этого ясно.

И посмотри на мудрость его: в первом послании (к коринфянам) он не подает кровосмеснику надежды на возвращение, но повелевает ему проводить всю свою жизнь в покаянии, чтобы обещанием прещения не сделать его более нерадивым; не говорит: предайте его сатане, чтобы после покаяния он опять был принят в Церковь, но что? Да спасется в последний день. Указывает на это время, чтобы сделать его рачительным; а того, что намеревался даровать ему после покаяния, не открывает, подражая своему Владыке. Как Бог сказал: **"еще три[1] дня и Ниневия будет разрушена"** (Ион.3:4), и не прибавил: если же покается, то спасется, так и он не сказал: если же он надлежащим образом покается, то мы крепко будем любить его; но предоставляет ему самому сделать это дело, чтобы тогда и получить благодать. Если бы он сказал так в самом начале, то отогнал бы от него страх; потому он не только не говорит этого, но подобием закваски даже не оставляет ему надежды на возвращение, а отлучает его до будущего дня: очистите, говорит, **"старую закваску"**; и еще: чтобы **"праздновать не со старою закваскою"**. Когда же он покался, то со всей готовностью опять вводит его (в общение с Церковью). Почему он называет закваску старою? Или потому, что действительно такова прежняя наша жизнь, или потому, что старое близко к разрушению, смрадно и отвратительно, каков и есть грех. Впрочем не всегда старое порицается и не всегда новое одобряется, но смотря по предмету. Так в одном месте говорит (Писание): **"друг новый — то же, что вино новое: когда оно делается старым, с удовольствием будешь пить его"** (Сир.9:13), похваляя более старую дружбу, нежели новую. И еще: **"воссел Ветхий днями"** (Дан.7:9); здесь также ветхость принимается в знак чести и величайшей славы. А в других местах Писание поставляет ветхость в укоризну. Так как различные предметы сочетаются различно, то оно употребляет одни и те же выражения и о предметах добрых и о предметах дурных в различных смыслах. Смотри, в одном месте оно принимает ветхость в смысле неодобрительном: **"одряхлели и уклонились от стезей своих"** (Пс.17:46); и еще: **"обветшало от всех врагов моих"** (Пс.6:8); и еще: **"состарившийся в злых днях"** (Дан.13:52). Подобным образом и закваска часто принимается в смысле Царства Небесного (Мф.13:33), а между тем здесь отвергается; там – в одном отношении, а здесь – в другом.

5. Мне кажется, что речь о закваске в особенности относится к священникам, которые терпят внутри много старой закваски, не извергая из пределов, т.е. из Церкви, любостяжателей, хищников и всего, что отлучает от царствия небесного. Подлинно, любостяжание есть старая закваска, и куда оно ни попадет, в какой дом ни вторгнется, делает его нечистым. Хотя бы ты немного приобрел несправедливо, заквасишь этим все свое состояние. Потому часто немного, приобретенное бесчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Нет ничего опаснее любостяжания; хотя бы ты к своему казнохранилищу приделывал ключи, двери, запоры, напрасно будешь все делать, если запер внутри любостяжание, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнутся, хотя и не вдруг; а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда; они соблюдаются для большего наказания. Притом, если они сами избегнут, то наследники их испытают это. Но, скажешь, справедливо ли это? И весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное несправедливо, хотя сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо, и потому справедливо может пострадать. Если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних (языческих), которые, не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком (Лк.19:8): а если не знаешь, то я укажу тебе другой путь и не лишу тебя врачевства: раздай все бедным, и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. Но что я говорю о том, что бывает здесь? Не будет говорено об этом в тот день, когда предстанут обнаженными те и другие, и ограбленные и грабители, или лучше сказать, не одинаково обнаженными. От имущества они будут одинаково обнажены, но одни из них будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом. Что мы сделаем в тот день, когда обиженный и лишившийся всей своей собственности предстанет пред страшным судилищем, и никто не будет защищать тебя? Что ты скажешь Судие? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда того суда уже – нет; или лучше, не можешь и теперь, потому что и теперь тот суд – в силе. Бог видит все совершающееся и близок к обижаемым, даже и не призываемый (Пс.114:18). Пострадавший, хотя бы он был и недостойн того, чтобы мстить за него, непременно имеет Бога мстителем за себя, потому что причиненное ему зло неуютно Богу. Как же, скажешь, такой-то нечестивец благоденствует? Но не до конца. Послушай, что говорит пророк: **"не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро увянут"** (Пс.36:1-2). Где, скажи мне, хищник, переселившийся отсюда? Где его светлые надежды? Где громкое имя? Не все ли прошло? Не все ли, принадлежавшее ему, – тень и сновидение? Тоже будет и с каждым таким человеком, настоящим и будущим. Но не так бывает с святыми мужами, и об них нельзя сказать того же, т.е. что все, принадлежащее им, – тень, сновидение и мечта. Если хочешь, приведем в пример того, которого изречения пред нами, скинотворца, киликиянина, которого даже и отец неизвестен. Но возможно ли, скажешь, мне быть таким же? А ты решительно хочешь, твердо желаешь и стремишься быть таким же? Да, говоришь ты. Так иди же тем самым путем, которым шел он и другие вместе с ним. А каким они шли путем? Один говорит: **"в голоде и жажде и в наготе"** (2Кор.11:27); другой: **"серебра и золота нет у меня"** (Деян.3:6). Так они ничего не имели, и между тем всем обладали (2Кор.6:10).

6. Что может быть почтеннее этих слов? Что блаженнее и счастливее (такого состояния)? Другие хвалятся противным и говорят: я имею столько-то и столько-то талантов золота, множество десятин земли, домов и слуг; а он – тем, что ничего не имеет, и не стыдится своей бедности, как делают люди безрассудные, не скрывается, но даже хвалится. Где

теперь богатые, считающие проценты и проценты на проценты, готовые отнять собственность у всех и никогда не насыщающиеся? Послушайте слов Петра, внушающих, что бедность есть мать богатства, что она, хотя не имеет ничего, но богаче облеченных в диадемы. Она, не имея ничего, воскрешала мертвых, исцеляла хромых, изгоняла бесов и делала то, чего не могли дать облеченные в багряницы и управлявшие великими и грозными войсками. Это – слова мужей, уже переселившихся на небо и достигших самого верха. Так, можно ничего не иметь и всем обладать, ничего не приобретать и всем владеть. А если мы будем стараться приобрести все, то лишимся всего. Может быть, эти слова кажутся загадкой, но они – не загадка. Как же, скажешь, не имеющий ничего обладает всем? Не скорее ли имеющий все? Нет, а совершенно напротив. Не имеющий ничего имеет в своей власти все, как и было с апостолами: во всей вселенной для них были открыты все дома, все принимали их с радостью, как друзей и родственников. Пришли они к порфиропродательнице, и она, как служанка, предложила им свою собственность (Деян.16:14-15); пришли к темничному стражу, и он открыл им весь дом свой (16:34); также и ко многим другим. Так они ничего не имели, и всем обладали! Они **"ничего из имени своего не называли своим"** (Деян.4:32), и потому все принадлежало им. Кто считает все общим, тот пользуется не только своей собственностью, но и собственностью других, как своей; а отделяющий себя и считающий себя господином только своей собственности не владеет и ею. Это будет яснее из примера. Кто решительно ничего не имеет, ни дома, ни трапезы, ни лишней одежды, но всего лишил себя для Бога, тот пользуется чужим, как своим, и от всех получит, чего захочет; таким образом не имеющий ничего обладает всем. А имеющий что-нибудь не владеет и этим, потому что имеющему никто ничего не даст, и его собственность скорее сделается жертвой разбойников, воров, клеветников, перемены обстоятельств и всего другого, нежели будет его собственностью. Павел протек всю вселенную, не имея у себя ничего, шел не к друзьям и не к знакомым, – так как в начале он был общим врагом всех, – и владел всем, когда приходил. Анания и Сапфира, желая удержать малую часть из своей собственности, лишились всего вместе с самой жизнью (Деян.5:1-9). Итак оставь свое, чтобы тебе пользоваться чужим, как своим. Впрочем не знаю, каким образом я дошел до такой крайности, беседуя с людьми, которые любят уделять хотя малую часть из своего имени.

Пусть же наши слова относятся к людям совершенным; а менее совершенным скажем следующее: уделяйте от имени своего нуждающимся, и таким образом умножайте свое богатство, потому что **"благотворящий бедному дает займы Господу"**, говорит (Премудрый) (Притч.19:17). Если же ты не хочешь терпеть и ожидать времени воздаяния, то вспомни о тех, которые дают займы деньги людям. Они не тотчас берут проценты, но стараются как можно долее держать капитал в руках должника, только бы верно было возвращение и надежен взявший займы. Пусть будет то же и здесь: оставь свое в руках Божиих, чтобы Он воздал тебе многократную награду. Не старайся получить все здесь; если ты все получишь здесь, то какое воздаяние получишь там? Потому и Бог соблюдает награды там, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Он подает и здесь: **"ищите"**, говорит, **"Царства Небесного, и это все приложится вам"** (Мф.6:33): но мы будем взирать туда, и не будем спешить получать воздаяние за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамошние проценты не таковы, как здесь, но какие свойственно получать от Бога. Потому соберем их там, как можно более, и таким образом перейдем отсюда, чтобы нам сподобиться и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь: ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе" (1Кор.5:9-11).

1. Когда (апостол) говорил: **"вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был"** такой, и: **"очистите старую закваску"**, то (коринфяне) могли подумать, что надобно избегать всех блудников (так как если согрешивший сообщает свою заразу не согрешившим, то тем более должно удаляться согрешающих из внешних); если не должно щадить своего за тот вред, который происходит от него, то тем более – чужих); а допустив это, они должны были удаляться и блудников языческих. Так как это невозможно, и такое требование только более раздражило бы их, то апостол делает оговорку и говорит: **"Я писал вам не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего"**. Слово: вообще употребляет в смысле оговорки. Чтобы они не подумали, что он не заповедует им этого, только как несовершеннолетним, а что совершенные могут делать и это, он объясняет, что это невозможно, хотя бы они и желали; иначе надлежало бы искать другой вселенной. Потому и прибавляет: **"ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира"**. Видишь ли, как он не хочет отягощать их, а всегда обращает внимание не только на возможность, но и на удобство заповедей? Как возможно, говорит, чтобы человек, имея дом и детей, исполняя общественные обязанности, будучи ремесленником или воином, при таком множестве язычников, всегда избегал блудников? Блудниками мира он называет блудников из язычников. **"Но я писал вам"**, если кто из братьев будет таков, **"с таким даже и не есть вместе"**. Здесь он намекает им на других, живущих порочно. Но как брат может быть идолослужителем? Так, как некогда самаряне, которые только в половину держались благочестия. С другой стороны он здесь предначинает речь об идоложертвенном, которую намерен был изложить после. **"Или лихоимцем"**. Отвергает и таких людей; потому и говорит после: **"для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете"** (6:7-8). **"Или пьяницею"**. И за это осуждает после, когда говорит: **"иной бывает голоден, а иной упивается"** (11:21), и: **"пища для чрева, и чрево для пищи"** (6:13). **"Или злоречивым, или хищником"**. Таких людей он укорял прежде. Затем представляет причину, почему он не заповедует не сообщаться с такими людьми из язычников, доказывая, что это не только невозможно, но и излишне. **"Ибо что мне судить и внешних?"** (ст.12). Внутренними он называет христиан, а внешними – язычников, как говорит и в другом месте: **"надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних"** (1Тим.3:7); и в послании к Фессалоникийцам говорит то же: **"не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата"** (2Фес.3:14-15). Впрочем там он не представляет причины. Почему? Потому, что там он хотел ободрить, а здесь не то; там не такой грех, какой здесь; там он обличает меньший грех – праздность, а здесь – блуд и другие тяжчайшие грехи. Кто будет сообщаться с язычниками, тому он не запрещает есть с ними, по той же причине. Так поступаем и мы: о детях и братьях имеем полное попечение, а о чужих заботимся не много. Но что же? Разве Павел не заботился о внешних? Заботился, но преподавал им заповеди уже тогда, когда они принимали проповедь и покорялись учению Христову; а пока они не обратились, дотоле излишне было бы говорить о заповедях Христовых тем, которые даже не знали Христа. **"Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог"** (1Кор.5:12-13). Чтобы из слов его: **"что мне судить и внешних?"** – кто-нибудь не вывел заключения, что

язычники останутся безнаказанными, он указывает им на другой суд – страшный. Говорит это, чтобы утратить внешних и вместе утешить своих, и чтобы показать, что это временное наказание избавляет от вечного и бесконечного, как и в другом месте сказал: **"будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром"** (1Кор.11:32); и: **"истреби зло из среды себя"** (Втор.17:7).

2. Он заимствовал изречение из Ветхого завета, чтобы с одной стороны внушить, что и они сами получают величайшую пользу, освободившись как бы от опасной заразы, а с другой стороны показать, что это не нововведение, а еще древним законодателем заповедано отлучать таких людей. Впрочем там было строже, а здесь снисходительнее. При этом справедливо можно спросить, почему там законодатель позволял казнить грешника и побивать камнями, а здесь не так, но ведет его к покаянию? Почему там узаконено так, а здесь иначе? По двум причинам: во-первых, потому, что новозаветные призваны к большему подвигу, следовательно имеют нужду в большем снисхождении; во-вторых, и справедливее, потому, что облегчение в наказании скорее располагает их к покаянию и исправлению, а ветхозаветных оно привело бы к большему развращению. Если они, и видя наказание своих предшественников, оставались при тех же грехах, то тем более закосневали бы в таком состоянии, если бы иные из них не были наказываемы. Потому-то там прелюбодей и убийца немедленно предавались смерти, а здесь, если очистятся покаянием, избегают наказания. Впрочем, можно встречать и в Новом завете наказания более строгие, нежели в Ветхом, И в Ветхом более легкие, нежели в новом, откуда видно, что эти заветы сродны и принадлежат одному и тому же законодателю. Там и здесь наказания иногда вдруг следуют за преступлением, иногда спустя долгое время, а нередко не бывает и этого, но Бог удовлетворяется одним покаянием. Так в Ветхом завете Давид, совершивший прелюбодеяние и убийство, спасся покаянием, а в Новом Анания, утаивший немного из цены за имение, погиб вместе с женой. Если же в Ветхом больше примеров строгости, а в Новом – напротив, то различие такого домостроительства происходит от различия лиц. **"Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?"** (1Кор.6:1)? И в этом опять апостол обличает их, как в деле известном; там говорит: отнюд слышится в вас блуждение; а здесь: смеет ли кто от вас? В самом начале выражает гнев и показывает, что это дело нескромное и законопреступное. Но почему он завел речь о любостыжании и о том, что не должно судиться у внешних? Следуя своему правилу. А правилом его было – исправлять все грехи, какие встречаются; например, рассуждая об общественных трапезах, он завел речь о таинствах. Так и здесь, упомянув о любостыжательных братиях, по пламенной ревности к исправлению согрешающих, он уже не соблюдает порядка, но обличает грех, какой представился по ходу речи, и потом возвращается к прежнему предмету. Послушаем же, что он говорит об этом. **"Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?"** Самими названиями раскрывает грех, обличает и отклоняет от него. Сначала он не отвергает вовсе суда у верных; но когда уже сильно обличил их, тогда и вовсе запрещает судиться. Если, говорит, непременно нужно судиться, то не следует у неверных, а лучше и вовсе не судиться. Впрочем последнюю мысль он высказывает после, а теперь пока запрещает только судиться у посторонних. Не странно ли, говорит, для примирения с другом избирать посредником врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычник садится судить христианина? Если же не должно судиться у язычников в делах частных, то как можно обращаться к ним в делах более важных? И смотри, как он выражается. Не сказал: у неверных, но: у неправедных; употребляет такое выражение, какое особенно нужно было ему для предположенной цели, для того, чтобы исправить и отклонить. Говоря о суде и имея в виду, что судящиеся ничего так не желают от судей, как великой заботы о правосудии, он этим самым и вразумляет их, как бы так говоря: куда ты идешь и что делаешь, человек, поступая вопреки собственному желанию, ища правды у людей неправедных? Тяжело было прямо услышать запрещение судиться; потому он не

вдруг заповедует это, но сначала только переменяет судью, обращая судившихся от внешних к Церкви; а потом, так как судиться у своих казалось унижительным, особенно тогда, – потому что они, будучи по большей части из простых людей, может быть, не способны были разбирать дела и были не столь сведущи в законах и искусны в красноречии, как судьи внешние, – то смотри, как он делает их достойными доверия, называя сперва святыми. Но так как это свидетельствовало о чистоте их жизни, а не об искусстве выслушивать дела, то смотри, как он обращает речь и к этому предмету, и говорит: **"разве не знаете, что святые будут судить мир?"** (ст.2).

3. Если же ты будешь судить некогда язычников, то как допускаешь им судить тебя теперь? Судить будут (святые), не сами заседа и требуя отчета, но осудят. Это выражает апостол словами: **"если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?"**. Не сказал: от вас, но: вами, как и Господь сказал: **"царица южная восстанет, и осудит род сей"**, и: **"ниневитяне восстанут и осудят род сей"** (Мф.12:41-42). Они видят одно и то же с нами солнце и участвуют в одном и том же, и между тем если мы окажемся верующими, а они неверующими, то им невозможно будет сослаться на незнание; мы осудим их тем, что мы сделали; и много подобных найдется тогда способов осуждения. А чтобы кто не подумал, что он говорит о ком-нибудь другом, смотри, как он обобщает речь: **"если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?"**[1]. Поведение ваше, говорит, наносит вам стыд и невыразимое бесчестие. Коринфяне, вероятно, стыдились судиться у своих судей; потому он говорит: напротив, стыдитесь того, что вы судитесь у внешних; их судилища маловажны, а не те. **"Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?"** (ст.3). Некоторые говорят, что здесь он понимает священников; но нет, – он говорит о демонах. Если бы он говорил о порочных священниках, то разумел бы их выше, когда говорил: вами суд примет мир, – потому что порочных людей Писание обыкновенно называет миром, – и не стал бы говорить о том же в другой раз, тем более не сказал бы об этом после первого, как бы о чем-то более важном. Он говорит здесь о тех ангелах, о которых говорит Христос: **"идите в огонь, уготованный диаволу и ангелам его"** (Мф.25:41), и сам Павел: **"ангелы**[2] **его принимают вид служителей правды"** (2Кор.11:15). Когда эти бестелесные силы окажутся хуже нас, облеченных плотью, то подвергнутся тягчайшему наказанию. Если же кто еще станет спорить, что здесь говорится о священниках, то мы спросим: о каких священниках? Конечно о тех, которые вели себя по-житейски? Но как же он говорит, что **"мы будем судить ангелов"**, а не дела житейские, противопоставляя ангелов делам житейским? Это справедливо в том смысле, что они по превосходству своей природы не имеют нужды (в житейском). **"А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляйте**[3] **[своими судьями] ничего не значащих в церкви"** (ст.4). Желая с особенной силой вразумить нас, что не должно, в чем бы то ни было, обращаться к внешним судьям, и видя представляющееся возражение, он наперед разрешает его. Смысл слов его следующий: может быть, кто скажет, что между вами нет ни одного мудрого или способного разбирать дела, но все не способны к тому: что же? Хотя бы, говорит, у вас не было ни одного мудрого, поручайте это дело самым последним. **"К стыду вашему говорю"** (ст.5). Осуждает такое возражение, как пустой предлог; потому и продолжает: **"неужели нет между вами ни одного разумного?"** Неужели, говорит, у вас такая скудость? Неужели у вас так редки умные люди? Последующим прибавлением еще более поражает их; именно, сказав: **"неужели нет между вами ни одного разумного"** – присовокупляет: **"который мог бы рассудить между братьями своими"**. Когда брат судится с братом, то для посредника в тяжбе не нужны большая мудрость и искусство, но к разрешению спора много могут содействовать расположенность и родство. **"Но брат с братом судится, и притом пред неверными"** (ст.6). Видишь ли, как благоразумно он сперва унижил судей, назвав их неправедными, а теперь пристыжает (коринфян), называя (этих судей) неверными? И действительно,

весьма стыдно, если между братьями не может быть примирителем священник, но оказывается нужным прибегать к внешним. Указав на уничиженных, он не то говорит, что на месте судей должны быть люди самые негодные, но пристыжает их. Что суд надобно предоставлять людям, способным разбирать дела, это он выразил в словах: **"неужели нет между вами ни одного разумного?"**. А чтобы совершенно заградить им уста, говорит, что если бы даже между ними не было ни одного мудрого, то лучше предоставить дела на суд немудрых, нежели судиться у внешних. Не нелепо ли, в случае домашней ссоры, не обращаться ни к кому из посторонних и стыдиться, если домашние дела разгласятся вне дома; а из Церкви, которая есть сокровищница неизреченных таинств, все выносить наружу? Но брат с братом судится, и то пред неверными. Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у неверных. Если судиться с братом само по себе есть грешное дело, то судящийся у внешних заслуживает ли какого-либо оправдания? **"И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою"** (ст.7). Видишь ли, до каких пор он не высказывал этого и как благовременно искореняет это (зло)? Я еще не исследую, говорит, того, кто прав и кто неправ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осуждения и ничем один другого не лучше.

4. Справедливо или несправедливо брат судится с братом, это – другой вопрос. Не говори же, кто причинил обиду; осуждаю тебя уже за то, что судишься. Если не сносить обиды – грех, то нанесение обиды какого достойно осуждения? **"Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев"** (ст.7-8). Здесь два преступления, или лучше, три и даже четыре. Одно то, что не сносят обиды; другое, что сами обижают; третье, что ищут суда у неправедных; четвертое, что поступают так с братом. Не одинаково судятся грехи, когда они совершаются против кого-нибудь случайно попавшегося, или против собственного члена; в последнем случае обнаруживается больше бесстыдства; там оскорбляется одно естество, а здесь самая личность. Пристыдив их таким образом общими соображениями, а больше всего ожидающими их наградами, он заключает увещание угрозой, усиливает речь и говорит: **"или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют"** (ст.9-10). Что говоришь ты? Беседуя о любостыжателях, для чего упоминаешь о таком множестве беззаконников? Так, отвечает; но я делаю это, не смешивая предметы речи, а продолжая ее по порядку. Действительно, как в беседе о блудниках он упомянул о всех, так опять и здесь, беседуя о любостыжателях, исчисляет всех грешников, чтобы приготовить к обличению тех, которые сознают за собой такие дела. Когда кто беспрестанно слышит о наказании, ожидающем других, то сам делается доступнее для вразумления, потому что прилагает это наказание и к собственным своим грехам. Апостол произносит здесь угрозу не потому, чтобы он знал за коринфянами все эти грехи и укорял за них; но потому, что внимание слушателя привлекается и поддерживается преимущественно тогда, когда речь касается его не прямо, а неопределенно, прикровенно поражая его совесть. Не льстите себе. Здесь он понимает некоторых говоривших, как и ныне многие говорят: Бог человеколюбив и благ, Он не мстит за преступления, нам нечего бояться, Он никогда не накажет ни за какой грех. Потому и говорит: не льстите себе. Ведь крайнее обольщение и заблуждение – надеясь на приятное, получить противное, и думать о Боге так, как не думают и о человеке. Потому пророк говорит от лица Божия: **"ты подумал беззаконие, будто Я буду тебе подобен. Я обличу тебя и представлю пред лицом твоим грехи твои"** (Пс.19:21). И Павел (говорит) здесь: **"Не обманывайтесь: ни блудники"**, – поставляет наперед уже осужденного грешника, – **"ни прелюбодеи, ни малакии, ни пьяницы, ни злоречивые Царства Божия не наследуют"**.

Многие осуждали это место, как слишком жестокое, так как апостол здесь наряду с блудником, прелюбодеем и мужеложником ставит пьяницу и злоязычника: грехи не равны, – почему же равны наказания? Что сказать на это? А то, что пьянство и злоречие – грехи немаловажные, если и Христос признал повинным геенне того, кто назовет брата безумным (Мф.5:22). Отсюда часто происходило убийство; от пьянства и народ иудейский впал в весьма тяжкие грехи. Притом апостол говорит здесь не о наказании, а о лишении царствия. Царствия одинаково лишатся, как тот, так и другой; а будет ли между ними какое-нибудь различие в геенне, о том говорить теперь не время; мы теперь рассуждаем не об этом. **"И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились"** (ст.11). Сильно он укоряет их этими словами; подумайте, говорит, от каких зол Бог избавил вас, какое явил вам доказательство своего человеколюбия; и не ограничил Своего милосердия одним избавлением от зол, но простер Свое благодеяние еще далее: сделал вас чистыми. Да и только ли? Нет, – еще и освятил; и это не все, – и оправдал. Освободиться от грехов – уже великий дар; но Он еще обогатил вас бесчисленными благами; притом именем Господа нашего Иисуса Христа, не таким-то и таким-то, но и Духом Бога нашего. Итак, возлюбленные, зная это и представляя величие дарованных нам благ, будем жить благочестиво, соблюдая себя чистыми от всех исчисленных грехов; будем убегать внешних судилищ, бывающих на торжищах, и сохранять благородство, которое даровал нам Бог. Подумай, какой стыд, когда язычник восседает и производит над тобою суд!

5. Но, скажешь, что, если свой судит несправедливо? Почему же так, скажи мне? По каким законам судит язычник и по каким христианин? Разве не известно, что язычник – по человеческим, а христианин – по божеским? Следовательно, правды больше здесь, потому что законы ниспосланы с неба. Во внешних судилищах, кроме сказанного, есть еще много подозрительного: и искусство риториков, и недобросовестность судей, и многое другое, чем нарушается правосудие; а здесь нет ничего такого. Что делать, скажешь, когда противник из числа сильных? Тогда особенно и должно судиться здесь; во внешних судилищах он непременно преодолет тебя. Если же он не хочет этого и, презирая внутренние судилища, насильно влечет к внешним, то лучше добровольно потерпеть то, чему там ты подвергнешься против воли, и не судиться, чтобы получить и награду. **"Кто захочет судиться с тобою"**, говорит (Господь), **"и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду"**; и: **"мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним"** (Мф.5:40,25). Впрочем, нужно ли нам распространяться? Сами защитники внешних судилищ очень часто говорят, что лучше обходиться без них.

О, деньги, или лучше, о, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все; для денег многим все кажется баснею и пустяками. Что мирские люди заводят тяжбы в судилищах, это еще не удивительно; но когда многие из отрехшихся от мира делают то же, это уже не заслуживает никакого прощения. Если хочешь видеть, как Писание повелевает тебе удаляться от этой нужды, т.е. от судилищ, и для кого существуют законы, то послушай, что говорит Павел: **"закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых"** (1Тим.1:9). Если же он говорит так о (законе) Моисеевом, то тем более – о (законах) внешних. И подлинно, когда ты сам оскорбляешь, то явно, что ты не праведник; а когда тебя оскорбляют и ты терпишь, – что особенно и свойственно праведнику, – то не имеешь нужды в законах внешних. Но, скажешь, могу ли я терпеть, когда меня оскорбляют? А Христос заповедал еще больше. Он заповедал оскорбляемому не только терпеть, но и благодетельствовать оскорбляющему и готовностью к терпению побеждать (злое) расположение оскорбляющего. Он не сказал: желающему судиться с тобой и взять у тебя ризу отдай ризу, но – вместе с ней отдай ему и срачицу. Побеждай его, говорит, терпением, а не оскорблением с своей стороны: вот славная и блистательная победа! Потому и Павел далее говорит: **"и то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?"**.

Победа принадлежит скорее терпящему обиду, нежели не терпящему; постараюсь объяснить вам это. Положим, что не терпящий обиды ведет противника своего в судилище и одерживает верх; но тогда-то он сам и остается побежденным. Он подвергся тому, чего не хотел: противник принудил его огорчиться и судиться. Что в том, что ты одержал верх? Что в том, что обратно получил все деньги? Ты потерпел то, чего не хотел, будучи принужден судиться. Если же ты переносишь обиду, то побеждаешь; теряешь деньги, но приобретаешь победу при таком любомудрии, потому что, значит, противник не мог принудить тебя к тому, чего ты не хотел. Чтобы видеть, что это правда, скажи мне: кто победил – завистник, или сидевший на гноище? Кто побежден – лишенный ли всего Иов, или лишивший всего диавол? Явно, что лишивший всего диавол. Кого мы прославляем победителем – диавола ли, который поражал, или Иова, который был поражаем? Явно, что Иова. Правда, он не мог сохранить погибшего имущества и спасти детей своих; что я говорю: имущества и детей? – не мог сохранить даже телесного здоровья; однако победителем остался он, потерявший все имущество. Он не мог сохранить имущества, но всецело сохранил благочестие. Он не мог предотвратить гибель детей; но что из этого? Случившееся сделало их более славными и ему помогло среди искушений. Если бы он не пострадал и не потерпел нападений от диавола, то и не одержал бы такой блистательной победы. Если бы терпеть обиды было зло, то Бог не заповедал бы нам этого, потому что Бог не заповедует ничего худого. Или вы не знаете, что Он есть Бог славы (Пс.23:10), и не желает, чтобы мы подвергались бесславию, осмеянию и гибели, а доставляет нам все противоположное тому? Он заповедует нам терпеть обиды и все делает для того, чтобы отклонить нас от житейской суеты и научить, в чем состоят слава и беславие, потеря и приобретение.

6. Но, скажешь, тяжело терпеть оскорбления и обиды? Нет, человек, не тяжело. Доколе ты будешь пристрастен к благам настоящим? Бог не повелел бы этого, если бы было тяжело. И смотри: нанесший обиду отходит с деньгами, но за то и с порочной совестью: а потерпевший обиду, хотя лишился денег, но получил дерзновение пред Богом – стяжание, которое драгоценнее бесчисленных сокровищ. Итак, зная это, будем любомудрыми по доброй воле, – и мы не подвергнемся участи людей неразумных, которые не считают обидой для себя, когда лишаются чего-нибудь по приговору судилища. Напротив, мы терпим величайшую потерю, когда любомудрствуем так не по доброй воле, а будучи принуждены к тому, потому что проигравший дело не выносит никакой пользы из судилища: любомудрие его есть следствие необходимости. В чем же блистательная победа? В том, когда ты презираешь обиду, когда не прибегаешь к суду. Что ты говоришь, скажешь ты? У меня отнято все имущество, а ты повелеваешь молчать? Я обижен, а ты советуешь переносить это с кротостью? Как я могу это сделать? Легко сможешь, если воззришь на небо и красоту его, если вспомнишь, где Бог обещал принять тебя за великодушное перенесение обид. Поступай же так и, возрев на небо, помысли, что ты чрез это уподобляешься Сидящему там на херувимах. Он также был оскорбляем, и терпел; был поругаем, и не мстил; был оплеваем, и не отвечал, – но напротив воздавал оскорблявшим Его бесчисленными благодеяниями, и нам повелел подражать Ему. Вспомни, что ты наг вышел из утробы матери своей, наг и отойдешь отсюда – и ты и обидевший тебя, или лучше, он умрет с тысячью язв, порождающих червей. Помысли, что настоящее временно; представь себе гробы прародителей; вникни внимательнее в дело, – и увидишь, что нанесший тебе обиду сделал тебя более крепким: страсть сребролюбия в себе он сделал сильнее, а в тебе ослабил, отняв пищу у этого зверя. Сверх того, он избавил тебя от забот, хлопот, зависти клеветников, беспокойства, смятения, беспрестанного страха, а на свою голову навлек множество зол. Но что, скажешь, если я должен буду бороться с голодом? Будешь терпеть это вместе с Павлом, который говорит: **"даже донныне терпим голод и жажду, и наготу"** (1Кор.4:11). Но он, скажешь, для Бога? И ты для Бога: когда ты не мстишь, то делаешь это для Бога. Но нанесший мне обиду

наслаждается вместе с богачами? Лучше скажи: с дьяволом; а ты получишь венцы вместе с Павлом. Не бойся голода: **"не допустит"** (говорит Премудрый) **"Господь терпеть голод душе праведного"** (Притч.10:3); и другой говорит: **"возложи на Господа печаль твою, и Он тебя пропитает"** (Пс.54:23). Если Он питает полевых птичек, то не пропитает ли тебя? Не будем же маловерны и малодушны. возлюбленные! Обещавший нам и царствие и такие блага лишит ли нас настоящих благ? Не будем желать лишнего, будем довольны малым, – и мы всегда будем богаты. Будем пещись только об одежде и пище, – и получим как это, так и гораздо большее. Когда ты скорбишь и огорчаешься обидой, я желал бы показать тебе душу торжествующего победу обидчика: она подобна пеплу! Таково свойство греха: пока он совершается, дотоле доставляет некоторое удовольствие; а когда совершится, то легкое удовольствие проходит и наступает скорбь. То же испытываем и мы, когда наносим кому-нибудь обиду: после сами осуждаем себя. Точно также, когда мы удовлетворяем своему корыстолюбию, радуемся; а после совесть угрызает нас.

Видишь ли ты у кого-нибудь дом бедного? Плачь не о том, кто лишился, но о том, кто взял его; не другому, а себе он причинил зло; бедного он лишил блага настоящего, а себя – благ неизреченных. Ведь если не подающий бедным идет в геенну, то отнимающий у бедных какому подвергнется мучению? Но какая, скажешь. польза от того, что я терплю зло? Большая польза. Не в наказании причинившего тебе зло Бог поставляет для тебя воздаяние: это значило бы немного. Что пользы, если я терплю зло и он терпит зло? Знаю, что многие считают величайшим для себя утешением и остаются совершенно довольными, когда видят обидевших их наказанными; но Бог не в том поставляет воздаяние. А знаешь ли, какие ожидают тебя блага? Он отверзает тебе все небо, делает тебя сожителем святых, включает тебя в их лик, разрешает от грехов, венчает правдой. Ведь если прощающие согрешившим получают отпущение грехов, то не только прощающие, но и благодетельствующие им какого не удостоятся благословения? Потому не огорчайся, но еще молись за обидевшего тебя; это принесет пользу тебе самому. Он взял твоё имущество, взял и грехи, как случилось с Нееманом и Гиезием (4Цар.5:27). Какого не отдал бы ты богатства, чтобы тебе отпущены были грехи? Это может случиться и теперь; если будешь терпеть и не станешь проклинать, то получишь блистательный венец. Не мои это слова, но Христовы: **"молитесь"**, сказал Он, **"за обижающих вас"**; и подумай, какая за это награда: да будете подобны Отцу вашему, Сущему на небесах (Мф.5:44-45). Таким образом ты ничего не теряешь, но еще приобретаешь, не терпишь вреда, но еще получаешь венец; душа твоя делается более любознательной; ты уподобляешься Богу, избавляешься от забот об имуществе, приобретаешь Царствие Небесное. Итак, представляя все это, возлюбленные, будем любознательными, когда нас обижают, чтобы избавиться от беспокойств настоящей жизни, освободиться от бесполезных огорчений и сподобиться радости будущей, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Так в синод.перев. В слав. "недостойни есте судищем худым", т.е. вы недостойны (подвергаться) маловажным судилищам, что ближе к греч. тексту и к пониманию Златоуста

[2] В синод.перев.: "служители"

[3] В синод.перев. "поставляете". Такое чтение греч.текста допустимо с точки зрения грамматики, но не соответствует связи речи

БЕСЕДА 17

"Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" (1Кор.6:12).

1. Здесь (апостол) указывает на чревоугодников. Намереваясь снова обличать предавшегося прелюбодеянию, которое происходит от пресыщения и неумеренности, он сильно поражает эту страсть. Здесь говорит он не о запрещенных яствах, – они не позволительны, – а о тех, которые кажутся безразличными. Например: можно, говорит, есть и пить, но не следует – с неумеренностью. И вот что чудно и удивительно: как делает во многих других местах, так и здесь он показывает обратную сторону предмета и объясняет, что иногда состоящее в нашей власти не только бесполезно, но и обнаруживает не власть, а рабство. И во-первых, отклоняет от этого, как от неполезного, говоря: не на пользу, а во-вторых, как от ведущего к противоположному: **"ничто не должно обладать мною"**. Смысл слов его следующий: ты, говорит, властен есть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобы не сделаться рабом этого пожелания. Кто надлежащим образом пользуется им, тот властен над ним; а кто предается ему неумеренно, тот не имеет власти, но становится рабом, а властвует над ним неумеренность. Видишь, как он доказал, что считающий себя властелином сам находится под властью? Так часто Павел, о чем раньше я говорил, обращает возражения в обратную сторону, – то же сделал он и здесь. Вот смотри: каждый из коринфян говорит: я властен пресыщаться; а он говорит: ты делаешь это, не как властелин, а как находящийся под властью. Если ты невоздержан, то не ты имеешь власть над чревом, а оно над тобою имеет власть. Тоже можно сказать и о деньгах и о всем прочем. **"Пища для чрева"** (ст.13). Чревом он называет здесь не желудок, а чревоугодие, как и в другом месте, когда говорит: **"их бог – чрево"** (Флп.3:19), разумея не член (тела), но пресыщение. А что это так, выслушай дальнейшие слова: **"и чрево для пищи. Тело же не для блуда, но для Господа"**. Чрево также есть тело. Но Он делает два сочетания: брашна и чревоугодие, которое назвал чревом, Христос и тело. Что же значит: **"пища для чрева"**? Пища, говорит, имеет тесную связь с чревоугодием, и чревоугодие с пищей; потому оно не может вести нас ко Христу, но влечет к пище. Это – жестокая и дикая страсть; она поработывает и принуждает служить себе. Для чего же ты, человек, пристращаешься к пище? Вот чем оканчивается это служение и более не ведет ни к чему; оно, покоряя, как бы какой госпоже, удерживает в этом рабстве и ничего другого не производит, кроме одной этой суеты. Притом, взаимно соединяясь, они взаимно и разрушают себя, чрево брашна и брашна чрево, совершая бесполезное круговращение, подобно как согнивающее тело порождает червей, а черви уничтожают это тело, или как волна поднимаясь опускается и не производит более ничего. Он говорит это не о пище и теле, а порицает страсть чревоугодия и неумеренность в пище, как показывают дальнейшие слова: **"но Бог уничтожит то и другое"** разумеет не желудок, а неумеренное пожелание, не пищу, а пресыщение. Первого он не осуждает, но еще предписывает касательно его следующее правило: **"имея пропитание и одежду, будем довольны тем"** (1Тим.6:8). Он осуждает (порочное) действие и в заключение своей беседы исправляет его молитвой. А некоторые говорят, что в словах его заключается предсказание о состоянии в будущем веке, т.е. что там мы не будем ни есть, ни пить. Если же умеренное употребление пищи будет иметь конец, то тем более должно воздерживаться от неумеренности. Затем, чтобы кто не подумал, что он осуждает тело, чтобы не заключил, что он от части переносит осуждение на все целое, и не сказал, что тело по природе своей служит причиной прелюбодеяния, послушай, что он говорит далее: я, говорить, осуждаю не природу тела, а неумеренное сластолюбие души; потому и присовокупляет: **"тело же не для блуда, но для Господа"**. Оно создано не для того, чтобы ты жил невоздержно и прелюбодействовал, равно как и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодию, но чтобы оно служило Христу, как главе, а Он был Господь

телу. Устыдимся же и устрашимся, что мы, удостоившись такой чести, соделавшись членами Его, главенствующего над нами, бесчестим себя такими пороками! Таким образом достаточно обличив чревоугодников, (апостол) далее удерживает их от этого порока надеждой в будущем: **"Бог"**, говорит, **"воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею"** (ст.14).

2. Видишь ли опять мудрость апостола? Достоверность воскресения он всегда доказывает примером Христа, и особенно теперь. Если тело наше есть член Христов, а Христос воскрес, то и тело, без сомнения, последует за Главою. **"Силою Своею"**. Так как он упомянул о предмете непостижимом и необъяснимом соображениями разума, то и приписывает воскресение Христово непостижимой силе Божией, не мало опровергая этим доказательством неверующих. О воскресении Христовом он не сказал: Бог и Господа воскресит, – потому что оно уже совершилось, – а как? **"Бог воскресил Господа"**; и доказывать это не было нужды. О нашем же воскресении, которого еще не было, сказал не так, но как? **"Воскресит и нас силою своею"**; несомненным могуществом Виновника воскресения заграждает уста противников. А что он приписывает воскресение Христово Отцу, не смущайся этим. Такое выражение не означает, будто Христос бессилен, потому что сам Он говорил: **"разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его"** (Ин.2:19); и еще: **"имею власть отдать жизнь Мою и власть имею опять принять ее"** (Ин.10:17-18). И Лука в Деяниях говорит: **"которым и явил[1] Себя живым"** (Деян.1:3). Почему же Павел употребляет такое выражение? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу и свойственное Отцу приписывается Сыну: **"ибо, что творит Он, то и Сын творит также"** (Ин.5:19). И весьма благовременно он упоминает здесь о воскресении; такими надеждами он обуздывает силу чревоугодия и как бы так говорит: ты ешь и пьешь невоздержно, – какой же конец этого? Никакого, кроме одного тления. Ты соединился со Христом, – какой конец этого? Великий и дивный: будущее воскресение, славное и превосходнейшее всякого описания. Итак, пусть никто не сомневается в истине воскресения. Если же кто не верует, то пусть подумает, сколько (тварей Бог) сотворил из ничего, и примет это за доказательство истины воскресения: ведь то, что уже случилось, гораздо удивительнее и представляет непостижимое чудо. Смотри: Бог, взяв землю, смесил ее и образовал человека, – землю, которая прежде не существовала. Как же земля стала человеком? Как она из небытия приведена в бытие? Как произошло из ней все: бесчисленные роды животных, семян, растений, тогда как при этом не было болезней рождения, не ниспадал дождь, не было ни земледелия, ни волов, ни плуга, и ничего другого, что содействовало бы к их появлению? Бог для того и произвел в начале из неодушевленного и бесчувственного вещества столько родов растений и бессловесных животных, чтобы тогда же внушить тебе истину воскресения. Сотворение непостижимее воскресения; не одно и то же – зажечь угасшую свечу, или произвести огонь, никогда не существовавший; не одно и то же – восстановить разрушившийся дом, или создать вовсе не существовавший. Здесь есть по крайней мере готовое вещество, а там не было и вещества. Потому Он сделал наперед труднейшее, чтобы ты допустил легчайшее, – труднейшее, говорю, не для Бога, но для нашего представления. Для Бога нет ничего трудного, но как живописец, написавший одну картину, легко может написать их и множество, так и Бог еще легче может сотворить бесчисленное множество миров; или лучше, как для тебя легко представить город и множество миров, так для Бога легко сотворить их, или даже гораздо легче. Ты по крайней мере употребляешь несколько времени на представление, а Бог – и того нет, но сколько камни тяжелее самых легких вещей или, лучше, разума нашего, столько наш разум уступает в быстроте творческой силе Божией. Ты удивляешься могуществу Его на земле? Подумай же еще, как произошло небо, прежде не существовавшее, как бесчисленные звезды, как солнце, как луна, которые все прежде не существовали? Еще, скажи мне, как по сотворении они держатся и на чем? Какое основание имеют они, равно как и земля? Что за землей? Что опять за тем, что за

землей? Видишь ли, в какое недоумение впадает умственный взор твой, как скоро ты не прибегаешь к вере и к непостижимой силе Творца? Если же хочешь объяснять это делами человеческими, то можешь и таким образом несколько окрылить разум свой. Какими, скажешь, делами человеческими? Не видишь ли ты, как горшечники выделывают сосуд из смешанного и бесформенного вещества, как рудокопы из металлоносной земли извлекают золото, железо и медь, как выделывающие стекло обращают песок в твердое и прозрачное тело? Говорить ли о сырмятниках и красильщиках пурпуровых одежд, как они придают им один цвет вместо другого? Говорить ли о нашем рождении? Не малое ли семя, сперва не имеющее вида и очертания, сообщается в приемлющую его утробу? Каким же образом является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается в землю? Не согнивает ли оно, будучи посеяно? Откуда же является колос, стебли и все прочее? Каким образом малое зернышко смоковницы, упавши на землю, часто производит корни, ветви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнению, а требуешь от Бога отчета только в том, как он преображает наше тело? Можно ли простить это?

3. Все это и подобное говорим мы язычникам; а верующим Писанию мне и говорить нет нужды. Если бы ты захотел исследовать все дела Божии, то чем Бог был бы больше человека? Даже и дела многих людей мы не исследуем. Если же мы поступаем так по отношению к людям и не исследуем дел их, то тем более не должно исследовать премудрость Божию и требовать от нее отчета; и во-первых, потому, что Возвестивший достоин веры; во-вторых, потому, что самые дела Его не доступны суждениям разума. Бог не так немощен, чтобы производить только то, что может быть постигнуто твоим слабым разумом. Если ты не понимаешь дел художника, то тем более – высочайшего Художника, Бога. Итак, не сомневайтесь в истине воскресения; иначе вы будете весьма далеки от надежды (благ) будущих. И чем выражают свою мудрость или, лучше, свое безумие возражатели? Как, говорят они, воскреснет тело, когда оно смешается с землей, обратится в прах и рассеется по разным местам? Для тебя это кажется непостижимым, но не для недремлющего Ока; для Него все ясно. Ты не видишь отдельно того, что смешано, а Оно видит все; ты не знаешь и того, что в сердце ближнего, а Оно знает все. Если же ты не веруешь воскресению потому, что не знаешь, как Бог совершит воскресение, то, значит, не веруешь и тому, что Он знает сердечные помышления, которые также невидимы. Вещество тела и по разрушении остается видимым, а помышления невидимы. Потому Видящий невидимое со всей ясностью неужели не видит видимого и не может легко восстановить состава телесного? Очевидно, может. Итак не сомневайся в (истине) воскресения; это (сомнение) – внушение диавольское. Диавол старается внушать это не только для того, чтобы не верили воскресению, но чтобы прекратились и погибли и дела добродетели. В самом деле, человек, не ожидающий воскресения и предстоящего отчета в делах своих, едва ли будет добродетелен, а не упражняющийся в добродетели не станет верить и воскресению; то и другое взаимно подкрепляется: порок неверием и неверие пороком. Обремененная грехами совесть, страшась и трепеща пред будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием. Если ты будешь утверждать, что нет ни воскресения, ни суда, он скажет: следовательно, и я не буду отдавать отчета в грехах своих. Но что говорит Христос? **"Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией"** (Мф.22:29). Бог не совершил бы таких дел, если бы не хотел воскресить нас, но (предположил) разрушить и обратить в ничто; не распростер бы неба, не основал бы земли, не создал бы и всего прочего только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Он сделал столько для настоящей жизни, то чего не сделает для будущей? А если нет жизни будущей, то мы гораздо презреннее (тварей), созданных для нас; ведь и небо, и земля, и море, и реки, и даже некоторые из бессловесных животных долговечнее нас. Так ворон, порода слонов и многие другие животные долее нас пользуются настоящей жизнью. Наша жизнь коротка и многотрудна, а их – продолжительна и более чужда попечений и скорбей. Что же, скажи мне, неужели

Бог сотворил рабов лучше их владык? Нет, увещаю, человек, не думай так, не скудоумничай и не сомневайся в могуществе Бога, твоего Владыки. Бог благоволил сотворить тебя в начале бессмертным, но ты не захотел быть таким. Знаменами бессмертия были беседа с Богом и безбедственная жизнь, чуждая печалей, забот, трудов и всего временного. Адам не имел нужды ни в одежде, ни в кровле, ни в других подобных вещах, но уподоблялся ангелам, предвидел многое в будущем и был исполнен великой мудрости; знал и то, что Бог сотворил тайно, именно касательно жены; потому и сказал: **"вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей"** (Быт.2:23). Труд привзошел после, изнурение – после, стыд, страх и трепет – после, а прежде не было ни печали, ни болезни, ни воздыхания. Но (Адам) не устоял в этом достоинстве.

4. Почему же, скажешь, я страдаю и погибаю за него? Нет, не за него; и сам ты не без греха, но совершил, если не тот же самый, то другой грех. Притом наказание принесло тебе не вред, а пользу. Слова твои, может быть, имели бы некоторое основание, если бы ты навсегда остался смертным; а теперь ты бессмертен и, если захочешь, можешь просиять более солнца. Но, скажешь, если бы я имел тело не смертное, то не согрешил бы. А тот (Адам), скажи мне, смертное ли имел тело, когда согрешил? Нет, если бы тело его было смертно, то смерть не была бы назначена ему в наказание. Впрочем смертное тело не служит препятствием к добродетели, но еще вразумляет и весьма много способствует, как видно из следующего: если одно ожидание бессмертия так надмило Адама, то, если бы он в самом деле был бессмертен, в какую не впал бы гордость? Теперь, согрешив, ты можешь исправиться потому самому, что тело твое уничтожено, слабо и подвержено разрушению; эти мысли могут вразумить тебя; а если бы ты грешил в бессмертном теле, то грехи твои, может быть, остались бы неисправимыми. Итак, не смертность причиною греха, – не обвиняй ее, – но злое произволение есть корень зол. Отчего тело не причинило вреда Авелю? Отчего бесплотность не принесла никакой пользы злым духам? Хочешь ли знать, как смертное тело не только не вредит, но еще доставляет пользу? Послушай, сколько доброго ты можешь получить от него, если будешь бдителен. Оно отклоняет и отвлекает тебя от зла болезнями, скорбями, трудами и тому подобным. Но, скажешь, оно влечет и к прелюбодеянию? Нет, не тело, а разнузданность: телу свойственно только то, о чем я выше сказал. Невозможно человеку, вступившему в эту жизнь, не терпеть болезней, скорбей и печалей; а не блудодействовать возможно. Потому, если бы пороки зависели от природы тела, то они были бы общи всем: все естественное таково и есть; а прелюбодеяние не таково; болезни происходят отсюда, а прелюбодеяние – от произволения. Итак, не обвиняй тела, чтобы диавол не отнял у тебя чести, которую даровал тебе Бог. Если мы захотим, то тело может быть прекрасной уздой, укрощающей похоти души, смиряющей гордость, низлагающей тщеславие, способствующей нам к совершению великих добродетелей. Не говори мне о (людях) невоздержных: мы часто видим, как и кони несутся по стремнинам, свергнув возницу вместе с уздой, но не виним в том узду. Не она опустившись причинила это, но возница, не удержавший ее, все испортил. Точно так рассуждай и здесь. Если видишь молодого человека, живущего невоздержно и предающегося порокам, то обвиняй не тело, а влекомого возницу, т.е. разум. Как не вожжи причиняют зло вознице, а сам он бывает виновен во всем, не хорошо удерживая их, – потому они и подвергают его наказанию, запутывая его, увлекая и принуждая разделять с ними бедственную участь, так и здесь. Мы, говорят они, обуздывали коня, пока ты держал нас; а когда выпустил из рук, то мы подвергаем тебя наказанию за небрежность, запутываем и увлекаем тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итак, никто не обвиняй вожжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у нас – разум, вожжи, соединяющие коней с возницей, – тело. Если они будут удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь из рук, то испортишь и погубишь все. Будем же благоразумны и станем обвинять не тело, а злое расположение. Диавол всячески старается внушить неразумным, чтобы они обвиняли

более тело, или Бога, или ближнего, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнув истинную причину зла, они не вырвали ее с корнем. Но вы, зная коварство его, направьте на него гнев свой и, предоставив ярмо вознице, обратите умственный взор свой к Богу. В других делах назначающий подвиги сам нисколько не содействует, а только ожидает окончания; здесь же совершает все подвигоположник Бог. Будем же просить милости Его, и несомненно сподобимся будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Γρ.παρεστῆσεν - поставил

БЕСЕДА 18

"Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать [их] членами блудницы? Да не будет!" (1Кор.6:15).

1. От блудника (апостол) перешел к корыстолюбцу, а теперь опять переходит к блуднику, обращая речь не к нему, но к другим, не виновным в прелюбодеянии, и, предостерегая их от того же греха, вместе с тем обличает его, потому что грешник и в том случае, когда речь обращается к другому, трогается и мучится от пробуждающейся в нем совести. Страх наказания, конечно, мог достаточно удерживать их от нарушения целомудрия: но (апостол) хочет достигнуть этого не одним страхом, и потому с угрозами употребляет и вразумления. Прежде, говоря об этом грехе, он определил за него наказание, показал вред, происходящий для всех от общения с кровосмесником, и, тем окончив, перешел к корыстолюбцу; ему, равно как и всем другим исчисленным грешникам, угрожал лишением царствия, и тем окончил речь; а здесь он предлагает и весьма сильное увещание. Кто назначает только наказания за грех, а не показывает, что он весьма тяжел, тот чрез наказания не сделает ничего важного; также и тот, кто делает только увещания, а не устрашает наказаниями, не много тронет (людей) нечувствительных. Потому Павел делает то и другое, и вразумляет словами: **"разве не знаете, что мы будем судить ангелов?"** (ст.3) и устрашает словами: **"или не знаете, что лихоимцы Царства Божия не наследуют?"** (ст.9-10). Таким же образом он говорит и против кровосмесника. Устранив его прежде сказанным, отлучив, предав сатане и напомним о будущем дне, он теперь вразумляет: **"разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?"** – беседуя с ними, как бы с благородными детьми. Выше он сказал: **"тело для Господа"** (ст.13): теперь точнее объясняет это, как делает и в другом месте, когда говорит: **"и вы – тело Христово, а порознь – члены"** (1Кор.12:27). Такое сравнение он употребляет во многих местах, хотя не в одном и том же значении, но иногда для выражения любви, а иногда для усиления страха: здесь же употребляет его для внушения страха и ужаса: **взять ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничии Да не будет.** Ничего не может быть страшнее этих слов. Не сказал: **"итак отниму ли члены у Христа"**, соединю их с блудницею, но что? **"Чтобы сделать членами блудницы"**. Такое выражение гораздо разительнее. Далее показывает, как с блудником действительно это бывает: **"или не знаете"**, говорит, **"что совокупляющийся с блудницею становится одно тело [с нею]?"** (1Кор.6:16)? Откуда это известно? **"Будут"**, говорит, **"два одна плоть"**. **"А соединяющийся с Господом есть один дух"** (1Кор.6:17). Прилепившись друг к другу, два уже не могут быть двумя, но оба делаются одним. И, смотри, как он опять с помощью самых имен ведет обличение, употребляя слова: блудница и Христос. **"Бегайте блуда"**. Не сказал: воздерживайтесь от прелюбодеяния, но: бегайте, т.е. тщательно старайтесь удалиться от этого порока.

"Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела" (ст.18). Это менее важно, нежели выше сказанное; но, говоря о блудниках, он со всех сторон обличает грех их и показывает важность вины их и великим и малым: первое сказано для более благоговейных, а последнее для более слабых. Мудрость Павла обнаруживается именно и в том, что он вразумляет представлением не только великого, но и малого, и постыдного и непрстойного. Но, скажешь, разве убийца, корыстолюбец и грабитель не оскверняют своей руки? Это всякому известно: но так как нельзя было сказать, что нет никого хуже блудника, то он иначе изображает важность этого греха, объясняя, что от блуда все тело становится нечистым; оно оскверняется так, как бы упало в грязный сосуд, наполненный нечистотой. Потому и у нас есть такой обычай: после дел корыстолюбия и хищения никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а после прелюбодеяния идут омыться, как бы всецело сделавшись нечистыми: так совесть стыдится по преимуществу этого греха! Тяжек и тот и другой грех, и корыстолюбие и прелюбодеяние, и (тот и другой) ввергают в геенну; но, делая все предусмотрительно, Павел показывает важность прелюбодеяния всем, чем только мог. **"Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа?"** (ст.19).

2. Не просто он сказал: Духа, но: живущего в вас, чтобы утешить слушателей, и в пояснение этих слов присовокупил: **"Которого имеете вы от Бога"**; указал Виновника, чтобы и возвысить их и утешить величием дара и милостью Подателя. **"И вы не свои"**. Это не только служит к обличению, но и побуждает к добродетели. Как, говорит, можешь ты делать, что хочешь? Ты не властен над собою. Говоря это, он не отвергает свободной воли. **"как словами: Все мне позволительно, но не все полезно"**, он не отнимает у нас свободы, так и здесь, выражаясь: **"вы не свои"**, он не нарушает свободной воли, но отклоняет от порока и показывает попечение о нас Владыки. Потому и присовокупляет: **"ибо вы куплены [дорогою] ценою"** (ст.20). Но если я сам не свой, то как ты требуешь от меня исполнения обязанностей? Как, продолжая речь, говоришь еще: **"посему прославляйте Бога"** в теле вашем и в духе вашем, **"которые суть Божии"**?

Что же значит: **"вы не свои"**? И что он хочет внушить чрез это? Утвердить нас, чтобы мы не грешили и не следовали неуместным похотям души. У нас бывает много неуместных пожеланий, но мы должны воздерживаться, и можем; а если бы мы не могли, то и увещание было бы излишне. Смотри, как он утверждает нас. Сказав: **"вы не свои"**, не говорит далее: а подчинены необходимости, но: **"куплены [дорогою] ценою"**. Почему же он так говорит? Здесь, иной быть может скажет, следовало бы показать, что у нас есть Владыка. Но это у нас общее с язычниками; а **"куплены [дорогою] ценою"** принадлежит исключительно нам. Он напоминает о величии благодеяния и образе нашего спасения, показывая, что мы искуплены тогда, как были чуждыми Ему, и не просто, но ценою. **"Посему прославляйте"**, являйте Бога в теле вашем и в духе. Внушает не только телом не совершать прелюбодеяния, но и в духе души не помышлять ничего порочного и не удалять благодати. **"Которые суть Божии"** (ст.20). После слова: **вашем**, присовокупляет: **"которые суть Божии"**, постоянно напоминая нам, что все у нас Владычье – и тело, и душа, и дух. Некоторые говорят, что под духом он понимает здесь духовное дарование; когда оно бывает у нас, то Бог прославляется; а бывает оно тогда, когда мы имеем чистое сердце. Божиими же назвал он их не только потому, что Бог сотворил их, но и потому, что когда они сделались чуждыми Ему, Он вторично приобрел их ценою крови Сына. Смотри, как он относит все ко Христу, как возводит нас на небо. Вы, говорит, члены Христа, вы – храм Духа; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, потому что это тело – не ваше, а Христово. Этими словами показывает человеколюбие (Христа), Который сделал наше тело Своим, и вместе пресекает нашу порочную власть (над ним). Если у вас, говорит, тело не ваше, то вы не имеете права бесчестить тело другого, особенно когда оно принадлежит Владыке, или осквернять храм Духа. Если вошедший в дом частного

человека и произведший в нем бесчинство подвергается великому наказанию, то, подумай, какому мучению подвергнется делающий храм Царя вертепом разбойника! Представляя все это, стыдись живущего в тебе; это – Утешитель; страшись сочетавшегося с тобою и усвоившего тебя Себе; это – Христос. Не сделался ли ты членом Христовым? Представляй это и будь целомудрен. Подумай, чьи были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христос сделал их членами собственного тела. Потому ты уже не имеешь власти над ними, а должен служить Тому, кто освободил их. Если бы ты, имея дочь, по великой глупости продал ее содержателю блудниц на блудодеяние, а сын царя, случившийся при этом, освободил ее от такого рабства и взял себе в супружество, то ты уже не был бы властен отвести ее в распутный дом, после того, как однажды отдал и продал. То же и с нами. Мы продали плоть свою диаволу, этому жестокому содержателю блудниц, а Христос, видя это, исторгнул и освободил ее от этой злой власти; потому она принадлежит уже не нам, а освободившему ее. Пользоваться ею, как невестою царя, никто тебе не препятствует; если же будешь употреблять ее на прежние дела, то потерпишь то, что следует терпеть подобным оскорбителям. Итак надобно украшать ее, а не бесчестить. Ты не имеешь власти над плотию на удовлетворение порочных пожеланий, а только на исполнение заповедей Божиих. Подумай, от какого бесчестия Бог избавил ее. Естество наше прежде было бесчестнее всякой блудницы: разбой, убийства, всякий порочный помысл, входя в него, любодействовали с душою за малую и ничтожную цену – за скоропреходящее удовольствие; душа, сочетаваясь с порочными помыслами и деяниями, получала от них одно только это воздаяние.

3. Но это, бывшее прежде, хотя и тяжело, все же не так тяжело, а оскверняться после неба, после царствия, после приобщения страшных таин, – заслуживает ли это прощения? Или ты не думаешь, что с корыстолюбцами и со всеми вышеисчисленными грешниками совокупляется сам диавол? Или не думаешь, что он совокупляется и с женщинами, украшающими себя для сладострастия? Кто станет противоречить этому? Если же кто станет возражать, то пусть раскроет душу столь бесстыдных женщин, и он увидит, что злой дух тесно сочетался с ними. Трудно, возлюбленные, трудно, а может быть, и невозможно, украшая таким образом тело, украшать вместе и душу; заботясь об одном, приходится неизбежно опустить другое; то и другое по природе своей не может быть вместе. Потому (апостол) и говорит: **"совокупляющийся с блудницею становится одно тело: а соединяющийся с Господом есть один дух"**. Последний становится духом, хотя и облечен телом, потому что если в нем нет ничего телесного, грубого и земного, если он только обложен телом, а вся власть принадлежит душе и духу, то Бог прославляется им. Потому нам и заповедано говорить в молитве: **"да святится имя Твое"** (Мф.6:9). И Христос говорит: **"да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного"** (Мф.5:16). Так прославляют Его небеса, не звук издавая, но своим видом возбуждая удивление и располагая к прославлению Создателя. Так будем прославлять Его и мы, или даже еще более; а мы можем это, если захотим. Не столько небо, день и ночь, сколько святая душа прославляет Бога. Кто взглянет на красоту неба, говорит: слава Тебе, Боже, сотворившему такие дела; так и взглянувший на добродетель человека (будет говорить) то же, и даже гораздо более. При взгляде на творения, не все прославляют Бога, но многие говорят, что они существуют сами собой, а другие приписывают творение и промышление мира злым духам, впадая таким образом в крайне непростительный грех; но при взгляде на добродетель человека, никто не может быть настолько бесстыдным, а всячески прославит Бога, видя, что служащий Ему живет добродетельно. Кто не подивится, когда какой-нибудь человек, имея общую с другими природу, обращаясь среди людей, подобно алмазному, не сокрушается от множества страстей, – когда он среди огня, железа и зверей является крепче алмазита и преодолевает все силой благочестия, – когда его оскорбляют, а он благословляет, его

злословят, а он восхваляет, его обижают, а он молится за обижающих, его гонят, а он благодетельствует своим врагам и гонителям? Такие и подобные дела гораздо более неба прославят Бога. Язычники, взирая на небо, не стыдятся; но, видя святого мужа, строго исполняющего правила любомудрия, стыдятся и осуждают себя. Когда имеющий одинаковую с ними природу является столько выше их, сколько небо – земли, и даже еще более, то они невольно признают, что это совершается силой божественной; потому (Христос) и говорит: **"и прославят Отца вашего Небесного"**. Хочешь ли еще видеть, как Бог прославляется жизнью рабов Своих, равно как и чудесами? Некогда Навуходоносор ввергнул в печь трех отроков; но увидев, что огонь не коснулся их, **"сказал: благословен Бог, Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих"** из печи, **"которые надеялись на Него и не послушались царского повеления"** (Дан.3:95). Что говоришь ты? Тебе оказали презрение, а ты удивляешься презревшим? Да, говорит, за то самое, что они оказали мне презрение: это самое и представляет причиной удивления. Таким образом здесь не только знамение послужило к прославлению Бога, но и решимость вверженных. Кто сравнит то и другую, тот увидит, что последняя не меньше первого. Решиться в душе своей быть ввергнутой в печь, – это чудо не меньше того, как и остаться невредимым в печи. Не изумительно ли, что царя вселенной, имевшего у себя столько оружия, войска, военачальников, правителей и наместников, обладавшего землей и морем, презрели пленные отроки, связанные преодолевали связавшего и победили все это воинство? Окружавшие царя не могли сделать с ними, что хотели, хотя призвали на помощь себе печь; а обнаженные, порабощенные, пришельцы и не многие числом – что в самом деле меньше трех? – будучи связаны, победили несметное воинство. Смерть уже была презираема, потому что имел придти Христос. Как пред восходом солнца, прежде нежели явятся лучи его, уже бывает виден свет дневной, так и пред восходом Солнца правды смерть уже стала отступать. Что может быть блистательнее этого зрелища? Что славнее этой победы? Что знаменитее этих новых трофеев?

4. То же бывает и с нами. И ныне есть царь вавилонской печи; и ныне он возжигает пламень сильнее того; и ныне есть повелевающий поклоняться истукану; у него есть и вельможи, и воины, и обольстительная музыка; и многие поклоняются этому истукану, разнообразному и великому. Этот, подобный тому, истукан есть корыстолюбие, не пренебрегающее и железом, слагающееся из самых разнообразных вещей и заставляющее поклоняться всему, и меди, и железу, и вещам гораздо худшим. Но как есть это, так есть ныне и подражатели отроков, которые говорят: **"богам твоим служить не будем и"** образу твоему **"не поклонимся"**, но лучше претерпим печь нищеты и всякое другое бедствие за законы Божии. Обладающие многим и ныне также, как тогда, часто поклоняются этому (истукану) и опаляются; а не имеющие ничего и презирают его, и находящиеся в нищете наслаждаются большей прохладой, чем живущие в изобилии, подобно тому, как и тогда ввергавшие были опалены, а вверженные находились среди огня, как бы в воде и росе. И сам мучитель более отроков горел тогда в огне, который сильно был воспламенен в нем гневом его. У них огонь не мог коснуться даже окончностей волос; а у него гнев сильнее огня сожигал душу. Представь, каково было ему перенести презрение от пленных отроков в глазах такого множества людей? Здесь он и показал, что и город их он взял не собственной силой, а за грехи многих, потому что если он не мог преодолеть связанных и притом вверженных в печь, то как он мог бы победить их, если бы они все были таковыми? Очевидно, что грехи многих предали город. Посмотри и на то, как отроки были далеки от тщеславия. Они сами не бросались в печь, но наперед уже соблюдали заповедь Христову: **"молитесь, чтобы не впасть в искушение"** (Мф.26:41); и не думали бежать, когда вели их, но смело вышли на середину; не искали боя без вызова, и не устрашались после вызова, а были готовыми на все, мужественными и неустрашимыми. Послушаем, что говорили они, чтобы и отсюда узнать их любомудрое настроение. **"Есть Бог на небесах"**, говорят они, **"Который силен"**

избавить нас" (Дан.3:17); не о себе заботятся, но, готовясь на сожжение, беспокоятся о славе Божией. Чтобы ты как-нибудь, говорят, не обвинил Бога в бессилии, если мы будем сожжены, для этого мы прямо возвещаем тебе все наше исповедание: есть Бог на небесах, не такой, как этот земной истукан, бездушный и безгласный, но могущий исторгнуть и разженной печи; не обвиняй же Его в бессилии за то, что Он попускает впасть в нее; Он так силен, что и вверженных нас может исхитить из пламени. **"Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся"** (ст.18). Смотри, как мудро и то, что они не знали будущего. Если бы они предвидели будущее, то не было бы удивительно то, что они сделали.

В самом деле, удивительно ли было бы, если бы они решились на опасность, будучи уверены в спасении? Бог прославился бы, смогший избавить их от печи, а они не были бы достойны удивления, как решившиеся на дело, не опасное для них. Потому Бог и оставил их в неведении будущего, чтобы более прославить их, и как они убеждали царя не обвинять Бога в бессилии, если бы они были сожжены, так и Бог сделал то и другое, и явил свою силу и показал во всей славе неустрашимость отроков. Отчего же у них, скажешь, могло быть сомнение и неуверенность в том, что они непременно спасутся? Оттого, что они признали себя ничтожными и недостойными такого благодеяния. А что это не моя догадка, видно из прискорбных слов, которые они произносили в печи: **"согрешили мы, и поступили беззаконно, мы не можем открыть уст"** (Дан.3:29,33); потому они и сказали: **"если же и не будет того"** (ст.18). Если же они не сказали этого ясно, – например так: Бог силен избавить нас, но если не избавит, то не избавит за грехи наши, – не удивляйся этому; тогда варвары подумали бы, что они под предлогом своих грехов скрывают бессилие Божие. Потому, сказав только о всемогуществе Божиим, они не высказывают (упомянутой) причины. С другой стороны они хорошо научены были не испытывать судеб Божиих. После сказанных слов они пошли в огонь, и при том ни царя не поносили, ни истукана не ниспровергали. (Человек) доблестный таков и должен быть – благоразумен и кроток, особенно в опасностях, чтобы видно было, что он идет на подвиги не по раздражению и тщеславию, а по мужеству и благоразумию. Кто поносит, того подозревают в этих страстях; а кто терпит и, будучи влеком, совершает подвиги с кротостью, тому не только удивляются за его мужество, но не менее прославляют его и за благоразумие и кротость. Точно так поступили тогда и отроки: они явили и мужество и совершенную кротость, и сделали все не ожидая награды и возмездия, или воздаяния. И аще не восхощет, говорят они, изъяти нас, богом твоим не служим; мы получили награду уже в том, что удостоились быть непричастными нечестию и за то предать тела на сожжение. Так и мы, уже получив воздаяние, – а получили мы его в том, что удостоились познать Бога и соделаться членами Христовыми, – не будем делать себя членами блудницы. Таким страшным словом следует заключить нашу беседу, чтобы, живо чувствуя страх угрозы, мы действием этого страха соблюдали себя чище золота. Так, отрешившись от прелюбодеяния, мы сможем узреть Христа, на Которого да сподобимся все мы воззреть с дерзновением в тот день, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа" (1Кор.7:1-2).

1. Исправив три весьма важные недостатка, во-первых, разделение церкви, во-вторых, (порок) кровосмесника и, в-третьих, корыстолюбие, (апостол) говорит теперь более

кратко, и между прочим предлагает наставление и совет касательно брака и девства, чтобы успокоить слушателей после тяжких укоризн. Во втором послании (к Коринфянам) он поступает иначе: начинает кратко, а оканчивает строго; здесь же, окончив речь о девстве, он опять обращается к обличениям, предлагая не все вдруг, но разнообразя свою речь тем и другим, сообразно с требованием времени и свойствами предметов. Говорит: **"а о чем вы писали ко мне"**, потому что коринфяне писали к нему, должно ли воздерживаться от жены, или нет? Отвечая на это и постановляя правила о браке, он заводит речь и о девстве. **"Хорошо человеку не касаться женщины"**. Если ты, говорит, ищешь блага весьма превосходного, то лучше совершенно не сочетаться с женщиной; если же ищешь состояния безопасного и сообразного с твоей немощью, то вступай в брак. А так как могло случиться, как и ныне бывает, что муж желает, а жена нет, или наоборот, то смотри, как он говорит о том и о другом. Некоторые утверждают, что слова его относятся к священникам; но я, принимая в соображение последующие слова, не могу с этим согласиться, – тогда он не преподал бы этого наставления в общем виде. Если бы он писал только о священниках, то сказал бы: хорошо учителю не касаться женщины; а теперь говорит вообще: **"хорошо человеку"**, не священнику только; и еще: **"остался ли без жены? не ищи жены"** (ст.27). Не сказал: ты – священник и учитель, а неопределенно; такова и вся речь его вообще. Сказав: **"во избежание блуда, каждый имей свою жену"**, он самой причиной дозволения побуждает к воздержанию. **"Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу"** (ст.3). Что значит: **"должное благорасположение"**? Жена не властна над своим телом, но есть и раба и вместе госпожа мужа.

Если ты уклоняешься от должного служения, то оскорбляешь Бога; если же хочешь уклониться, то лишь с дозволения мужа, хотя бы это и на короткое время. Потому и называет это дело должным, чтобы показать, что никто (из супругов) не властен над собой, но – рабы друг друга. Итак, когда ты видишь, что блудница искушает тебя, ты скажи: мое тело принадлежит не мне, а жене. То же пусть говорит и жена покушающимся нарушить ее целомудрие: мое тело принадлежит не мне, а мужу. Если же ни муж, ни жена не властны над своим телом, то тем более над имуществом. Послушайте, имеющие мужей и имеющие жен: если вам не следует считать тела своим, то тем более имущества. Правда, в некоторых местах и ветхого и нового завета отдается мужу великое преимущество; так говорится: **"к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою"** (Быт.3:16); и Павел в одном послании делает такое различие (между супругами): **"мужья, любите своих жен, а жена да боится своего мужа"** (Еф.5-25,33); но здесь (приписывается обоим) одинаковая власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому, что у него речь о целомудрии. В других отношениях, говорит, муж пусть имеет преимущество, а в целомудрии – нет, ни **"муж не властен над своим телом"**, ни жена (ст.4). Большое равенство чести и никакого преимущества.

"Не уклоняйтесь друг от друга[1], разве по согласию" (ст.5). Что это значит? Жена не должна, говорит, воздерживаться против воли мужа, и муж (не должен воздерживаться) против воли жены. Почему? Потому, что от такого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство. Ведь если иные, имея своих жен, предаются прелюбодеянию, то тем более (будут предаваться ему), когда лишены будут этого утешения. Хорошо сказал: не лишайте себя; то, что здесь назвал лишением, выше назвал долгом, чтобы показать, как велика их взаимная зависимость: воздерживаться одному против воли другого значит лишать, а по воле – нет. Так, если ты возьмешь у меня что-нибудь с моего согласия, это не будет для меня лишением; лишает тот, кто берет против воли и насильно. Это делают многие жены, совершая большой грех против справедливости и тем подавая мужьям повод к распутству и все приводя в расстройство. Всему должно предпочитать единодушие; оно всего важнее.

Если хочешь, докажем это опытом. Пусть будет жена и муж и пусть жена воздерживается, тогда как муж этого не хочет. Что произойдет? Не станет ли он тогда предаваться прелюбодеянию, или, если не станет прелюбодействовать, не будет ли скорбеть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять жене множество неприятностей? Какая польза от поста и воздержания, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдет отсюда огорчений, сколько хлопот, сколько раздоров!

2. Если в доме муж и жена не согласны между собой, то их дом не лучше буруеваемого волнами корабля, на котором кормчий не согласен с рулевым. Потому (апостол) и говорит: **"не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве"**. Здесь он понимает молитву, совершаемую с особенным тщанием, потому что если бы совокупляющимся он запрещал молиться, то откуда бы взялось время для непрестанной молитвы? Следовательно можно и с женой совокупляться и молиться; но при воздержании молитва бывает совершеннее. Не просто сказал: молитесь, но: да пребываете, потому что (брачное) дело только отвлекает от этого, а не производит осквернения. **"А потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана"**. Чтобы ты не подумал, что это – закон, присоединяет и причину. Какую? **"Чтобы не искушал вас сатана"**. А чтобы ты знал, что не диавол только бывает виновником прелюбодеяния, прибавляет: **"невоздержанием вашим"**. **"Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я"**, в воздержании (ст.6-7). Так он часто поступает, когда поучает делам трудным, представляет в пример себя самого и говорит: **"подражайте мне"** (4:16). **"Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе"** (7:7). Высказав сильное обличение в словах: невоздержанием вашим, он опять ободряет их и говорит: **"каждый имеет свое дарование от Бога"**, выражая не то, будто эта добродетель не требует нашего усилия, но, как я сказал, ободряя их. Если (воздержание) есть дар, и человек сам нисколько не содействует, то для чего он продолжает: **"безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак"** (ст.8-9)? Видишь ли благоразумие Павла, как он и показывает превосходство воздержания, и не делает принуждения тому, кто не может воздержаться, боясь, чтобы не произошло падения? **"Ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться"**. Показывает, как велика сила похоти. А смысл слов его следующий: если ты чувствуешь сильное влечение и разжжение, то избавь себя от труда и изнурения, чтобы тебе не развратиться. **"А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь"** (ст.10). Намереваясь повторить заповедь, ясно предписанную Христом, касательно того, что не должно разводиться с женою, разве в случае прелюбодеяния, говорит: **"не я"**. Сказанное выше не было ясно высказано (Христом), хотя и согласно с Его учением; а это Он изложил ясно; таково различие выражений: я и не я. А чтобы ты не принял слов (апостола) за человеческие, он присовокупляет: **"думаю, и я имею Духа Божия"** (ст.40). Что же это за заповедь, возвещенная Господом бракосочетавшимся: **"жене не разводиться^[2] с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей"** (ст.11)? Так как случается, что супруги разлучаются или по воздержанию, или по другим причинам, или по неудовольствию, то он говорит: лучше, если бы этого совсем не было; если же это уже случилось, то пусть жена остается с мужем, хотя и не для совокупления, а для того, чтобы не знать никакого другого мужа. **"Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его"** (ст.12-13). Как, беседуя об удалении от блудников, (апостол) облегчил это дело, присовокупив: и не всяко блудником мира сего, так и здесь заботится, чтобы (заповедь) была весьма удобной к исполнению. Если, говорит, жена имеет мужа неверного или муж жену неверную, то они не должны оставлять друг друга. Что говоришь ты? Неверный должен оставаться с женой, а блудник нет? Блуд не маловажнее ли неверия?

Блуд маловажнее, но Бог сильно печется о твоей пользе. Так и о жертвоприношении Он говорит: **"оставь дар, и примиришься с братом твоим"** (Мф.5:24). Так и в притче о должнике десяти тысяч талантов: того, кто был должен десять тысяч талантов, Он не наказал; а того, кто требовал от подобного себе раба сто динариев, наказал. Далее, чтобы жена не опасалась сделаться нечистой от сожигания (с таким мужем, апостол) говорит: **"ибо неверующий муж освящается женою, и жена неверующая освящается мужем"** (1Кор.7:14). Но, если прилепляющийся к блуднице делается одним с нею телом, то не следует ли, что и прилепляющаяся к идолослужителю есть одно с ним тело? Так, она одно с ним тело, но не делается нечистой; а чистота жены побеждает нечистоту мужа, равно как чистота верного мужа побеждает нечистоту неверной жены.

3. Почему же здесь нечистота побеждается и сожигание дозволяется, а в случае прелюбодеяния жены мужу не возбраняется изгонять ее? Потому, что здесь есть надежда, что погибшая часть спасется чрез брак; а там брак уже нарушен; там оба лица растлеваются, а здесь виновно одно. Скажу примерно: впавшая однажды в прелюбодеяние нечиста; если же прилепляющийся к блуднице есть одно с нею тело и сам делается нечистым, то они оба лишаются чистоты. А здесь не так, а как? Идолослужитель нечист, но жена не нечиста. Если бы она участвовала с ним в том, в чем он нечист, т.е. в нечестии, то и сама стала бы нечистой; а теперь в ином нечист идолослужитель, а в ином участвует с ним жена, в чем он не нечист, потому что в браке и совокуплении они взаимно участвуют. Притом здесь есть надежда, что жена неверного обратит его, так как она для него своя; а там это очень трудно. Как может жена, обесчестив прежде своего мужа, послужив другому и нарушив права супружества, сделать опять своим мужа, обиженного и сделавшегося для нее как бы чужим? После прелюбодеяния муж уже не муж: а здесь, если жена – идолослужительница, права мужа не нарушаются. Притом с неверным она живет не просто, а по его желанию. Потому (апостол) и сказал: и той благоволил жити с нею. И есть ли, скажи мне, какой вред от того, что они остаются в соединении, когда и благочестие сохраняется в целостности, и остается благая надежда на обращение неверного, и избегаются поводы к напрасным ссорам? Здесь (апостол) говорит не о тех, которые еще не сочетались браком, но о сочетавшихся; он не сказал: если кто хочет вступить в брак с неверным, но: если кто имеет неверного, т.е. если кто после женитьбы или замужества примет благочестивое учение, а другое лицо останется в неверии и между тем пожелает жить вместе, то брак не расторгается. **"Ибо неверующий муж"**, говорит, **"освящается женою"**: таково обилие твоей чистоты! Как, неужели язычник свят? Нет, он не сказал: свят, но: **"освящается женою"**; сказал это не для того, чтобы признать язычника святым, а для того, чтобы как можно более успокоить жену и в муже возбудить желание истины. Нечистота заключается не в телах сочетающихся, а в произволении и помыслах. Затем представляется и доказательство: если ты, будучи нечистой, рождаешь дитя, которое происходит не от одной тебя, то неужели и оно нечисто или чисто только в половину? В настоящем случае оно не нечисто: **"иначе"**, продолжает (апостол), **"дети ваши были бы нечисты, а теперь святы"**, т.е. не нечисты. Называет их святыми для того, чтобы таким сильным названием опять отогнать опасение супругов. **"Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится"** (ст.15). Здесь дело уже не в прелюбодеянии. Что же значит: **"если же неверующий хочет развестись"**? Например, если он повелевает тебе приносить жертвы и участвовать в его нечестии по праву супружества, или уйти, то лучше оставить брак, нежели благочестие. **"Брат или сестра в таких случаях не связаны"**. Если неверный ежедневно из-за этого оскорбляет и заводит ссоры, то лучше разлучиться. Это выражает (апостол) словами: **"к миру призвал нас Бог"**. Он (неверный) сам подает к тому повод, подобно как и прелюбодействующий. **"Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?"** (ст.16). Это относится к словам: **"не должна оставлять его"**. Если муж не беспокоит тебя, то оставайся, говорит, с ним; от этого может быть и польза; оставайся и увещивай, советуй, убеждай; никакой учитель не может убедить так, как жена.

Впрочем (апостол) не принуждает ее и не требует этого от нее непременно, чтобы опять не возложить на нее слишком тяжелого бремени; советует не отчаиваться и оставляет это под сомнением, по неизвестности будущего. **"Почему ты"**, говорит, **"знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?"** И далее: **"только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих. Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся"** (ст.17-21). Все это, говорит, ничего не значит для веры; потому не спорь и не смущайся; вера выше всего этого. Каждый в каком призван звании, в том и оставайся. Призван ли ты в супружестве с женой неверной? Оставайся с ней; не изгоняй жены из-за веры. Призван ли рабом? Не заботься; оставайся рабом. Призван ли необрезанным? Оставайся необрезанным. Уверовал ли, будучи обрезанным? Оставайся обрезанным. Это и означают слова: каждому **"так, как Бог ему определил"**. Все это не служит препятствием благочестию. Ты призван в состоянии раба, другой в супружестве с неверною, иной в обрезании.

4. Вот как он смотрит на рабство. Как обрезание несколько не приносит пользы и необрезание несколько не вредит, так равно и рабство и свобода. Но, чтобы показать это как можно яснее, он говорит: **"но если и можешь освободиться, лучшим воспользуйся"** (χρησαι), т.е., тем более служи. Для чего же он повелевает оставаться рабом тому, кто может сделаться свободным? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредит, но еще доставляет пользу. Знаю, что некоторые утверждают, будто слова: **"лучшим воспользуйся"** (μικρον χρησαι) сказаны о свободе, и объясняют их так: если можешь сделаться свободным, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла: утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет ему никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободу, так как тогда иной мог бы сказать: а если я не могу сделаться свободным, то терплю унижение и вред?

Итак, Павел не это понимает, а хочет показать, как я сказал прежде, что освобождающийся от рабства не получает никакой пользы: хотя бы, говорит, в твоей власти было сделаться свободным, ты лучше оставайся рабом. Затем приводит и причину: **"ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов"** (ст.22). В отношении ко Христу, говорит, тот и другой равны. Как ты – раб Христов, так и господин твой. Но каким образом раб может быть свободным? (Христос) освободил тебя не только от греха, но и от внешнего рабства, хотя ты остаешься рабом. Он не допускает ни рабу быть рабом, ни человеку оставаться в рабстве; это и чудно. Когда же раб бывает свободным, оставаясь рабом? Когда он освобождается от страстей и душевных болезней, когда не предается корыстолюбию, гневу и другим подобным страстям. **"Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков"** (ст.23). Это сказано не только рабам, но и свободным, потому что можно и в рабстве не быть рабом, и в свободе быть рабом. Когда же раб не бывает рабом? Когда он делает все для Бога, когда служит нелицемерно и не из человекоугодия: это и значит быть рабом людей и оставаться свободным. А когда свободный бывает рабом? Когда он служит людям в чем-нибудь худом, в чревоугодии, корыстолюбии, или честолюбии. Такой человек, хотя и свободен, поработеннее всякого раба. Вот пример того и другого: Иосиф был рабом, но не раболепствовал людям, потому и в рабстве был свободнее всех свободных; он не покорился госпоже, склонявшей его к удовлетворению ее похоти. Госпожа напротив была свободна, но оказалась ниже всякого раба, обратившись к рабу и с лестью и с убеждением, и однако не смогла склонить его, свободного, к тому, чего он не хотел. Подлинно, он был не рабом, но в высшей степени свободным: разве рабство послужило ему препятствием к добродетели? Послушайте вы, рабы и свободные: кто

оказался рабом, тот ли которого просили, или та, которая просила? Та ли, которая убеждала, или тот, который презрел ее убеждения? Так, есть пределы рабства, положенные Богом, есть законы, до чего оно может простираться, которых преступать не должно. Когда господин не требует ничего, противного воле Божией, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далее не должно: так раб остается свободным! Если же ты простираешься далее, то делаешься рабом, хотя и свободен. Это внушает (апостол) словами: **"не делайтесь рабами человеков"**. А если бы не так, если бы он повелевал оставлять господ и стараться получить свободу, то как он стал бы говорить следующее: **"в каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом"** (ст.24)? И в другом месте: **"Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья, и благодетельствуют им"** (1Тим.6:1-2)? То же самое он повелевает и заповедует в посланиях к Ефесеям (6:5) и Колоссянам (3:22). Отсюда видно, что он отвергает не внешнее рабство, а происходящее от пороков, бывающее и с свободными, и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему человек свободный. Какую пользу получили братья Иосифа от того, что они были свободны? Не оказались ли они раболепнее всякого раба, обманув отца, солгав пред купцами и пред братом? А он был не таков, но везде и во всем был правдив и оставался свободным; и его ничто не могло поработить, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребывание в чужой земле, – всегда он оставался свободным. Это и есть высшая свобода, которая сияет и в рабстве.

5. Таково христианство: оно и в рабстве доставляет свободу. Как тело, по природе своей уязвимое, оказывается неуязвимым тогда, когда, будучи поражаемо стрелой, не терпит никакого вреда, так и истинно свободный оказывается таким тогда, когда, находясь под властью господ, не делается рабом. Потому (апостол) и повелевает оставаться в рабстве. Если бы рабу невозможно было быть христианином, каким следует быть, то язычники обвиняли бы благочестие в большой немощи; но узнав, что рабство несколько не препятствует благочестию, они удивятся проповеди. Подлинно, если нам не причиняют вреда ни смерть, ни бичевания, ни узы, то тем более рабство; если огонь, железо, тысячи насилий, болезни, бедность, дикие звери и другие жесточайшие и бесчисленные бедствия не причинили вреда верующим, а еще сделали их и сильнейшими, то как может повредить им рабство? Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное – рабство греху. Если ты не подвергся ему, то дерзай и радуйся; тебе никто не может причинить никакого зла, потому что ты чужд рабства в душе своей. Если же ты подвергся ему, то, хотя бы ты был тысячекратно свободен, свобода не принесет тебе никакой пользы. Что пользы, скажи мне, если ты человеку не служишь, а страстям раболепствуешь? Люди часто умеют и щадить, а эти властители никогда не насыщаются твоими бедствиями. Ты служишь человеку? Но и тебе служит господин; он доставляет тебе пропитание, заботится о твоём здоровье, одежде, обуви и о всем прочем; не столько ты боишься оскорбить господина, сколько он беспокоится, чтоб ты не терпел недостатка в необходимом. Но он возлежит, а ты стоишь? Что ж из этого? Это случается не только с ним, но и с тобой. Часто, когда ты лежишь и сладко спишь, он не только стоит, но и терпит множество неприятностей на торжище и лишается сна хуже тебя. Что же? Потерпел ли Иосиф от госпожи что-нибудь такое, что потерпела она от своей страсти? Он не исполнил того, к чему она хотела принудить его, а она исполнила все, что повелевала ей госпожа ее, т.е. похоть, которая не прежде отстала от нее, пока довела ее до посрамления. Какой господин, какой жестокий тиран даст такие приказания? Проси, говорит, своего раба, умоляй пленника, прельщай невольника; если он отвергнет тебя, снова приступай; если, несмотря на частые твои предложения, он не изъявит согласия, найди уединенное место, употреби насилие и предай себя посмеянию. Что бесчестнее, что постыднее таких внушений? Если же ты и после того не будешь иметь успеха, то оклеветай его и обмани мужа. Какие низкие, какие

постыдные приказания, какие жестокие, бесчеловечные и безумные! Повелевает ли какой-нибудь господин то, что повелевала тогда похоть этой женщине – царице? И она не смела послушаться. С Иосифом ничего такого не было, напротив все послужило к его славе и чести. Хочешь ли видеть и другого мужа, который получил множество приказаний от жестокой госпожи, и не смел послушаться?

Припомни Каина, как им овладела зависть. Она повелела ему убить брата, солгать пред Богом, огорчить отца, оказаться бесстыдным, и он сделал все и не послушался ни в чем. Но удивительно ли, что над одним (человеком) эта госпожа имела такую силу? Она часто погубляла целые народы. Так жены мадиамские едва не пленили и не поработили иудеев, прельщая всех их своей красотой (Числ.25). От такого рабства и предохраняет Павел, когда говорит: **"не делайтесь рабами человеков"**, т.е. не повинуйтесь людям, когда они повелевают что-нибудь постыдное, и даже самим себе. Таким образом очистив и возвысив ум слушателей, он говорит далее: **"относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным"** (1Кор.7:25). Продолжая речь, он постепенно доходит наконец и до девства; научив и вразумив их (коринфян) беседой о воздержании, он переходит к высшему предмету и говорит: не имею повеления, но **"за лучшее признаю"** (ст.26). Почему? По той же причине, какую он привел в беседе о воздержании. **"Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены"** (ст.27). Эти слова не противоречат прежним, но совершенно согласны. Там он говорил: **"разве по согласию"**; и здесь говорит: **"соединен ли ты с женой? не ищи развода"**. Одно не противоречит другому, потому что совершаемое против воли есть расторжение; а если оба (муж и жена) воздерживаются по согласию, это – не расторжение.

б. Чтобы сказанное не было принято как закон, (апостол) присовокупляет: **"впрочем, если и женишься, не согрешишь"** (ст.28). Далее ссылается на обстоятельства, настоящую нужду, стеснительное время и скорбь. Брак сопровождается многими затруднениями, на которые он и указывает как здесь, так и в беседе о воздержании. Там он говорил: жена не владеет собою; а здесь говорит: **"соединен ты"**. **"И если девица выйдет замуж, не согрешит"**: понимает не деву, избравшую девство; такая (вступая в брак) грешит. Если осуждаются вдовы, которые, однажды решившись оставаться во вдовстве, вступают во второй брак, то тем более девы. **"Но таковые будут иметь скорби по плоти"**. Но, скажешь, вместе и удовольствие. И это, смотри, как (Павел) ограничил краткостью времени: **"время"**, говорит, **"уже коротко"** (ст.29), т.е. нам заповедано уже идти отсюда и готовиться к исходу, а ты стремишься внутрь. Если бы брак не сопровождался никакими скорбями, и в таком случае надлежало бы стремиться к будущему; если же он сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость принимать на себя такое бремя, которое и приняв должно нести так, как бы не приняв? **"Так что имеющие жен"**, говорит, **"должны быть, как не имеющие"**. Сказав нечто о будущем, далее он опять обращается к настоящему, – именно: духовное, что одна заботится о делах мужа, другая же о делах Божиих (ст.34); а житейское, что **"хочу, чтобы вы были без забот"** (ст.32). Впрочем и это он предоставляет на их волю. Кто, указав достойное избрания, снова понуждает к этому, тот как бы не доверяет собственным словам; (а Павел) самой уступчивостью еще более побуждает и склоняет: **"говорю это"**, говорит, **"для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно[3] и непрестанно служили"** (ст.35). Пусть девы слышат, что не этим определяется девство: та, которая заботится о мирском, не есть благообразная дева. Сказав: Есть разность между замужнею и девицею, (апостол) здесь объясняет, в чем состоит их различие друг от друга. Отличительным признаком девы и не девы он поставляет не брак и не воздержание, а свободу от забот (у одной) и множество забот (у другой). Не сожитие есть зло, а препятствие к любомудрию. **"Если же кто почитает"**

неприличным для своей девицы" (ст.36). Здесь, по-видимому, он говорит о браке, но все направляет к речи о девстве; допуская и второй брак, говорит: **"только о Господе"** (ст.39). Что значит: о Господе? С целомудрием, с честностью. Эти добродетели везде нужны, и о них должно заботиться; иначе невозможно узреть Бога, Если мы не будем теперь распространяться о девстве, пусть никто не обвиняет нас в лени. Об этом предмете нами составлена целая книга, в которой мы изложили все с возможной точностью, и потому считаем излишним опять повторять здесь то же самое. Отсылая туда слушателя, скажем здесь только, что должно соблюдать воздержание: **"старайтесь иметь мир"**, говорит (апостол), **"и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр.12:14). Итак, чтобы нам удостоиться узреть Бога, будем, в девстве ли, в первом ли браке, или во втором, преуспевать в этой добродетели, и мы сподобимся царствия небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1]Гр. "μη αποστερειτε αλληλους"= не лишайте(себя) друг друга

[2]Гр. χωρισθηαι="разлучаться" – Златоуст, очевидно, понимает под этим не формальный развод, а прекращение брачного общения

[3] Гр. ευσχημων=благообразно

БЕСЕДА 20

"О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмеает, а любовь назидает" (1Кор.8:1).

1. Нужно наперед сказать, что здесь имеет в виду (апостол), тогда и будет понятна нам речь его. Кто видит кого-нибудь обвиняемым и не узнает наперед свойства вины его, тот не может понять сказанного. В чем же (апостол) обвиняет здесь коринфян? В преступлении великом и причинявшем множество зол. В каком же именно? Многие из них, зная, что **"не входящее оскверняет человека, а исходящее"** (Мф.15:17-18), и что идолы, т.е. деревья, камни, демоны, не могут ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знание неблагоразумно, ко вреду другим и себе. Они входили в капища, участвовали там в трапезах, и таким образом производили большую гибель. Те, которые еще боялись идолов, не научились презирать их и принимали участие в этого рода вечерях, видя, что и совершеннейшие делают то же, получали от того великий вред (так как они касались предлагаемого не с таким расположением, с каким совершенные, но как идоложертвенного, чем и поддерживалось идолослужение); вместе с тем и сами совершенные впадали в немаловажный грех, пользуясь бесовскими трапезами. Вот в чем состояла вина (коринфян)! Блаженный (апостол), желая исправить это, не вдруг употребляет слова обличения; происходившее у них было следствием более неразумия, нежели развращения, а потому нужно было вначале употребить более увещание, нежели сильное и гневное обличение. И смотри, с каким благоразумием он тотчас же начинает увещание. **"О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание"**. Оставив слабых, как он всегда делает, наперед обращает речь свою к сильным. То же самое он делает и в послании к Римлянам, когда говорит: **"а ты что осуждаешь брата твоего?"** (14:10). Такой (человек) удобнее может принять внушение. Также он поступает и здесь: сперва низлагает гордость их, замечая, что совершенное знание, которое они считали своим особенным преимуществом, принадлежит всем вообще. **"Мы знаем"**,

говорит, **"потому что мы все имеем знание"**. Если бы он оставил без внимания их высокомерие и стал наперед доказывать, что поведение их причиняет вред другим, то не столько принес бы пользы, сколько повредил бы. Душа честолюбивая, гордясь чем-нибудь, хотя это и соединено со вредом для других, не смиряется, пока тщеславие владеет ею. Потому Павел наперед раскрывает дело само по себе, как он прежде поступил и с мирской мудростью, когда решительно отвергал ее. Но там он справедливо мог поступить так, потому что все в ней было достойно полного осуждения и весьма легко было доказать, что она не только излишня, но и противна проповеди. А здесь нельзя было поступить так же, потому что предметом речи было знание и притом совершенное знание. Отвергать это знание было не безопасно, а с другой стороны нельзя было иначе низложить гордость, которая происходила отсюда. Что же он делает? Показывает наперед, что то (знание) принадлежит всем вообще, и тем смиряет гордость их, потому что обладающие чем-нибудь великим и прекрасным, обладая одни, более превозносятся, а когда обнаружат, что и другие имеют то же самое, то уже не столько превозносятся. Потому, во-первых, он обобщает то, что коринфяне присвоили себе одним; и обобщив, не представляет себя самого участником знания, чтобы они оттого не возгордились еще более, потому что как имеющий что-нибудь один превозносится, так превозносится и тот, у кого один или два соучастника из людей знатных. Потому он не указывает на себя самого, а на всех; не говорит: и я имею знание, но: **"мы знаем, потому что мы все имеем знание"**. Таким образом, этим первым доводом он сильно поразил их гордость, а вторым еще сильнее. Каким же? Тем, что самое знание не только не полно, но и весьма не совершенно, и не только не совершенно, но и вредно, если с ним не будет соединено нечто другое. Сказав: **"потому что мы все имеем знание"**, он присовокупляет: **"но знание надмевает, а любовь назидает"**; если знание не соединено с любовью, то оно производит гордость. Но, скажешь, и любовь без знания не приносит никакой пользы. Не об этом он говорит; оставляя это, как всем известное, он доказывает, что знание имеет великую нужду в любви. Кто любит, тот, как исполняющий главнейшую из всех заповедей, хотя бы и имел какие-нибудь недостатки, при помощи любви скоро может приобрести знание, подобно Корнилию и многим другим; а кто имеет знание, не имея любви, тот не только ничего не приобретет, но часто теряет и то, что имеет, впадая в гордость. Таким образом знание не производит любви, а напротив удаляет ее от человека невнимательного, порождая в нем гордость и надменность. Гордость производит разделения; а любовь соединяет и ведет к знанию. Это выражает (апостол), когда говорит: **"но кто любит Бога, тому дано знание от Него"** (ст.3). Я не запрещаю, говорит, иметь совершенное знание, но заповедую иметь его вместе с любовью; (иначе) оно не только бесполезно, но даже вредно.

2. Видишь ли, как он уже предначинает речь о любви? Так как все зло происходило не от совершенного знания, а от недостатка любви и снисхождения к ближним; так как от этого происходили у них разделения, надменность и все прочее, в чем он обличал их и прежде и после, – то он непрестанно старается внушить им (любовь, как) источник благ. Что вы, говорит, гордитесь знанием? Если не будете иметь любви, то оно принесет вам вред, – ведь что хуже гордости? Если же будете иметь любовь, то и знание будет надежно; когда знаешь более ближнего и любишь его, то не станешь превозноситься, но и ему сообщишь то же. Потому сказав: **"знание надмевает"**, он присовокупляет: **"а любовь назидает"**. Не сказал: смиряет, а выразил нечто гораздо важнейшее и полезнейшее; знание не только надмевает, но и производит разделение, – потому противопоставил одно другому. Далее представляет и третий (довод), который мог смирить их. Какой же? Тот, что наше знание, хотя бы и соединено было с любовью, однако и тогда несовершенно: **"кто думает"**, продолжает он, **"что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать"** (ст.2). Сильный довод! Я уже не говорю, внушает он, что знание принадлежит всем вообще; не говорю, что, ненавидя ближнего и надмеваясь, ты причиняешь великий вред

себе самому; хотя бы ты один владел знанием, хотя бы не гордился, хотя бы и любил брата, – и в таком случае знание твое несовершенно, потому что ты еще не знаешь ничего, как должно знать. Если же мы ни о чем не имеем точного познания, то как некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто они со всей точностью знают Бога? Хотя бы мы имели точное познание обо всем другом, и тогда не можем иметь такого познания (о Боге), потому что невозможно выразить, как велико расстояние между Ним и всем прочим. И смотри, как он низложил гордость их. Не сказал: вы не имеете надлежащего познания о предложенных (предметах), но – обо всем вообще; не сказал: вы, но: всякий, Петр ли, Павел, или кто бы то ни было. Этим он превосходно и утешил и смирил их. **"Но кто любит Бога, тому дано знание от Него[1]"** – не сказал: познал Его, но: познан Им (ст.3), потому что не мы познали Бога, а Он познал нас. Потому и Христос говорит: **"не вы Меня избрали, а Я вас избрал"** (Ин.15:16). И Павел в другом месте: **"тогда познаю, подобно как я познан"** (1Кор.13:12). Заметь же, сколькими доводами он низложил гордость их: во-первых, показал, что не одни они знают то, что знают: **"все мы"**, говорит, **"имеем знание"**, во-вторых, – что знание без любви вредно: разум, говорит, кичит; в-третьих, – что и соединенное с любовью не бывает полно и совершенно: **"кто думает"**, говорит, **"что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать"** притом, это (знание) они имеют не от себя, а от Бога, даровавшего им, потому что не сказал: познал Бога, но: познан Им; и еще, это (знание) зависит от любви, которой они не имеют столько, сколько нужно: **"но кто"**, говорит, **"любит Бога, тому дано знание от Него"**. Смирив таким образом гордость их, он начинает излагать учение и говорит: **"итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого"** (ст.4). Смотри, в каком он находился затруднении. Он хочет доказать два предмета, и то, что надобно воздерживаться от такой трапезы, и то, что она не может вредить вкушающим от нее; эти предметы не совсем согласуются между собой. Слыша, что (идольские жертвы) не причиняют вреда, (коринфяне) могли пользоваться ими, как безразличными; а слыша запрещение прикасаться к ним, они могли подозревать, что эти вещи запрещены потому, что могут вредить. Потому, опровергнув понятие об идолах, первой причиной воздержания он поставляет соблазн братий. **"Итак об употреблении"**, говорит, **"в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто"**. Опять обобщает это знание, не усвоет его им одним, а приписывает всей вселенной. Не у вас только, говорит, но по всей земле известно это учение. Какое? **"Что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого"**. Но разве нет идолов? Разве нет кумиров? Есть; но они не имеют никакой силы, и не боги, а камни и демоны. Он обращается теперь к людям двоякого рода, более грубым и более любящим рассуждать; одни не видят в идолах ничего, кроме камней, а другие полагают, что в них живут некоторые силы, которые и называют богами. Первым он говорит: **"идол в мире ничто"**; а последним: **"нет иного Бога, кроме Единого"**.

3. Видишь ли, как он излагает это учение не просто, а приспособительно к язычникам? И везде надобно смотреть, безотносительно ли он говорит что-нибудь, или относительно к кому-нибудь. Это немало может способствовать нам как точному познанию учения и к уразумению сказанного. **"Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им"** (ст.5-6). Так как он сказал, что идол – ничто и нет [другого Бога, а между тем были и идолы и так называемые боги, то, чтобы не подумали, что он отвергает очевидное, присовокупляет: **"ибо хотя и есть так называемые боги"**: хотя и есть (боги), не просто (боги), а так называемые, т.е. не действительно существующие, а только так называемые. **"Или на небе, или на земле"**. На небе разумеет солнце, луну и остальной хор светил, потому что язычники поклонялись и им; а на земле – бесов и всех обоготворенных людей. **"Но у нас один Бог Отец"**. Прежде не употребил слова: Отец, когда сказал: **"нет иного"**

Бога, кроме Единого"; А теперь, когда решительно отверг их (языческих богов), прибавляет и это слово. Потом приводит важнейшее доказательство божества, именно: **"из Которого все"**. Отсюда видно, что эти (идолы) – не боги: **"боги"**, говорит (Писание), **"которые не сотворили неба и земли, исчезнут"** (Иер.10:11). Далее предлагает и другое не менее важное (доказательство): **"и мы для Него"**. Словами: **"из Которого все"** он указывает на сотворение и приведение из небытия в бытие; а словами: **"и мы для Него"** указывает на веру и соединение с Ним, как он говорил и выше: **"от Него и вы во Христе Иисусе"** (1:30). Мы от Него двояким образом: по бытию и по вере, которая также есть творение, как он говорит в другом месте: **"дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека"** (Еф.2:15). **"И один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им"**. Сказанное надобно опять разуместь и о Христе; чрез Него род человеческий приведен и из небытия в бытие, и от заблуждения к истине, так что выражение: **"Которым"**[2] не значит – без Христа; мы сотворены Им чрез Христа. Самые названия, употребленные апостолом, не надобно разуместь так, будто бы исключительно принадлежали – Сыну название Господь, а Отцу название Бог. В Писании часто употребляется одно вместо другого, например, когда говорится: **"сказал Господь Господу моему"** (Пс.109:1); и еще: **"посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой"** (Пс.44:8); и еще: **"от них Христос по плоти, сущий над всем Бог"** (Рим.9:5). И во многих других местах эти названия употребляются одно вместо другого. Если бы каждое из них исключительно принадлежало одному Лицу, если бы Сын не был Богом и таким Богом, как Отец, а был бы только Сыном, то Павел, сказав: но нам один Бог, напрасно прибавил бы слово: Отец, для означения Нерожденного, потому что для этого достаточно было бы сказать слово: Бог, если бы оно принадлежало Ему одному. Не только это, но и другое еще можно сказать. Если же бы ты сказал, что Бог назван единым, а следовательно имя Бога не свойственно Сыну, то смотри: и о Сыне сказано то же самое; и Сын назван единым Господом; однако мы не говорим, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Потому, какое значение имеет слово: один по отношению к Сыну, такое же и по отношению к Отцу; как то, что Сын называется одним Господом, не препятствует Отцу быть Господом и таким же Господом, как Сын, так и то, что Отец называется одним Богом, не препятствует Сыну быть Богом и таким же Богом, как Отец. Если же кто спросит: почему (апостол) не упомянул о Духе? – то мы ответим: потому, что он говорил к идолослужителям и опровергал их учение о множестве богов и множестве господ. Потому Он и назвал Отца Богом, а Сына Господом. Если же он не решился здесь назвать Господом Отца вместе с Сыном, чтобы не думали, что он признает двух Господ, равно назвать Богом Сына вместе с Отцом, чтобы не подумали, что он признает двух Богов, то удивительно ли, что он не упомянул о Духе? Он здесь имел в виду язычников и доказывал, что мы не признаем многобожия; потому и повторяет часто слово: один: **"нет"**, говорит, **"иного Бога, кроме Единого"**, и: **"нам один Бог и один Господь"**. Отсюда видно, что он, из снисхождения к немощи слушателей, употребил такой образ речи и из-за этого не упомянул о Духе. А если бы не так, то и в других местах не следовало бы упоминать о Духе и поставлять Его наравне с Отцом и Сыном. Если бы (Дух) не был равен Отцу и Сыну, то особенно не следовало бы поставлять Его наравне (с Ними) в крещении, в котором преимущественно открывается достоинство Божества и сообщаются такие дары, которые сообщать свойственно одному Богу.

4. Таким образом я показал причину, почему здесь умолчано (о Духе). Если же не так, то ты скажи: почему Он поставляется наравне (с Отцом и Сыном) в крещении? Не можешь указать другой причины, кроме той, что Они равночестны. Потому (и Павел), когда нет подобной надобности, смотри, как поставляет Их вместе, говоря: **"благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами"** (2Кор.13:13). И еще: **"дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же"** (1Кор.12:4-6). А здесь он обращает речь к язычникам, и притом к слабейшим из язычников, и потому пока

умалчивает (о Духе). То же делают и пророки по отношению к Сыну: они нигде ясно не упоминают о Нем по немощи слушателей. **"Но не у всех знание"**, продолжает (апостол) (ст.7). Какое знание? О Боге или о жертвах идольских? Здесь он указывает или на язычников, которые признавали многих богов и господ и не знали Бога истинного, или на слабейших из братьев[3], которые еще не сознавали ясно, что не должно бояться идолов и что **"идол в мире ничто"**. Этими словами он слегка утешает и ободряет их, так как здесь не следовало высказывать всего, особенно потому, что он намеревался после с большой силой вразумлять их.

"Некоторые и донныне с совестью, [признающею] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется". Еще донныне, говорит, бояться идолов. Не указывай мне на настоящее состояние, в котором ты находишься, приняв благочестие от предков, но обратись мыслью к тем временам, когда лишь только началась проповедь, когда еще господствовало нечестие, курились жертвенники, совершали жертвоприношения и возлияния, когда еще было весьма много язычников, и представь, что должны были чувствовать те, которые наследовали нечестие от предков, произошли от таких отцов, дедов и прадедов, терпели от злых духов множество зол, и лишь только обратились в христианство, – как они должны были страшиться и трепетать козней диавола. Их и разумеет (апостол), когда говорит: **"некоторые и донныне с совестью, [признающею] идолов"**, не называет их прямо, чтобы не оскорбить их, и не совсем умалчивает, а упоминает о них неопределенно: **"некоторые"**, говорит, **"и донныне с совестью, [признающею] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские"**, т.е. с такими же мыслями, с какими ели прежде. **"И совесть их, будучи немощна, оскверняется"**, потому что еще не может считать за ничто и совершенно презирать этих жертв, но остается еще в сомнении. Как если бы кто, прикасаясь к мертвецу, считал это осквернением для себя, по иудейскому образу мыслей, а потом видя, что другие с чистой совестью прикасаются к нему, и касаясь не с той же самой мыслью, осквернился бы, так было тогда и с ними (коринфянами). **"Некоторые и донныне с совестью, [признающею] идолов"**. Не напрасно сказал: даже донныне, но чтобы показать, что без снисходительности (к ближним) нисколько не получается пользы, и что следует вразумлять их не так, а иначе, например, словом и учением. **"И совесть их, будучи немощна, оскверняется"**. Доселе не говорит еще о сущности дела, а только всячески обращает внимание на совесть вкушающего, опасаясь, чтобы, исправляя слабого, не оскорбить сильного и не сделать его также слабым; равно щадит того и другого; даже не допускает их и помыслить что-нибудь такое, но пространно раскрывает свою мысль, чтобы не родилось какое-нибудь недоумение. **"Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем"** (ст.8). Видишь ли, как он опять низлагает гордость их? Сказав, что не только они, но и **"все мы имеем знание"**, что никто **"ничего еще не знает так, как должно знать"**, и что **"знание надмевает"**, потом, утешив их словами, что **"не у всех знание"** и что иные есквернятся по немощи, и (предупреждая), чтобы они не сказали: какое нам дело, что не все имеют такое знание? – а почему такой-то не имеет знания? – почему он немощен? – чтобы они не возразили в этом смысле, (апостол) не прямо переходит к заключению, что надобно воздерживаться (от жертв идольских), чтобы не причинить вреда ближнему, но, предварительную только указав на это, внушает нечто более важное. Что же такое? То, что хотя бы (невоздержание) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближнего, – и в таком случае не должно этого делать, потому что это было бы дело бесполезное. Кто знает, что какое-нибудь дело, хотя причиняет вред другому, но ему самому приносит пользу, тот не скоро оставит его, но скорее оставит тогда, когда убедится, что и он сам не получит от того никакой пользы. Потому он наперед и говорит: **"пища не приближает нас к Богу"**. Видишь ли, как он унижает то, что по-видимому происходило от совершенного знания? **"Ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем"**, т.е. заслуживаем

благоволения Божия, как бы сделав что-нибудь доброе и великое; **"не едим ли, ничего не теряем"**, т.е. не получаем какой-нибудь урон.

5. Таким образом доселе он доказывал, что (ядение жертв идольских) излишне и ничтожно, так как что не приносит пользы, когда есть, и не вредит, когда нет, то излишне. Далее показывает весь происходящий от того вред, и наперед вред для братии. **"Берегитесь однако же"**, говорит, **"чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных"** (ст.9). Не сказал: власть ваша служит преткновением, не выразил этого положительно, чтобы они не сделались более бесстыдными, – но как? Берегитесь, говорит, возбуждая в них опасение, стыд и решимость не делать этого. Не сказал: это знание ваше, или: совершенство ваше, что означало бы больше похвалу, но: свобода, чем выражалось более их бесстыдство, дерзость и гордость. Не сказал: братьям, а: немощным из братий, увеличивая виновность их тем, что они не щадят даже немощных, и притом братий. Ты не исправляешь и не поднимаешь брата, – пусть будет так; но для чего поставляешь ему препятствие и доводишь его до падения, тогда как надлежало бы подать руку? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мере не повергай же его. Если он порочен, то имеет нужду в исправлении; а если немощен, то ему нужно врачевание. Между тем он не только немощен, но и брат твой. **"Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?"** (ст.10). Сказав: блюдите, да не како власть ваша сия преткновение будет, он объясняет, как и каким образом это бывает. Постоянно указывает на немощь, чтобы не подумали, что вред происходит от свойства самого дела, и чтобы демоны не представлялись страшными. Теперь, говорит, (брат твой) близок к тому, чтобы совершенно оставить идолов; но когда он видит, что ты охотно ходишь к ним, то принимает это за руководство для себя и сам делает то же. Таким образом соблазн происходит не только от его немощи, но и от твоего неблагоразумия; ты делаешь его еще более немощным. **"И от" ядения[4] (βρώσει) "твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос"** (ст.11). Наносимый тобою вред непростителен по двум причинам: потому, что ближний твой немощен, и потому, что он брат твой: но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христос не отказался умереть за него, а ты не хочешь даже оказать ему снисхождения. Этими словами (апостол) напоминает совершенному, чем он сам был прежде, и что Христос умер за него. Не говорит: за которого тебе надлежало бы умереть, но гораздо сильнее: **"за которого умер Христос"**. Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого внимания, не хочешь для него воздержаться даже от нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть после того, как таким образом совершено его спасение, и, что всего тяжелее, из-за пищи. Не сказал: от твоего совершенства, или: от твоего знания, но: от твоей пищи. Итак, здесь четыре вины, и весьма важные, именно: твой брат, немощный, столь любезный Христу, что Он даже умер за него, и притом из-за пищи подвергается гибели. **"А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа"** (ст.12). Видишь ли, как постепенно и мало-по-малу он доказал, что вина их есть самое тяжкое преступление? И здесь опять упоминает о немощи их (соблазняемых), обращая везде на собственную голову их (соблазняющих) то, что они приводили в свое оправдание. Не сказал: соблазняя, но: уязвляя[5], чтобы таким выразительным словом показать жестокость их. В самом деле, кто может быть жесточе человека, который бьет больного? А соблазн тяжелее всякого удара; он нередко причинял даже смерть. Но почему соблазняющие грешат против Христа? Во-первых, потому, что касающиеся рабов Его Он усвоит Себе; во-вторых, подвергающиеся биению составляют тело Его и члены Его; в-третьих, они (биющие), по гордости своей, разрушают дело, которое Он совершил Своей смертью. **"И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек"** (ст.13). Поступает, как отличный наставник, доказывая собственным примером то, чему учит. Не говорит: будет ли это справедливо, или

несправедливо, но как бы то ни было. Я уже не говорю, продолжает он, об идольских жертвах, которые непозволительны и по другой причине; но если соблазняет (брата моего) что-нибудь, зависящее от моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и от этого, не один и не два дня, а во всю мою жизнь. **"Не буду есть мяса вовек"**. Не сказал далее: да не погублю брата, но только: да не соблазню. Подлинно, крайне безумно тех, о которых Христос так печется, что благоволил умереть за них, считать столь презренными, чтобы не воздерживаться для них даже от пищи. Это не только относится к ним (коринфянам), но уместно сказать и к нам, которые пренебрегаем спасением ближних и произносим такие же сатанинские слова. Ведь говорить: какое мне дело, что такой-то соблазняется и такой-то погибает? – это поистине сатанинская жестокость и бесчеловечие. Тогда соблазн происходил по крайней мере от немощи соблазнявшихся, а у нас не так; мы совершаем такие грехи, которые соблазняют даже сильных. Так, когда мы бьем, грабим, лихоимствуем и с людьми свободными поступаем, как с невольниками, то кого это не может соблазнить? Не говори, что такой-то – сапожник, другой – красильщик, третий – медник; но подумай о том, что он – верующий и брат. Мы – ученики рыбаей, мытарей, скинотворцев, ученики Того, Который воспитывался в доме плотника и обрученную Невесту его удостоил избрать Своей Матерью, возлежал в яслях повитый пеленами, не имел где цреклонить главу, ходил пешком до того, что утомлялся на пути, и получал пропитание от других.

6. Представляй все это и не считай ни за что великолепие человеческое. Признавай своим братом и скинотворца и того, кто ездит на колеснице, имеет множество слуг и величается на торжище, даже первого более, нежели последнего. Ведь справедливее называть братом того, в ком видно более сходства. А кто более подобен рыбалям? Тот ли, кто снискивает себе пропитание ежедневными трудами, не имеет ни слуги, ни собственного жилища, и во всем нуждается, или тот, кто окружен таким великолепием и поступает вопреки заповедям Божиим? Не презирай же того, кто более брат, кто ближе стоит к апостольскому образу. Но, скажешь, он таков не добровольно, а по необходимости; он живет так не по своей воле. Откуда это (известно)? Разве ты не слышал: **"не судите, да не судимы будете"** (Мф.7:1)? А чтобы убедиться, что он таков не против воли, поди, предложи ему тысячи талантов золота, и увидишь, что он отвергнет их. Если же он и от предков не получил богатства и, когда можно получить, не ищет его и не привязывается к имуществу, то весьма ясно, что он презирает богатство. Так и Иоанн Зеведеев был сын весьма бедного человека; но отсюда еще не следует, что бедность его была невольная. Потому, когда увидишь дровосека, или кузнеца, покрытого сажей, не презирай его за это, а окажи ему за это почтение. Петр также препоясывался, брал в руки невод и ловил рыбу, даже и после воскресения Господа. И что я говорю о Петре? Сам Павел, по совершении столь многих путешествий и столь многих чудес, жил в мастерской скинотворца и сшивал кожи; его чтили ангелы и трепетали бесы, а он не стыдился говорить: **"нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии"** (Деян.20:34). И что я говорю: не стыдился? Даже хвалился этим. Кто же, скажешь, ныне равен в добродетели Павлу? Знаю, что – никто; но из-за этого и нынешних бедных не следует презирать. Хотя бы кто из них был самый последний, но только верующий, он достоин почтения для Христа. Так, если бы пришли к тебе военачальник и простой воин, оба приближенные к царю, и ты для них обоих открыл бы дом свой, то в лице которого из них ты более показал бы почтения к царю? Очевидно, что в лице воина, так как военачальник и без близости к царю имеет много такого, что может побудить тебя оказать ему честь; а простой воин не имеет ничего другого, кроме близости к царю. Бог потому и заповедал нам призывать на вечера и пиршества хромых, увечных и не имеющих возможности воздать нам с своей стороны (Лк.14:13), что такие благодеяния преимущественно и в собственном смысле совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человека великого и знатного, то твое пожертвование не есть чистая милостыня, но часто примешивается к тому и тщеславие,

надежда получить что-нибудь и прославиться чрез него пред другими. Я мог бы указать на многих, которые для того благодетельствуют известнейшим из святых, чтобы чрез них получить большую доверенность в глазах начальников и чрез то привести в лучшее состояние свои обстоятельства и семейные дела, и даже испрашивают себе у святых многих подобных милостей, что и уменьшает цену их благодеяний, совершаемых с такой целью. Но для чего говорить о святых? Вообще, кто ищет от Бога воздаяний за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, тот гораздо более достоин воздаяния, подобно Лазарю, который получил все блага там, – подобно трем отрокам, которые, готовясь быть вверженными в печь, говорили: **"Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся"** (Дан.3:17-18), – подобно Аврааму, который возвел на гору сына своего и хотел заклать его, делая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшей и единственной для себя наградой повиноваться Владыке. Будем и мы подражать им. Если мы станем делать все с таким расположением, то получим в воздаяние изобильные блага и удостоимся блистательных венцов, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1]Гр. οὗτος εὐγνώσται πλ' αὐτοῦ = "тот познан Им", как и в слав. "познан бысть от Него"

[2]Гр. "δι' οὗ" может означать и "через которого", и "без которого"

[3] Здесь в оригинале "из язычников": очевидно, опечатка.

[4]В Библии: "знания"

[5]Гр. τῶντοντες от τῶνω = бить, ранить

БЕСЕДА 21

"Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?" (1Кор.9:1).

1. Выраженного в словах: **"если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек"**, (апостол) еще не сделал, а только изъявил готовность сделать это, если потребует нужда. Потому, чтобы кто-нибудь не сказал: "ты только хвалишься, показываешь любомудрие на словах и обещаешь, – что легко и для меня и для всякого другого, – если же говоришь от души, то покажи на деле, от чего ты отказался, чтобы не соблазнить брата", он находит нужным объяснить это и показать, как он воздерживался даже от позволенного, чтобы не соблазнить кого-нибудь, тогда как никакой закон не принуждал его к тому. Не то только удивительно, – хотя и это само по себе удивительно, – что он воздерживался от позволенного, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался с великим трудом и среди опасностей. Для чего, говорит, толковать об идольских жертвах? Христос заповедал проповедникам евангелия получать содержание от поучаемых, но я не делал и этого, а решил, в случае нужды, мучиться голодом и подвергнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать от поучаемых, не потому, чтобы они соблазнились, если бы я взял что-нибудь, но чтобы они назидались, что гораздо важнее. И

свидетелями этого представляет их самих, у которых он работал, терпел голод, получал пропитание от других и находился в стеснительном положении, чтобы не соблазнить их, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дело законное: так много он щадил их! Если же он сам поступал выше закона, чтобы не подать повода к соблазну, и воздерживался от позволенного в назидание другим, то чего достойны они, не воздерживаясь от идольских жертв, тогда как много от того погибают, и притом тогда, как и без соблазна следовало бы воздерживаться потому, что это бесовская трапеза? Вот главное содержание следующих многих стихов. Но надобно возвратиться к ранее предложенному, потому что, как я сказал, он изложил это не совсем ясно и высказал не вдруг, а начал издали. **"Не апостол ли я?"** – говорит он, – так как, кроме сказанного, и то немаловажно, что это делал Павел. Чтобы (коринфяне) не сказали, что можно есть идоложертвенное, оградив себя крестным знамением, он сначала не опровергает этого и говорит, что, хотя бы и можно было, не должно делать для избежания соблазна братий: а потом показывает, что и не можно. Первое доказывает собственным примером; и намереваясь говорить о том, что ничего не брал от них, не вдруг высказывает это, а говорит прежде о своем достоинстве: **"не Апостол ли я? Не свободен ли я?"** Чтобы они не сказали: если ты не брал, то не брал потому, что нельзя было брать, – для этого он сперва излагает причины, по которым справедливо мог брать, если бы хотел.

Далее, чтобы не подумали, что он говорит это в укоризну спутникам Петра, которые брали, доказывает наперед, что им можно было брать. Потом, чтобы не сказали: Петру можно было брать, а тебе нельзя, – предупреждает это похвалами самому себе. Видя, что ему предстоит необходимость хвалить самого себя, – а таким образом и можно было исправить коринфян, – и не желая говорить о себе много, смотри, как мудро он исполняет то и другое, похваляя себя не столько, сколько сознавал в себе, но сколько требовало настоящее дело. Он мог бы сказать: мне преимущественно пред всеми следует брать и более других, потому что я более их потрудился; но не указывает на такое свое преимущество, а говорит только о том, чем и другие отличались и почему они имели право брать: **"не Апостол ли я?"**, говорит, **"Не свободен ли я?"**, т.е. не имею ли я власти над собою? Разве кто имеет власть останавливать меня или запрещать мне брать? Правда, другие имели то преимущество, что они были со Христом: но, говорит, и я не лишен этого: **"не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?"** **"А после всех"**, говорит он (в другом месте), **"явился и мне, как некоему извергу"** (1Кор.15:8). А это также немаловажно. **"Ибо многие"**, сказал (Господь), **"пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели"** (Мф.13:17). И еще: **"придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней"** сих (Лк.17:22). Положим, что ты апостол, свободен и видел Христа: но что если ты не совершил апостольского дела, за которое имел бы право брать? В ответ на это он и присовокупляет: **"Не мое ли дело вы в Господе?"** Это весьма важно; без этого и другие преимущества не принесли бы никакой пользы. И Иуда был апостол, и свободен, и видел Христа; но так как он не совершил дела апостольского, то не получил от всего этого никакой пользы. Потому он говорит и об этом и свидетелями представляет их самих. А так как он сказал здесь нечто великое, то, смотри, как определяет это словом: в Господе, т.е. вы – дело Божие, а не мое. **"Если для других я не Апостол, то для вас [Апостол]"** (ст.2).

2. Видишь ли, как он не говорит лишнего? Он мог бы указать на вселенную, на народы варварские, на землю и море: но не высказывает ничего такого, а говорит относительно к ним и побеждает тем сильнее. Какая мне нужда, говорит, распространяться слишком много, когда и этого достаточно для настоящего предмета? Я не говорю о подвигах, совершенных мной у других, а о тех, которых вы сами свидетели: потому, если не от других, то от вас особенно мне можно было брать. Но от кого особенно следовало мне брать, – ведь я был вашим учителем, – и от тех я не брал. **"Если для других я не Апостол,**

то для вас [Апостол]": опять говорит относительно. Он был апостолом вселенной; но я не говорю об этом, продолжает он, не спорю, не настаиваю, а упоминаю о том, что к вам относится. **"Ибо печать моего апостольства – вы"**, т.е. доказательство. Кто хочет убедиться, говорит, в моем апостольстве, тому я указываю на вас. Все, свойственное апостолу, я сделал у вас и ничего не упустил. То же он изъясняет во втором послании: **"хотя я и ничто. Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знаменами, чудесами и силами. Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами"** (2Кор.12:11-13)? Потому и говорит: **"печать моего апостольства – вы"**. У вас я и показывал знаменами, и учил словом, и подвергался опасностям, и проводил безукоризненную жизнь. Все это можно видеть в двух его посланиях к ним, в которых он со всей точностью изъясняет каждый из этих подвигов. **"Вот мое защищение против осуждающих меня"** (ст.3). Что значит: **"вот мое защищение против осуждающих меня"** Для тех, которые хотят знать, почему я апостол, или обвиняют меня, будто я беру деньги, или спрашивают о причине, почему не беру, или стараются доказать, что я не апостол, доказательством и оправданием моим служит ваше научение и то, что я намерен сказать. Что же это такое? **"Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену?"** (ст.4-5). Как же это может служить оправданием? Когда известно, что я воздерживаюсь даже от позволенного, то несправедливо было бы подозревать меня, будто я обманываю, или делаю что-нибудь за деньги. Таким образом и сказанное прежде, и преподанное вам учение, и сказанное теперь достаточно к моему оправданию пред вами, и против всех, осуждающих меня, я неизменно утверждаю как вышесказанное, так и следующее: **"или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену?"** Но несмотря на то, что имею власть, я воздерживаюсь. Неужели же он ни ел, ни пил? Действительно, часто ни ел, ни пил. **"В голоде"**, говорит, **"и жажде, на стуже и в наготе"** мы были (2Кор.11:27). Впрочем здесь он не то понимает, а что? Мы не едим и не пьем на счет учеников, хотя и имеем право брать от них. **"Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?"** Видишь ли мудрость его? Верховного (апостола) он поставляет после; самое сильное доказательство помещает на конце, потому что указание на других, делающих это, не было бы так разительно, как указание на первого (апостола), которому вверены ключи царствия небесного. Впрочем он указывает не на него одного, а на всех, и как бы так говорит: посмотришь ли на низших, или на высших, все они служат примером. Братия Господа, оставившие прежнее неверие, были также достославны, хотя и не равнялись с апостолами; потому он и поставляет их в середине, помещая главных прежде и после них. **"Или один я и Варнава не имеем власти не работать?"** (ст.6). Видишь ли, как душа его смиренномудра и чиста от всякой зависти, как он не умалчивает о том, кто участвовал в трудах его? Если все прочее у нас с ними общее, то почему и этому не быть общим? И те и мы – апостолы, и свободны, и видели Христа, и совершили, что следует апостолам; потому и мы имеем право жить без трудов и получать содержание от учеников. **"Какой воин служит когда-либо на своем содержании?"** (ст.7). Приведя сильнейшее доказательство – пример апостолов – на то, что можно делать это, он теперь, по своему обыкновению, обращается к сравнениям и общепринятым обычаям и говорит: **"какой воин служит на своем содержании?"** Посмотри, как приличны настоящему предмету приводимые им сравнения, и как он упоминает наперед о деле, соединенном с опасностями, – о воинской службе, оружии и войне. Таково и апостольство, и даже гораздо труднее. И у апостолов была брань не только с людьми, но с бесами и с предводителем их. Смысл слов его следующий: если и внешние (языческие) начальники, жестокие и несправедливые, не требуют от воинов, чтобы они шли на войну и подвергались опасностям, и между тем содержали сами себя, то возможно ли, чтобы Христос требовал этого (от апостолов)? И он не довольствуется одним сравнением, – потому что обыкновенно простой и грубый человек скорее

убеждается тогда, когда видит, что общепринятый обычай согласуется с заповедями Божиими.

3. Потому он приводит другое и говорит: **"кто, насадив виноград, не ест плодов его?"** Первым он выразил опасности, а последним труд, великую ревность и усердие. Потом присовокупляет третье сравнение: **"кто"**, говорит, **"пася стадо, не ест молока от стада?"** Этим означает великую заботливость, какую свойственно иметь учителю об учениках. Апостолы были и воины, и земледельцы, и пастыри, имевшие дело не с землей, не с бессловесными животными, не с чувственными врагами, а с разумными душами и с бесовскими ополчениями. Заметь, как он везде соблюдает соразмерность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказал: какой воин служит и не богатеет? но: кто воинствует своими оброки когда? Не сказал: кто насаждает виноград, и не извлекает золота, или не собирает всего плода? но: **"не ест плодов его?"** Не сказал: кто, пася стадо, не продает ягнят? но как? – **"не ест молока от стада?"** Не от ягнят, а от молока, выражая этим, что учитель должен довольствоваться малым утешением и одной только необходимой пищей. Это относится к тем, которые хотят поедать все и собирать все плоды. Так заповедал и Господь, когда сказал: **"трудящийся достоин пропитания"** (τροφῆς) своего (Мф.10:10). И не одно это внушает (апостол) такими сравнениями, а показывает и то, каков должен быть священник. Он должен иметь мужество воина, трудолюбие земледельца и попечительность пастыря, и при всем том не желать ничего, кроме необходимого. Доказав и примером апостолов и сравнениями из жизни, что учителю не запрещено брать, (Павел) приступает к третьему доказательству и говорит: **"по человеческому ли только [рассуждению] я это говорю? Не то же ли говорит и закон?"** (ст.8). Доселе он не приводил ничего из Писаний, а ссылаясь на общепринятый обычай; потому не подумайте, говорит, что я основываюсь на этом одном, и утверждаю заповедь на мнении человеческом; я могу доказать, что так угодно Богу, и привести древний закон, который повелевает то же. Здесь он продолжает речь вопросом, как бывает (в беседе) о чем-нибудь совершенно известном, и говорит: **"по человеческому ли только [рассуждению] я это говорю?"**, т.е. разве я основываюсь только на человеческих обычаях? **"Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего"** (ст.9). Для чего он упоминает об этом, имея пример (иудейских) священников? Чтобы сильнее доказать свою мысль. Потом, чтобы кто не возразил: какое нам дело до того, что сказано о волах? – обстоятельно изъясняет это и говорит: **"о волах ли печется Бог?"**[1] Неужели же, скажи мне, Бог не печется о волах? Печется, но не столько, чтобы поставлять о них особый закон. Если бы Бог не имел в виду чего-нибудь важнейшего, если бы не хотел примером бессловесных научить иудеев человеколюбие и вместе с тем напомнить им об учителях, то не оказал бы такого попечения о волах, чтобы предписывать закон о не заграждении уст их. Отсюда видно и другое, – как велик бывает и должен быть труд учителя, и – еще нечто. Что же такое? То, что сказанное в Ветхом завете касательно попечения о животных преимущественно относится к назиданию людей, равно как и все другое, например, сказанное о разных одеждах, о виноградниках, о семенах, о том, чтобы не засеивать землю разными семенами, о проказе и, можно сказать, обо всем прочем. Так как (слушатели) были люди грубые, то он говорил им так, чтобы возводить их (к разумению) мало-помалу. Впрочем (апостол) не доказывает того, что ясно и очевидно само по себе. Сказав: **"о волах ли печется Бог?"**, продолжает: **"Или, конечно, для нас говорится?"** (ст.10). Не напрасно поставил слово: всяко, но чтобы не подать слушателю повода возразить что-нибудь. Между тем продолжает метафору и говорит: **"так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою"**, т.е. учитель должен получать возмездие за труды, **"и кто молотит, [должен молотить] с надеждою получить ожидаемое"**. Посмотри на мудрость его: от сеяния он переходит к молотье, и тем опять внушает, как велики труды учителей, которые сами и пашут и молотят, и так как пашущий еще не может ничего собирать, а

должен только трудиться, то предоставляет ему надежду; а молотящему предоставляет уже пользование плодами: **"и молотящий"**, говорит, **"с надеждою получает ожидаемое"**.

4. Далее, чтобы кто не сказал: это ли возмездие за такие труды? – он прибавляет: с надеждою, т.е. на будущее. Таким образом закон о незаграждении уст вола означает не что иное, как то, что трудящиеся учителя должны получать вознаграждение. **"Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?"** (ст.11). Вот и четвертое доказательство того, что надобно доставлять (пропитание учителям). Сказав: **"какой воин служит когда-либо на своем содержании?"** – кто насаждает виноград? – кто пасет стадо? – указав на вола молотящего, – он приводит новую основательнейшую причину, почему они имеют право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляют ученикам гораздо важнейшее. Что же значит: еще мы духовная сеяем вам, велико ли, еще мы ваша телесная пожнем? Видишь ли причину справедливейшую и основательнейшую прежних? Там, говорит, вещественные семена и вещественный плод: здесь же не так, но семя духовное, а воздаяние вещественное. Чтобы доставляющие что-нибудь учителям не думали о себе много, он показывает, что они больше получают, нежели дают. Земледельцы, что посеют, то и пожинают; а мы сеем в душах ваших духовное, а пожинаем вещественное, потому что такова доставляемая нам пища. Потом еще более пристыжает их: если, говорит, **"другие имеют у вас власть, не паче ли мы?"** (ст.12). Вот еще иное доказательство, заимствованное также от примеров, только не таких, как прежние: здесь он говорит не о Петре, не об апостолах, а о некоторых лжеучителях, против которых после восстает и о которых говорит: **"когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо"** (2Кор.11:20). Он теперь уже предначинает борьбу с ними, и потому не говорит: если другие берут с вас; но, изображая их дерзость, насилие, корыстолюбие, говорит: **"если другие имеют у вас власть"**, т.е. управляют вами, обладают, поступают с вами, как с рабами, не только берут с вас, но и с великим настоянием и дерзостью. Затем продолжает: не паче ли мы? Этого он не сказал бы, если бы говорил здесь об апостолах; но очевидно, что он намекает на каких-то зловредных людей и оболъстителей. Следовательно, кроме закона Моисеева, вы и сами, говорит, постановили правилом доставлять (содержание учителям). Сказав: не паче ли мы, он не доказывает, почему так, но предоставляет это суду их совести, а вместе с тем желает еще более и утратить их и пристыдить. **"Однако мы не пользовались сею властью"**, т.е. мы не брали. Смотри, после скольких доказательств того, что брать – дело не незаконное, он, наконец, сказал: мы не берем, – чтобы не подумали, что он воздерживается от этого, как от запрещенного. Не потому, говорит, я не беру, что не позволительно; это позволительно, как мы доказали многими примерами – и апостолов, и житейскими, как-то: воина, земледельца, пастыря, законом Моисеевым, самым существом дела, так как **"мы посеяли в вас духовное"**, и наконец тем, что вы сами делаете это в отношении к другим. Но (не пользовались), говорит с одной стороны для того, чтобы не подумали, будто он осуждает апостолов, которые брали, чтобы пристыдить (коринфян) и показать, что он воздерживается от этого, не как от запрещенного; а с другой стороны, чтобы после многих доводов и многих примеров, доказывающих право на получение, не подумали, что он сам хочет брать и с этой целью говорит все это, – он предотвращает и такое подозрение. Впоследствии он выразил это яснее в словах: **"и я написал это не для того, чтобы так было для меня"** (1Кор.9:15); а здесь говорит: **"мы не пользовались сею властью"**. И притом, что еще важнее, никто не может сказать, будто мы не сотворихом потому, что жили в изобилии; нет, и будучи в нужде, мы не уступили нужде. То же он говорит во втором послании: **"другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал"** (2Кор.11:8); также и в настоящем послании: **"терпим голод и жажду, и наготу и побои"** (1Кор.4:11). И здесь опять намекает на то же словами: но вся терпим. Выражение: вся терпим и означает и голод, и великую нужду, и все другие бедствия.

Однако все это, говорит, не принудило нас нарушить закон, который мы сами для себя постановили. Почему? **"Дабы не поставить какой преграды"** (εὔκολῆν – препятствие) **"благовествованию Христову"**. Коринфяне были немощны; потому, говорит, чтобы не соблазнить вас, принимая (мзду) от вас, мы решились лучше делать более, чем сколько заповедано, нежели полагать какую-нибудь преграду благовествованию, т.е. научению вашему. Если же мы не делали даже позволенного нам, тогда как терпели великую нужду и имели в свою пользу пример апостолов, **"дабы не поставить какой преграды"**, – не сказал: уничтожить, но: не поставить преграды, и не просто преграды, но: какой преграды, т.е. чтобы не причинить ни малейшего замедления и остановки в распространении слова; если, говорит, мы показали столько усердия, то тем более следует воздерживаться вам, которые и весьма далеки от апостолов и не можете указать на закон, позволяющий это, а напротив касаетесь запрещенного и причиняющего великий вред, не только что замедление евангельской проповеди, и притом не имеете в виду настоятельной нужды. Все это он сказал тем, которые вкушением идольских жертв соблазняли немощнейших братьев.

5. Слыша это, возлюбленные, не будем и мы презирать соблазняющихся, чтобы не положить какой-нибудь преграды благовествованию Христову и не утратить своего спасения. Если брат соблазняется, не говори мне: то и то, чем он соблазняется, не запрещено, а позволено. Я скажу тебе более: если бы это позволено было самим Христом, а ты видишь, что кто-нибудь соблазняется, то воздержись и не пользуйся позволением. Так поступал и Павел, имевший право брать по дозволению Христову, но не бравший. Человеколюбивый Владыка преподавал заповеди Свои с великой снисходительностью, чтобы мы делали многое не по одному повелению, но и по собственному расположению. Он мог, если бы хотел, увеличить строгость заповедей и сказать: кто не постится всегда, того наказывать; кто не хранит девства, того предавать мучению; кто не раздаст всего имения, того подвергать жестокой казни; однако не сделал этого, предоставив тебе самому, если захочешь, делать более предписанного. Потому, беседуя о девстве, Он сказал: **"кто может вместить, да вместит"** (Мф.19:12); и богатому одно повелел, а другое предоставил собственному его расположению; не сказал: продай имение, но: **"если хочешь быть совершенным, продай"** (Мф.19:21). А мы не только не делаем ничего более предписанного и не простираемся далее заповеданного, но далеко отстаем и от определенного заповедями. Павел терпел голод, чтобы не положить преграды благовествованию; а мы не хотим прикоснуться к сокровищам своим, хотя видим множество душ погибающих. Пусть, говорят, съедает моль, а не насыщается бедный; пусть истребляет червь, а не одевается нагой; пусть уничтожает время, а не питается алчущий Христос.

Но, скажешь, кто же говорит так? То и прискорбно, что так говорят не словами, а делами; не столь было бы тяжело, если бы говорили это на словах, а на деле не исполняли. Не так ли ежедневно внушает своим пленникам жестокий и бесчеловечный тиран – сребролюбие: пусть ваши сокровища обращаются в пользу клеветников, разбойников и воров, а не на пропитание алчущих и нуждающихся? Не вы ли производите разбойников? Не вы ли питаете огонь страсти у завистников? Не вы ли вызываете воров и грабителей, выставляя им, как некоторую приманку, свое богатство? Какое безумие! Подлинно безумие и явная нелепость – наполнять одеждой сундуки, а не обращать внимания на того, кто сотворен по образу и по подобию Божию, и не имеет одежды, дрожит от холода и едва держится на ногах. Но, скажешь, он притворяется дрожащим и немощным. И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнию свыше? Простите, я дрожу от гнева. Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь отдавать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих, – ведь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для

того, чтобы мы расторгали ими свое чрево, – а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета, и не боишься грозного и страшного суда Христова? Если он и притворяется, то притворяется по бедности и по необходимости, по причине твоего жестокосердия и бесчеловечия, требующего такого притворства и иначе не преклоняющегося на милость. Кто, в самом деле, так несчастлив и жалок, чтобы без всякой нужды, для куска хлеба, принимать столь безобразный вид, терзать себя и терпеть такую муку? Итак, притворство его возвещает всем о твоем бесчеловечии. Если он просит, умоляет, говорит жалостные слова, плачет, рыдает, скитается целый день и не находит необходимой пищи, то, может быть, и придумал такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебе служит бесчестьем и обвинением. Он достоин сострадания, что дошел до такой крайности; а мы достойны тысячи казней, что принуждаем бедных прибегать к этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то он никогда не решился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготе и дрожании (от холода)? Скажу нечто, еще более ужасное: некоторые принуждены были ослеплять малолетних детей, чтобы тронуть наше бесчувствие. Так как, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь внимание жестокосердых ни нежностью возраста, ни несчастьем, то присоединяли к своим бедствиям еще другое плачевнейшее бедствие для утоления голода, находя более легким лишиться общего света и дарованных всем лучей солнечных, нежели непрестанно бороться с голодом и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бедности, а забавляетесь несчастьями; потому они и удовлетворяют вашему ненасытному желанию, возжигая и в себе и в вас пламень, лютейший геенны. А чтобы вы убедились, что все это и подобное тому происходит именно по этой причине, я представлю вам несомненное доказательство, которому никто противоречить не может. Есть бедные, легкомысленные и малодушные, которые не могут переносить голода и готовы терпеть все другое, кроме этого. Они, неоднократно приступая к вам с жалким видом и жалостными словами, но не получив никакой помощи, наконец оставляют просьбы и прибегают к хитростям не хуже кудесников: одни жуют кожу изношенной обуви, другие вбивают в голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую от холода воду голым желудком, а иные подвергают себя еще более нелепым (мучениям), чтобы представить жалкое зрелище.

б. Между тем как это делается, ты стоишь и смеешься, удивляясь и утешаясь бедствиями других, подвергающих посрамлению общую нашу природу. Что хуже этого может сделать и человеконенавистный диавол? А чтобы он усерднее делал это, ты с великой щедростью даешь деньги. Кто просит, призывает Бога и приступает к тебе кротко, того ты не удостоиваешь ни ответа, ни взгляда, и если он часто докучает тебе, говоришь о нем такие невыносимые слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотреть на солнце? А к тем напротив ты благосклонен и щедр, так что сам ты делаешься виновником смешного и сатанинского их безобразия. Потому о них-то самих, виновниках таких дел, не подающих ничего прежде, нежели увидят других страждущими, с большей основательностью можно было бы сказать: им ли жить, им ли дышать, им ли смотреть на солнце, столь тяжко согрешающим против общей природы и оскорбляющим Бога? Когда Бог говорит: дай милостыню, а я дам тебе царствие небесное, – ты не слушаешь; когда же диавол показывает голову, израненную гвоздями, ты вдруг делаешься щедрым: более действует на тебя ухищрение злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обетование Божие, подающее множество благ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы и не видеть этого, надлежало бы делать и выносить все, чтобы искоренить это великое безумие; а вы, напротив, всячески стараетесь и заботитесь о том, чтобы это было, чтобы посмотреть на это. И ты, скажи мне, еще спрашиваешь, для чего геенна? Спроси лучше, почему одна только геенна? Ведь каких наказаний не достойны те, которые устрояют это жестокое и бесчеловечное зрелище и смеются над теми, о которых надлежало бы плакать и им и вам самим, особенно же вам, принуждающим их к таким безобразным действиям?

Но, скажешь, я не принуждаю их. Как же не принуждаешь, скажи мне, когда не хочешь даже слушать кротких, плачущих и призывающих Бога; а тем щедро подаешь серебро и приглашаешь других подивиться им? Но, скажешь, мы отходим, пожалев их. Но не ты ли требуешь того? Нет, человек, – это не жалость, когда ты заставляешь их за несколько оводов терпеть такое мучение, когда повелеваешь им для получения необходимой пищи терзать себя и раздирать на голове кожу на многие части жалким и плачевным образом. Не правда, скажешь; не мы пробиваем головы их гвоздями. О, если бы ты! Тогда зло не было бы так ужасно. Тот, кто убивает человека, не так жестоко поступает с ним, как тот, кто повелевает ему умертвить себя самого. То же бывает и здесь: они терпят мучительнейшую боль, когда принуждены бывают собственноручно исполнять такие жестокие приказания. И это делается в Антиохии, где верующие первые стали называться христианами, где они были добрее всех, где некогда процветали обильные плоды милосердия! Ведь они не только жившим здесь, но и находившимся на далеком расстоянии посылали пособие, и притом тогда, когда угрожал голод. Что же, скажешь, надобно делать? Оставить жестокость и внушить всем нуждающимся, что если они будут делать это, то ничего не получат, а если будут приходиться скромно, то получат щедрое подавание. Когда они будут знать это, то я ручаюсь, хотя бы они были несчастнее всех, никогда не решатся подвергать себя такому мучению, а напротив будут благодарить вас, что вы избавили их от посмеяния и страданий.

Между тем ныне за возниц вы отдали бы детей своих и за плясунов положили бы самые души свои, а Христу алчущему не хотите уделить и малейшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь в таком расположении духа, как будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро – вот в чем особенно состоит милостыня. Потому пророк прославляет и ублажает не тех, которые только подают, а тех, которые подают щедро; он не просто говорит: дал; но как? **"Он расточил, роздал нищим"** (Пс.111:8). Что пользы, если ты, будучи богатым, подаешь столько, сколько тот, например, кто подал бы стакан воды из целого моря, и не подражаешь великодушию жены вдовицы? Как будешь говорить ты: Господи, **"помилуй меня по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои"** (Пс.50:3), когда сам не милуешь не только великой милостью, но, может быть, и малой? Я крайне стыжусь, когда вижу, как многие богачи ездят на конях, украшенных золотыми уздами, сопровождаются слугами, одетыми в золотые одежды, покоятся на серебряных ложах и позволяют себе множество других излишеств; но как скоро надобно подать бедному, то представляются беднее самых бедных. А чем они часто оправдываются? Бедный, говорят, получает из церковной казны. Какое тебе до того дело? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подают, ты не загладишь этим своих грехов. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равным образом), если священники молятся, разве ты поэтому не должен молиться? Другие постятся, – разве ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству? Или ты не знаешь, что Бог предписал заповедь о милостыне не столько для бедных, сколько для самих подающих? Но не подозреваешь ли ты священника? Это также весьма тяжкий грех, но я не буду распространяться об нем; в таком случае делай все сам, и ты получишь за то сугубую награду. Все, что мы говорим о милостыне, говорим не для того, чтобы ты приносил пожертвования к нам, но чтобы подавал их сам от себя. Принося ко мне, ты, может быть, впадешь в тщеславие, а иногда соблазнившись отойдешь с лукавым подозрением; а если вы будете делать все сами, то избавитесь от соблазна и неуместного подозрения, и получите большую награду.

7. Говорю это не для того, чтобы побудить вас приносить пожертвования сюда, или выразить свое неудовольствие на священников, о которых разносятся худые слухи. Если нужно огорчаться и скорбеть, то более о вас, распространяющих худые слухи; те, которых

порицают напрасно и без причины, заслужат большую награду, а те, которые порицают их, большое осуждение и наказание. Итак, не за них я говорю это, а для вашего блага. Удивительно ли, что в наше время некоторые подвергаются подозрению, если еще во времена святых, подражавших ангелам и не имевших никакой собственности, т.е. апостолов, происходил ропот, будто бы при служении бедным были пренебрегаемы вдовицы, тогда как **"никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее"** (Деян.4:32)? Не будем же представлять таких предлогов и считать оправданием для себя то, что Церковь имеет много сокровищ. Когда ты видишь у ней много имущества, то представь также великое число записанных бедных, множество больных, тысячи случаев к издержкам; разбери, рассчитай; никто не препятствует; мы даже готовы дать вам отчет. Но скажу нечто важнейшее. Когда мы представим отчет и покажем, что расход не менее прихода, а иногда и более, то я желал бы спросить вас: когда мы предстанем туда и услышим слова Христовы: вы видели Меня алчущим и не напитали, нагим и не одели (Мф.25:43-44), тогда что мы скажем? Чем оправдаемся? Укажем ли на такого-то, и такого-то, которые не слушали этого, или на некоторых подозрительных священников? Но какое тебе до них дело? Я осуждаю тебя, скажет Он, за твои грехи. Чтобы получить оправдание, надобно очистить собственные грехи, а не указывать на других таких же грешников. Церковь принуждена иметь то, что теперь имеет, по вашей скупости; а если бы все делалось по правилам апостольским, то доход ее составляло бы ваше расположение, которое было бы и безопасным хранилищем, и неистощимым сокровищем. А теперь, когда вы собираете сокровища на земле и запираете все в своих хранилищах, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдов, на сонмы дев, на прием странников, на вспомоществование пришельцам, на утешение узников, на облегчение больных и увечных и на другие подобные нужды, то что ей делать? Неужели оставить всех их без внимания и затворить пристанища? Кто же будет подавать помощь в кораблекрушениях? Кто станет облегчать слезы, рыдания и вопли, раздающиеся со всех сторон? Итак, не будем говорить все, что вздумается. Мы теперь же, как я сказал, готовы дать вам отчет; а если бы и не так, если бы у вас были порочные учителя, все похищающие и присвояющие себе, и тогда их порочность не могла бы служить оправданием для вас. Человеколюбивый, премудрый и всевидящий едиnorodный Сын Божий, зная, что в течение долгого времени и на пространстве обширной вселенной будет много порочных священников, и желая, чтобы от их нерадения не усилилась беспечность руководимых ими, не оставил беспечным никакого оправдания, сказав: **"на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, делайте; по делам же их не поступайте"** (Мф.23:2-3). Этим Он выразил, что, хотя бы у тебя был порочный учитель, это несколько не оправдывает тебя, если ты не слушаешь учения его. Бог произнесет над тобой приговор не за то, что сделал учитель, а за то, что ты слышал от него и не исполнил. Если ты исполнишь заповеданное, то предстанешь тогда с великим дерзновением; а если не послушаешь учения, то, хотя бы ты указал на тысячу порочных священников, это несколько не оправдывает тебя. И Иуда был апостол; однако это несколько не послужит к оправданию святотатцев и сребролюбцев; никто из них, будучи осуждаем, не сможет сказать, что и апостол был похититель, святотатец и предатель: напротив, за то особенно мы и будем осуждены и наказаны, что не вразумились пороками других; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать им. Потому, оставим других, будем внимательны к самим себе. Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей – вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого. Если мы будем в состоянии представить такое оправдание, то избавимся от нестерпимых мучений геенских и удостоимся будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Здесь в тексте, вопреки Писанию, "еда о волех не радит Бог?", т.е. "разве Бог не печется о волах?"

БЕСЕДА 22

"Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования" (1Кор.9:13-14).

1. Весьма тщательно (апостол) старается доказать, что брать (содержание от поучаемых) не запрещено. Сказав об этом и прежде, он тем не довольствуется, а снова обращается к закону и представляет из него пример более близкий, чем прежний, потому что не одно и тоже представить в пример волов, или привести ясный закон о священниках. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как благоприлично он излагает предмет. Не сказал: священнодействующие берут от приносящих, но что? – **"питаются от святилища"**, чтобы и принимающих не унижить, и приносящим не подать повода к гордости. И далее он выражается также. Не сказал: служащие жертвеннику берут от приносящих жертвы, – но **"берут долю от жертвенника"**, потому что принесенное принадлежит уже не приносящим, а святилищу и алтарю. Не сказал также: берут священное, но – **"питаются от святилища"**, выражая умеренность и внушая, что не должно собирать имущество и обогащаться. Словами: **"берут долю от жертвенника"**[1] означает не разделение по равной части, а содержание, которое давалось (священникам) по праву. Но апостолы имели гораздо большее право, потому что там соединялась честь со священством, а здесь – опасности, мучения, смерть. Потому сильнее всех других примеров был выраженный в словах: **"если мы посеяли в вас духовное"**. Слово посеяли указывает на бури, опасности, казни и невыразимые бедствия, каким подвергались проповедники. Впрочем, и при таком преимуществе он не стал ни унижать ветхозаветного, ни превозносить своего, а напротив еще с унижением говорит о своем, указывая преимущество не в опасностях, но в величии дара. Не сказал: если мы подвергались опасностям или бедствиям, но: **"если мы посеяли в вас духовное"**, а говоря о священниках, возвышает их, сколько возможно, и выражается так: **"священнодействующие"**, **"служащие жертвеннику"**, желая этим показать непрестанное их служение и постоянство. Рассуждая о священниках иудейских, он указал как на левитов, так и на архиереев, на обе степени, низшую и высшую; на первую словами: **"священнодействующие"**, а на вторую словами: **"служащие жертвеннику"**. Не всем ведь было вверено одно дело, но одним поручены были обязанности низшие, а другим высшие. Указав на всех их, чтобы кто не сказал: что ты напоминаешь нам о Ветхом завете? разве не знаешь, что теперь время совершеннейших заповедей? – он далее поставляет то, что важнее всего: **"так и Господь"**, говорит, **"повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования"**. И здесь не говорит: питаться от людей, но, подобно как о священниках сказал: от святилища и от жертвенника, так и здесь: от благовествования; и как там: питаться, так здесь: жить, а не торговать или обогащаться. **"Ибо трудящийся"**, говорит, **"достоин пропитания"** (Мф.10:10). **"Но я не пользовался ничем таковым"** (1Кор.9:15). Если доселе не делал этого, скажут, то не желаешь ли делать на будущее время, и потому говоришь все это? Нет; и в объяснение этого тотчас же замечает: **"и написал это не для того, чтобы так было для меня"**. И смотри, с какой силой опровергает и отрицает это: **"ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою"**; употребляет такое выражение не однажды и не дважды, но несколько раз. Выше сказал: **"мы не пользовались сею властью"** (ст.12): потом опять: **"не пользуюсь моею властью"** (ст.18): и здесь: **"но я не пользовался ничем таковым"**.

Что значит: таковым? От многих примеров. Многое давало мне право: примеры воина, земледельца, пастыря и апостолов, постановления закона, действия наши по отношению к вам и ваши по отношению к другим, пример священников, повеление Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой закон и брать. Не говорю о прошедшем; хотя могу сказать, что и в прошедшем я много пострадал, но не останавливаюсь на этом одном, а даю обещание и на будущее время, что решусь лучше умереть с голода, нежели лишиться таких венцов: **"ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою"**. Не сказал: чтобы кто нарушил мой закон, но: похвалу. Чтобы кто-нибудь не сказал, что хотя он и поступает так, но не с радостью, а с воздыханием и скорбью, он называет это похвалой, желая показать, с какой великой радостью и с каким великим усердием он поступает так. Он так далек был от скорби, что даже хвалится и решается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Так она была для него приятнее самой жизни.

2. Далее, он еще с другой стороны показывает превосходство (своего поступка), не для того, чтобы прославить себя самого, – он далек был от такой страсти, – но для того, чтобы выразить свою радость и сильнее устранить подозрение. Потому он и назвал, как я сказал прежде, это дело похвалой, и что говорит? **"Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании"** (ст.16-18). Что, скажи мне, говоришь ты? Если ты благовествуешь, то нет похвалы для тебя; а если преподаешь благовествие безвозмездно, тогда есть? Следовательно, последнее важнее первого? Отнюдь нет; но в некотором другом отношении последнее имеет преимущество, именно в том, что первое есть заповедь, а последнее – дело моего произволения. Что делается сверх заповеди, то заслуживает великой награды; а что по заповеди, то не таково. В этом вот отношении последнее больше первого, а не по самому существу дела. Что в самом деле может сравниться с проповеданием? Оно уподобляет их ангелам. И однако, так как оно для них – обязанность и долг, а то (безвозмездное проповедание) – дело добровольного усердия, то в этом отношении последнее больше первого. Изъясняя то самое, что я теперь сказал, он и говорит: **"ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение"**. Слова: волею и неволею – он употребляет в смысле: заповедано и не заповедано. Равно и слова: **"потому что это необходимая обязанность моя"** надобно понимать не так, будто бы он делал это против воли, – да не будет! – но так, что на нем лежит обязанность, и в противоположность с свободой – брать или не брать. Потому и Христос сказал ученикам: **"когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать"** (Лк.17:10). **"За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно"**. Как, скажи мне, неужели Петр не имеет награды? Кто может получить такую награду, какую он? Также и прочие апостолы? Почему же он сказал: **"если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение"**? Заметь и здесь мудрость его. Он не сказал: если недобровольно, то не имею награды; но: **"исполняю только вверенное мне служение"**, выражая, что и в этом случае бывает награда, но такая, какую получает исполнивший повеление, а не такая, какую получает показавший собственное усердие и сделавший более повеленного. За что же такая награда? **"За то, что, проповедуя Евангелие"**, говорит, **"благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании"**. Видишь ли, как он везде употребляет слово: власть, чтобы показать, как я неоднократно повторял, что и те, которые берут, не заслуживают порицания? А слово: в благовествовании прибавляет как для того, чтобы обозначить самое благовествование, так и для того, чтобы не дозволить

пользоваться этим правом во всем, потому что может брать учащий, а не праздный. **"Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести"** (ст.19). Здесь он представляет еще иное превосходство. И не брать – великое дело; а то, что хочет сказать, гораздо важнее. Что же такое? Я не только, говорит, не брал и не только не пользовался своим правом, но еще подвергал себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; не в деньгах только, но, что гораздо важнее денег, во многих и различных делах я поступал точно также; поработил себя, тогда как не был подчинен никому и не имел никакой необходимости, – это именно означает выражение: **"будучи свободен от всех"**, – и поработил не одному кому-нибудь, а всей вселенной; потому и присовокупляет: **"я всем поработил себя"**. Проповедовать и возвещать вверенное мне я был обязан, а изобретать и измышлять тысячи к тому способов – это зависело от моего усердия; я был обязан только передать серебро, но я употреблял еще все меры к тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя более повеленного. Он делал все по ревности, усердию и любви ко Христу, и имел ненасытное желание спасения человеческого.

Поэтому, от большого избытка (ревности), он преступал пределы и во всем простирался выше самого неба. Сказав о порабощении, он далее говорит о различных родах его. Каких? **"Для Иудеев"**, говорит, **"я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев"** (ст.20). Как это было? Он обрезывал для того, чтобы уничтожить обрезание. Потому не сказал: иудей, но – как Иудей, так как это было с преднамеренной целью. Что говоришь ты? Проповедник вселенной, восходивший до самых небес и сиявший такой благодатью, мог ли он внезапно так снизойти? Да, потому что это есть также и восхождение. Не на то только смотри, что он нисходит, но и на то, что нисходя восстанавливает лежащего внизу и возводит его с собой. **"для подзаконных был как подзаконный"**, не будучи сам под законом, **"чтобы приобрести подзаконных"**.

3. Эти слова служат или изъяснением сказанного прежде, или означают что-нибудь другое. Иудеями он называет тех, которые были такими издревле и с самого начала; а подзаконными – прозелитов, или тех, которые приняли веру, но еще держались закона, так как они не были уже иудеями, но были под законом. Когда же (апостол) был под законом? Когда остригся, когда приносил жертву. Он делал это не потому, чтобы переменил свой образ мыслей, – это было бы порочное дело, – но по любви и снисхождению. Чтобы обратить действительных (иудеев), он сам был (как Иудей), не действительно, и только по-видимому, не на самом деле будучи таким, а только поступая так без истинного расположения. Да и мог ли он искренно делать это, когда старался обратить и других, когда делал все, чтобы освободить и других от такого унижения? **"Для чуждых закона – как чуждый закона"** (ст.21). Эти не были ни иудеи, ни христиане, ни язычники, но были вне закона, каков например Корнилий и подобные ему. Приходя и к ним, он во многом поступал по их (обычаям). Впрочем, некоторые говорят, что здесь он намекал на свою речь к афинянам, по поводу надписи, бывшей на капище; потому и говорит: **"для чуждых закона – как чуждый закона"**. Далее, чтобы кто не подумал, что его действия происходили от перемены образа мыслей, он присовокупляет: **"не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу"**, т.е. не только не будучи беззаконником, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхого, закону Духа и благодати; потому и прибавляет: Христу. Затем, уверив в неизменности своего образа мыслей, он опять представляет пользу такого снисхождения: **"чтобы приобрести чуждых закона"**, так же, как и везде он показывает причину своего снисхождения. Не останавливаясь на этом, он продолжает: **"для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных"** (ст.22). Здесь он говорит в отношении к ним (коринфянам), как говорил и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнее, но это ближе к ним; потому он и поставил это после всего. То же самое он делает и в послании к Римлянам, когда вразумляет их касательно пищи, и во многих других местах. Потом,

чтобы исчислением всего порознь не слишком распространить речь, говорит: **"для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых"**. Видишь ли его превосходство? Для всех, говорит, я был все, не надеясь спасти всех, а чтобы спасти хотя немногих. Усердие и служение мое было таково, какое свойственно спасающему всех, хотя он не надеялся обратить всех: дело великое и показывающее пламенную ревность! И сеятель сеет везде и, хотя не все семя остается в сохранности, он во всяком случае делает свое дело.

Указав на малочисленность спасаемых прибавлением слов: **"по крайней мере"**, он утешает тех, которые скорбят об этом, так как, хотя невозможно, чтобы все семя осталось в сохранности, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Потому словами: **"по крайней мере"** он дает понять, что усердный делатель непременно получит успех. **"Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его"** (ст.23), т.е. чтобы и с своей стороны содействовать и быть участником в венцах, которые соблюдаются для верующих. Как прежде он говорил: **"жить от благовествования"**, т.е. от верующих, так и здесь говорит: **"быть соучастником Евангелия"**, т.е. буду соучастником уверовавших благовестию. Видишь ли его смиренномудрие, как он в получении наград поставляет себя наряду с другими, хотя трудами превзошел всех? Несомненно, что он более всех достоин почестей; но он не приписывает их себе прежде всех, а желает быть только соучастником других в уготованных венцах. Говорит это не в том смысле, чтобы он делал все для какой-нибудь награды, но чтобы таким образом расположить их (коринфян) и такими надеждами убедить делать все для братий. Видишь ли его благоразумие? Видишь ли чрезвычайную ревность, как он делал более заповеданного и не брал, тогда как мог брать? Видишь ли величайшее снисхождение, как он, будучи под законом Христовым и соблюдая высочайший закон, был для неимеющих закона как без закона, для иудеев как иудей, являясь в том и другом отношении совершеннее и выше всех? Так поступай и ты: не думай, что ты падаешь, если, будучи высоким, делаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значит падать, а снисходить; кто падает, тот лежит и сам едва ли может встать; а кто снисходит, тот и встанет с великим приобретением, подобно как Павел снисходил один, а восстал со всей вселенной. Он не лицемерил; если бы лицемерил, то не искал бы пользы спасаемых. Лицемер ищет гибели других и лицемерит для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А он – не так; но как врач, как учитель, как отец снисходят первый к больному, второй к ученику и третий к сыну для пользы их, а не для вреда, – так и он.

4. Что сказанное им не лицемерие и что он не был принужден делать или говорить что-либо подобное, а сам добровольно выражает свое расположение и убеждение, послушай, как он сам говорит о том: **"что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем"** (Рим.8:38-39). Видишь ли любовь, которая пламеннее огня? Так и мы будем любить Христа; это не трудно, если мы захотим. И он был таков не по природе. Для того и описаны прежние его действия, противоположные этим, чтобы мы знали, что перемена зависит от произволения и что желающим все удобно. Не будем же отчаиваться; но хотя бы ты был злоречив, хотя бы корыстолюбив и каков бы ни был, вспомни, что и Павел был хулителем, гонителем, притеснителем и первым из грешников, но вдруг достиг высочайшей степени добродетели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствием. Никто с таким неистовством не предается пороку, с каким он враждовал против Церкви; он отдал тогда свою душу и жалел, что не имел тысячи рук, чтобы всеми ими поразить Стефана; впрочем и без того нашел способ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидетелей, одежды которых он стерег. Потом входил в дома, вторгался в них как дикий зверь, влачил и терзал мужей и жен, наполняя все ужасом, смятением и тысячью браней. Он был так

страшен, что, даже после чудного обращения его, апостолы не смели войти с ним в сношение. Но, несмотря на все это, он сделался таким, каким сделался; не нужно прибавлять ничего более. Где же те, которые подчиняют свободу воли неизбежной судьбе? Пусть услышат это и заградят уста свои! Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных. И мы тем более способны к этому, чем добродетель нам естественнее, а порок противоестественнее, подобно как болезнь и здоровье. Так, Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы смотрели с любострастием, но чтобы, удивляясь созданиям, поклонялись Создателю. Что действительно таково назначение глаз, это видно из опыта: красоту солнца и неба мы видим чрез неизмеримое пространство, а красоты женской никто не мог бы увидеть на таком расстоянии. Не очевидно ли, что глаза наши созданы более для первого? Также Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда он воспринимает что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тело содрогаются. "**Пустословие много клянущихся**", говорит (Премудрый), "**поднимет дыбом волосы**" (Сир.27:14). Также, услышав что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышав что-нибудь нежное и человеколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносят срамные слова, то заставляют нас стыдиться и закрываться; а когда – слова благопристойные, то они текут спокойно и свободно; никто не станет стыдиться естественного, а стыдятся того, что не естественно. Руки также, когда похищают, то скрываются и ищут защиты; а когда подают милостыню, тогда выставляются на вид. Итак, если мы захотим, то все будет много располагать нас к добродетели. Если же укажешь мне на удовольствие, проистекающее от порока, то заметь, что еще большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды – это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия; а противное тому для понимающего сущность неудовольствия всего мучительнее, как-то: быть у всех в презрении, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущего и настоящего.

5. Чтобы еще более объяснить это, представим, что кто-нибудь, имея жену, разрушает брак ближнего и услаждается этим бесчестным воровством, прелюбодействуя с любимой (женщиной); противопоставим ему другого, который любит свою жену; а для большего и яснейшего противоположения предположим, что живущий с одной своей женой также любит ту прелюбодейцу, но сдерживает свою любовь и не делает ничего худого. Хотя и это – не чистое целомудрие, но мы нарочито представляем такой пример, чтобы ты познал, каково удовольствие от добродетели. Итак поставим их обоих вместе и спросим: чья жизнь приятнее? От одного услышим, как он услаждается и восхищается победой над похотью; а от другого... но от него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что он несчастнее самих узников, хотя бы тысячу раз отрицал это. Он всех боится и подозревает – и свою жену, и мужа прелюбодейцы, и самую прелюбодейцу, и домашних, и друзей, и родных, и стены, и тени, и самого себя, и, что всего тягостнее, носит в себе совесть, вопиющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнит о суде Божиим, то не сможет и на ногах удержаться. Притом удовольствие кратковременно, а скорбь от него постоянна: и вечером, и ночью, и в пустыне, и в городе, и везде за ним следует обличитель, показывая изощренный меч и нестерпимые мучения, изнуряя и сокрушая его страхом. Напротив целомудренный свободен от всего этого и безмятежен, спокойными глазами смотрит на свою жену, детей, друзей и на все. Если же любящий, но только сдерживающий страсть свою наслаждается таким удовольствием, то душа нелюбящего и соблюдающего чистое целомудрие не исполнена ли чувства сладостнее всякого спокойствия, приятнее всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодеев ты видишь немного, а целомудренных больше. А если бы (жизнь первых) была приятнее, то ее избрали бы многие. Не говори мне, что это происходит от страха пред законами: не страх удерживает их, а крайняя гнусность порока, избыток происходящих от страсти огорчений пред доставляемыми ею

удовольствиями, и голос совести. Таково состояние прелюбодея! Если хотите, мы представим и корыстолюбца, обнажим и другую тоже порочную страсть. Мы увидим, что и он также мучится страхом и не может наслаждаться чистым удовольствием. Представляя себе обиженных им и жалеющих о них и всеобщее о себе мнение, он обуревается бесчисленными волнами. И не только это мучительно для него, но и то, что он не может наслаждаться своим любимым (предметом). Таково именно свойство сребролюбцев: они имеют не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебе загадкой, то выслушай еще худшее и более странное: они не потому только лишены удовольствия, что не смеют пользоваться своим имуществом, как бы хотели, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанной жадой. Что может быть мучительнее этого? Не таков человек праведный; он свободен от опасения, ненависти, страха и неутолимой жажды; как того все проклинают, так ему все желают добра; как тот не имеет ни одного друга, так он не имеет ни одного врага. Если же все это несомненно, то что может быть неприятнее порока и приятнее добродетели? Впрочем, сколько бы мы ни говорили, невозможно выразить словами ни всех неприятностей первого, ни всех удовольствий последней, если мы сами их не испытаем. Тогда-то мы и узнаем, что порок горче желчи, когда вкусим сладость добродетели. Порок и теперь неприятен, тягостен и несносен, чему не станут противоречить сами раболепствующие ему; но когда мы отстанем от него, тогда еще лучше почувствуем, как горьки его требования. А что многие предаются ему, это нисколько не удивительно; ведь и дети часто избирают менее приятное, пренебрегая тем, что доставляет более приятностей; и больные для кратковременного удовольствия отвергают постоянное и надежное веселие. Это зависит от немощи и неразумия преданных страсти, а не от существа вещей. В удовольствии живет только добродетельный; он истинно богат и истинно свободен. Если же кто, согласившись приписать добродетели безмятежность, спокойствие, свободу от опасений, от всякого страха и всякого подозрения, не согласится только приписать ей удовольствия, тот мне кажется весьма смешным. В чем же другом и состоит удовольствие, как не в том, чтобы быть свободным от опасений, страха и огорчений и ничему не раболепствовать? Кто живет в удовольствии, скажи мне, тот ли, кто неистовствует, мятется, терзается множеством страстей и не владеет сам собой, или тот, кто свободен от всех этих волнений и пребывает в любомудрии, как в пристани? Не явно ли, что последний? Но это свойственно одной добродетели. Порок только носит имя удовольствия, а на самом деле лишен его; прежде, чем он выполнен, он – неистовство, а не удовольствие; а когда выполнен, то (и неистовство) внезапно исчезает. Если же ни в начале, ни впоследствии не видно в пороке удовольствия, то где же оно и когда? Чтобы ты лучше понял слова мои, объясним это примером. Положим, что кто-нибудь влюбился в красивую и миловидную женщину; доколе не будет удовлетворена страсть его, он бывает подобен беснующимся и безумным; а когда удовлетворена, то исчезает и похоть. Если же ни в начале он не чувствует удовольствия, – потому что находится в состоянии безумия, – ни впоследствии, – потому что удовлетворением страсти прекращается пожелание, – то где же это удовольствие? Напротив наши удовольствия не таковы: они и в начале чужды всякого смятения, и до конца сохраняются в своей силе, или, лучше, у нас нет и конца удовольствию; блага наши не имеют предела, и удовольствие наше не исчезает никогда. Итак, представляя себе все это и желая получить удовольствие, будем любить добродетель, чтобы нам достигнуть и настоящих и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] Гр. "τὸ θυσιαστῆριω συμμερίζονται" - букв. "делятся с жертвенником"

БЕСЕДА 23

"Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?" (1Кор.9:24).

1. Объяснив, что снисхождение весьма полезно, что оно составляет верх совершенства, и что сам он, достигнувший совершенства больше всех, вернее же и превзошедший тем, что не брал (содержания от учеников), также снисходя больше всех, показав нам и время, когда нужно то и другое, совершенство и снисхождение, (апостол) далее с большей силой укоряет (коринфян), внушая, что поступок их, кажущийся следствием совершенства, есть напрасный труд. Он не говорит этого ясно, чтобы они не ожесточились, но выражает своими суждениями. Сказав прежде, что они грешат против Христа, погубляют братьев и сами не получают никакой пользы от совершенного знания, если оно не соединено с любовью, теперь он опять обращается к общеизвестному примеру и говорит: Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Говорит это не в том смысле, будто из всех может спастись только один, – да не будет, – но что мы должны прилагать великое тщание. Как там из многих, выходящих на поприще, увенчиваются не многие, а только один достигает этого, и потому не достаточно выйти лишь на подвиг, намазать себя и бороться, так и здесь не достаточно лишь уверовать и подвизаться как-нибудь, но если мы не будем подвизаться так, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получим никакой пользы. Хотя бы ты, говорит, считал себя совершенным по знанию, однако ты еще не достиг всего; на это он намекает словами: **"так бегите, чтобы получить"**, из которых следует, что они еще не достигли. Затем научает и способу достижения. **"Все"**, говорит, **"подвижники воздерживаются от всего"** (ст.25). Что значит: от всего? Не так, что от одного воздерживается, а в другом грешит, но воздерживается и от чревоугодия, и от сладострастия, и от пьянства, и от всех вообще страстей. Так бывает, говорит, даже при внешних подвигах; подвизающимся нельзя во время борьбы ни напиваться, ни прелюбодействовать, чтобы не ослабить сил, ни заниматься чем-нибудь другим; но, воздерживаясь совершенно от всего, они занимаются только упражнениями. Если же так бывает там, где венец дается одному, то тем более должно быть здесь, где больше щедрости; здесь не один только увенчивается, и самые награды гораздо выше подвигов. Потому он, желая пристыдить их, говорит: **"те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное"** (ст.25-26). Пристыдив их тем, что бывает у внешних (язычников), (апостол) указывает потом на самого себя. Это лучший способ учения; потому он постоянно поступает так. Что же значит: **"не так, как на неверное"**? Я имею в виду, говорит, известную цель, подвигаюсь не тщетно и не напрасно, как вы. В самом деле, какая вам польза от того, что вы входите в идольские капища и как бы выказываете свое совершенство? Никакой. Я же – не так, но все, что ни делаю, делаю для спасения ближних; показываю ли совершенство, – это для них; снисхождение ли, – это для них; превосходство ли пред Петром тем, что не беру, – это для того, чтобы они не соблазнились; уничтожение ли более всех, обрезываясь и остригаясь, – это для того, чтобы они не преткнулись. Вот что значит: **"не так, как на неверное"**. А ты, скажи мне, для чего ешь в капищах? Не можешь представить никакой основательной причины: пища не приближает тебя к Богу; ешь ли, ничего не приобретаешь: не ешь ли, ничего не теряешь; следовательно, ты идешь напрасно и без цели; это и значит: на неверное. **"Бьюсь не так, чтобы только бить воздух"**. Этими словами также выражает, что он действует не напрасно и без цели. Я имею (врага), говорит, которого поражаю, т. е. дьявола; а ты не поражаешь его, а попросту истощаешь свои силы. Так он говорит потому, что щадит их; раньше высказав им сильное обличение, он здесь смягчает укоризну, отлагая сильный удар к концу речи. Теперь говорит, что они делают это тщетно и напрасно, а после доказывает, что таким поведением они навлекают погибель на свою голову и, кроме вреда

братии, сами делаются виновными. **"Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (ст.27). Здесь он показывает, что они и преданы чревоугодию, и не обуздывают этой страсти, и под предлогом совершенства удовлетворяют ей – о чем он и выше с сожалением говорил: **"пища для чрева и чрево для пищи"** (6:13). От пресыщения рождается как блуд, так и идолослужение; потому он справедливо во многих местах поражает эту болезнь. Показав, сколько бедствий он потерпел за проповедь, он вместе с тем указывает и на это; я исполнял, говорит, больше, нежели сколько было заповедано, хотя это для меня было не легко, – все, говорит он, терпим, – но кроме того принимаю на себя и тот великий труд, чтобы жить воздержно. Хотя трудно преодолеть похоть и силу желудка, однако я обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

2. Не думайте, что я успеваю в этом без труда; нет, это для меня подвиг, воздержание и борьба с природой, которая непрестанно восстает и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее с великими усилиями. Говорит он это для того, чтобы никто не отчаивался в подвигах добродетели из-за трудности дела; потому и выражается так: **"усмиряю и порабощаю"**. Не сказал: уничтожаю или отсекаю, потому что плоть не есть враг; но: усмиряю (ὠπλιῶ – бью по лицу) и порабощаю, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодею, пестуну, а не противнику. **"Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"**. Если же Павел, учитель столь многих, опасался этого, и опасался после того, как распространил проповедь, сделался благовестником и получил господство над вселенной, то что должны сказать мы? Не думайте, говорит, будто для вашего спасения достаточно того, что вы уверовали; если мне, который проповедал, учил, обратил тысячи людей, недостаточно этого для спасения, когда сам себя не буду вести безукоризненно, то тем более вам. Потом он переходит к другим примерам; и как прежде указывал на апостолов, на общий обычай, на (ветхозаветных) священников и на себя самого, так здесь указывает на олимпийские игры. А затем, указав на себя, опять обращается к событиям Ветхого завета. Намереваясь произнести весьма сильное слово, он предлагает наставление в общем виде и беседует не только о ближайшем, но и о всех вообще недугах коринфян. О внешних (языческих) подвигах он сказал: **"разве не знаете"**, а здесь говорит: **"не хочу оставить вас, братия, в неведении"** (10:1), выражая, что они слишком были в этом наставлены. О чем же ты не хочешь оставить нас в неведении? **"что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. Но не о многих из них благоволил Бог"** (ст.1-5). Для чего он говорит это? Чтобы показать, что как тем (израильтянам) не послужили в пользу такие дары, так и им (коринфянам) не послужат в пользу крещение и участие в духовных таинствах, если жизнь их не будет соответствовать благодати; для того он и указывает на прообразы крещения и таинств. Что значит: **"крестились в Моисея"**? Как мы, верующие во Христа и воскресение Его, крещаемся для того, чтобы и самим иметь участие в этих таинствах, – а мы крестимся, говорит, **"для мертвых"** (1Кор.15:29), т.е. тел наших, – так и те, полагаясь на Моисея, т.е., видя, что он первый вступил в море, решились и сами вступить туда же. А так как (апостол) желает сблизить прообраз с истиной, то не выражается так, но называет и прообраз именем истины. Здесь он указывает на прообраз крещения, а далее (на прообраз) священной трапезы. Как ты вкушаешь тело Владычне, так те (вкушали) манну; как ты пьешь кровь, так те – воду из камня. Хотя это было чувственно, однако подавалось духовно, не по законам природы, а по благодати, и вместе с телом питало душу, располагая к вере. О пище он ничего не прибавил, потому что она была отлична от обыкновенной не только по способу (получения), но и по существу, – а была это манна, – о питье же, в котором только способ получения был чудесен и требовал объяснения, после слов: **"пили одно и то же духовное питье"**, он присовокупил: **"ибо**

пили из духовного последующего камня"; и еще: "камень же был Христос". Не камень, говорит, по естеству своему источал воду; иначе он источал бы ее и прежде; но все делал некоторый другой духовный камень, т.е. Христос, Который постоянно сопresentствовал им и творил все чудеса; потому и говорит: последующего. Видишь ли мудрость Павла, как он объясняет, что Христос есть податель того и другого, и таким образом сближает прообраз с истиной? Он подавал, говорит, и те дары, Он же предлагает и эту трапезу; Он провел тех чрез море, Он и тебя чрез крещение: там Он доставлял манну и воду, а тебе тело и кровь. Таковы дары Его! Посмотрим же, пощадил ли Он израильтян, когда они оказались недостойными даров Его? Нет; потому (апостол) и присовокупляет: **"но не о многих из них благоволил Бог"**. Хотя Бог удостоил их такой чести, но это не принесло им никакой пользы, а большая часть их погибла. Они все погибли: но чтобы не подумали, что и им (коринфянам) предстоит всеобщая гибель, (апостол) сказал: многих. Они составляли несметное множество; но многочисленность нисколько не помогла им. Все (благоденствия) были знаком любви Божией; но и это не помогло им, потому что они сами не явили дел любви. Так как многие не верят учению о геенне, как предмету неосяземому и невидимому, то (апостол) бывшими уже примерами доказывает, что Бог наказывает грешников, хотя бы прежде изливал на них бесчисленные благодеяния: если вы, говорит, и не верите будущему, то, конечно, не отнесетесь с неверием кь прошедшему.

3. Смотрите, сколько благодеяний Бог оказал им: освободил из Египта и тамошнего рабства, провел чрез море, ниспослал с неба манну, источил новые и чудные источники вод, постоянно сопутствовал им, творя чудеса и везде ограждая их; и однако, когда они оказались недостойными таких даров, не пощадил их, но всех погубил. **"Ибо они поражены были в пустыне"**, говорит (апостол), показывая этим выражением и внезапную их гибель, страдания и наказания ниспосланные на них Богом, и то, что они не получили предстоявших им наград. И притом не в земле обетованной Он ниспослал на них все это, но вне и весьма далеко от нее, наказав их сугубой казнью – тем, что не допустил видеть земли обетованной, и тем, что наказал строго. Но как, скажешь, это относится к нам? К тебе именно и относится. Потому (апостол) и продолжает: **"а это были образы для нас"** (ст.6). Как дары их были прообразами, так и наказания были прообразами; как крещение и таинственная трапеза были прообразованы, так последующими событиями было предвозвещено и то, что недостойные дара иодвергнутся наказанию, чтобы мы такими примерами научились быть более воздержными. Потому и присовокупляет: **"чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы"**. Как в благодеяниях предшествовали прообразы, а за ними следовала истина, так будет и в наказаниях. Видишь ли, как он внушает, что мы не только будем наказаны, но еще гораздо больше, нежели те (израильтяне)? Ведь если там были прообразы, а здесь истина, то и наказания должны быть гораздо больше – так же, как дары. И смотри, против кого прежде говорит он: против тех, которые ели в капищах. Сказав: яко не быти нам похотником злых, что относилось ко всем вообще, и в частности показав, что всякий грех происходит от злой похоти, он сначала говорит: **"не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть"** (ст.7). Слышишь ли, как он называет (коринфян) идолослужителями? Впрочем, здесь он только намекает, а после и доказывает это. Представляет и причину, почему они стекались к трапезам; это – сластолюбие. Сказав: **"чтобы мы не были похотливы на злое"**, и продолжив: **"не будьте также идолопоклонниками"**, указывает причину такого нечестия – в сластолюбии. **"Народ сел"**, говорит, **"есть и пить"**, и вследствие того **"встал играть"**. Как те, говорит, от сластолюбия дошли до идолопоклонства, так надобно опасаться, чтобы и вы по той же причине не дошли до того же. Видишь ли, как он доказал, что считавшие себя совершенными несовершеннее других? Обвиняет их не только в том, что они не оказывают снисхождения, но и в том, что одни грешат по неведению, а другие по сластолюбию, и за гибель первых угрожает наказанием последним, не оставляя

последним возможности слагать вину греха своего на других, но объявляя их виновниками гибели и своей и других. **"Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали"** (ст.8). Для чего здесь он опять упоминает о блуде, о котором столько говорил прежде? Так обыкновенно поступал Павел: обличая многие грехи, он перечислял их по порядку и указывал каждый отдельно, а потом, говоря о других, упоминал и о сказанных прежде. Точно также поступал Бог в ветхом завете: при каждом преступлении Он напоминал иудеям о тельце и поставлял им на вид этот грех. Подобным образом Павел поступает и здесь: он напоминает им об этом грехе и вместе научает, что это зло также происходит от сластолюбия и чревоугодия; потому присовокупляет: **"не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи"**. А почему он не говорит, какое наказание постигло (иудеев) за идолопоклонство? Или потому, что это было известно и очевидно, или потому, что наказание было не так велико, как при Валааме, когда служили Веельфегору, будучи увлечены к нечестию мадианитскими женщинами, явившимися в их ополчение по совету Валаама. А что это был коварный совет Валаама, видно из слов Моисея, который в конце книги Чисел говорит: **"вместе с убитыми их и Валаама, сына Веорова, убили мечом"** на войне Мадиамской **"и взяли добычу. И прогневался Моисей и сказал: для чего вы оставили в живых всех женщин? вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору"** (Числ.31:8-9,14-16). **"Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей"** (1Кор.10:9).

4. Здесь он указывает еще на одно преступление, о котором беседует и при конце послания, обвиняя их (коринфян) в том, что они разногласили касательно знамений, роптали на искушения и говорили: когда будут блага, когда награды? Чтобы исправить их и утешить, он продолжает: **"не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя"** (ст.10). Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и с полным удовольствием; это всему венец; а если этого не будет, то наказание постигнет ропщущих. Апостолы радовались, когда их бичевали; Павел хвалился страданиями. **"Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков"** (ст.11).

Опять устрашает, указывая на конец, и внушает ожидать большего, нежели бывшее прежде. Что мы будем наказаны, говорит, это и неверующие учению о геенне могут видеть из сказанного; а что будем наказаны гораздо более, это видно из того, что мы получили большие благодеяния и что прежнее было только прообразом. Если дары больше, то и наказания больше. Для того он и назвал прежние события образами, сказал, что они описаны для нас, и упомянул о конце, чтобы напомнить кончину мира. Тогда наказания будут не кратковременные и имеющие предел, но вечные. Настоящие наказания оканчиваются с настоящей жизнью, будущие продолжатся вечно. Словами: концы век – он внушает не что иное, как то, что страшный суд уже близок. **"Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (ст.12). Снова низлагает гордость тех, которые превозносились знанием. Если так пострадали получившие столько (даров), и одни подверглись такому наказанию только за ропот, другие за искушение (Бога), за то, что народ не благоговел пред Богом, несмотря на то, что достиг таких благ, – то тем более это последует с нами, когда мы не будем внимательными. Хорошо сказано: **"думает, что он стоит"**: надеяться на себя самого не значит стоять так, как должно стоять; такой человек скоро упадет; и они (израильтяне), если бы не превозносились и не надеялись на себя, а смирились, то не потерпели бы таких бедствий. Отсюда очевидно, что в особенности гордость, а затем беспечность и сластолюбие – источники этих зол. Потому, если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здесь не значит стоять твердо, пока мы не избавились от волн настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итак, не гордись тем,

что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Если опасался и Павел, который был крепче всех, то гораздо более должно опасаться нам. Апостол сказал: **"посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"**: а мы не можем сказать и этого, потому что все мы, так сказать, пали, повержены и лежим на земле. Кого мне представить в пример? Того ли, кто грабит каждый день? Он лежит, подвергшись великому падению. Блудника ли? Он повержен на землю. Пьяницу ли? Он лежит, даже не чувствуя, что лежит. Потому не это изречение теперь нужно произносить, а другое, сказанное пророком к иудеям: **"разве, упав, не встают?"** (Иер.8:4). Подлинно все пали и не хотят восстать; и нам следует внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащие постарались восстать. Восстанем же, возлюбленные, восстанем хотя теперь, и будем стоять твердо. Доколе мы будем лежать? Доколе будем упиваться и предаваться многим житейским пожеланиям? И теперь благовременно сказать: **"кому мне говорить и кого увещевать?"** (Иер.6:10)? Так все сделались глухи к учению о добродетели, и потому исполнились множества пороков! Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненные, такое (зрелище) мы увидели бы и в Церкви. Потому увещеваю и прошу: подадим друг другу руки и восстанем; ведь и я из числа раненных и требующих лечения. Впрочем, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцельны. Врач наш таков, что мы только бы чувствовали раны, а Он, хотя бы они были крайне опасны, откроет нам много путей ко спасению. Если ты оставишь гнев на ближнего, то и тебе будут прощены грехи твои: **"ибо если вы будете прощать людям"**, говорит (Господь), **"то простит и вам Отец ваш Небесный"** (Мф.6:14). Если ты подашь милостыню, то и тебе грехи будут прощены: **"искупи грехи твои"**, говорит (пророк), **"милосердием"** (Дан.4:24). Если будешь усердно молиться, получишь прощение: это доказывает вдова, неотступной просьбой преклонившая на милость жестокого судью (Лк.18:5). Если станешь осуждать себя за грехи, получишь утешение: **"говори ты беззакония твои первым[1], чтоб оправдаться"** (Ис.43:26). Если станешь скорбеть о них, и это будет для тебя величайшим врачеством: **"Я видел"**, говорит (Господь), **"что он опечалился и ходил смущенным, и исцелил пути его"** (Ис.57:17-18). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие, от всего избавишься, – ведь и богачу Авраам сказал: **"получил уже Лазарь злое в жизни своей, и здесь утешается"** (Лук.16:25). Если окажешь милость вдовице, очистятся грехи твои: **"защищайте"**, говорит (пророк), **"сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю"** (Ис.1:17-18). Бог не оставит на тебе и следа от ран твоих.

5. Хотя бы мы впали в такую глубину зол, в какую впал сын, расточивший отеческое имение и питавшийся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантов, и тогда, если припадем (к Господу) и не будем помнить зла, получим прощение во всем; хотя бы заблуждались так же, как овца заблудшая, и тогда (Господь) может спасти нас; будем только желать этого, возлюбленные, а Бог человеколюбив. Для него довольно было и того, что должник тысячи талантов припал к Нему, что расточивший отеческое имение только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенной. Потому, представляя себе Его человеколюбие, будем умиловать Его здесь и поспешим принести пред лице Его исповедание, чтобы, отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанию. Если в настоящей жизни мы покажем хотя некоторое тщание, то получим величайшую пользу; а если отойдем отсюда, нисколько не исправившись, то как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще; а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который, хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать. Впрочем, не он один, а много и ныне подобных ему богачей, которые денег не желают презирать, а душу презирают. Я удивляюсь, когда вижу, как часто они просят у

Бога милости, а сами к себе немилосерды, не щадят души своей, как будто она – враг их. Не будем шутить, возлюбленные, не будем издеваться и обольщать себя, прося себе у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщение и все прочее. Если бы кто предложил тебе на суд дело какого-нибудь человека и сказал бы, что он, подвергаясь смертным опасностям и будучи в состоянии небольшим количеством денег освободить себя от гибели, решил лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь из своего имущества, то ты, конечно, признал бы его недостойным никакой милости или прощения. Так суди и о себе самом: и мы делаем то же, пренебрегаем своим спасением, а дорожим деньгами. Как же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь сам себя и предпочитаешь деньги душе? Крайне удивляюсь, какое обольщение скрывается в деньгах, или, лучше, не в деньгах, а в душах обольщаемых. А есть, действительно есть, люди, которые смеются над этим обольщением. В самом деле, что в деньгах может обольщать нас? Не вещество ли они и бездушное и тленное? Не обманчиво ли обладание ими? Не сопряжено ли со страхом и опасностями, с убийствами и кознями, с враждой и ненавистью, с леностью и многими пороками? Не прах ли они и пепел? Какое безумие! Какая болезнь! Но, скажешь, не осуждать только нужно зараженных болезнью, а истреблять эту страсть. Как же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена бесчисленных зол? Впрочем не легко убедить пристрастившегося к этим детским игрушкам. Ему надобно указать на другую противоположную красоту. Но, как больной, он еще не может видеть красоты бестелесной. Потому представим красоту телесную и скажем ему: вообрази себе луга и на них цветы, которые прекраснее всякого золота, приятнее и светлее всяких драгоценных камней; вообрази прозрачные струи потоков и рек, которые тихо, подобно елени, протекают по земле; обратись к небу и посмотри на красоту солнца, благолепие луны, сияние звезд. Но что же из этого? Мы не можем, скажешь, пользоваться ими так, как деньгами? Напротив – более, нежели деньгами, потому что и употребление их необходимее, и наслаждение надежнее; тебе не нужно опасаться, чтобы кто не похитил их, подобно как деньги, но можно всегда быть уверену в них, притом без забот и беспокойств. Если же ты скорбишь о том, что пользуешься ими вместе с другими, а не один обладаешь ими так, как деньгами, то значит ты предан не деньгам, а только корыстолюбию. Ты не стал бы любить и денег, если бы они были общими для всех. Итак, нашедши то, что ты любишь, т.е. корыстолюбие, я теперь покажу тебе, как оно тебя не любит и ненавидит, сколько изощряет против тебя мечей, сколько искапывает пропастей, сколько раскидывает сетей, сколько приготовляет стремнин, чтобы хотя таким образом погасить страсть твою. Откуда же это видно? Из войн, из того, что на дорогах, на морях, в судилищах. Ведь оно и моря наполняет кровью, и мечи судей часто обагрывает несправедливо, и вооружает производящих засады на дорогах днем и ночью, и заставляет забывать самую природу, и создает отцеубийц и матереубийц, и вводит вообще всякое зло в жизни.

6. Потому-то Павел называет (сребролюбие) корнем (всех зол) (1Тим.6:10). Оно приводит преданных ему в состояние ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы (в рудниках). Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, сокрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные (на работы в рудниках), по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжелой их работы; а последние не знают меры, но чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают по неволе, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных. А что действительно они находятся в худшем

состоянии, послушай, в каком состоянии – те, тогда поймешь, в каком – они. Говорят, что златоносная земля имеет в мрачных своих пещерах расселины и впадины; преступник, осужденный на работу в них, взяв лампаду и заступ, входит внутрь, неся с собою сосуд с маслом, чтобы подливать из него в лампаду, потому что там, как я сказал, непроницаемая тьма и днем; потом, когда наступает время несчастному принять пищу, а сам он не знает времени, страж узников сильно ударяет в пещеру сверху, и этими ударами и звуком дает знать работающему внутри об окончании дня. Не содрогаются ли вы, слыша это? Посмотрим же, не тяжелее ли страдают сребролюбцы. Подлинно, и страж их жесточе, т.е. сребролюбие, тем жесточе, что вместе с телом он связывает у них душу; и тьма их ужаснее той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идут они, всюду носят ее с собою, так как у них омрачилось душевное око. Потому и Христос, выражая крайнее их несчастье, говорит: **"ибо если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?"** (Мф.6:23). Те имеют по крайней мере свет лампы; а эти (сребролюбцы) лишены и такого света, и потому ежедневно впадают в тысячи пропастей. Притом осужденные при наступлении ночи успокаиваются, достигая общего для всех несчастных покоя, т.е. ночи; а для сребролюбцев заграждена и эта пристань корыстолюбием; они обременены тяжкими заботами и ночью, и со всем усердием изнуряют сами себя, без всякого стороннего принуждения. Это с ними происходит здесь; а что там, – какое может выразить слово? Там невыносимые печи, огненосные реки, скрежещущие зубы, неразрешимые узы, ядовитый червь, непроницаемый мрак, бесконечные мучения. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника таких мучений, ненасытной страсти, пагубы нашего спасения. Невозможно любить вместе и серебро и душу. Будем знать, что деньги – земля и пепел, что они покинут нас при отшествии нашем отсюда, или, лучше, часто покидают нас еще прежде отшествия, причиняя нам вред и в будущей и в настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошних мучений они возбуждают у нас и здесь тысячи браней, производят несогласия и раздоры. Ничто в самом деле не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача, или у бедняка, – потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных, и увеличивает бедность их. Если бедный окажется сребролюбив, то он будет мучиться не от денег, а от голода; он не будет спокойно пользоваться своим малым имуществом, но станет истощать желудок голодом, изнурять все тело наготой и холодом, везде являться неопрятнее и грязнее узников, беспрестанно плакать и рыдать, как будто он всех несчастнее, хотя есть тысячи беднее его; пойдет ли он на торжище, возвратится оттуда с множеством ран; пойдет ли в баню или на зрелище, получит еще больше ран не только от зрителей, но и от действующих на сцене, увидев много распутных женщин, сияющих золотом; поплывет ли по морю, опять, видя там купцов, корабли, нагруженные множеством товаров, и несметные выгоды, возненавидит и жизнь свою; пойдет ли сухим путем, там видя поля, дачи, гостиницы, бани, и воображая получаемые с них доходы, почтет жизнь свою не жизнью; заключится ли дома, и там, растравляя раны, полученные на базаре, тем более будет терзаться душой, так что для него остается одно только утешение от угнетающих его страданий, – смерть и прекращение жизни. Тому же может подвергнуться не только бедный, но и богатый, впавший в эту болезнь, и тем более в сравнении с бедным, чем сильнее в нем страсть и чем больше ослепление; он будет считать себя беднее всех, и действительно он беднее всех. Не по мере имущества, но по расположению души надобно судить о богатстве и бедности; беднее всех тот, кто всегда желает большего и никогда не может остановить своего злого желания. Итак, будем убегать сребролюбия, этого виновника бедности, губителя души, друга геенны, врага царствия небесного, источника вообще всех зол; будем презирать имущество, чтобы лучше пользоваться имуществом, а вместе с имуществом получить и обетованные нам блага, которых да сподобимся все мы (благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] В синод.перев. эти слова пропущены

БЕСЕДА 24

"Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести" (1Кор.10:13).

1. (Апостол) достаточно возбудил в них (коринфянах) страх указанием на древние примеры и опасение словами: **"кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (ст.12): но так как они уже претерпели много искушений и часто подвергались им: **"был я у вас"**, говорит он, **"в немощи и в страхе и в великом трепете"** (2:3), – то чтобы они не сказали: "для чего ты устрашаешь нас и предупреждаешь? Нам не безызвестны бедствия, мы были гонимы и преследуемы, подвергались многообразным и частым опасностям", – он опять смиряет гордость их и говорит: **"вас постигло искушение не иное, как человеческое"**, т.е. малое, краткое, умеренное. Человеческое он употребляет вместо малого, как например в словах: **"говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей"** (Рим.6:19). Не превозносите, говорит, будто вы устояли против бури; вы еще не видали опасности, которая угрожала бы смертью, и искушения, которое могло бы погубить. То же говорит он и евреям: **"вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха"** (Евр.12:4). Устрашив и внушив смиренномудрие, далее, смотри, как он опять ободряет их: **"и верен Бог"**, говорит, **"Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил"**. Значит, есть искушения, которых нельзя перенести. Какие же это? Можно сказать – все, потому что возможность переносить их зависит от помощи Божией, которую мы приобретаем собственным нашим расположением. Потому, чтобы ты вполне убедился, что не только (искушений) превышающих наши силы, но и человеческих мы не можем переносить без помощи свыше, он присовокупляет: **"но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести"**. Даже умеренных (искушений) мы не можем, как я сказал, переносить собственной силой, но и в этом случае имеем нужду в помощи (Божией), чтобы преодолеть, а прежде, нежели преодолеем, переносить их. Бог подает и терпение и скорое освобождение, так что искушение делается сносным. Это понимает (апостол), когда говорит: **"даст и облегчение, так чтобы могли перенести"**; все приписывает Ему. **"Итак"**, братие моя, **"убегайте от идолослужения"** (ст.14). Опять выражает свое расположение к ним, называя их родственным именем, и побуждает скорее отстать от греха; не просто сказал: отстаньте, но: бегайте; и называет дело идолослужением, чтобы они отстали от него не только потому, что оно причиняет вред ближнему, но и потому, что оно само по себе весьма губительно. **"Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю"** (ст.15). Так как он сказал многое и усилил обличение, назвав идолослужением, то, чтобы не показалось, что он говорит им слишком резко и укоризненно, отдает это на их суд и похвалив поставляет их судьями: **"я говорю вам"**, говорит, **"как рассудительным"**. Надобно быть совершенно уверенным в собственной правоте, чтобы самого обвиняемого ставить судьей дела. Это весьма много ободряет и слушателей, когда кто беседует с ними, не как повелитель или законодатель, но как советник, ожидающий суда их самих. С иудеями, которые были несмысленны и детски малоумны, Бог не так беседовал и не везде открывал им причины повелений, а только повелевал; но здесь, так как мы удостоены великой свободы и способны участвовать в совете, (апостол) беседует, как с друзьями, и говорит: я не требую других судей, вы сами произнесите этот суд, вас беру судьями. **"Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови"**

Христовой?" (ст.16). Что говоришь ты, блаженный Павел? Ты желаешь пристыдить слушателя и напомнить о страшных тайнах, а называешь эту страшную и грозную чашу чашей благословения? Да, говорит, сказанное не маловажно; когда я говорю: благословение, то припоминаю все сокровище благодеяний Божиих и великие дары. Подлинно, приступая к чаше и приобщаясь, мы вспоминаем неизреченные благодеяния Божии и все, что получили, и благодарим, что Он избавил род человеческий от заблуждения, что бывших далеко Он приблизил, что не имевших упования и безбожников в мире Он сделал своими братьями и сонаследниками. За это и все тому подобное мы благодарим Его и таким образом приступаем. А вы, коринфяне, говорит, не поступаете ли напротив, когда благословляя Бога, что Он избавил вас от идолов, опять прибегаете к их трапезам? **"Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой?"** Весьма верно и страшно он выразился; а смысл слов его следующий: находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа: того мы и приобщаемся. Чашей благословения назвал ее потому, что мы, держа ее в руках, прославляем Его, удивляемся и изумляемся неизреченному дару, благословляя за то, что Он пролил ее для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обагрй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моею кровью. Что, скажи мне, страшнее этого? Что любвеобильнее?

2. Так поступают любящие: когда они увидят, что любимые ими желают чужого и чуждаются своего, то отдают им свое, чтобы отвлечь от чужого. Впрочем любящие оказывают такую щедрость в деньгах, в одеждах, в имуществах, а в крови никто и никогда; но Христос и ею доказал попечительность и горячую любовь к нам. В ветхом завете, когда люди были несовершенны, Он такую же кровь, какую (язычники) приносили идолам, благоволил и сам принимать, чтобы отвратить от идолов, – что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Он преподал священнодействие более страшное и совершенное, изменив жертву, повелев вместо заклания бессловесных приносить Его самого. **"Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?"** Почему не сказал: причастие? Потому, что хотел выразить нечто большее, показать великое единение. Приобщаясь мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы чрез этот хлеб соединяемся с Ним. А почему прибавил: **"который преломляем"**? Потому что это делается в евхаристии; а на кресте этого не было, но было даже противное: **"кость"**, говорит Писание, **"Его да не сокрушится"** (Ин.19:36). Чего Он не претерпел на кресте, то претерпевает в приношении для тебя, и дает преломлять Себя, чтобы исполнить всех. Далее сказал: **"приобщение Тела"**: так как приобщающееся отлично от того, чему оно приобщается, то уничтожает и это, по-видимому малое, различие. Именно, сказав: **"приобщение Тела"**, хочет выразить еще теснейшую близость и говорит: **"один хлеб, и мы многие одно тело"** (1Кор.10:17). Что я говорю: приобщение? – продолжает он, – мы составляем самое Тело Его. Что такое этот хлеб? Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что, хотя в нем есть зерна, но их не видно, и различие их не приметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же телом. Потому и присовокупляет: **"ибо все причащаемся от одного хлеба"**. Если же мы питаемся одним и все делаемся одним, то почему не оказываем одной и той же любви, не делаемся одним и в этом отношении? В древние времена у предков наших так именно и было: **"у множества же уверовавших"**, говорит (Писание), **"было одно сердце и одна душа"** (Деян.4:32). А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множеством разного рода браней: мы – члены – расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собой тебя, столько отделившегося от Него; а ты не хочешь даже с братом

соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Владыки такой любви и жизни. Он не просто дал Свое тело, но вместо прежней плоти, которая, по естеству своему происходя из земли, была умерщвлена грехом и лишена жизни, Он привнес, так сказать, другой состав и другую закваску – свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда греха и исполнена жизни, и всем преподал ее, чтобы, питаясь ею и отложив прежнюю мертвенную (плоть), мы уготовились посредством этой трапезы в жизнь бессмертную. **"Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?"** (1Кор.10:18). И это доказывает опять из Ветхого завета. А так как величие сказанного много превышало их понятия, то убеждает их прежними и обыкновенными примерами. И хорошо говорит: по плоти, – потому что они – по духу. А смысл слов его следующий: научитесь хотя из грубейших (примеров), что вкушающие от жертв делаются участниками жертвоприношения. Видишь ли, как он доказывает, что считающиеся совершенными не имеют совершенного знания, если они не знают даже того, что от такого общения у многих происходит некоторое дружество с демонами, когда они мало-помалу приобретают к тому навык? Если у людей общение соли и трапезы бывает поводом и знаком дружбы, то тоже самое может быть и в отношении к демонам. Заметь, как он об иудеях не сказал, что они были общниками Богу, но: **"участники жертвенника"**, потому что сожигалось предлагаемое; а о теле Христовом не так, но как? Общение тела Господня есть, потому что мы делаемся общниками не жертвенника, а самого Христа. Сказав: **"участники жертвенника"**, и опасаясь, чтобы кто не подумал, будто он говорит об идолах, как бы имеющих некоторую силу и могущих причинить вред, – смотри, как он далее отвергает эту мысль и говорит: **"что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?"** (ст. 19).

3. Говорю это, продолжает он, и отклоняю вас от идолов не потому, чтобы они могли причинить какой-нибудь вред, или имели какую-нибудь силу; они – ничто; но хочу, чтобы вы презирали их. Если же он хочет, скажешь, чтобы мы презирали их, то почему с таким усилием отклоняет нас от них? Потому, что (жертвы их) приносятся не твоему Владыке. **"Но что язычники, принося жертвы"**, говорит, **"приносят бесам, а не Богу"** (ст.20). Не обращайтесь же к тому, что противно (Богу). Если бы ты был сыном царским и, участвуя в трапезе отца, захотел оставить ее и принимать участие в трапезе преступников и темничных узников, то отец позволил ли бы? Напротив, он строго запретил бы, не потому, чтобы эта трапеза могла повредить тебе, а потому, что она бесчестит благородство твое и трапезу царскую. Так и эти (приносящие жертвы идолам) суть низкие рабы, преступные и осужденные узники, соблюдаемые для тяжкого наказания и достойные тысячи казней. Как же ты не стыдишься, подобно чревоугодникам и рабам, стремиться к трапезе, которую предлагают эти преступники, и участвовать в предлагаемом? Вот почему я отклоняю тебя от этого! Цель приносящих жертвы и свойство лиц приемлющих делают предлагаемое нечистым. **"Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами"**. Видишь ли любовь попечительного отца? Видишь ли, как самые слова его выражают великую доброжелательность? Не хочу, говорит, чтобы вы имели какое-нибудь общение с ними (неверными). А так как он говорил в виде совета, то, чтобы кто из упорнейших не ослушался и не счел себя в праве (не делать этого), после слов: **"но я не хочу: сами рассудите"**, далее он произносит решительное определение и говорит: **"не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской"** (ст.21). Одни эти выражения достаточны для вразумления. Потом говорит с укоризной: **"неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?"** (ст.22). Т.е., неужели мы смеем искушать Его, может ли Он наказать нас, и раздражать Его, переходя на сторону Его противников и становясь наряду с врагами Его? Здесь он напоминает о ветхозаветных событиях и беззакониях предков; потому употребляет и то самое выражение, которое некогда употребил Моисей, от лица Божия обличая иудеев в идолопоклонстве: **"они"**, говорил он, **"раздражили**

Меня не богом, суетными своими огорчили Меня" (Втор.32:21). **"Разве мы сильнее Его?"** Видишь ли, как сильно, как страшно он поражает их, потрясая самые нервы их, доводя их суждения до нелепости, и таким образом низлагая гордость их? Но почему, скажешь, он не сказал этого в начале, чтобы скорее отклонить их? Таков его обычай: подтверждать учение свое многими доводами, полагая сильнейшие на конце, и таким образом побеждать совершенно. Так (и здесь), начав с меньшего, он дошел до самого главного; последнее гораздо скорее могло быть принято после того, как душа слушателей смягчилась прежними доводами. **"Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого"** (1Кор.10:23-24). Видишь ли великую его мудрость? Так как иной из них мог сказать: я совершен, я властен над собою, я вкушаю предлагаемое без вреда для себя, то он говорит: положим, что ты совершен и властен над собою; но смотри не на это, а на то, не причиняет ли твое поведение какого-нибудь вреда, или какого-нибудь расстройства. То и другое он выразил словами: **"не все полезно, не все назидает"**, разумея первое о нем самом, а второе о брате; выражение: **"не полезно"** указывает на погибель его самого, а **"не назидает"** – на соблазн брата. Потому и присовокупляет: **"никто не ищи своего"**. Это раскрывает он во всем послании, равно как и в послании к Римлянам, когда говорит: **"ибо и Христос не Себе угождал"** (Рим.15:3); и еще: **"так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы"** (1Кор.10:33). Также и здесь он не распространяется об этом. Выше он пространно доказывал и доказал, что он никогда не искал своей пользы, был для иудеев, как иудей, для неимеющих закона, как без закона, самой свободой и властью своей не просто пользовался, а (искал) пользы всех, служа всем; потому здесь он довольствуется немногими словами и прекращает речь, напоминая им этими немногими словами все, что сказано было прежде. Зная это, возлюбленные, будем и мы пещись о братьях и соблюдать единение с ними. К этому побуждает нас та великая, страшная и ужасная Жертва, повелевающая нам приступать к ней с совершенным единодушием и пламенной любовью, окрыляться подобно орлам, и таким образом воспарять к самому небу. **"Ибо, где будет труп"**, говорит Господь, **"там соберутся орлы"** (Мф.24:28). Трупом Он называет умершее Тело, так как если бы Он не умер, то и мы не воскресли бы; а орлами называет приступающих к этому Телу и внушает, что они должны возвышаться, не иметь ничего общего с землей, не оставаться долу, и не пресмыкаться, но непрестанно взлетать горе, стремиться к Солнцу правды и иметь острое око души. Ведь это – трапеза орлов, а не галок. Достоинно причащающиеся ныне сретят тогда (Господа) грядущего с небес; а (причащающиеся) недостойно подвергнутся погибели.

4. Если никто не примет просто царя, – что я говорю: царя? – если к одежде царской никто просто не посмеет прикоснуться нечистыми руками, хотя бы в сокровенном месте, хотя бы наедине, хотя бы никого другого не было, тогда как одежда есть не что иное, как ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и однако никто не решится взять ее нечистыми руками; если, говорю, к человеческой одежде никто не посмеет прикоснуться просто, – то как мы дерзнем принимать с неуважением Тело всех Бога, Тело непорочное, чистое, соединенное с божественным естеством, которым мы существуем и живем, которым сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нет, умоляю, не будем губить себя бесстыдством, но будем приступать к Нему с трепетом и со всякой чистотой. Когда ты увидишь Его предложенным, то скажи самому себе: чрез это Тело я уже не земля и пепел, уже не пленник, а свободный; чрез него я надеюсь достигнуть небес и уготованных там благ – бессмертной жизни, жребия ангелов, соединения со Христом; смерть не устояла, когда это Тело было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидев это Тело распинаемым; раздралась в то время завеса, распались камни, потряслась вся земля; оно – то самое Тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной спасительные источники – кровь и воду. Хочешь ли еще видеть силу его? Спроси кровоточивую, которая

прикоснулась не к нему, а к одежде, в которую оно было облечено, и даже не к целой одежде, а к краю ее; спроси море, которое носило его на хребте своем; спроси самого диавола и скажи ему: откуда у тебя неисцельная рана? – отчего ты уже не имеешь никакой силы? – как ты подвергся плену? – кем ты удержан, когда предался бегству? – и он укажет тебе не на что иное, как на Тело распятое. Им притуплено жало его, им сокрушена глава его, им посрамлены начала и власти его: совлек, говорит (Писание), начала и власти, изведе в позор с дерзновением, победив их в себе (Кол.2:15). Спроси также смерть и скажи: чем истреблено твое жало? – чем разрушена твоя победа? – чем сокрушена твоя сила? – отчего ты сделалась посмешищем девиц и отроков, тогда как прежде была страшна всем властелинам и даже праведникам? – и она укажет на то же Тело. Когда оно было распинаемо, тогда восстали мертвые, тогда разрушилась та темница, сокрушились медные врата, и мертвые воскресли, а все стражи ада пришли в ужас. Если бы оно было одним из многих, то надлежало бы произойти противоположно: смерть одолела бы; но не то произошло, потому что оно не было одним из многих; потому она (смерть) и была побеждена. Как принимающие такую пищу, которой не могут удержать в себе, извергают с нею и то, что было принято ими прежде, так было и со смертью: приняв Тело, которого не могла сокрушить, она извергла и то, что имела в себе; приняв его, она испытала болезни рождения и мучилась дотолы, пока не возвратила его. Потому апостол и говорит: **"расторгнув узы[1] смерти"** (Деян.2:24). Ни одна жена, рождающая ребенка, не мучится так, как мучилась и терзалась она, приняв в себя Тело Владычье. Что случилось с вавилонским змием, который, приняв пищу, сам расторгся (Дан.14:27), то же и с нею. Христос вышел обратно не чрез уста смерти, но расторгнув и растерзав самое чрево этого змия, вышел таким образом из внутренностей его с великой славой, пролив лучи не до неба только, но до самого горнего престола, куда Он и вознес с Собой Тело. Это Тело Он дал нам для обладания и ядения, чем и показал сильную любовь; ведь кого мы сильно любим, того часто и угрызаем. Так Иов, выражая любовь к нему рабов его, сказал, что они от сильной любви к нему часто говорили: **"кто бы дал нам насытиться плотью его"** (Иов.31:31)? Так и Христос дал нам насытиться от плотей Его, чтобы возбудить в нас сильнейшую любовь.

5. Итак, будем приступать к нему с пламенной любовью, чтобы нам не подвергнуться наказанию, так как чем более мы благодетельствованы, тем более будем наказаны, если окажемся недостойными благодетельствования. Это тело почтили волхвы, когда оно лежало в яслях. Люди не знавшие истинного Бога и чужеземные, оставив дом и отечество, предприняли далекий путь, и пришедши поклонились ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать хотя этим чужеземцам мы, граждане неба. Они, увидев Его в хижине и в яслях и не увидев ничего такого, что (видишь) ты теперь, приступили с великим трепетом; а ты видишь его не в яслях, а на жертвеннике, видишь не жену держащую, а священника предстоящего и Духа, осеняющего предложенное с великой щедростью; и не просто только видишь это Тело, как они (видели), но знаешь и силу Его и все домостройство, знаешь все, что совершилось чрез Него, будучи тщательно научен всем тайнам. Потому будем приступать с трепетом и показывать более благоговения, нежели те чужеземцы, чтобы, приступая к Нему просто и невнимательно, не собрать нам огня на свою голову. Впрочем говорю это не к тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно, потому что как опасно приступать без рассуждения, так и не приобщаться этой таинственной вечери есть голод и смерть. Эта трапеза есть сила для души нашей, крепость для сердца, основание упования, надежда, спасение, свет, жизнь. Отошедши туда с этой жертвой, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием. Но что я говорю о будущем? Это таинство и здесь делает для тебя землю небом. Открой же врата неба и взгляни, или лучше, врата не неба, а неба небес, и ты увидишь тогда сказанное. Что там есть самого драгоценного, то же самое я покажу тебе и на земле. Как в царских чертогах

всего важнее не стены и не золотая крыша, а тело царя, сидящего на престоле, так и на небесах – тело Царя. Но то же самое ты можешь видеть и ныне на земле, видеть не ангелов и архангелов, не небеса и небеса небес, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на земле то, что всего важнее, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусив, отходишь в дом свой? Очищай же душу, уготовляй сердце к принятию этих таин. Если бы тебе поручено было держать на руках царского сына во всем великолепии порфиры и диадемы, то ты без сомнения отверг бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человеческого, а самого Единородного Сына Божия, и как не трепещешь, скажи мне, как не оставляешь пристрастия ко всему житейскому, и вместо того, чтобы восхищаться одной этой драгоценностью, склоняешься к земле, предаешься страсти к деньгам и любви к золоту? Можешь ли иметь какое-нибудь извинение, какое-нибудь оправдание? Или ты не знаешь, что Владыка твой отвращается от всякого житейского великолепия? – что потому Он благоволил по рождении Своем возлежать в яслях и избрал бедную Матерь? – что потому Он преданному житейским выгодам отвечал: **"Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову"** (Мф.8:20)? А что ученики Его? Не ту же ли самую заповедь соблюдали и они, останавливаясь для жительства в домах людей бедных, один у кожевника, другой у скинотворца и порфиропродательницы? Они искали не знатных домов, а добродетельных душ. Будем же и мы соревновать им: станем восхищаться не красотой колонн и мраморов, а стремиться к горним обителям, презирать всякое здешнее великолеpie и пристрастие к деньгам и возвышаться мыслями своими горе. Если судить здраво, то и самый мир этот недостоин нас, не только что портики и галереи. Потому увещаваю, будем украшать свою душу, устроить этот дом, который мы возьмем с собой, когда переселимся отсюда, чтобы нам сподобиться и благ вечных, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] Гр. *οδίνας* – родовые муки

БЕСЕДА 25

"Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести" (1Кор.10:25).

1. Сказав, что невозможно пить чашу Господню и вместе чашу бесовскую, внушив совершенное воздержание от тех (бесовских) трапез примером иудеев, соображениями человеческими, указанием на страшные тайны и на то, что совершается в капищах, и возбудив (в коринфянах) великий страх, – далее, чтобы этим страхом не ввести их в другую крайность, чтобы они по чрезмерной осторожности не стали опасаться подобного осквернения каким-либо образом без их ведома, например на торжище, или как-нибудь иначе, (апостол) избавляет их от такого опасения и говорит: **"Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования"**. Если, говорит, будешь есть, не зная и не слыша (что это – идоложертвенное), то не подлежишь наказанию, так как это – дело неведения, а не невоздержания. И не только от такого опасения избавляет их, но и от другого, предоставляя им великую независимость и свободу: не дозволяет им даже сомневаться, т.е. исследовать и разведывать, идоложертвенное ли это или нет; а заповедует просто есть все, находящееся на торжище, не спрашивая, что такое предлагаемое. Следовательно и тот, кто ест (идоложертвенное) по неведению, остается невиновным. Идоложертвенное дурно не по природе своей, но производит осквернение по расположению вкушающего.

Потому он и говорит: **"без всякого исследования"**. **"Ибо Господня земля, и что наполняет ее"** (ст.26), а не демонов. Если же Его земля, и плоды, и все бессловесные животные, то нет ничего нечистого; нечистым же делается что-либо вследствие расположения и преслушания человека. Потому он не только дал позволение, но и присовокупил: **"если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести"** (ст.27). Заметь опять снисхождение его: он не повелевает и не предписывает ходить, но и не возбраняет; идущих же избавляет от всякого подозрения. Для чего? Чтобы излишняя осторожность не показалась делом страха и опасения, потому что кто разведывает, тот делает это по страху, а кто воздерживается после того, как узнал дело, тот воздерживается по нерасположению, презрению и отвращению. Поэтому Павел, желая устроить то и другое, говорит: **"все предлагаемое вам ешьте"**. **"Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам"** (ст.28). Он повелевает воздерживаться (от жертв идольских), не как от имеющих силу, но как от достойных отвращения. Избегайте (идоложертвенного), говорит, не потому, чтобы оно могло причинить вред, – оно не имеет никакой силы. Впрочем на том основании, что оно не имеет никакой силы, не вкушайте его безразлично, так как это – трапеза врагов и нечестивых. Потому и присовокупляет: **"не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее"**. Видишь ли, как он, и дозволяя есть, и заповедуя воздерживаться, приводит одно и то же доказательство? Не потому говорит, я возбраняю, будто это чуждая вещь, – Господня бо земля, – но, как сказано, за совесть, т.е. чтобы не сделать вреда. Следовательно, надобно разведывать? Нет, говорит, я разумею не твою совесть, а другого; ведь я предварительно сказал: **"ради того, кто объявил"**; и еще: **"совесть же разумею не свою, а другого"** (ст.29)

Но, может быть, кто-нибудь скажет: ты справедливо щадишь братьев и не дозволяешь нам есть идоложертвенное для них, чтобы **"совесть его, как немощного, не расположила и его есть идоложертвенное"** (1Кор.8:10); а для чего ты заботишься об язычнике? Не ты ли сказал: **"ибо что мне судить и внешних"** (1Кор.5:12)? Для чего же заботишься о них? Не о них, говорит, я забочусь, но и здесь – о тебе же. Потому и присовокупляет: **"ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?"** Свободой он называет – не быть обязанным соблюдать и не подвергаться запрещению; в этом и состоит свобода, чуждая иудейского рабства. А смысл слов его следующий: Бог создал меня свободным и поставил выше всякого вреда: но язычник не умеет ни судить о моем любомудрии, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станет осуждать меня и скажет сам себе: учение христиан – басня: они удаляются идолов, избегают демонов, а от приносимого им не отказываются; велико их чревоугодие. Какой же, скажешь, для нас вред оттого, и что он будет судить так несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода к осуждению? Если ты будешь воздерживаться, то он не скажет и этого. Как, говоришь, не скажет? Видя, что я не разведывая пользуюсь всем и на торжище и на пиру, как он не скажет и не осудит меня, что я употребляю все безразлично? Точно, нет, потому что ты пользуешься этим не как идоложертвенным, но как чистым; не разведывая, ты показываешь, что не боишься предлагаемого. Потому войдешь ли ты в дом язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебе разведывать, чтобы тебе не быть беспокойным и трусливым и не навлекать на себя излишних забот. **"Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?"** (ст.30). Что же, скажи мне, ты принимаешь с благодарностью? Божии дары. Благодать Его такова, что она делает душу мою чистою и поставляет ее выше всякой нечистоты. Как солнце, касаясь лучами своими всяких нечистот, вновь делает их чистыми, так или еще более и мы, обращаясь среди мира, можем оставаться чистыми, если захотим, и тем более, чем большую имеем силу.

2. Для чего же, скажешь, воздерживаться? Не для того, что иначе можно сделаться нечистым, но для брата, чтобы не иметь общения с демонами, и чтобы не подвергнуться осуждению от неверного. Здесь не свойство (яств), но преслушание и общение с демонами делают меня нечистым, и от произволения зависит осквернение. Что же значат слова: **"для чего порицать меня за то, за что я благодарю?"** Я, говорит, благодарю Бога, что Он настолько возвеличил меня и поставил выше иудейского унижения, что ничто не может вредить мне; а язычники, не зная моего любомудрия, будут подозревать противное и скажут: христиане желают нашего; они лицемеры; хулят демонов и отвращаются от них, а к трапезам их стекаются; что может быть неразумнее этого? Значит, они не для истины, но из честолюбия и властолюбия приняли это учение. Потому не безумно ли давать повод к хуле за те самые благодеяния, за которые приносится благодарность? Но, скажешь, язычник будет говорить это и тогда, когда увидит, что я не разведываю. Нет, потому что не все наполнено идоложертвенным, чтобы иметь такое подозрение; притом ты вкушаешь это, не как идоложертвенное. Итак, не разведывай напрасно; а с другой стороны не принимай участия, когда тебе скажут, что это идоложертвенное. Христос даровал тебе благодать, возвеличил тебя и поставил выше всякого вреда не для того, чтобы подавать повод к худой молве о тебе, и не для того, чтобы теми самыми преимуществами, за которые ты благодаришь, столько оскорблять других, что они могут хулить. А почему, скажешь, мне не сказать язычнику, что я вкушаю и не терпеть от того никакого вреда, и что я делаю это не из привязанности к демонам? Потому, что ты не убедишь его, хотя бы тысячу раз говорил это, так как он (человек) немощный и враг тебе. Если ты еще не убедил брата, то тем более (не убедишь) врага и язычника. Если этот связан совестью в отношении к идоложертвенному, то тем более неверный. Для чего же нам и прибегать к таким средствам? Но неужели нам отступить и от Христа, Которого мы познали и благодарим, потому только, что враги хулят нас? Да не будет! Есть различие между тем и другим; там бывает великое приобретение от перенесения хулы, а здесь нет никакой пользы. Потому (апостол) и сказал выше: **"едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем"** (8:8). Притом он доказал, что надобно удаляться и воздерживаться от идоложертвенного и по другим соображениям, не по этой только, но и по другим причинам, о которых он сказал выше. **"Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию"** (ст.31). Видишь ли, как он от частного предмета перешел в поучении к общему и преподал нам превосходное правило – прославлять Бога во всем? **"Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией"** (ст.32); т.е. не подавайте никому никакого повода к соблазну. Иначе и брат соблазнится, и иудей еще более возненавидит и осудит тебя, и язычник будет смеяться над тобой, как над чревоугодником и лицемером. Не должно соблазнять не только братий, но, если возможно, и внешних. Если мы – свет, закваска, светила и соль, то мы должны просвещать, а не помрачать, скреплять, а не ослаблять, привлекать к себе неверных, а не отгонять от себя. Для чего же ты отгоняешь тех, которых должен привлекать? Подлинно язычники соблазняются, когда видят, что мы возвращаемся к этим (вещам), потому что они не знают нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякого чувственного осквернения. Иудеи и немощнейшие из братий испытают то же самое. Видишь ли, сколько он привел причин, по которым должно воздерживаться от жертв идольских? Именно: потому, что невоздержание бесполезно, излишне, вредит брату, возбуждает хулу со стороны иудея, поношение со стороны язычника, что и не должно иметь общения с демонами, что такое поведение есть некоторым образом идолослужение. Потом, когда сказал: **"не подавайте соблазна"**, возложил на них ответственность за соблазн иудеев и язычников и выразил нечто тяжкое, – смотри, как он делает это удобоприемлемым и легким: поставляет посредником самого себя и говорит: **"так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись"** (ст.33). **"Будьте подражателями мне, как я Христу"** (11:1).

3. Искать полезного для общества – вот правило совершеннейшего христианства, вот точное его назначение, вот верх совершенства! Это выражает и апостол словами: **"как я Христу"**. Ничем ты не можешь столько подражать Христу, как попечением о ближних; постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца. Воздержание от жертв идольских само по себе есть дело полезное; а я, говорит (апостол), делал много и неполезного, например обрезывал и приносил жертвы; такие действия, если рассматривать их самих в себе, могут даже погубить совершающих и лишиться спасения, но я подвергал себя и этому для проистекающей от того пользы. Здесь нет ничего подобного: в тех действиях, если не будет пользы для других, то может быть вред; а, здесь, хотя бы никто не соблазнялся, и в таком случае следует воздерживаться от запрещенного. Я подвергал себя не только вредному, но и трудному: **"другим церквям я причинял издержки"**, говорит, **"получая от них содержание"** (2Кор.11:8); когда можно было есть и не трудиться, я не искал этого, но решился лучше сам погибнуть с голода, нежели соблазнить другого. Потому он и говорит: **"я угождаю всем во всем"**; нужно ли сделать что-нибудь незаконное, или трудное и опасное, всему я подвергаюсь для пользы других. Так Павел, будучи выше всех по совершенству, становился ниже всех по снисхождению.

Подлинно никакой подвиг не может быть великим, если он не приносит пользы другим. Это видно из примера того, который принес талант целым и был наказан за то, что не умножил его. Так и ты, брат, будешь ли оставаться без пищи, спать на земле, есть пепел и постоянно плакать, но если не оказываешь никакой пользы другим, то не делаешь ничего важного. Это особенно имели в виду все великие в древности и доблестные мужи; исследуй тщательно жизнь их, и ты ясно увидишь, что каждый из них имел целью пользу не свою, а ближних; тем они особенно и прославились. Так Моисей совершил многие великие чудеса и знамения, но ничто столько не возвеличило его, как блаженные слова, сказанные им Богу: **"прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня"** (Исх.32:32). Таков был и Давид: **"вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего"** (2Цар.24:17). Также Авраам искал пользы не своей, но многих: потому подвергал себя опасностям и просил Бога за (людей), не имевших к нему никакого отношения. Так они прославились; а искавшие своей пользы, смотри, как причиняли вред. Так, племянник Авраама, выслушав слова его: **"если ты направо, то я налево"** (Быт.13:9), и сделав выбор, имея в виду свою пользу, не нашел ее; напротив страна его сгорела, а страна Авраама осталась невредимой. Иона, когда искал пользы не других, а своей, то едва не погиб: город стоял, а он подвергался опасности, был обуреваем волнами и утопал; когда же стал искать пользы других, тогда нашел и свою. Иаков, не искавший собственной пользы от стад, получил великое богатство. Также Иосиф, желая принести пользу братьям, нашел и свою: когда отец посылал его (к братьям), то он не сказал: как, разве ты не знаешь, что за видения и сны они готовы растерзать меня, что за толкование снов обвиняют меня, что за любовь твою ко мне намереваются наказать меня, – чего только не сделают они, встретив меня среди поля? Ничего такого он не сказал и не подумал, но предпочел всему служение братьям; потому и получил впоследствии все те блага, которые сделали его весьма славным и знаменитым. Так и Моисей, – ничто не препятствует упомянуть о нем в другой раз, чтобы видеть, как он не думал о своей пользе и искал пользы других, – проводя жизнь в царских чертогах, **"почел большим богатством, нежели Египетские сокровища, поношение"** (Евр.11:26), и, бросив все, решился разделять бедствия с евреями; но не только сам не подвергся рабству, а напротив освободил и их от рабства. Все эти деяния велики и достойны ангелов.

4. Но (деяния) Павла нмеют великое преимущество. Все другие, оставляя собственное благосостояние, принимали участие в бедствиях ближних; а Павел сделал гораздо больше.

Он не только участвовал в бедствиях других, а предпочитал сам терпеть крайние бедствия, чтобы другие наслаждались благосостоянием. Не одно и то же – отвергнуть свое благосостояние и предаться бедствиям (вместе с другими), или подвергать страданиям одного себя, а другим доставлять спокойствие и почести. Там, хотя и тяжело переменить благополучие на страдания для ближнего, однако есть некоторое утешение в том, что находятся сообщники страданий; а подвергать одного себя скорбям, чтобы другие наслаждались радостями, это – дело благороднейшей души и Павловой ревности.

Не одним этим, но и другим большим преимуществом он превосходит всех, о которых мы сказали выше. Авраам и все другие подвергали себя бедствиям настоящей жизни, и все вообще желали себе смерти; а Павел желал лишиться даже будущей славы для спасения других. Могу указать и третье преимущество. Какое же? То, что хотя некоторые из упомянутых мужей оказывали попечение о людях, враждовавших против них, но таких, которые находились под их руководством; они делали то же, что делал бы отец, пекущийся о дурном и преступном сыне, однако же сыне; а Павел желал подвергнуться анафеме за тех, которые не были вверены его попечению, – так как он был послан к язычникам. Видишь ли величие его души и превосходство его ревности, превышающие самое небо? Подражай ему; а если не можешь ему, то хотя (мужам, прославившимся в ветхом завете. Полезное для себя ты найдешь тогда, когда будешь искать (пользы) ближнего. Если не имеешь ревности пещись о брате, то помни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о нем и о делах его по крайней мере для себя. Сказанного достаточно для убеждения, что мы не можем иначе достигать полезного для нас. Но, если хочешь, можешь убедиться опытом и из обыкновенных примеров. Когда случится загореться какому-нибудь дому, то те, которые живут близко к нему и, заботясь только о себе, не станут предотвращать опасность, а запрут в своих домах из опасения, чтобы кто не вошел и не похитил чего-нибудь у них, – какое получают наказание? Огонь, дошедши до них, сожжет все их (имущество); не заботясь о пользе ближнего, они потеряют и свою. Бог, желая соединить всех друг с другом, поставил все в такой необходимой связи, что с пользой одного соединяется польза другого: на том стоит весь мир. Если на корабле, во время бури, кормчий, пренебрегши пользу других, будет искать только своей, то скоро потопит и себя и их. Если бы каждое ремесло стремилось только к своей пользе, то и жизнь была бы невозможна, и (невозможно) то самое ремесло, которое стремилось бы к этому. Потому земледelec сеет жита не столько, сколько нужно для него самого, – иначе он давно погубил бы и себя и других, – но он печется и о других; воин ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только самого себя, но чтобы и доставить безопасность городам: купец привозит не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многих других. Но каждый, скажет кто-нибудь, делает это, имея в виду не мою пользу, а свою, трудится для приобретения себе и денег, и славы, и безопасности, так что, доставляя пользу мне, он ищет своей. То же говорю и я, это давно и хотел внушить, к тому и направлял все мое слово, чтобы показать, что ближний тогда достигает своей пользы, когда заботится о твоей. Если бы люди не были поставлены в такую необходимость, то они не захотели бы искать пользы ближнего; потому Бог и соединил все таким образом и не попустил достигать своей пользы иначе, как путем пользы других. Людям свойственно идти таким путем к пользе ближнего; но заимствовать побуждение к тому должно не отсюда, а из того убеждения, что так угодно Богу. Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, но не заботишься о других, погибающих, то не будешь иметь никакого дерзновения пред Богом. Откуда это видно? Из слов блаженного Павла: **"если я",** говорит он, **"раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы"** (1Кор.13:3), Видишь ли, чего Павел требует от нас? Хотя раздающий (свое имение), по-видимому, ищет пользы не своей, а ближнего, но этого одного, говорит, недостаточно, а надобно это делать с искренностью и великим состраданием. Для того Бог и дал нам такую заповедь,

чтобы соединить нас союзом любви. Если же Он требует от нас любви в такой мере, а мы не оказываем ее и в меньшей, то удостоимся ли мы прощения? Как же, возразит кто-нибудь, Бог чрез ангелов сказал Лоту: "**спасай душу свою**" (Быт.19:17)? Но, скажи мне, когда это было и почему? Когда угрожало наказание, когда уже не время было исправляться, когда (нечестивые) были осуждены и страдали неизлечимой болезнью, когда старцы и юноши предались одним и тем же похотям и должны были сгореть, в тот день, когда молнии готовы были поразить их. Притом это сказано не о пороке и добродетели, но относилось к наказанию, ниспосланному от Бога. Что же тогда, скажи мне, должно было делать? Сесть, принять наказание и сгореть без всякой пользы? Но это было бы крайним безумием. Не то я говорю, чтобы должно было мучиться без причины и напрасно, вопреки воле Божией; но когда человек проводит порочную жизнь, то заповедаю тебе, приди к нему и исправь его, если хочешь, для блага ближнего, если же нет, то по крайней мере для своей пользы; первое лучше последнего, но если ты еще не достиг такой высоты, то делай это по крайней мере для последнего. Пусть никто не ищет своей пользы, и тогда найдет ее. Зная, что ни нищета, ни мучение и ничто другое не может спасти нас, если мы не имеем высокой любви, будем приобретать ее прежде всего, чтобы чрез нее нам получить и другие блага настоящие и будущие, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам" (1Кор.11:2).

1. Окончив речь об идольских жертвах, как следовало, и сделав ее совершенной во всех отношениях, (апостол) переходит к другому предмету, в котором (коринфяне) также погрешали, хотя и не так тяжко. Он обыкновенно, – повторяю опять то, что я сказал прежде, – не все сильные обличения поставяет сряду, но, располагая их в надлежащем порядке, вставляет между ними менее сильные, и таким образом облегчает тяжесть, которая происходила бы для слушателей от постоянных укоризн. Поэтому о самом важнейшем предмете, именно о воскресении он говорит после всего. Теперь же приступает к другому, менее важному, и говорит: "**хвалю вас, братия, что вы все мое помните**". Когда грех несомненен, тогда он сильно обличает и укоряет; а когда грех сомнителен, тогда наперед доказывает, а потом обличает: говоря о несомненном грехе, он показывает важность его, а говоря о сомнительном, доказывает действительность (его греховности). Так блуд без всякого сомнения есть грех, – потому он и не имел нужды доказывать, что это – грех, а показал тяжесть греха посредством сравнения. Судиться у неверных было грехом, но не так тяжким, – потому этот грех он поставяет между другими и доказывает (его греховность). Вкушение жертв идольских, хотя (в отношении своей греховности) подлежало сомнению, но было величайшим злом, – потому он и доказывает, что это – грех, и объясняет важность его. Поступая таким образом, он не только отклоняет от грехов, но и убеждает к противоположному. Так он говорит, что не только должно не блудодействовать, но и тщательно соблюдать святость: "**посему прославляйте**", присовокупляет, "**Бога в теле вашем, и в духе вашем**" (1Кор.6:20). Также сказав, что не должно быть мудрым внешней мудростью, не довольствуется этим, но и повелевает быть безумным. Увещевая не судиться у внешних и не причинять обид, потом и вообще возбраняет судиться и советует не только не обижать, но и терпеть обиды. Рассуждая о жертвах идольских, говорит, что должно воздерживаться не только от запрещенного, но и от дозволенного, когда от того происходит соблазн, и не должно соблазнять не только братьев, но и язычников и иудеев. "**Не подавайте соблазна**", говорит, "**ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией**". Таким образом совершенно

окончив речь о всем этом, он потом переходит к другому греху. Какой же это был грех? Жены с открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, – потому что тогда пророчествовали и жены, – а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона. Апостол, находясь (у коринфян), уже преподавал им наставление касательно этого предмета; но так как, может быть, одни послушались его, а другие оказались непослушными, то он вновь чрез послание, как мудрый врач, избыточным словом исправляет грех. А что он лично преподавал им наставление об этом, видно из начала его речи. Почему, в самом деле, не сказав прежде нигде ничего об этом в послании, а рассуждая о других грехах, он вдруг говорит: **"хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам"**. Очевидно, что одни послушались его, и их он похвалит, а другие оказались непослушными, и их он исправляет следующими словами: **"а если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая"** (ст.16). Если бы он сделал укоризну всем, как послушным, так и непослушным, то в первых возбудил бы негодование, а в последних усилил бы нерадение; но теперь, одних похвалив и одоблив, а других укоров, он первых ободряет, а последних приводит в стыд. Укоризна, хотя и сама по себе может тронуть, но имеет еще большую силу, когда соединяется с похвалой исправным. Потому он и начинает не с укоризн, но с похвал, притом с великих похвал, и говорит: **"хвалю вас, что вы все мое помните"**. Так обыкновенно поступает Павел: за малые (достоинства) воздает великие похвалы, делая это не из лести, – да не будет! мог ли (употреблять лести) тот, кто не искал ни денег, ни славы и ничего подобного? – но во всем имея в виду их спасение. Потому он и усиливает похвалу: **"хвалю вас, братия"**, говорит, **"что вы все мое помните"**. Что – все? Он говорил только о неращении волос и о непокрывании головы, но, как я сказал, усиливает похвалу, чтобы сделать их более усердными: **"что вы все мое"**, говорит, **"помните и держите предания так, как я передал вам"**. Следовательно он еще прежде преподавал им многое не письменно, как выражает это и во многих других местах; но прежде он только оставил им предание, а теперь присовокупляет и причину. Таким образом он еще более утверждает послушных и низлагает гордость непослушных. Не говорит: вы послушались, другие же не послушались, но, не выражая прямо, намекает на это в дальнейшем изложении своего наставления: **"хочу также"**, говорит, **"чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог"** (ст.3). Такова причина. А приводит он ее для того, чтобы немощных сделать более внимательными. Ведь верующий, как должно, и твердый в вере не нуждается ни в доказательстве, ни в причине того, что заповедуется ему, а довольствуется одним преданием; но немощный, узнав и причину, с большим усердием соблюдает сказанное и повинуется с большей преданностью.

2. Потому (апостол) и не приводил причины до тех пор, пока не увидел нарушения заповеди. Какая же причина? **"Всякому мужу глава Христос"**. Следовательно и язычнику? Нет. Если мы **"тело Христово, а порознь – члены"** (1Кор.12:27), а Он – наша глава, то Он не может быть главою тех, которые не составляют тела и не сделались членами Его. Следовательно, при слове: **всякому надобно подразумевать: верующему.**

Видишь ли, как везде он пристыжает слушателя, указывая на высшее? Рассуждая и о любви, и о смиреномудрии, и о милосердии, он отсюда же заимствовал доказательства. Глава же жене муж: глава же Христу Бог. Еретики указывают нам на эти слова, выводя из них мысль об уничтожении Сына (пред Отцом); но они опровергают сами себя. Если глава жены – муж, а глава единосущна с телом, глава же Христу – Бог, то Сын единосущен Отцу. Но, скажут, мы хотим доказать отсюда не различие по существу, а подчинение (Сына Отцу). Что сказать на это? То, что когда что-нибудь уничтоженное говорится о Нем в Его соединении с плотью, тогда это не унижает Божества, а относится к Его

домостроительству. Однако, скажи, как ты доказываешь отсюда мысль свою? Как жена, говоришь, подчинена мужу, так и Христос – Отцу. Следовательно, как Христос – глава мужа, точно так же и Отец – глава Сына? Всякому мужу, говорит (апостол), глава Христос есть. Но кто может когда-нибудь допустить это? Если допустить, что какое преимущество Сына пред нами, такое же и Отца пред Сыном, то подумай, до какой степени ты его унижаешь. Потому не следует принимать в одинаковом смысле все, что говорится о нас и о Боге, хотя говорится и одинаково; но должно приписывать Богу некоторое особенное преимущество, такое, какое свойственно Богу; иначе произойдет много нелепого. Смотри: глава Христу Бог, глава мужу Христос, глава жене муж: если во всей этой речи мы примем слово глава в одном и том же смысле, то Сын будет ниже Отца столько, сколько мы ниже Его; и жена будет ниже нас столько, сколько мы ниже Бога Слова, – так что в каком отношении Сын находится к Отцу, в таком же мы – к Сыну, и жена – к мужу. Но кто может допустить это? Ты принимаешь слово глава в отношении к жене в одном смысле, а в отношении к мужу в другом: почему же не принимаешь его в ином смысле в отношении ко Христу? Следует в ином смысле принимать его и в отношении к Сыну и Отцу. Как же, скажешь, иначе понимать его? В смысле начала. Если бы Павел хотел выразить власть одного и подчинение другого, как ты говоришь, то скорее привел бы в пример раба и господина, а не жену, потому что жена, хотя и подчинена нам, но как свободная и равночестная. Так и Сын, хотя повинуется Отцу, но как Сын Божий, как Бог; и как повиновение Сына Отцу больше, нежели у людей повиновение детей родителям, так и неподчиненность Его больше. Если отношения Сына к Отцу больше и совершеннее подобных же отношений у людей, то и отношения Отца к Сыну не меньше; если мы удивляемся Сыну, что Он был **"послушным даже до смерти, и смерти крестной"** (Флп.2:8), и вменяем Ему это в великую заслугу, то надобно удивляться и Отцу, что Он родил такого (Сына), Который не подчинен Ему, как раб, но повинуется, как свободный и как советник; советник же не есть раб. Опять, когда ты слышишь слово: советник, не принимай этого так, будто Отец имеет в чем-либо нужду, но так, что Сын равночестен Отцу. Равным образом не во всем применяй пример мужа и жены. У них жена справедливо подчинена мужу, потому что равночестие могло бы произвести вражду, и еще потому, что в начале от жены произошло обольщение; она подчинена не тотчас по сотворении: когда (Бог) привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, о власти же и подчинении ничего не говорил с ней; но когда она злоупотребила своей властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: **"к мужу твоему влечение твое"** (Быт.3:16). Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, – ведь после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив то самое, что, происшедши от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, – то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом, как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти, после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти – происходящего от греха злопамятства. Но в Боге, этом нетленном существе, нельзя предполагать ничего подобного. Потому применяй к Нему примеры не во всех отношениях; иначе и в других местах впадешь во многие и важные погрешности. Так и в начале послания (апостол) сказал: **"все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий"** (1Кор.3:22-23).

3. Что же? В одном ли смысле все – наше, а мы – Христовы, и Христос – Божий? Нет; напротив, и для самых неразумных очевидно различие, хотя употреблено одно и то же выражение о Боге, о Христе и о нас. И в другом месте, назвав мужа главой жены, он присовокупляет: как и Христос есть глава и Спаситель и предстатель Церкви, так и муж должен быть по отношению к жене своей (Еф.5:23-27). Можем ли и мы принимать в одном смысле все выражения, как здесь, так и сказанные после в послании к Ефесеям об

этом предмете? Нет; это невозможно. Одни и те же выражения употребляются о Боге и человеке: но иначе должно понимать одни, иначе другие; впрочем и не все различно, потому что они оказались бы употребленными без причины и напрасно, если бы мы не сделали из них никакого приложения. Как не все надобно понимать в одном смысле, так и не все надобно считать неприложимым. Для лучшего уразумения постараюсь объяснить это примером. Христос назван главой Церкви; если из этого выражения, заимствованного от человека, я не сделаю никакого приложения, то для чего оно мне и сказано? А с другой стороны, если я буду прилагать весь буквальный смысл его, то произойдет нелепость, потому что глава подобострастна телу и подвержена одним и тем же (недостаткам). Что же надобно отвергнуть и что принять? Надобно отвергнуть то, что я сказал, а принять совершенное единение (Христа с Церковью) и то, что Он есть Виновник и верховный Правитель ее; притом надобно разуметь это не просто, но в высочайшей степени и богоприлично; единение Его – самое твердое и правление – самое совершенное. Еще: Христос называется Сыном; и здесь опять не все принимай, но не все и отвергай, а приняв то, что прилично Богу, т.е. что Он единосущен Отцу и от Него рождается, неприличное и свойственное человеческой немощи не прилагай. Также Бог называется светом; можно ли прилагать к Нему все, что свойственно видимому свету? Нет; видимый свет ограничивается тьмой и местом, приводится в движение иной силой и помрачается, а в существе Божиим невозможно и представить ничего такого. Потому не будем отвергать всего, но извлекать некоторую пользу из этого подобия, разумея просвещение, даруемое нам от Бога, и избавление от тьмы. Это против еретиков; а теперь нужно сказать о целом объясняемом месте. Может быть, кто-нибудь станет недоумевать и спросит себя: какая вина в том, если бы жены открывались, а мужи покрывались? В чем здесь состоит вина, можешь видеть из следующего. Мужу и жене дано много различных знаков, одному – власти, а другой – подчиненности, между прочим и тот, чтобы жена покрывалась, а муж был с обнаженной головой. Если же таковы знаки, то оба они погрешают, когда нарушают благочиние и заповедь Божию, когда преступают собственные пределы, муж ниспадая до унижения жены, а жена возвышаясь своим внешним видом пред мужем. Если им непозволительно изменять свою одежду, т.е. жене одеваться в мужское платье, а мужу надевать женскую одежду и покрывало, – **"на женщине не должно быть"**, говорит (Писание), **"мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье"** (Втор.22:5), – то тем более непозволительно меняться одеждами. Это узаконено людьми, хотя после и утверждено Богом; а то происходит от самой природы, т.е. чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался. Под именем природы я разумею Бога, потому что Он есть Создатель природы. Потому если ты преступишь эти пределы, то, смотри, сколько произойдет вреда. Не говори мне, что это преступление – маловажно; оно велико и само по себе, потому что оно есть преслушание: а если бы и было маловажно само по себе, то оно велико потому, что касается знака великих предметов. А что (этот знак) велик, видно из того, что он производит благоустройство в роде (человеческом), представляя в надлежащем виде начальствующего и подчиненного; поступающий же против этого приводит все в смешение, лишает себя даров Божиих, унижает честь, дарованную ему свыше, и не только муж, но и жена. Ведь и для нее большая честь – сохранять свое место, а напротив постыдно – выходить из пределов. Потому (апостол) и говорит об них обоих: **"всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову"** (1Кор.11:4-5). В то время, как я сказал, были и мужи пророчествовавшие, и жены имевшие этот дар, например дочери Филиппа и другие прежде и после них. О них и пророк в древности сказал: **"будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши будут видеть видения"** (Иоил.2:28). Мужу (апостол) повелевает быть открытым не всегда, а только во время молитвы: **"всякий муж"**, говорит, **"молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову"**. Жене же повелевает быть покрытой всегда; потому, сказав: **"всякая жена, молящаяся**

или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову", он не останавливается на этом, но продолжает: **"ибо это то же, как если бы она была обритая"**. Если быть обритой всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытой всегда постыдно.

4. (Апостол) не останавливается и на этом, но еще присовокупляет: **"жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов"** (ст.10); показывает, что не только во время молитвы, но и всегда она должна покрываться. А мужу заповедует уже не касательно покрывания, а касательно волос: запрещает покрываться только во время молитвы, растить же волосы возбраняет всегда. Как о жене сказал: **"если не хочет покрываться, то пусть и стрижется"**, так и о муже: **"если растит волосы, то это бесчестье для него"** (ст.14). Не сказал: если покрывается, но: **"если растит волосы"**. Потому и в начале сказал: **"всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою"**, не сказал: накрывшись, но: с покрытою головою, выражая, что молящийся хотя с обнаженною главою, но с отроченными волосами, равен покрывшемуся: **"так как"**, говорит, **"волосы даны вместо покрывала"** (ст.15). **"Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается"** (ст.6). Сначала требует, чтобы жена не обнажала головы своей, а потом объясняет, что она постоянно должна быть покрытой: **"ибо это то же, как если бы она была обритая"**, – и притом (покрытой) со всей тщательностью и осмотрительностью, так как не сказал просто: да накрывается (καλύπτεσθαι), но: покрывается (катаκαλύπτεσθαι), т.е. должна тщательно закрываться со всех сторон. Показывает и неприличие противного образа действий и сильно укоряет, когда говорит: **"если не хочет покрываться, то пусть и стрижется"**: если, говорит, ты свергаешь покрывало, установленное законом Божиим, то свергни и данное природой. Но, скажет кто-нибудь, как может служить жене бесчестьем то, если она восходит до чести мужа? Чрез это, скажем мы, она не только не восходит, но лишается и собственной чести. Ведь не соблюдать собственных пределов и законов, установленных Богом, преступать их, – это не возвышение, а унижение. Как желающий чужого и похищающий непринадлежащее ему не приобретает, а унижается и теряет и то, что он имел, как например было в раю, так и жена в этом случае не приобретает себе благородство мужа, но теряет и благопристойность жены; притом же не это одно постыдно для нее, но и самое любостыжание. Таким образом, указав на то, что несомненно признается постыдным, в словах: **"а если жене стыдно быть остриженной или обритой"**, (апостол) наконец от себя говорит: **"пусть покрывается"**. Не сказал: пусть растит волосы, но: **"пусть покрывается"**, внушая, что и то и другое одинаково, и доказывая это с двух сторон, со стороны закона и со стороны противоположной (от природы). Покрывало и отроченные волосы, говорит, одно и то же, равно как бритая и обнаженная голова – одно и то же: **"ибо это"**, говорит, **"то же, как если бы она была обритая"**. Но спросит кто-нибудь: как одно и то же, когда та имеет естественное покрывало, а обритая не имеет и этого? Та, скажем мы, имея обнаженную голову, своей волей отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волос, то это дело природы, а не ее; следовательно как обритая имеет обнаженную голову, так и она. Для того (Бог) и повелел природе покрывать голову волосами, чтобы жена, научившись от природы, и сама покрывалась. Далее (апостол) приводит причину, рассуждая с своими слушателями, как с свободными, что я многократно замечал. Какая же причина? **"Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия"** (ст.7). Опять же вторая причина: муж, говорит он, не должен покрываться не только потому, что имеет главою своей Христа, но и потому, что имеет власть над женой. Когда имеющий власть приступает к царю, то он должен иметь на себе знак своей власти. Потому, как никто из имеющих власть не осмелился бы явиться пред облеченного диадемой без пояса и (приличной сану) одежды, так и ты без знаков своей власти, т.е. без обнаженной головы, не молись Богу, чтобы не

нанести бесчестия и себе и почтившему тебя. То же самое можно сказать и о жене: и для нее бесчестно не иметь знаков своей подчиненности. Жена же слава мужу есть. Следовательно власть мужа (над женой) естественна. Объяснив это, он далее представляет другие основания и причины, возводит тебя к началу творения и говорит: **"ибо не муж от жены, но жена от мужа"** (ст.8). Если происхождение одного от другого составляет славу последнего, то тем более сходство их. **"И не муж создан для жены, но жена для мужа"** (ст.9). Это – второе преимущество, или, лучше, третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христос, а мы (глава) жены; второе то, что мы – слава Божия, а наша слава – жена; третье то, что не мы от жены, но жена от нас; четвертое то, что не мы для нее, а она для нас. **"Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти"** (ст.10). Почему же именно? По всем сказанным (причинам), и кроме того для Ангелов. Если ты, говорит, не обращаешь внимания на мужа, то постыдись Ангелов.

5. Итак, покрытие есть знак покорности и подчинения; оно побуждает смотреть вниз, смиряться и соблюдать добродетель; добродетель же и честь подчиненного состоят именно в том, чтобы пребывать в послушании. Мужу не предписывается это делать, так как он – образ самого Владыки; а жене справедливо (предписывается). Потому посуди, как велико преступление, когда ты, удостоившийся такой власти, бесчестишь себя, принимая вид жены; ты делаешь то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее с головы, и вместо диадемы надел рабскую одежду. **"Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе"** (ст.11). Так как (апостол) приписал большое преимущество мужу, сказав, что жена от него, для него и под его властью, то, чтобы не возвысить мужей более надлежащего и не унижить жен, смотри, какую вносит поправку, говоря: **"впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе"**. Не указывай мне, говорит, только на первоначальные преимущества и на сотворение, а обрати внимание на последующее и увидишь, что каждый из них зависит от другого. или, лучше, не один от другого, но все от Бога. Потому и говорит: **"ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену"** (ст.12). Не сказал: от жены; а через нее опять: от мужа – это неотъемлемо остается при муже. Впрочем, виновник этих преимуществ не муж, а Бог; потому и присовокупляет: но вся от Бога. Итак, если все от Бога, если Он повелевает это, то повинуйся и не противоречь. **"Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?"** (ст.13). Опять предоставляет им самим судить о сказанном, подобно как поступил (в беседе) об идоложертвенном; там сказал: **"сами рассудите о том, что говорю"** (10:15), и здесь (говорит): **"рассудите сами"**, и этим внушает нечто страшное: здесь, говорит, оскорбление касается Бога: впрочем, не говорит этого прямо, а выражается снисходительнее и прикровеннее: **"прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?"** (11:13-15). Как в других местах всегда он употребляет общеизвестные доказательства, так и здесь обращается к общеизвестному обычаю и сильно пристыжает слушателей, ожидающих от него наставления в том, что они могли знать и из общего обычая; а это не безызвестно и варварам. И, заметь, какие сильные везде он употребляет выражения: **"всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову"**; и еще: **"а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается"**; и здесь: **"если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала"**. Но, скажешь, если вместо одеяния дано, то для чего прибавлять к одному одеянию другое? Для того, чтобы показать подчинение не только по природе. но и по доброй воле. Природа наперед установила, чтобы ты была покрытой; а ты приложи нечто от себя, чтобы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; противиться же не только нам, но и природе, есть знак великого бесстыдства. Потому Бог, укоряя иудеев, сказал: **"сыновей твоих и дочерей"**

твоих ты приносила в жертву": это больше всех гнусностей твоих (Иез.16:20). Также Павел, в послании к Римлянам обличая предающихся сладострастию, подобным же образом усиливает обличение, замечая, что преступление их противно не только закону Божию, но и природе: **"заменили естественное употребление противоестественным"** (Рим.1:26). И здесь он внушает то же самое, и еще то, что он не предписывает ничего нового, и что все языческие нововведения противны природе. То же выражает и Христос, когда говорит: **"как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними"** (Мф.7:12), внушая, что Он не вводит ничего нового. **"А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии"** (1Кор.11:16). Следовательно противление есть знак упорства, а не рассудительности. Впрочем и здесь он умеренно обличает, а вместе с тем сильно пристыжает их, что и делало слова его весьма внушительными. Мы, говорит, не имеем такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противоречить. Не останавливаясь на этом, прибавляет: **"ни церкви Божии"**, внушая, что не повинувшись они враждуют и противятся всей вселенной. Но если тогда коринфяне противоречили этому закону, то теперь приняла и сохраняет его вся вселенная. Такова сила Распятого!

6. Но я опасаясь, чтобы иные жены, приняв надлежащий наружный вид, не оказались бесстыдными в делах и не остались открытыми в другом отношении. Потому Павел и в послании к Тимофею, не довольствуясь сказанными наставлениями, прибавил нечто другое и сказал: **"в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом"** (1Тим.2:9). Если не должно обнажать головы, но везде носить знак подчинения, то тем более должно показывать это в действиях. Прежние жены называли мужей своих господами и уступали им первенство. Потому, скажешь, что и они любили своих жен? И я знаю это и не забываю; но когда мы говорим о твоих обязанностях, то не указывай на (обязанности) других. Когда мы внушаем детям повиновение родителям и произносим слова Писания: **"почитай отца твоего и мать твою"** (Исх.20:12), то они говорят нам: докажите и следующее: **"и вы отцы не раздражайте детей"** (Еф.6:4). Когда мы внушаем рабам слова Писания: **"повируйтесь господам, не с видимою только услужливостью"** (Еф.6:5-6), то они напоминают нам о дальнейшем и требуют, чтобы и господам также было сделано внушение: Павел, говорят они, повелел и им умерять строгость (Еф.6:9). Но мы не будем поступать так, не будем указывать на обязанности других, когда обличают нас за нарушение наших; хотя бы обличение падало на тебя вместе с другими, ты не избавишься от обвинения; потому смотри только на то, чтобы тебе освободиться от своих грехов. Адам также слагал вину на свою жену, а она на змия; но это нисколько не помогло им. Не говори же и ты мне этого, но постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещаю его любить и уважать тебя, я не позволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона, даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты: если будешь сносить жестокого мужа, то получишь светлый венец; а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жену – сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во всем будет у них мир и пристань, не возмущаемая волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри:

Авраам взял с собой племянника, и жена не укоряла его за это. Он велел ей идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают менее других, особенно низших себя, порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и трусами, и беспечными, и ленивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал. И еще более: когда его (Лота) постигла великая опасность после того, как он сам сделал выбор и предоставил дяде худшую часть, и когда патриарх, услышав об этом, вооружил всех своих домочадцев и с ними одними пошел против целого персидского войска, она не удерживала его и не сказала, например, так: куда идешь ты, человек, ввергая сам себя в пропасть, подвергаясь таким опасностям, готовясь пролить кровь за мужа, который обидел тебя и похитил твою собственность? Если ты не думаешь о себе, то пожалей меня, оставившую дом, отечество, друзей и родных, и последовавшую за тобой в такой путь, не подвергай меня вдовству и соединенным с вдовством бедствиям. Ничего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он, – впрочем не пред женой, а пред Богом. И, заметь, как каждый соблюдает должное: он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее за это, и она с своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии посредством рабыни. Тогда не запрещалось это, как запрещается ныне; ныне же непозволительно ни женам делать такое угождение мужьям, ни мужьям, с ведома ли, или без ведома жен, вступать в такие связи, хотя бы они в тысячу раз более чувствовали бесчадие; иначе им будет сказано: **"червь их не умирает и огонь не угасает"** (Мк.9:44); ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому, и жена предложила это, и он послушался, и поступил так не ради удовольствия. А посмотри, скажешь, как он потом, по ее же требованию, изгнал (служанку). Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его.

7. Притом, не ограничивайся этим, но, когда говоришь так, обрати внимание и на предыдущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться пред госпожой; а что может быть прискорбнее этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, – в этом не будет ничего важного; и ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым, – это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности. Если и посторонним, ударяющим по правой щеке, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю – жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние (языческие) законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем, как с недостойным ее сожителем. Подлинно, крайне беззаконно – сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены отца и мать, не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это настолько вожделенно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли

только? А бесчестие, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это (бесчестие), когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего подобно какому-то зверю все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она – жена, слабый сосуд, а ты – муж. Ты для того и поставлен над ней начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь (подвластного себе) начальника, а когда унижает и бесчестит его достоинство, тогда не мало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, не мало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в который отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего, от матери, от себя самого и от дома, вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней.

8. Не видишь ли, как земледельцы удобряют всеми способами землю, принявшую семена, хотя бы она имела тысячи недостатков, хотя была бы например неплодоносна, произрастала дурные травы, подвергалась наводнениям по свойству местоположения? Так же поступай и ты; тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствием. Жена есть пристань и важнейшее лекарство для (ищущих) благодушия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища: а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби, хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Потому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более – жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она – член твой; вы – одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее, и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбравшему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды – великую пользу, сделав ее более благопокорной, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости.

Рассказывают, что один из внешних философов (Сократ), имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: я, говорил он, упражняюсь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать ангелам, или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изгонял своей злой жены; а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но, так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами

исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит с своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с общницей житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри с своей сожительницей; тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую успешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни; а исполнив все, получим и уготованные для нас блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее" (1Кор.11:17).

1. Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемого обличения; тогда наша речь будет удобопонятнее. В чем же состоит эта причина? Как в начале верующие, в числе трех тысяч, вкушали пищу за общим столом и имели у себя все общее, так было и тогда, когда апостол писал это, хотя и не с такой точностью, а только как бы некоторый остаток прежнего общения сохранялся и соблюдался в последующее время. Верующие, из которых одни были богаты, а другие бедны, хотя не отдавали всего своего имущества на общую пользу, однако в установленные дни по обычаю учреждали общие столы и, по окончании собрания и причащения таин, сходились все на общее пиршество, при чем богатые приносили яства, а бедные и ничего не имеющие были приглашаемы ими, и таким образом вкушали пищу все вместе. Но впоследствии уничтожился и этот обычай. Причиной было то, что верующие разделились между собой, причисляли себя одни к тем, а другие к другим, и говорили: я такого-то, а я такого-то, как говорил и вразумлял (апостол) в начале послания: **"ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: „я Павлов“; „я Аполлосов“; „я Кифин“;**" (1Кор.1:11-12). Это не значит, будто они называли себя Павловыми: он не допустил бы этого; но, желая сильнее и с корнем истребить такой образ действий, он привел свое имя, чтобы показать, что если бы кто-нибудь принял даже его имя, отторгшись от общего тела (Церкви), и в таком случае поступил бы безрассудно и крайне нечестиво: если же нечестиво (называться) его именем, то тем более именем других низших учителей. Итак, когда нарушился этот обычай (общения имений), прекрасный и благодетельнейший, так как он служил к поддержанию любви, утешению бедности, благоупотреблению богатства, внушению великого любомудрия, сохранению смиренномудрия, когда (апостол) узнал, что погибают такие блага, то справедливо употребляет обличительное слово и говорит: **"но, предлагая сие, не хвалю"**. В прежнем обличении, которое не касалось многих, бывших исправными, он начал речь иначе: **"хваляю вас"**, говорит, **"что вы все мое помните"** (ст.2): а здесь напротив: **"но, предлагая сие, не хвалю"**. Потому он и не поместил этого (предмета) сряду после обличения вкушавших идоложертвенное; так как это (преступление) было весьма тяжело, то он вставил в середине речь о волосах, чтобы, переходя от одного сильного обличения к другому столь же сильному, не показаться слишком суровым, – а затем опять переходит к более тяжкому и говорит: **"но, предлагая сие, не хвалю"**. Что такое сие? Об этом я сейчас скажу. А что значит: **"предлагая, не хвалю"**? Я не одобряю, говорит, вас за то, что вы поставили меня в необходимость делать вам внушение; не хвалю, что оказалась

надобность учить вас этому, что вы имеете нужду в таком увещании от меня. Видишь ли, как в самом начале он показал все безрассудство их поведения? Если согрешающему не следовало даже нуждаться в увещании, чтобы не грешить, то очевидно, как непростителен грех. Почему же он не хвалит? **"Что"**, говорит, **"вы собираетесь не на лучшее, а на худшее"**, то есть, не преуспеваете в добродетели. Тогда как следовало преуспевать и возрастать в любви, вы сократили уже господствовавший обычай, и сократили так, что оказалась надобность в моем увещании вам возвратиться к прежнему порядку. Затем, чтобы не показалось, что он говорит только в пользу бедных, (апостол) не тотчас начинает речь о трапезах: а чтобы обличение его не было принято ими за маловажное, употребляет выражение более разительное и внушающее больший страх. Что же он говорит? **"Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения"** (ст.18). Не говорит: я слышу, что вы не учреждаете общих вечере, слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вместе с бедными; но употребляет выражение, которое могло сильнее потрясти их душу, именно – разделения, которые были причиной и этого беспорядка; и таким образом опять напоминает о том, о чем говорено было в начале послания и что возведено было ему домашними Хлоиса. **"Чему отчасти и верю"**.

2. Чтобы не сказали: а что, если солгали какие-нибудь клеветники? – он не говорит: я верю, чтобы они не сделались еще более бесстыдными, не говорит также: не верю, чтобы обличение не показалось напрасным, но – отчасти, говорит, верю, т.е. несколько верю, и тем делает их внимательными и призывает к исправлению. **"Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные"** (ст.19). И под именем разномыслия он понимает здесь не заблуждения касательно догматов, но эти самые разделения. Впрочем, если бы он говорил и о заблуждениях касательно догматов, то и в таком случае не подал бы повода к соблазну. Ведь и Христос сказал: **"надобно придти соблазнам"** (Мф.18:7), и однако не нарушил свободы воли и не поставил жизнь в какой-нибудь необходимости и неизбежности, но предсказал будущее, имевшее произойти от злой человеческой воли, не вследствие Его предсказания, но от произвола развратных людей. Не потому происходили (соблазны), что Он предсказал о них, но потому Он предсказал, что они имели произойти. Если бы соблазны происходили по необходимости, а не по воле производящих их, то Он напрасно бы сказал: **"горе тому человеку, через которого соблазн приходит"** (Мф.18:7). Но об этом мы подробно рассуждали, когда рассматривали это место, а теперь нужно обратиться к настоящему предмету. Что (апостол) действительно разномыслиями называет здесь беспорядки при трапезах и бывшие при том несогласия и раздоры, это он ясно выразил последующими словами. А именно, сказав: **"слышу, что между вами бывают разделения"**, не остановился на этом, но, желая объяснить, какие он понимает разделения, говорит далее: **"всякий поспешает прежде других есть свою пищу"** (ст.21), и еще: **"разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию?"** (ст. 22). Очевидно, что он говорит об этих беспорядках; а что называет их разделениями, не удивляйся; он хотел, как я сказал, сильнее подействовать на них таким выражением. Если бы он разумел догматические разделения, то не говорил бы с ними так кротко. Когда он говорит о них, то послушай, с какой силой и предохраняет, и обличает; предохраняет, когда говорит: **"если бы даже Ангел стал благовествовать вам не то, что вы приняли, да будет анафема"** (Гал.1:8-9); обличает, когда говорит: **"вы, оправдывающие себя законом, отпали от благодати"** (5:4); а смутьянов называет то псами: **"берегитесь"**, говорит, **"псов"** (Фил.3:2), то сожженными в совести и служителями диавола (1Тим.4:2). Но здесь не говорит ничего подобного, а выражается кротко и снисходительно. Что означают слова: **"дабы открылись между вами искусные"**? Чтобы более просияли. Он хочет сказать, что людям непреклонным и твердым это не только не вредит, но еще делает их более заметными и славными. Частица дабы (*iva*, чтобы) не всегда означает цель, но

часто следствие дела. Так употребляет ее Христос, когда говорит: **"на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы"** (Ин.2:39); так и сам Павел, когда говорит о законе: **"закон же пришел после, чтобы[1] умножилось преступление"** (Рим.5:20). Закон дан был не для того, чтобы умножились преступления иудеев; но так было. И Христос пришел не для того, чтобы видящие сделались слепыми, а с противоположной целью: но так было. Подобным образом и здесь нужно понимать слова: **"дабы открылись искусные"** бывают: разномыслия были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились разномыслия, тогда это случилось. (Апостол) сказал это для утешения бедных, твердо переносящих такое пренебрежение. Потому не сказал: дабы стали искусны, но: **"дабы открылись искусные"**, выражая, что они и прежде были такими, но смешивались с другими и, получая утешение от богатых, не очень были заметны, а теперь смятение и несогласие сделали их известными, подобно как буря делает известным кормчего. Также не сказал: дабы вы искусными явились, но: **"дабы открылись между вами искусные"**; как в обличении не указал ни на кого прямо, чтобы не сделать их более бесстыдными, так и в похвале, чтобы не сделать их более беспечными; но выражается неопределенно, предоставляя совести каждого прилагать к себе сказанное. Мне кажется, что здесь он утешает не только бедных, но и тех, которые не нарушали того обычая; вероятно, между ними были и соблюдавшие его. Потому он и сказал: **"отчасти верю"**. Справедливо он называет искусными тех, которые не только вместе с другими соблюдали обычай, но и без них не преступали этого прекрасного установления. Такими похвалами он старается возбудить в тех и других большее усердие. Затем он показывает и самый род преступления. В чем же оно состояло? **"Вы собираетесь"**, говорит, **"так, что это не значит вкушать вечерю Господню"** (1Кор.11:20). Видишь ли, как он пристыжает их и под видом повествования предлагает внушение? Наружный вид собрания, говорит, показывает одно, происходит как бы из любви и братолюбия; вы собираетесь в одном месте и все вместе: а трапеза не соответствует собранию. Не сказал: когда вы собираетесь, то не вкушаете вместе, не разделяете пищи друг с другом, но опять выражается иначе и гораздо разительнее: **"так"**, говорит, **"что это не значит вкушать вечерю Господню"**, напоминая им ту вечерю, на которой Христос преподавал страшные тайны. Потому и назвал ядение их вечерей, так как и на той вечери возлежали все вместе. Впрочем не так отличны друг от друга богатые и бедные, как Учитель и ученики, – между последними различие беспредельно. Но что я говорю об Учителе и учениках? – представь, какое различие между Учителем и предателем, и однако Он сам возлежал вместе с ними, не изгнал и предателя, но и с ним разделил соль и сделал его участником таин.

3. Далее (апостол) объясняет, почему они не вкушают вечерю Господню: **"ибо всякий"**, говорит, **"поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается"** (ст.21). Видишь ли, как он доказал, что они более посрамляют себя самих? Принадлежащее Господу они присвоят себе, и потому прежде всех унижают самих себя, лишая свою трапезу того, в чем состоит величайшее ее достоинство. Почему и каким образом? Господская вечеря, то есть Владычня, должна быть общей; принадлежащее господину не принадлежит тому или другому рабу, но есть общее для всех; она Господская, говорит, следовательно общая. Если же она принадлежит твоему Владыке, как и действительно принадлежит, то ты не должен присвоить ее себе, но, как принадлежащую Господу и Владыке, предлагать ее всем вообще. Она Господская, а ты препятствуешь ей быть Господской, не позволяя ей быть общей, но вкушая сам по себе. Потому и присовокупляет: **"ибо всякий спешает прежде других"**. Не сказал: отделяет, но: спешает, прикровенно обличая их в неумеренности и невоздержании, что объясняется и последующим: а именно, сказав это, он продолжает: **"так что иной бывает голоден, а иной упивается"**; то и другое, как недостаток, так и излишество, показывают неумеренность. Вот и вторая вина, которая также вредит им самим: первая в том, что они бесчестят свою вечерю; а вторая в том, что пресыщаются и упиваются, и, что еще тяжелее,

тогда как бедные алчут. То, что следовало предлагать всем вообще, они поедают одни и таким образом впадают в пресыщение и пьянство. Потому он и не сказал: иной бывает голоден, а иной насыщается, но: упивается. Каждое из этих дел само по себе достойно осуждения; упиваться, не пренебрегая бедных, преступно; и пренебрегать бедных, не упиваясь, преступно; если же то и другое соединятся вместе, то представь, как велико преступление. Показав нечестие дела, далее он применяет укоризну и говорит с великим гневом: **"разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?"** (ст.22). Видишь ли, как от бедных он переносит оскорбление на церковь, чтобы усилить речь свою? Вот и четвертая вина, состоящая в том, что они оскорбляют не только бедных, но и церковь. Как Господскую вечерю (говорит), так и самое место ты присвояешь себе, пользуясь церковью, как бы своим домом. Церковь устроена не для того, чтобы собирающиеся в ней разделялись, но чтобы разделенные соединялись, как показывает и самое слово: собрание. **"И унижаете неимущих"**. Не сказал: оставляете голодными неимущих, но с большей укоризной: унижаете, показывая, что он не столько заботится о пище, сколько об оскорблении, причиняемом им (бедным). Вот и пятая вина – в том, что они не только презирают алчущих, но и унижают их. Этими словами он с одной стороны похвалит бедных, выражая, что они не столько беспокоятся о желудке, сколько о бесчестии, а с другой – располагает слушателя к милосердию. Показав столько преступного (в их поведении), – унижение вечери, унижение церкви, оскорбление бедных, – он вдруг смягчает силу обличения и говорит: **"похвалить ли вас?[2] За это не похвалю"**. Это особенно и достойно удивления, что, показав столько преступлений, когда следовало бы сильнее выразить гнев свой, он поступает совершенно иначе, смягчает речь и дает им облегчение. Почему же так? Он уже сильно тронул их, доказав важность их вины, и, как превосходный врач, наносит удар соответственный ранам: требующие глубокого разреза не рассекают только на поверхности, – ты слышал, как он отсек от них кровосмесника, – а к требующим более легкого врачевания не прилагает железа; потому и здесь говорит с ними кротко. С другой стороны он преимущественно старался сделать их кроткими к бедным; потому более и сам беседует с ними кротко. Далее, желая пристыдить их иначе и еще сильнее, он обращает речь к более важному предмету: **"ибо я"**, говорит, **"от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание"** (ст.23-24). Почему он упоминает здесь об этих тайнах? Потому, что это было ему весьма нужно для настоящего предмета. Владыка твой, говорит, удостоил всех одной и той же трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех; а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и, тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они – не твои. Впрочем, он не говорит этого, чтобы слова его не были слишком тяжкими, но употребляет речь более кроткую и говорит: **"что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб"**. Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но чтобы сильнее тронуть и самым временем. Всякий, хотя бы кто был даже камнем, представив, как в эту ночь (Господь) скорбел с учениками, как был предан, связан, веден, осужден, как терпел и все прочее, делается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того (апостол) и напоминает нам о всем этом; пристыжает нас и временем, и вечерей, и предательством и говорит: Владыка твой предал Себя самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя?

4. Но почему (Павел) говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам тогда не был, а находился в числе гонителей? Чтобы ты уразумел, что та вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими. И ныне тот же (Господь) все совершает и преподает, как и тогда, и не для этого только он напоминает нам об этой

ночи, но чтобы тронуть нас еще и иным образом. Как вообще мы более помним последние слова, которые слышим от умирающих, и наследникам их, когда они дерзают нарушать их завещания, в укоризну говорим: вспомните, что это последние слова отца вашего, которые он завещал пред самым тем вечером, как испустил дух, так и Павел, желая таким образом усилить речь свою, говорит: вспоминайте, что это было последнее таинство, которое Он преподал вам, что Он заповедал это в ту ночь, в которую готовился быть убитым за нас, и, предложив вам эту вечерю, после нее уже не предложил никакой другой. Затем он излагает самые обстоятельства события и говорит: **"взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое"**. Если ты приступаешь к евхаристии (благодарению), то не делай ничего недостойного благодарения, не посрамляй брата, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получили: воздавай же отплату и с своей стороны и не отделяйся от ближнего. Христос преподал равно всем, сказав: примите, ядите. Он равно всем преподал Свое тело, и ты не хочешь равно всем раздавать общий хлеб? А (хлеб) был преломлен Им равно за всех и соделался Телом равно за всех. **"Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание"** (ст.25). Что говоришь? Совершаешь воспоминание о Христе, и презираешь бедных, и не трепещешь? Когда ты совершаешь поминовение по умершем сыне или брате, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил обычая и не пригласил бедных; а совершая воспоминание о своем Владыке, ты не хочешь даже поделиться трапезой? Но что означают слова: **"сия чаша есть новый завет"**? Была чаша и ветхого завета – возлияния и кровь бессловесных животных; наполняли чашу и фиал кровью и после жертвоприношения совершали возлияние. Предложив вместо крови бессловесных Свою кровь, (Господь) напомнил о древнем жертвоприношении, чтобы, слыша это, кто-нибудь не смутился. Сказав о вечери, далее (апостол) соединяет настоящее с прошедшим, чтобы верующие были и ныне в таком же расположении духа, как будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вместе (с апостолами) и принимали от самого Христа эту жертву, и говорит: **"ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет"** (ст.26). Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: **"сие творите в мое воспоминание"**, открыл нам причину установления таинства, и между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения в нас благоговения, – и подлинно, когда ты представишь, что потерпел для тебя Владыка твой, то сделаешься любомудреннее, – так и Павел говорит здесь: **"ибо всякий раз, когда вы едите, смерть Господню возвещаете"**. Такова эта вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века, словами: **"доколе Он придет"**. **"Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней"** (ст.27). Почему? Потому, что проливает кровь и производит заклятие, а не жертву приносит. Как тогда пронзившие (Господа) пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить (кровь Его), так поступает и тот, кто приобщается недостойно, и не получает никакой пользы. Видишь ли, как страшна речь его и как сильно он тронул их, показав, что если они таким образом намерены пить (кровь Господа), то будут недостойно причащаться предлежащих (таин)? Да и разве не недостойно приступает тот, кто презирает алчущего, и кроме того, что презирает, еще посрамляет его? Если неподавание (милостыни) бедным лишает человека царствия небесного, хотя бы он был девственник, равно как и не щедрое подавание, – ведь и те (девы) имели у себя елей, но только не в избытке, – то представь, как велико будет зло, если совершится столько преступлений.

5. Каких, скажешь, преступлений? Что ты спрашиваешь – каких преступлений? Приобщившись такой трапезы, тебе следовало бы сделаться смиреннее всех и уподобиться ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех; ты вкусил крови Владычней и не признаешь своего брата: достоин ли ты после этого прощения? Если бы даже ты не

знал его доселе, то после этой трапезы должен был бы признать его; а ты бесчестишь и самую трапезу, считая сподобившегося быть причастником ее недостойным яств твоих. Разве ты не слышал, чему подвергся требовавший сто динариев от брата своего, как он утратил дар, уступленный ему господином его? Разве не знаешь, чем ты был прежде и чем стал теперь? Разве не помнишь, что гораздо более этого бедного деньгами ты был беден добрыми делами, будучи исполнен бесчисленных грехов? Бог простил тебе все грехи и удостоил тебя такой трапезы; но ты и после того не сделался человеколюбивее; потому не остается ничего более, как и тебя предать мучителям (Мф.18:34). Будем же и мы все внимать этим словам (апостола), потому что и мы здесь приступаем к священной трапезе вместе с бедными, а вышедши отсюда не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, их алчущих оставляем без внимания, в чем тогда виновны были и коринфяне. Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда всего более следовало бы не делать этого. Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных: тогда-то, после принятия крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Когда тебе случится съесть за обедом что-нибудь приятное. ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего; а, приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям. Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной вечери; не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительному и исполненному великого любомудрия? Подлинно великие и дивные тайны (Господь) преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел звать будущих Его распинателей. Разве не слышал ты также, что и три тысячи верующих, сподобившиеся причащения, пребывали постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным причащения, то после причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после: должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого я не принуждаю; хорошо разумеется, делать и так, однакож и не насилую, а лишь увещаваю не предаваться безмерному пресыщению. Если вообще никогда не должно пресыщаться, как это внушает Павел в словах: питающаяся же пространно жива умерла (1Тим.5:6), то здесь тем более угрожает смерть (пресыщающимся после причащения). Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа; если оно пагубно в иное время, то тем более после причащения таин. А ты, приняв хлеб жизни, совершаешь дела смерти, и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим и к плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте свою десницу, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает мысли свои к той духовной трапезе, к вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь: или лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь – та же ночь. Будем же бодрствовать вместе с Владыкой и благоговеть вместе с учениками Его. Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все слушаетесь, то не все же и не слушаетесь; а если все не слушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам тем большее осуждение. А чтобы с вами этого не случилось, я не перестану говорить; частым повторением, может быть, и трону вас. Итак увещаваю: чтобы причащение не послужило к нашему осуждению, напитаем Христа, напоим, оденем: это

достойно такой трапезы. Ты слышал священные песни, видел брак духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святого Духа, приобщился к лику серафимов, сделался сообщником горних сил? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству – этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои или, лучше, Его же (блага): вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится несколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся. Этот находится как бы в пристани, а тот как бы увлекается потоком и осаждается болезнями, не имея возможности преодолеть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будем соблюдать умеренность; тогда сохраним и тело здоровым, и душу спокойной, освободимся от настоящих и будущих зол, от которых избавившись и да сподобимся все мы царствия небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] В синод.перев. "и таким образом"

[2] В русск.пер. знаки препинания расставлены иначе: "похвалить ли вас за это? Не похваляю"

БЕСЕДА 28

"Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей" (1Кор.11:28).

1. Для чего сказаны эти слова, тогда как речь была о другом предмете? Павел обыкновенно, как я прежде говорил, рассуждает не только о том, что составляет главный предмет речи, но если речь коснется и другого, то излагает и его с великим тщанием, особенно когда дело идет о предметах, весьма необходимых и настоятельных. Так, когда он беседовал о супругах и в речи коснулся рабов, то изложил и этот предмет весьма сильно и подробно; когда говорил о том, что не должно судиться в судилищах, и коснулся в своем наставлении любостыжания, то сказал многое и об этом предмете; то же он делает и здесь. Упомянув о таинствах, он нашел необходимым изложить подробнее этот предмет, как не маловажный; потому в беседе об нем внушает великий страх и доказывает, что главное благо в том, чтобы приступать к ним с чистой совестью. Не довольствуясь сказанным прежде, он присовокупляет еще следующее: "да испытывает себя человек"; это же он говорит и во втором послании: испытывайте (2Кор.13:5), а не так, как поступаем мы, сообразуясь более с временем, нежели с душевным расположением. Мы стараемся не о том, чтобы приступить приготовившись, очистившись от всего злого и с полным благоговением, но чтобы в праздники и тогда, когда приступают все.

Не так повелевает Павел; он знает одно только время для приступания к тайнам и причащения, – когда чиста совесть. Если мы не приступаем к чувственной трапезе,

страдающая горячкой и приливом дурных соков, чтобы не подвергнуться смерти, то тем более нам не должно касаться этой трапезы с порочными пожеланиями, которые хуже горячки. Под именем порочных пожеланий я разумею как телесные, так и любостяжание, гнев, злопамятность и вообще все порочные наклонности. Приступающему должно очиститься от всего этого и тогда уже касаться этой чистой жертвы, а не с небрежением и леностью как бы по принуждению приступать ради того, что случился праздник, с другой же стороны, когда есть сокрушение и готовность, не откладывать потому, что нет праздника. Праздник есть совершение добрых дел, благочестие души и строгость жизни; если ты имеешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать. Потому (апостол) и говорит: **"да испытывает себя"** каждый, **"и таким образом пусть"**; повелевает испытывать не одному другого, но самому себя, устраивая судилище без гласности и обличение без свидетелей. **"Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе"** (ст.29). Что говоришь ты? Источник столь многих благ, трапеза, источающая жизнь, обращается в осуждение? Не по своему существу, говорит он, а по воле приступающего. Как пришествие Его, доставившее нам великие и неизреченные блага, послужило к большому осуждению не принявших Его, так и эти тайны навлекают большее наказание на недостойно причащающихся. Почему же **"ест осуждение себе"**? **"Не рассуждая о теле Господнем"**, т.е. не размышляя, не представляя, как должно, величия предложенных (тайн), не думая о важности дара. Если бы ты вполне понимал, Кто предлежит пред тобой и кому Он предлагает Себя, то не имел бы нужды ни в какой увещании, а одного этого было бы достаточно для возбуждения в тебе полного благоговения, если только ты не пал слишком глубоко. **"От того многие из вас немощны и больны и немало умирает"** (ст.30). Здесь он приводит в пример уже не других, как сделал в беседе об идоложертвенном, где говорил о древних событиях и о бедствиях (евреев) в пустыне, но самих коринфян, что придает словам его более внушительности. Сказав: **"ест осуждение себе"**, и: **"виновен будет"**, и имея в виду, чтобы это не было принято за одни слова, он указывает и на дела, призывает во свидетели их самих, чем и действует сильнее угрозы, выражая, что угроза уже перешла в дело. Не довольствуясь этим, он потом напоминает и о геенне и подтверждает слова свои, устрашая их со всех сторон и разрешая вопрос, часто предлагаемый. Многие в недоумении спрашивают друг друга: отчего происходят преждевременные смертные случаи, отчего продолжительные болезни? Причина многих, говорит он, из таких нечаянных бедствий заключается в грехах.

2. Как, скажешь, пользующиеся постоянным здоровьем и достигающие маститой старости неужели не грешны? Кто же может сказать это? Почему же, скажешь, они не наказываются? Потому, что там они подвергнутся жесточайшему наказанию. А мы, если захотим, не будем наказаны ни здесь, ни там. **"Ибо если бы мы судили сами себя"**, говорит (апостол), **"то не были бы судимы"** (ст.31). Не сказал: если бы наказывали себя, или мучили себя, но только: если бы захотели сознать грехи свои, сами себя осудить, признать свои беззакония, то избавились бы от наказания и здесь и там. Осуждающий сам себя вдвойне умилоствует Бога – и сознанием грехов своих и готовностью не делать их на будущее время. Но мы не хотим делать, как должно, и этого легкого дела, и однако он не угрожает нам наказанием вместе с миром, но шадит нас, угрожая здешним наказанием, которое временно и заключает в себе много утешения; оно освобождает от грехов и подает сладостную надежду на будущее, которая облегчает настоящие (страдания). Этим он желает и утешить немощных и сделать других более ревностными. **"Будучи же"**, говорит, **"судимы, наказываемся от Господа"** (ст.32). Не сказал: подвергаемся наказанию или мучению, но: наказываемся (*παιδευόμεθα*=воспитываемся). Настоящее наказание есть более вразумление, нежели осуждение, более врачевание, нежели мучение, более исправление, нежели воздаяние. И не только этим, но и угрозой большего (будущего) наказания он облегчает настоящее: да не с миром, говорит, осудимся. Видишь ли, как он указывает на геенну и на страшный суд и доказывает, что этот суд и наказание

неизбежны и будут непременно? В самом деле, если верующие и находящиеся под покровом Божиим не избегают наказания за свои прегрешения, как видно из настоящих указаний, то тем более (не избегнут) неверные и согрешающие тяжко и неисцельно. **"Посему, собираясь на вечерю, друг друга ждите"** (ст.33). Когда чувство опасения было еще живо и страшная мысль о геенне еще не прошла, тогда он опять предлагает наставление касательно бедных, по поводу которого он сказал все предыдущее, и внушает, что не исполняющие этого недостойны причащения. Если же не уделяющие от своего имущества отлучаются от трапезы Господней, то тем более похищающие. Не сказал: сходясь уделяйте бедным, но возвышеннее: **"друг друга ждите"**. Такими словами он и внушал прикровенно попечение о бедных, и предлагал увещание в соответственном виде. Далее он пристыжает их: **"А если"**, говорит, **"кто голоден, пусть ест дома"** (ст.34). Давая такое позволение, он запрещает еще сильнее, нежели прямым запрещением; он именно удаляет из церкви, посылает домой и таким образом сильно трогает, представляя их рабами чрева и невоздержными. Не сказал: если кто пренебрегает бедных, но: **"если кто голоден"**, рассуждая как бы с нетерпеливыми детьми, или с бессловесными животными, служащими чреву. Подлинно было бы весьма смешно, если бы они, побуждаясь голодом, стали есть дома. Не довольствуясь этим, он присовокупляет более страшную мысль: **"чтобы собираться вам"**, говорит, **"не на осуждение"**, – чтобы собираться вам не на осуждение, не навлекать на себя наказания, оскорбляя церковь, посрамляя брата; вы собираетесь для того, чтобы показать любовь друг к другу, получить пользу и принести пользу; если же бывает противное, то лучше вам насыщаться дома. Говорит это для того, чтобы более привлечь их; для того он указал и на вред, отсюда происходящий, и доказал, что это немаловажный грех, и внушил страх со всех сторон, – со стороны таин, больных, умирающих и прочего вышесказанного. Затем он опять внушает страх иным образом: **"Прочее"**, говорит, **"устрою, когда приду"**, разумея здесь или что-нибудь другое, или то же самое. Так как, вероятно, они приводили какие-нибудь другие причины и невозможно было устроить всего посредством послания, то он и говорит: пока пусть соблюдается так, как я научил; если же вы имеете сказать еще что-нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говорит это, как я сказал, или о том же самом деле, или о каких-нибудь других делах не очень важных; поступает же так для того, чтобы тем самым сделать их более внимательными. Ожидая его прибытия, они могли исправить свои недостатки, потому что прибытие Павла было не маловажное дело, как он сам показывает, когда говорит: **"как я не иду к вам, то некоторые возгордились"** (1Кор.4:18); и в другом месте: **"не только в присутствии моем, но гораздо более во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение"** (Флп.2:12). И не просто обещается придти, чтобы они не сомневались и не предались беспечности, но представляет и причину, делающую необходимым его прибытие: **"прочее"**, говорит, **"устрою, когда приду"**, внушая, что, если бы даже он и не располагал (идти к ним), необходимость исправления прочих дел влечет его туда.

3. Слыша все это, будем оказывать великое попечение о бедных, обуздывать свое чрево, воздерживаться от пьянства, стараться достойно причащаться св. таин, и не скорбеть, не печалиться, когда случится какое-нибудь бедствие с нами ли, или с другими, например преждевременная смерть или продолжительная болезнь. Такое бедствие есть избавление от наказания, есть исправление, есть наилучшее вразумление. Кто говорит это? Тот, чрез кого говорил сам Христос. И не смотря на то, многие жены так безрассудны, что превосходят даже неверных своим чрезмерным сетованием (об умерших); одни делают это в помрачении от страсти, другие – на показ и во избежание нареканий от посторонних людей; последних особенно я считаю недостойными всякого извинения. Пусть, говорят они, осуждает меня Бог, только бы не осуждал такой-то; пусть нарушается закон Царя всех, только бы не укоряли меня люди, которые безрассуднее бессловесных (животных). Как гром не поражает их за такие слова? Когда кто-нибудь после плача пригласит на

пиршество, то никто не отказывается, потому что так требует принятый обычай; а когда Бог повелевает не предаваться сетованию, то все противодействуют. Ужели ты, жена, не знаешь Иова? Ужели не помнишь слов, сказанных им после несчастья, случившегося с детьми его, украсивших святую главу его более тысячи венцов и прославивших его громче множества труб? Ужели не понимаешь важности его несчастья, этого нового кораблекрушения, этой странной и необычайной трагедии? Ты лишилась, может быть, одного, или двоих, или троих детей; а он многих сыновей и дочерей, сделавшись внезапно из многочадного бесчадным; не мало-помалу терзалась его утроба, но вдруг похищены были все плоды, похищены не по общему закону природы, не потому, что достигли старости, но поражены преждевременной и насильственной смертью, притом все вместе, не в его присутствии и не на его глазах, чтобы он по крайней мере мог слышать последние слова их и получить некоторое утешение в столь плачевной их кончине, а сверх всякого чаяния, совершенно без его ведома, вдруг все они погребены и дом сделался для них гробом и могилой. И не только преждевременная смерть, но кроме того и многое другое увеличивало скорбь, именно то, что все они были в цветущем возрасте, были добродетельны и дружелюбны, погибли все вместе, так что не осталось ни одного, ни того, ни другого пола, погибли не по общему закону природы, после таких потерь, тогда как он не сознавал ни за собой, ни за ними ничего порочного, за что бы потерпеть все это. Каждое из этих бедствий отдельно само по себе могло возмутить душу; а когда стеклось все вместе, то представь, как высоки были эти волны, как велика была эта буря. Но, что еще важнее и выше всяких слез, он не знал, почему все это случилось с ним. Потому-то, не зная, чему приписать свое несчастье, он обращается к воле Божией и говорит: **"Господь дал, Господь и взял, как Господу угодно, так и было, да будет имя Господне благословенно"** во веки (Иов.1:21). Говорит это, видя себя, преуспевшего во всякой добродетели, в крайнем несчастье, а злых людей и обманщиков в благоденствии, изобилии и всяких удовольствиях. Не говорит ничего такого, что обыкновенно говорят люди слабые: для того ли я воспитывал детей своих и лелеял их с такой заботливостью, для того ли открывал дом свой для мимоходящих, чтобы после многих попечений о бедных, нагих и сырых получить такое воздаяние? Но вместо того произносит слова превосходнее всякой жертвы: **"наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь"** (1:21). Если же он разодрал одежды и остриг волосы, не удивляйся этому: он был отец, и отец чадолюбивый; вместе с любомудрием души надлежало обнаружиться и чувствам природы; если бы он не сделал этого, то, быть может, иной приписал бы такое любомудрие бесчувственности. Потому он обнаружил и свое сердце и высоту благочестия, чувствовал скорбь и не изменился, но, продолжая свой подвиг, увенчал себя новыми венцами, ответив жене своей следующими словами: **"неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?"** (Иов.2:10). У него осталась одна жена после потери всего, и детей, и имущества и самого тела, да и та для его искушения и укоризны. Для того диавол и не погубил ее вместе с детьми и не просил у Бога смерти ее, чтобы иметь в ней великое пособие к нападению на этого святого; он оставил ее как сильнейшее для себя оружие: если, говорил он, посредством ее я изгнал из рая, то тем более смогу паразитить на гноище.

4. И посмотри на коварство (диавола): не тогда он подводил к нему это орудие, когда погибли волы, ослы и верблюды; даже и после разрушения дома и смерти сыновей, видя в нем сильного борца, еще медлит и не заставляет ее действовать; но когда у него образовались кучи червей, гниющая кожа отпадала, изъязвленная плоть источала зловонный гной, когда диавольская рука мучила его хуже сковород, печей и всякого пламени, терзая и пожирая со всех сторон тело его свирепее всякого зверя, и когда в таких страданиях прошло много времени, – тогда он и подводит ее к изнуренному и истощенному (мужу). Если бы она пришла в начале несчастья, то не нашла бы его так изнуренным и не могла бы представлять несчастье его так тяжким и великим: а теперь,

видя, что он утомился от продолжительности времени, жаждет облегчения и желает избавления от бедствий, она приступает к нему решительно. Чувствуя крайнее изнурение, задыхаясь от страданий и желая смерти, послушай, что он говорил: если бы я мог наложить на себя руку, или попросить об этом другого, то сделал бы и это. Потому она, – посмотри на коварство ее, – с чего начинается речь свою? С продолжительности времени: **"доколе"**, говорит, **"ты будешь терпеть!"** Если часто одни слова без дела могут поражать человека, то представь, что должен был чувствовать тогда он, огорчаемый и этими словами и самым делом; и, что всего хуже, это говорила ему жена, изнемогшая и упавшая духом, и потому старавшаяся довести и его до отчаяния. Но чтобы яснее видеть силу нападения, направленного на эту алмазную стену, выслушаем самые слова ее. Какие же это слова? **"Доколе ты будешь терпеть, говоря: "Вот еще не много времени потерплю, ожидая спасения моего"?"** (Иов.2:9). Время, говорит, обличило слова твои; его прошло много, а облегчения не видно никакого. Говоря это, она не только располагает его к отчаянию, но и укоряет и насмехается, потому что он, утешая ее и опровергая ее жалобы, постоянно говорил: пожди еще немного, и скоро будет этому конец. Укоряя его, она и говорит: не скажешь ли и теперь то же самое? Уже много протекло времени, а конца этому не видно. И заметь коварство: не упоминает ни о волах, ни об овцах, ни о верблюдах, зная, что все это не очень огорчало его, но прямо обращается к существенному и напоминает о детях, зная, что в скорби о них он разодрал одежду и остриг волосы. Не говорит: погибли дети твои, но гораздо трогательнее: **"изгладилась с земли память о тебе"**, – то, что и детей делает любезными. Если и ныне, когда несомненно воскресение, дети любезны потому, что сохраняют память об умерших родителях, то тем более тогда. Потому и проклятие (друга его) становится сильным; проклиная, он не сказал: да погибнут дети, но: **"память о нем с земли"**, т.е. сыновья и дочери (Иов.18:17). Выражением память она опять нарочно напоминает ему о детях того и другого пола. Если же ты, говорит, не заботишься о них, то обрати внимание хотя на мое положение: **"болезни и труды чрева моего, которые я тщетно болезненно переносила"**. Смысл слов ее следующий: я, много потерпевшая, подвергаюсь за тебя страданиям; труды понесла, а плодов лишилась. Она не указывает прямо на потерю имущества, но смотри, как и не умалчивает о ней и не проходит мимо, а намекает на нее, насколько возможно было сказать чувствительнее. **"А я"**, говорит, **"скитаюсь и служа, переходя с места на место и из дома в дом"**, намекая и на потерю (имущества), и открывая свои великие страдания; самые выражения достаточно увеличивают несчастье: я, говорит, хожу по чужим домам, и не только прошу милостыни, но и блуждаю, служу, занимаюсь незнакомой и новой для меня работой, и скитаюсь везде, нося на себе и знаки несчастья и открывая всем свои бедствия; а что всего прискорбнее, постоянно перехожу из дома в дом. Не окончив и этим свои сетования, она присовокупляет: **"ожидая, когда зайдет солнце, чтобы отдохнуть от трудов моих и болезней, удручающих ныне меня"**. Для других, говорит, приятно видеть лучи солнца, а для меня тяжело; для меня вожделенны ночь и тьма, потому что она одна дает мне успокоение от трудов, она приносит мне утешение в несчастьях. **"Но произнеси хулу на Господа и умри"** (2:9).

5. Видишь ли и здесь коварство? В жалобе своей она не тотчас предложила пагубный совет, но наперед горько описала несчастье и распространилась в исчислении бедствий, а потом в кратких словах предлагает совет и не прямо высказывает его, но прикровенно, предлагая весьма вожделенную для него перемену, обещая смерть, которой он особенно желал. Заметь и здесь коварство диавола. Зная любовь Иова к Богу, он не внушает жене ропота на Бога, чтобы (Иов) тотчас же не отверг ее, как врага. Потому она нигде не упоминает о Боге, а только изображает случившееся. Прибавь к вышесказанному и то, что это советовала жена – сильный оратор, чтобы обольщать невнимательных. Многие и без несчастий пали от одного совета жен. Что же этот блаженный муж, твердейший алмаза? Сурово взглянув на нее, он одним взглядом, еще прежде слов, разрушил ее козни. Она

ожидала, что заставит его пролить потоки слез, а он оказался сильнее льва; исполнившись гнева и негодования не на то, что сам терпел, а на ее диавольский совет, и обнаружив гнев своим взором, он делает ей умеренный упрек, – так как и в несчастиях он был благоразумен. Что же говорит он? **"Почему ты говоришь, как одна из безумных женщин?"** (2:10). Не тому, говорит, я учил тебя, не так воспитывал тебя; не узнаю в тебе моей супруги, – потому что слова твои свойственны жене безумной, совет твой приличен сумасшедшей. Видишь ли, как умерен ответ его, как удар его достаточен для уврачевания ее болезни? Затем, после упрёка, он предлагает и совет, также достаточный для ее утешения и исполненный великого благоразумия: **"если доброе"**, говорит, **"мы получаем от руки Господа, то худого не перенесем ли?"** Вспомни, говорит, о прежнем (благоденствии), помысли об его виновнике, и ты мужественно перенесешь настоящее (несчастье). Видишь ли смиренномудрие этого мужа? Своего терпения он не приписывает своему мужеству, но говорит, что оно в порядке вещей. За что Бог даровал нам прежние блага, за что вознаграждал нас ими? Ни за что, а единственно по Своей благодати; они были дар, а не награда, благодать, а не воздаяние; будем же мужественно переносить и настоящее. Муж и жены, запишем для себя и начертая в своей душе слова эти и им предшествовавшие; изобразив в уме своем, как бы на картине, повесть его страданий, как-то: потерю имущества, погибель детей, язвы тела, оскорбления, насмешки, козни жены, коварство диавола и вообще все подробности страданий праведника, устроим себе надежнейшее пристанище, чтобы, перенося все мужественно и с благодарностью, мы могли и в настоящей жизни отогнать от себя всякую печаль и (в будущей) получить награды за такое благомыслие, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас" (1Кор.12:1-2).

1. Все это место весьма неясно; неясность происходит от неизвестности предметов и от оскудения событий, которые тогда были, а теперь не бывают. Почему же они теперь не бывают? Вот, причина неясности подала нам повод к другому вопросу: почему они тогда были, а теперь не бывают? Но оставим это до другого времени, а теперь скажем о том, что тогда было. Что же было тогда? Когда кто-нибудь принимал крещение, то внезапно начинал говорить на разных языках, и не только на разных языках, но многие даже пророчествовали, а некоторые совершали и другие еще большие знамения. Так как обращавшиеся из идолопоклонства не знали ничего ясно, не будучи сведущи даже в ветхозаветных книгах, а между тем по крещении тотчас получали Св.Духа, которого не видели, – потому что Он невидим, – то благодать давала некоторое чувственное доказательство действия (Духа): один вдруг начинал говорить на персидском, другой на римском, третий на индийском, а иной на каком-нибудь другом языке; для внешних (язычников) это служило свидетельством того, что в говорящем действует Дух Святой. Потому (апостол) и говорит: **"но каждому дается проявление Духа на пользу"**, называя проявлением Духа дары Его. Как апостолы прежде всего получили это знамение, так и верующие получили тот же дар языков, и не только это, но и многое другое. Так, многие воскрешали мертвых, изгоняли бесов, совершали много и других подобных чудес. Впрочем, одни имели меньше даров, другие больше. Чаще всего был у них дар языков.

Это и послужило поводом к несогласию между ними не по свойству самого дела, а по неразумию получавших дары. Получившие больше даров превозносились пред получившими меньше; а эти скорбели и завидовали получившим больше, как показывает

далее сам Павел. Нарушая чрез это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую он с великим тщанием старается исцелить. То же самое случилось и в Риме, только иначе. Потому он и в послании к Римлянам касается этого предмета, но прикровенно и кратко, выражаясь так: **"ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то , имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении"** (Рим.12:4-7). А что они также впадали оттого в гордость, он намекнул на это в начале, когда сказал: **"по данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил"** (ст.3). Так он беседовал (с римлянами), у которых болезнь несогласия и гордости была не велика; а здесь – с большей силой, потому что болезнь была гораздо сильнее. И не это одно производило в них смятение, но кроме того между ними было много гадателей, так как город их еще держался языческих обычаев, и это, между прочим, также соблазняло и смущало их. Потому (апостол) здесь прежде всего показывает различие между гаданиями и пророчеством. Для того они получили и дар различения духов, чтобы различать и знать, кто говорит от Духа чистого и кто от нечистого. Так как невозможно было объяснить сказанных слов из них самих, – потому что пророчество свидетельствует о своей истинности не в то время, когда произносится, но когда исполняется, – так как не легко было распознавать, кто подлинно пророчествует и кто лжет, – потому что нечистый дух вредил пророчествовавшим, восставляя лжепророков, которые будто бы также предсказывали будущее, – и так как невозможно было доказать истину сказанного, пока еще не исполнилось предсказанное, и легко могли быть опровержения, – потому что только конец показывает, кто лжет и кто говорит правду, – то, чтобы слушатели не обманывались и прежде конца, (апостол) дает им такое знамение, которое еще прежде исполнения (сказанного) способствовало к различению того и другого. Начав отсюда свою речь, он потом переходит к благодатным дарованиям и разрешает возникший отсюда спор. Прежде всего о гадателях он говорит так: **"не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных"**. Духовными он называет знамения, потому что они – действия одного Духа, а человеческие усилия несколько не содействуют к их совершению. Начиная беседовать об этом, он прежде всего, как я сказал, показывает различие между гаданием и пророчеством и говорит так: **"знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас"**. Смысл слов его следующий: в капищах идольских, когда кто бывал одержим нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и несколько не сознавал того, что говорил. Гадателю свойственно быть в иступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк не таков, но он говорит все с трезвой душой и здравым рассудком, зная, что он говорит. Так различай гадателя и пророка еще прежде исполнения (сказанного). И смотри, как (апостол) устраняет при этом всякое подозрение: он призывает в свидетели их самих, знавших это по опыту. Что я, говорит, не лгу, не клевету и не измышляю на язычников, как враг их, тому свидетели вы сами: знаете, как, будучи язычниками, вы были тогда водимы и увлекаемы. Если же кто станет считать и их, как верующих, (свидетелями) подозрительными, то я докажу вам это и (свидетельствами) внешних (язычников). Послушай Платона, который (в апологии Сократа) говорит так: "прорицатели и гадатели говорят много и хорошо, но сами вовсе не знают того, что говорят". Послушай и другого поэта, который выражает то же самое. Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованиями вводил в человека беса, тогда этот человек начинал прорицать и прорицая рвать и терзать себя, не будучи в состоянии выносить насилия беса, и таким образом мог растерзать себя и погибнуть: подобным волхвователям он и говорил: "развяжите же, смертный не может более сносить царя бога"; и еще: "развяжите мне венки, окропите мои ноги чистой водой и изгладьте черты, чтобы я

мог идти". Все это и тому подобное, – ведь можно было бы сказать гораздо более, – доказывает и принуждение, с каким бесы удерживаются и служат, и насилие, какое терпят люди, однажды предавшие себя им и лишаящиеся в это время здравого смысла. Также и Пифия, – нахожу нужным сказать теперь и о другом постыдном деле их, о котором лучше было бы молчать, потому что нам неприлично говорить об этом, но чтобы яснее видеть бесстыдство их, нужно упомянуть, чтобы вы уразумели отсюда, как безумны и смешны прибегающие к волхвователям, – эта женщина Пифия садилась, говорят, на тренажнике Аполлоновом, расставив голени: затем лукавый дух, проникая снизу и входя в нее чрез детородные части, приводил ее в иступление, и она, распустив волосы, начинала бесноваться, испускать изо рта пену, и в таком иступлении изрекать неистовые слова. Вижу, что вы стыдитесь и краснеете, слыша это; а они еще превозносились таким бесстыдством и безумием!

2. Итак, намекая на все это и тому подобное, Павел сказал: **"знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас"**. Так как он говорил к понимавшим дело, то и не излагает всего подробно, чтобы не отяготить их, но, только напомнив им и приведя все на ум, тотчас оставляет это и поспешает к своему предмету. Что же значит: **"к безгласным идолам"**? Гадатели ходили к ним, как бы ведомые. Если же идола безгласны, то как те пользовались ими? Для чего бес приводил их, как пленников и узников, к истуканам? Между прочим для того, чтобы сделать обман правдоподобным. Чтобы не подумали, что идол есть камень безгласный, он старался привязать людей к идолам, чтобы принадлежащее первым приписывали последним. Но у нас не так. Впрочем (апостол) не объясняет нашего, то есть того, что касается пророков, так как им (коринфянам) это было известно, и между ними (были пророки, которые) пророчествовали, как следовало, с рассудком и совершенной свободой. Они властны были говорить и не говорить; они не были принуждаемы, но вместе с честью сохраняли и волю. Потому и Иона убежал, потому и Иезекииль уклонялся, потому и Иеремия отрицался. Бог же не принуждал их насильно, но советовал, убеждал, угрожал, не помрачая рассудка. Бесу свойственно производить помешательство, неистовство и большое помрачение, а Богу – просвещать и сознательно учить тому, чему должно. Вот первое различие между гадателем и пророком! Второе (апостол) излагает далее так: **"потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса"**: и еще: **"никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым"** (ст.3). Когда, говорит, ты увидишь, что кто-нибудь не произносит имени Иисуса или даже анафематствует Его, то он – гадатель; а когда увидишь другого, который обо всем говорит с именем Его, то знай, что он – духовный. Что же, спросишь, сказать об оглашенных? Если никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым, то что сказать о них, которые произносят имя Его, но Духа не имеют? Не о них теперь говорит (апостол), – так как (коринфяне) были тогда не оглашенные, – а о верующих и не верующих. Но разве никакой бес не именует Бога? Не говорили ли бесноватые: **"знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий"** (Мар.1:24)? Не говорили ли они и Павлу **"сии человеки – рабы Бога Всевышнего"** (Деян.16:17)? Говорили, когда были мучимы и вынуждаемы, а добровольно и не мучимые никогда. Здесь можно спросить: для чего бес говорил это, а Павел запретил ему? (Павел) подражал своему Учителю; и Христос запрещал бесам говорить, не желая получать от них свидетельство. А для чего бес делал это? Он хотел произвести замешательство, лишить апостолов чести и склонить многих слушать его самого. Если бы это было допущено, то бесы оказались бы достойными вероятия и легко стали бы вводить, что им угодно. Потому, чтобы этого не было и чтобы обман не получил даже начала, (апостол) заграждает им уста и тогда, когда они говорили правду, для того, чтобы никто совершенно не внимал им во лжи, но всякий отвращал слух свой от всего, что бы они ни говорили. Показав таким образом первый и второй признак гадателей и пророков, (апостол) далее беседует о чудесах, приступая к этому предмету не просто, но

так, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласие и убедить тех, которые получили меньше, не скорбеть, а тех, которые получили больше, не превозноситься. Потому начинает так: **"дары различны, но Дух один и тот же"** (ст.4). Прежде всего он вразумляет того, кто получил меньший дар и из-за этого скорбит. О чем, говорит, ты скорбишь? О том, что не получил столько, сколько другой? Но вспомни, что это – дар, а не долг, и получишь утешение в скорби. Потому он прямо и выразился так: **"дары различны"**. Не сказал: знамения, или чудеса, но: дарования, названием дара убеждая не только не скорбеть, но и чувствовать благодарность. Вместе с тем, говорит, представь и то, что хотя ты получил дар меньшей меры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получивший больше, ты имеешь одинаковую с ним честь; ты не можешь сказать, что ему даровал Дух, а тебе ангел; и тебе и ему даровал Дух. Потому и прибавляет: **"но Дух один и тот же"**.

3. Хотя есть различие в даре, но нет различия в Даровавшем: из одного источника получили и ты и он. **"И служения различны, а Господь один и тот же"** (ст.5). Чтобы усилить утешение, (апостол) приводит и Сына и Отца. Самые дары называет здесь другим именем, желая и чрез это доставить большее утешение. Потому и говорит: **"служения различны, а Господь один и тот же"**. Услышав о даровании, получивший меньше, может быть, стал бы скорбеть; но, услышав о служении, не станет, потому что это слово означает труд и работу. Что ты скорбишь, говорит, если Бог другому повелел трудиться больше, а тебя пощадил? **"И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу"** (ст.6-7). Что такое, скажешь, действие? Что такое – дарование? Что такое – служение? Только различные названия, а предметы одни и те же. Он называет и дарование и служение действием. **"Исполняй"**, говорит, **"служение твое"** (2Тим.4:5); и: **"я прославляю служение мое"** (Рим.11:13); также к Тимофею: **"по сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе"** (2Тим.1:6); и к Галатам: **"ибо Содействовавший Петру в апостольстве содействовал и мне у язычников"** (Гал.2:8). Видишь ли, как он не полагает никакого различия между дарами Отца (и Сына) и Св. Духа, не смешивая Их ипостасей, – да не будет! – но показывая равночестие существа? Что дарует Дух, говорит он, то производит Бог (Отец), а распределяет и назначает Сын. Если бы одно было меньше другого, то он не сказал бы этого так и не стал бы таким образом утешать скорбящего. Далее утешает его еще другим образом, именно тем, что сообщенная ему мера дарований, хотя и малая, служит ему в пользу. Сказав: **"Дух один и тот же"**, **"Господь один и тот же"**, **"Бог один и тот же"**, и тем успокоив его, присовокупляет еще другое утешение в словах: **"но каждому дается проявление Духа на пользу"**. Чтобы кто-нибудь не сказал: чтож из того, что один и тот же Дух, один и тот же Господь, один и тот же Бог, когда я получил меньше? – (апостол) говорит, что, это на пользу. Явлением Духа он называет знамения, и справедливо. Мне верующему известно, кто имеет Духа, – именно тот, кто крещен; а для неверующего это ниоткуда не видно, как только из знамений. И отсюда опять следует не малое утешение: хотя дарования различны, но обнаружение одинаково; хотя бы ты имел много, хотя бы мало, ты равно обнаруживаешься, так что, если хочешь показать, что ты имеешь Духа, для этого ты имеешь достаточно. Итак, если один есть Даровавший, и данное тебе дар, и обнаружение может быть, и это наиболее полезно тебе, то не скорби, как будто бы ты был презрен. Не в бесчестие тебе, не для унижения тебя пред другим Бог поступил так, но из снисхождения к тебе и желая тебе пользы. Получить больше и не быть в состоянии вынести – вот что бесполезно, и пагубно, и достойно скорби! **"Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом"** (ст.8-9). Видишь ли, как он везде прибавляет: **"тем же Духом"**? Он знает, что в этом и заключается великое утешение. **"Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков"** (ст.10). Так как последним они более всего гордились, то

он и поставляет это на конце и присовокупляет: **"все же сие производит один и тот же Дух"** Дух (ст.11). Вот всеобщее врачевство утешения: все мы получаем от одного и того же корня, из одной и той же сокровищницы, из одного и того же источника! Поэтому-то он непрестанно употребляет это слово и тем уравнивает мнимое неравенство и утешает. Выше он говорил, что и Дух и Сын и Отец подают дарования; а здесь говорит только о Духе, чтобы ты и отсюда познал, что у них одно и то же достоинство. Что же значит: слово премудрости? То, которое имел Павел, которое имел Иоанн, сын грома. А слово разума? То, которое имели многие из верующих, хотя имевшие знание, но не бывшие в состоянии учить и удобно передавать другому то, что сами знали. Другому же вера: не вера в догматы, но вера чудотворенная, о которой Христос говорит: **"если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда“, и она перейдет"** (Мф.17:20). И апостолы о ней просили, когда говорили: **"умножь в нас веру"** (Лк.17:5). Она – мать чудотворений. Но иметь чудотворения, и дарования исцелений – не одно и то же. Кто имел дар исцелений, тот только врачевал, а имевший чудотворения мог и наказывать; от чудотворения не только врачевание, но и наказание, как например Павел ослепил, Петр поразил смертью. **"Иному пророчество, иному различие духов"**. Что значит: **"различие духов"**? Знание того, кто духовный и кто не духовный, кто пророк и кто обманщик, как говорит он и Фессалоникийцам: **"пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь"** (1Фес.5:20-21). В то время была великая опасность от лжепророков, потому что диавол всячески старался противопоставить ложь истине. **"Иному разные языки, иному истолкование языков"**. Иной сам знал, что говорил, но другому истолковать не мог; а иной имел способность к тому и другому, или к чему-нибудь одному из двух.

4. Этот дар (языков) почитался великим, потому что его и апостолы прежде всего получили и из коринфян многие имели, а дар учения – не так. Потому (апостол) поставляет тот прежде, а об этом (говорит) после. Между тем и тот для этого, равно как и все прочее, и пророчества, и чудотворения, и разные языков, и истолкование языков; и ничто не может равняться с ним, как он сам говорит: **"достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении"** (1Тим.5:17); и еще в послании к Тимофею: **"занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании"** (1Тим.4:13-14). Видишь ли, как он называет и это дарованием? Далее то же утешение, которое он предложил выше в словах: **"Дух один и тот же"**, повторяет и здесь, говоря: **"все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно"**.

И не только утешает, но и заграждает уста противнику словами: **"разделяя каждому особо, как Ему угодно"**, потому что утешая надобно и вразумлять, как он поступает и в послании к Римлянам, когда говорит: **"ты кто, человек, что споришь с Богом?"** (Рим.9:20). Так и здесь: **"разделяя каждому особо, как Ему угодно"**. Вместе с тем показывает, что принадлежащее Отцу принадлежит и Духу. Как об Отце сказал: **"а Бог один и тот же, производящий все во всех"**, так и о Духе: **"все же сие производит один и тот же Дух"**. Но производит, скажешь, под влиянием Бога?

Нигде (апостол) не сказал этого, а ты сам это выдумываешь. Когда он говорит: **"производящий все во всех"**, говорит это о людях, а вовсе не считает с людьми и Духа, хотя бы ты тысячу раз, как безумный, повторял это. Так как он выше сказал: Духом (*διὰ τοῦ πνεύματος*), то, чтобы ты не подумал, что это выражение означает унижение (Духа) или зависимость (действий Его от другого), присовокупляет, что Дух действует, а не побуждается к действию, и действует, **"как Ему угодно"**, а не как повелевают Ему. Как об Отце Сын говорит, что Он **"воскрешает мертвых и оживляет"**, равно и о Себе самом, что Он **"оживляет, кого хочет"** (Ин.5:21), так и о Духе в одном месте сказано, что Он

делает все со властью и ничто Ему не препятствует, – слова: **"дышит, где хочет"** (Ин.3:8), хотя сказаны о ветре, именно это и доказывают, – а здесь говорится, что Он **"все производит, как Ему угодно"**. Из другого места можешь видеть, что Он не из тех, чрез кого действуют, но сам действует: **"ибо кто из человеков знает"**, говорит (апостол), **"что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия"** (1Кор.2:11). Дух человека, т.е. душа, не имеет нужды в постороннем воздействии, чтобы знать свое; это всякому известно; следовательно и Дух Святой – чтобы знать Божие: потому и говорит, что Дух Святой знает тайны Божии так же, как душа человеческая свои тайны. Если же в этом случае Он не побуждается к действию (кем-нибудь другим), то зная глубины Божии и действуя без постороннего влияния в раздавании даров апостолам, Он тем более сам не находится в зависимости. Кроме того скажу и то, что я говорил прежде. Что именно? То, что если бы Дух был меньше и не единосущен (Отцу и Сыну), то не было бы никакого утешения в словах, что действует один и тот же Дух. Получивший что-нибудь от царя имеет великое утешение в том, что (царь) сам дал ему; а получивший от раба может еще более печалиться, что ему принес это посторонний. Таким образом и отсюда ясно, что Дух Святой не рабского, а царского существа: Апостол утешает коринфян как словами: **"служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же"**, так и вышесказанными: **"Дары различны, но Дух один и тот же"**, и последующими: **"все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно"**. Не будем же, говорит, унывать, скорбеть и говорить: почему я то получил, а этого не получил? Не будем требовать отчета от Святого Духа. Если ты знаешь, что Он подают по своему промыслению, и сознаешь, что, по тому же промыслению, Он подают в известной мере, то будь доволен и радуйся тому, что получил; не огорчайся тем, чего не получил, но еще воздавай благодарность за то, что не получил выше сил своих.

5. Если же касательно духовных (благ) не должно быть слишком пытливым, то тем более касательно вещественных должно оставаться спокойным и не исследовать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Не всякий богат от Бога, но многие и от неправды, грабительства и любостяжания. Разве Тот, кто повелел не собирать богатства, подаст то, чего не велел приобретать? А чтобы еще более заградить уста возражающих, обратимся к древним временам, когда богатство давалось от Бога. Отвечай мне: почему Авраам был богат, а Иаков нуждался даже в хлебе? Не был ли последний так же праведен, как и первый? Не равно ли о троих говорил Господь: **"Я Бог Авраама, Исаака и Иакова"** (Исх.3:6)? Почему же один был богат, а другой трудился, как наемник? Почему даже Исав – нечестивец и братоненавистник – был богат, а он (Иаков) был рабом столь долгое время? Почему опять Исаак жил всегда спокойно, а Иаков в трудах и бедствиях, вследствие чего и говорил: **"малы и несчастны дни жизни моей"** (Быт.47:9)? Почему Давид, пророк и царь, постоянно жил в трудах, а Соломон, сын его, сорок лет прожил спокойнее всех людей, наслаждаясь глубоким миром, честью и удовольствиями всякого рода? Почему из пророков иной больше, а иной меньше терпел скорби? Потому, что каждому свое было полезно.

Потому в отношении каждого следует сказать: **"судьбы Твои - бездна великая"** (Пс.35:7). Если же мужей великих и дивных Бог назидал не одинаковым образом, но иного бедностью, другого богатством, иного спокойствием, другого скорбью, то тем более ныне надобно то же думать. Вместе с тем надобно помнить и то, что многое случается не по Его намерению, а от нашей злобы. Не говори же: почему один богат, несмотря на то, что порочен, а другой беден, несмотря на то, что праведен? Очень легко можно дать на это ответ и сказать: праведник не терпит никакого вреда от бедности, напротив еще более прославляется, а злой человек ведется богатством к мучению, если не переменится: и еще прежде наказания богатство часто бывало для него причиной многих зол и ввергало его в

бесчисленные пропасти. Бог же попускает это, с одной стороны, в знак свободы (человеческой) воли, с другой – для научения прочих не бесноваться и не гоняться за деньгами. А что, скажешь, если человек порочный богат и не терпит ничего худого? Если он добродетелен и богат, это справедливо; а если порочен, то что нам сказать? То, что и в таком случае он жалок: богатство, присоединяясь к пороку, увеличивает зло. А если он добродетелен и беден? Это нисколько не вредит ему. А если порочен и беден? Значит, он терпит это справедливо и по достоинству, и даже с пользой для себя. Но такой-то, скажешь, получил богатство от предков и расточает его на блудниц и тунеядцев и не терпит ничего худого. Что ты говоришь? Он блудодействует, а ты говоришь, что он не терпит ничего худого? Он пьянствует, а ты думаешь, что он наслаждается? Он проживается на дела непотребные, а ты считаешь его достойным подражания? Что может быть хуже человека, погубляющего свою душу? Если у кого-нибудь искажено и изуродовано тело, то ты считаешь его достойным безмерных слез; а видя, что вся душа его искажена, ты считаешь его даже блаженным? Но он, скажешь, не чувствует этого? Потому-то самому он еще более жалок, подобно сумасшедшим. Кто знает, что он болен, тот конечно будет искать врача и примет лекарство; а кто не сознает своей болезни, тот не может и освободиться от нее. И, скажи мне, такого-то ты считаешь блаженным? Впрочем это нисколько не удивительно; люди большей частью неопытны в любомудрии. Оттого мы и подвергаемся крайнему осуждению, наказываемся и не бываем свободны от мучения, оттого у нас непрестанные неудовольствия, огорчения и беспокойства, что мы, оставляя указанную нам Богом жизнь беспечальную, т.е. жизнь добродетельную, пролагаем себе другой путь – обогащения и любостяжания, исполненный бесчисленных зол: мы поступаем так же, как если бы кто, не понимая красоты телесной, но полагая все достоинство в одежде и навешенных украшениях, оставил без внимания женщину благоразумную и красивую от природы, а некрасивую, безобразную и уродливую, но только одетую в красивые одежды, взял бы себе в жены. Подобным же образом поступают ныне многие и касательно добродетели и порока: к гнусному по природе (пороку) прилепляются за внешние его украшения, а от прекрасной и благообразной (добродетели) отвращаются за непокрытую ее красоту, за которую тем более надлежало бы возлюбить ее.

б. Стыжусь, что между несмысленными язычниками есть люди, любомудрствующие так, если не на деле, то по крайней мере в мыслях, и знающие скоротечность настоящего, а у нас некоторые и этого не знают, даже имеют превратное суждение, и притом тогда, как Писание непрестанно повторяет нам: **"тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит"** (Пс.14:4); **"страх Господень все превосходит"** (Сир.25:14); **"бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека"** (Еккл.12:13); **"не ревнуй злодеям"** (Пс.36:1); **"не бойся, когда богатеет человек"** (Пс.48:17); **"всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой"** (Ис.40:6). Слыша это и тому подобное каждый день, мы однако прилепляемся к земле. Как дети еще не совсем выучившиеся азбуке, когда приказывают им называть буквы не по порядку, часто называют одни вместо других, и тем возбуждают большой смех, так и вы, когда исчисляем вам все по порядку, кое-как еще следите, а когда спросим вас порознь, какую вещь надобно поставить на первом месте, какую на втором, и так далее, то вы не знаете, что сказать, и становитесь смешными. Подлинно, не крайне ли смешно, скажи мне, что люди, ожидающие бессмертия и благ, которых **"не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку"** (1Кор.3:9), гоняются за благами здешними и считают их достойными состязания? Если ты еще имеешь нужду учиться тому, что богатство не представляет ничего великого, что настоящее есть тень и сон, что оно рассеивается и разлетается, подобно дыму, то стой вне святилища и оставайся в преддверии, потому что ты еще не достоин войти в горние царские чертоги. Если ты еще не умеешь рассудить, что (настоящее) по существу своему непостоянно и скоропреходяще, то как ты сможешь

презирать его? А если скажешь, что умеешь, то перестань исследовать и спрашивать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Спрашивать об этом значит делать то же, как если бы ты ходил и спрашивал, почему такой-то бел, а такой-то черен, или почему у такого-то нос загнутый, а у такого-то тупой. Как в подобных вещах нам безразлично, так ли это, или иначе, – так должно быть и в том, беден ли кто или богат, и даже гораздо менее в последнем, нежели в первом. Все зависит от способа употребления: хотя бы ты был беден, ты можешь жить благодушно, если будешь любомудр: хотя бы ты был богат, ты несчастнее всех, если чуждаешься добродетели. Нам важно то, что добродетельно; а без этого все прочее совершенно бесполезно. Оттого и происходят эти частые вопросы, что многие считают бесполезное для них полезным, а о полезном нисколько не заботятся. Полезное для нас – это добродетель и любомудрие. Но вы слишком далеки от них; оттого у вас и смятение помыслов, многие волны и буря, потому что кто удаляется от горней славы и любви к небу, тот обращается к благам настоящим и делается их рабом и пленником. Отчего же скажешь, мы стремимся к ним? Оттого, что не слишком стремимся к благам небесным. А отчего это происходит? От нерадения. А нерадение откуда? От невнимательности. А невнимательность откуда? От неразумения, оттого, что останавливаемся на благах настоящих и не хотим тщательно исследовать существо вещей. Отчего же опять это происходит? Оттого, что не читаем Писаний, не беседуем с святыми мужами, а ищем общества людей порочных. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая нас одна за другую, не увлекли в море зол, не потопили и не погубили совершенно, восстанем, пока есть время, и, утвердившись на скале, т.е. на догматах и слове Божиим, будем взирать на бурю настоящей жизни. Таким образом мы и сами избавимся от нее и, спасая других, подвергающихся кораблекрушению, удостоимся будущих благ, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 30

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос" (1Кор.12:12).

1. Утешив (коринфян) тем, что всякое дарование есть дар благодати, что все подается одним и тем же Духом и подается на пользу, что (Дух) открывается и в меньших дарованиях, и вместе заградив им уста тем убеждением, что должно покоряться власти Духа, – **"все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно"**, и потому не должно быть слишком пытливым, – (апостол) утешает их еще иным общеизвестным сравнением, обращаясь к природе, как он обыкновенно делает. Так, беседуя о волосах мужей и жен, он между прочим употребил такой же способ учения и сказал: **"не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь?"** (1Кор.11:14). Рассуждая об идольских жертвах и запрещая касаться их, также употребил сравнение, заимствованное из языческих обычаев, напомнив об олимпийских играх и сказав: **"бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду"** (1Кор.9:24); кроме того указывал и на примеры пастырей, воинов и земледельцев. Точно так и здесь приводит общеизвестное сравнение, которым старается доказать, что никто (из христиан) не унижен пред другими, – как ни странно и ни трудно было доказывать это, – и которое могло убедить даже самых простых людей, то есть сравнение с телом. Человека малодушного и получившего меньше других ничто так не утешает и не располагает оставить скорбь, как убеждение, что он не унижен пред другими. Потому (апостол) и доказывает это: **"ибо как"**, говорит, **"тело одно, но имеет многие члены"**. Видишь ли его глубокую мудрость? Он доказывает, что одно и то же есть единое и многое. Раскрывая еще более этот предмет, присовокупляет: **"и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело"**. Не сказал: многие члены

принадлежат одному телу, но: **"составляют одно тело"** многое, и многие члены его есть одно. Если же многое есть единое и единое многое, то где различие, где преимущество, где унижение? **"И все"**, говорит, **"составляют одно"**: не просто одно, но, будучи рассматриваемы собственно в отношении к составу тела, все они – одно; а когда они рассматриваются порознь, тогда – различие, и притом различие во всех их. Ни один из них не может сам по себе составить тела, и каждый одинаково недостаточен к тому, чтобы составить тело, а необходимо для этого их соединение; когда многие сделаются единым, тогда и составляется одно тело. Выражая это, он и говорит: **"все члены тела, хотя их и много, составляют одно тело"**. Не сказал: высшие и низшие, но: **"хотя их и много"**, что относится ко всем вообще. Как же они могут быть одно? Когда, оставив различие их, как членов, будешь рассматривать их по отношению к телу. Что глаз, то же и нога, в том отношении, что они – члены и составляют тело; в этом между ними нет никакого различия. Не можешь сказать, что один какой-нибудь член составляет тело сам по себе, а другой нет; в этом отношении они все равны, и все – одно тело.

Сказав и ясно доказав это по общему всем здравому смыслу, (апостол) присовокупляет: **"так и Христос"**. Надлежало бы сказать: так и Церковь, – это именно следовало из предыдущего, – но он не сказал так, а вместо Церкви наименовал Христа, употребив выражение более возвышенное и более пристыдив слушателя. Смысл слов его следующий: так и тело Христово, которое есть Церковь. Как тело и голова составляют одного человека, так и Церковь и Христос, говорит, есть одно; потому и именуется вместо Церкви Христа, разумея здесь тело Его. Как наше тело есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви все мы составляем нечто единое; хотя она состоит из многих членов, но эти многие суть одно тело. Таким образом, успокоив и ободрив общеизвестным примером того, кто считал себя униженным, (апостол) оставляет обыкновенные предметы и переходит к другому предмету – духовному, который мог доставить еще больше утешения и ясно показать равенство чести (у членов Церкви). Какому же? **"Ибо все мы одним Духом"**, говорит, **"крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные"** (ст.13). Смысл слов его следующий: один Дух составил из нас одно тело и возродил нас, потому что не иным Духом крещен один, а иным другой. И не только крестивший нас (Дух) есть един, но и то, во что Он крестил, то есть для чего крестил, есть едино, так как мы крестились не для того, чтобы составлять различные тела, но чтобы все мы в точности составляли одно тело в отношении друг к другу, то есть крестились для того, чтобы всем нам быть одним телом.

2. Таким образом и составивший нас един, и то, во что он составил нас, едино. И не сказал (апостол): чтобы мы принадлежали одному телу, но: **"мы все в одно тело"**: он всегда старается употреблять самые точные выражения. Хорошо также сказал: мы все, включив и себя самого. И я, апостол, не имею, говорит, пред тобой никакого преимущества в этом отношении; и ты тело так, как я, и я так, как ты, и все мы имеем одну и ту же Главу и родились одинаковым рождением, потому и составляем одно и то же тело. Но что я указываю, говорит, на иудеев? И язычников, которые были так далеки от нас, Бог привел в состав единого тела. Потому, сказав: **"все мы"**, он не останавливается на этом, но прибавляет: **"Иудеи или Еллины, рабы или свободные"**. Если же мы, бывшие прежде столь далекими друг от друга, соединились и стали едино, то тем более после соединения нам не следует скорбеть и унывать, так как уже нет места различию. Если Он удостоил одного и того же и язычников и иудеев, и рабов и свободных, то, удостоив, станет ли разделять нас, тогда как самое сообщение дарований служит к совершеннейшему единению? **"И все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих"** (ст.13-14). Т.е. все мы приступаем к одному и тому же таинству, вкушаем от одной и той же трапезы. Почему же он не сказал: мы питаемся одним и тем же телом и пьем одну и ту же кровь? Потому что, наименовав Духа, он означил то и другое, и кровь и плоть; чрез то

и другое мы напояемся единым Духом. Впрочем, мне кажется, что он говорит здесь о том наитии Духа, которое совершается над нами при крещении, еще прежде таинства причащения. Напоены – сказал он потому, что это переносное выражение весьма прилично настоящему предмету, как будто бы он говорил о растениях и саде, что все деревья орошаются одним и тем же источником, одной и той же водой. Так точно и мы все, говорит, напояемся одним и тем же Духом, сподобляемся одной и той же благодати. Итак, если единый Дух составил нас, и в едино тело соединил всех нас, – а это означают слова: **"крестились в одно тело"**, – и одну трапезу даровал, и одно и то же орошение сообщил всем, – а это означают слова: **"напоены одним Духом"**, – а столь далеких между собой соединил вместе и многие только тогда составляют тело, когда становятся едино, то о каком твердишь ты различии? Если же скажешь, что членов много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляет особенность тела, а именно, что в нем многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы так удивительно и чудно, что тело одно; или лучше, тогда не было бы и тела. Впрочем, это (апостол) объясняет после, а теперь пока обращается к самым членам и говорит: **"если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу?"** (ст.15-16). Если бы то, что один меньше, а другой больше, препятствовало входить в состав тела, то не стало бы и всего тела. Потому не говори: я не тело, потому что я меньше других: и нога занимает низшее место, но и она в составе тела. Быть или не быть в составе тела зависит не от положения в том или другом месте, – это производит только различие в месте, – но от слития или раздела; быть или не быть телом зависит от соединения с ним или несоединения. И заметь мудрость (Павла), с какой он представляет ваши члены произносящими эти слова. Как выше он говорил: **"это приложил я к себе и Аполлосу"** (4:6), так и здесь, чтобы сделать речь свою еще более кроткой и удобоприемлемой, представляет говорящими самые члены, чтобы (читатели), слыша ответ себе от самой природы, обличаясь самым опытом и общим здравым смыслом, не могли более противоречить. Хотя бы, говорит, и вы говорили то же самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть вне тела, потому что как закон природы, так и еще более сила благодати все соблюдает и сохраняет. И смотри, как он избегает излишества: говорит не о всех членах, а только о двух, и притом крайних, о самом высшем – глазе, и самом низшем – ногах. Кроме того представляет ногу говорящей не с глазом, но с рукой, которая немного выше ее, а ухо – с глазом. Как мы обыкновенно завидуем не тем, которые слишком превосходят нас, а тем, которые немного выше нас, так и он делает свое сравнение. **"Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?"** (ст.17). Так как он указал на различие членов, упомянул о ногах, руках, глазах и ушах, и тем подал мысль о низшем и высшем достоинстве, то, смотри, как опять утешает и показывает, что это полезно, что оттого преимущественно и бывает тело телом, что члены у него многие и различные. Если бы они все были одно, то и не составили бы тела; потому он и говорит: А **"если бы все были один член, то где тело?"** (ст.19). Впрочем это говорит он после; а теперь выражает нечто еще большее, именно, что в таком случае не только не было бы тела, но не было бы и прочих членов: **"если все слух"**, говорит, **"то где обоняние?"**

3. Далее, так как (слушатели) еще могли смущаться, он и здесь делает то же, что сделал выше. Как там, утешив указанием на пользу, совершенно заградил им уста, сказав: **"все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно"** (ст.11), так и здесь, доказав, что все устроено так с пользой, он опять приписывает все воле Божией и говорит: **"но Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно"** (ст.18). Как о Духе сказал: **"как Ему угодно"**, так и здесь: **"как Ему было угодно"**. Поэтому не спрашивай, почему так, и почему не так. Хотя бы мы могли представить тысячи причин, мы ничем не можем столько же сильно доказать, что это

хорошо, сколько словами: как восхотел высочайший Художник, так и сделалось, потому что Он хочет так, как полезно. Если же не должно быть слишком пытливым касательно членов в нашем теле, то тем более – в Церкви. И заметь мудрость (апостола): он указывает не на различие членов по природе или по деятельности, а на различие по местному положению: **"но"**, говорит, **"Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно"**. Хорошо он сказал: каждый, выразив пользу всех их. Ты не можешь сказать, что такой-то член устроил Господь, а такой-то нет; но каждый поставлен так по Его воле; и ноге полезно быть на таком именно месте, а не одной только голове; и если бы (какой-нибудь член) переменил положение, оставил свое место и перешел на другое, то хотя по-видимому занял бы лучшее место, но погубил бы и расстроил все; он потерял бы свое место и не достигнул бы чужого. **"Если бы все были один член, то где тело? Но теперь членов много, а тело одно"** (ст.19-20). Довольно заградив уста указанием на распоряжение Божие, он опять представляет суждения; вообще он не употребляет постоянно того или другого, но меняет и разнообразит речь свою. Кто только заграждает уста, тот смущает слушателя; а кто приучает его требовать на все объяснения, тот вредит его вере. Потому Павел постоянно делает то и другое, чтобы они и не ослабевали в вере и не смущались; заградив уста, опять предлагает объяснение. И посмотри на его искусство в состязании и превосходство его победы: из чего они заключали о неравенстве чести, – т.е. что между ними было большое различие, – из того самого он доказывает, что они имеют равную честь. А как? Вот как: **"если бы все были один член, то где тело?"** Смысл этих слов следующий: если бы не было между вами великого различия, то вы не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имели бы равной чести: если бы вы все имели равную честь, то не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едино; а не будучи едино, как вы имели бы равную честь? Теперь же, так как вы все имеете не одно дарование, то и составляете тело; а будучи телом, вы все составляете едино и ничем не различаетесь друг от друга в том отношении, что составляете тело. Следовательно, это именно различие и производит равенство чести. Потому он и присовокупляет: **"но теперь членов много, а тело одно"**. Представляя себе это, оставим и мы всякую зависть; не будем ни завидовать тем, которые имеют больше дарований, ни презирать тех, которые имеют меньше. Так угодно было Богу; не будем же противиться. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не в состоянии исполнить твоего дела, и потому, хотя ты меньше его, но в этом отношении превосходишь его; а он, хотя и больше тебя, но в этом отношении меньше, и таким образом вы равны. И в теле члены, по-видимому, маловажные совершают немаловажные действия, но часто причиняют погибель и важным, если будут отделены от них. Что, например, в теле маловажнее волос? Но если уничтожишь их на бровях и ресницах, то отнимешь все благообразие у лица, и глаз уже не будет так красив; хотя потеря не важная, но от ней теряется все благообразие, и не только благообразие, но в большой степени и употребление глаз. Члены наши имеют каждый и свою частную деятельность и общую; равно и красота их есть и частная и общая; и тогда как они по-видимому разделены между собою, на самом деле тесно соединены, так что с повреждением одного повреждается и другой. Смотри: пусть будут у кого-нибудь глаза светлые, щеки улыбающиеся, уста розовые, нос прямой, брови стройные; но, если повредишь что-нибудь из этого, то исказишь общую красоту всего; все будет безобразным, и казавшееся прежде прекрасным представится отвратительным. Если например исказишь только край носа, то во всем произведешь великое безобразие, хотя искажен один только член; и с рукой, если оторвешь хотя ноготь одного пальца, произойдет то же самое.

4. А если желаешь видеть это на деятельности (членов), то отними один палец, и увидишь, что и прочие будут менее деятельны и не так будут исполнять свое назначение. Если же повреждение члена есть общее безобразие и сохранение есть общая красота, то не будем превозноситься и завидовать ближним. Важный член бывает красив и благообразен чрез

член маловажный, и глаз украшается бровями; потому тот воюет против самого себя, кто воюет против брата, потому что не только ему вредит, но не малый ущерб наносит и себе самому. Итак, чтобы этого не было, будем заботиться как о себе самих, так и о ближних; подобие тела приложим и ныне к Церкви, и будем пещись о всех, как о собственных членах. И в Церкви есть многие и различные члены, и одни из них важнее, другие маловажнее; так, есть лики девственниц, есть общества вдовиц, есть братства сияющих в целомудренном браке, и много степеней добродетели. Также и в делах милосердия: один раздает все, другие довольствуются только необходимым и сверх того ничего не ищут, иные подают от избытка; но все они взаимно украшают друг друга. Если больший станет унижать меньшего, то всего больше повредит себе самому; так, если дева станет поносить брачную, то не мало потеряет мзды своей; и раздавший все, если станет поносить не сделавшего этого, много потеряет заслуг своих.

Но что я говорю о девах, вдовицах и людях нестяжательных? Что униженнее просящих милостыни? Однако и они приносят в Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверях храма и составляя великое украшение, так что без них не была бы совершенна полнота Церкви. Это видели и апостолы, и потому в самом начале постановили правила как о всем прочем, так и о вдовицах, и прилагали о них такое попечение, что поставили (для служения) им семь диаконов. Когда я исчисляю членов Церкви, то, называя епископов, пресвитеров, диаконов, девственниц и воздержных, призываю также и вдовиц, потому что и они исполняют не маловажную службу. Ты приходишь (в церковь), когда захочешь; а они день и ночь здесь присутствуют и поют, делая не для одной только милостыни, потому что если бы они только этого хотели, то могли бы ходить на торжище и просить на перекрестках; но они имеют не мало и благочестия. Посмотри, в какой они печи бедности, и между тем ты не услышишь, чтобы они когда-нибудь роптали, или выражали огорчение, как делают многие из богатых; иные из них часто бывают голодные, другие постоянно зябнут от холода, и однако проводят жизнь в благодарении и славословии. Подашь ли им овол, они благодарят и высказывают подавшему тысячи благожеланий; не дашь ли ничего, они не огорчатся, но и тогда благословляют и сохраняют любовь, довольствуясь насущным пропитанием. Но, скажешь, они терпят по необходимости, хотя бы и не хотели этого. Почему так, скажи мне? Для чего произнес ты эти горькие слова? Разве нет постыдных ремесл, прибыльных для стариков и для старух? Разве они не могли бы, если бы не хотели вести честную жизнь, получать и оттуда пропитание с великим избытком? Разве не видишь, сколько в этом возрасте людей, развращающих и пособствующих разврату, или имеющих другие подобные занятия, которые доставляют им пропитание и даже роскошь? Но они не таковы, а готовы скорее умереть с голода, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасение; они сидят целый день, предлагая тебе средство к спасению. Не так успешно врач, простирая руку и прилагая железо, очищает гнилые раны, как нищий, протягивая руку и получая милостыню, изглаждает струпы язв; и, что особенно удивительно, он без боли и страданий совершает это превосходное врачевание. Не менее нас, сидящих пред народом и поучающих вас полезному, поучает и он своим молчанием и видом, сидя у дверей церковных. Мы каждый день внушаем вам: не высокоумствуй, человек; скоротечно непостоянно естество человеческое; юность спешит обратиться в старость, красота в безобразие, сила в немощь, честь в бесчестие, здоровье в болезнь, слава в посрамление, богатство в бедность; все наше подобно быстрому потоку, который не может нигде остановиться, но быстро стремится вниз.

5. То же самое и еще больше того внушают и они своим видом и примером, и внушение их есть самое ясное. Сколько сидящих теперь вне (храма) красовались в юности и совершали великие дела? Сколько из этих безобразных превосходили многих и крепостью тела и красотой лица? Не сомневайтесь и не смейтесь: жизнь исполнена множества таких

примеров. Если многие из бедных и низких часто делались царями, то что удивительного, если иные из великих и славных стали низкими и бедными? Первое гораздо более удивительно, а последнее весьма обыкновенно. Потому следует не сомневаться в том, что некоторые из них отличались искусствами, воинскими делами или богатством, но жалеть о них с великим состраданием и опасаться самим за себя, чтобы и нам не потерпеть когда-нибудь того же; ведь и мы – люди и подлежим той же скоротечной перемене. Но, может быть, кто-нибудь из неразумных и склонных к смешливости станет недоумевать и смеяться над вами, и скажет: когда ты перестанешь говорить о бедных и нищих, предсказывать нам несчастья, проповедовать нищету и стараться сделать нас нищими? Нет, не нищими стараюсь я сделать вас, когда говорю это; но стараюсь доставить вам небесное богатство, подобно как напоминающий здоровому о больных и описывающий их страдания говорит это не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы сохранить его здоровье и страхом их несчастий предохранить его от беспечности. Для вас бедность кажется чем-то страшным и ужасным даже по одному названию; но потому мы и бедны, что боимся бедности, хотя бы имели тысячи талантов. Не тот беден, кто не имеет ничего, но тот, кто страшится бедности, подобно как и между несчастными мы оплакиваем и называем жалкими не тех, которые терпят великие бедствия, но тех, которые не умеют переносить даже невеликих; напротив, кто умеет переносить их, тот достоин похвал и венцов. А что это так, скажи, кого мы хвалим из ратоборствующих: тех ли, которые, получая множество ударов, не унывают и стоят с поднятой головой, или тех, которые обращаются в бегство при первых ударах? Не тех ли мы увенчиваем, как доблестных и мужественных, а над этими не смеемся ли, как над робкими и трусливыми? Так же будем поступать и в делах житейских: того, кто переносит все легко, подобно мужественному и все претерпевшему подвижнику (Иову), будем увенчивать, а того, кто трепещет и боится несчастий и еще прежде, нежели получит удар, умирает от страха, будем оплакивать. И в ратоборствах, если кто прежде, нежели поднимет свою руку, и едва только увидит поднятую руку противника, обращается в бегство, хотя еще не получил удара, то такой подвергается осмеянию, как слабый, изнеженный и неискусный в подобных подвигах. То же самое бывает и с теми, которые боятся бедности и не могут вынести даже одного ее ожидания. Следовательно, не мы делаем вас несчастными, а вы сами себя. Как не посмеяться над тобой диаволу, когда он видит, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя так страшно опасение, то он даже не почтет нужным поражать тебя, но, предоставив обладать богатством, одним опасением потерять его сделает тебя мягче всякого воска. Мы, так сказать, уж от природы таковы, что, испытав что-нибудь, чего боимся, потом считаем это не так страшным, как раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не приобрел и этой добродетели, диавол держит тебя в сильном страхе, истощая тебя, как воск на огне, опасением бедности прежде, нежели ты испытаешь ее на деле. Подлинно мягче всякого воска и несчастнее по жизни самого Каина тот, кто боится за то, что приобрел любостыжанием, скорбит о том, чего не имеет, и трясется над тем, что имеет, заключив у себя богатство, как неблагоприятного раба, и сам будучи осаждаем разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожелание, разнообразный страх, беспокойство и трепет обуревают его со всех сторон, и он уподобляется кораблю, отовсюду гонимому противными ветрами и подвергающему частым треволнениям. Гораздо лучше было бы такому человеку умереть, нежели терпеть непрестанную бурю, подобно как и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать.

Итак, чтобы и нам не потерпеть того же, будем противиться козням диавола, расторгать его сети, притуплять острие тяжкого копья его и заграждать ему всякий доступ к нам. Если ты будешь презирать любостыжание, то он не будет иметь места, где бы поразить тебя, не будет иметь возможности приступить к тебе, потому что ты исторгнул корень зла; а когда нет корня, то не произрастет и дурной плод. Мы постоянно говорим и не

перестанем говорить это; а имеют ли слова наши какой-нибудь успех, это покажет тот день, который откроется огнем, обнажит дела каждого и обнаружит, у кого светильники светлы и у кого не таковы. Тогда откроется, у кого есть елей и у кого нет. Впрочем, да не останется никто тогда чуждым этого утешения, но да окажутся все богатыми человеколюбием и, имея светлые светильники, войдут вместе с Женихом! Нет ничего страшнее и прискорбнее слов, которые услышат тогда от Жениха отходящие отсюда без щедрой милостыни: **"не знаю вас"** (Мф.25:12). Да не услышим мы этого, но да услышим сладчайшие и вожделеннейшие слова: **"приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира"** (Мф.25:34). Таким образом мы станем жить блаженной жизнью и удостоимся всех благ, превосходящих самый ум человеческий, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь. ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 33

"Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится" (1Кор.13:4).

1. Доказав, что без любви нет большой пользы ни от веры, ни от знания, ни от пророчества, ни от дара языков, ни от дара исцелений, ни от других даров, ни даже от совершенной жизни и мученичества, (апостол) описывает, как и необходимо было, беспримерную красоту ее, украшая ее изображение, как бы какими-нибудь красками, различными родами добродетели и тщательно соединяя все его части. Потому, возлюбленный, будь внимателен к сказанному и вникни в каждое слово с великим тщанием, чтобы видеть и совершенство предмета и искусство живописца. Смотри, с чего он начал, и что поставил первой причиной всех благ. Что же именно? Долготерпение; оно – корень всякого любомудрия; потому и Премудрый говорит: **"у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость"** (Притч.14:29); и далее, сравнивая эту добродетель с крепким городом, говорит, что она крепче его. Это – несокрушимое оружие, непоколебимый столп, легко отражающий все нападения. Как искра, упавшая в море, не причиняет ему никакого вреда, но сама тотчас потухает, так все неожиданное, поражая долготерпеливую душу, скоро исчезает, а ее не возмущает. Долготерпение тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стены, на оружие, и на что бы то ни было, ничто не может сравниться с долготерпением. Кто обладает чем-нибудь подобным, тот часто бывает побежден гневом, падает, подобно слабому ребенку, и все наполняет шумом и смятением; а долготерпеливый, как бы пребывая в пристани, наслаждается глубоким спокойствием; причинишь ли ему вред, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого алмазда; потому он и называется долготерпеливым (μακρόθυμος), что имеет как бы долгую и великую душу, а долгое называется и великим. Между тем эта добродетель рождается от любви, и тем, которые приобрели ее и пользуются ею, доставляет великую пользу. Не говори мне, что люди потерянные, делая (долготерпеливому) зло и не претерпевая за то зла, становятся хуже; это происходит не от его долготерпения, а от тех самих, которые пользуются им не так, как должно. Потому не говори мне о них, а вспомни о людях более кротких, которые получают оттого великую пользу; когда они, делая зло, не претерпевают за то зла, то, удивляясь терпению страждущего, получают величайший урок любомудрия. Впрочем, (апостол) не останавливается на этом, но присовокупляет еще другие совершенства любви: она, говорит, милосердствует. Так как есть люди, которые употребляют долготерпение не на собственное любомудрие, а на мщение тем, кто оскорбляет их, терзаясь внутри себя самих, то он говорит, что любовь не имеет и этого недостатка; потому и присовокупляет:

милосердствует. Любящие не для того поступают кротко с пламенеющими гневом, чтобы усилить пламень гнева, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественным терпением, но и угождением и увещанием врачуют рану и исцеляют язву гнева. Не завидует. Случается, что иной терпелив, но завистлив, отчего добродетель его теряет свое совершенство. Но любовь далека и от этого. Не превозносится, т. е. не поступает безрассудно. Она делает любящего благоразумным, степенным и основательным. Безрассудство свойственно людям, любящим постыдно; а любящий истинной любовью совершенно свободен от этого; когда нет в сердце гнева, то не может быть и безрассудства и дерзости; любовь, пребывая в душе, как бы какой-нибудь искусный земледелец, не допускает вырастать ни одному из этих терний. Не гордится. Мы видим, что многие гордятся самыми своими добродетелями, т. е. тем, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безрассудны; эти пороки соединены не только с богатством и бедностью, но и с самыми добрыми по природе качествами; а любовь совершенно очищает все. Заметь: долготерпеливый не всегда еще милосерд; если же он не будет милосердным, то его доброе качество становится пороком и может обратиться в памятозлобие; но любовь, доставляя врачество, т. е. милосердие, сохраняет добродетель чистой. Также милосердый часто бывает легкомыслен; но любовь исправляет и этот недостаток. "**Любовь**", говорит, "**не превозносится, не гордится**". Милосердый и долготерпеливый часто бывает гордым; но любовь истребляет и этот порок.

2. Смотри, как (апостол) представляет в похвалу ее не только то, что она имеет, но и то, чего не имеет: она, говорит, с одной стороны производит добродетели, с другой уничтожает пороки, или, лучше, не допускает им и зародиться. Не сказал: хотя у ней бывает зависть, но она побеждает зависть, или: хотя бывает гордость, но она укрощает эту страсть, а: "**не завидует, не превозносится, не гордится**"; и что особенно удивительно, она без усилий делает добро, без борьбы и сопротивления воздвигает трофей. Кто имеет ее, того она не заставляет трудиться, чтобы достигнуть венца, но без труда доставляет ему награду, потому что, где нет страсти, противоборствующей добродетельному расположению, там какой может быть труд? "**Не бесчинствует**" (ст.5). Что я говорю, продолжает (апостол), что она не гордится? Она так далека от этой страсти, что, и терпя крайние бедствия за любимого, не считает этого бесчестием. Не сказал опять, что хотя терпит бесчестие, но мужественно переносит его, а что даже несколько не чувствует бесчестия. Если сребролюбцы, терпя всякого рода неприятности для своего прироста, не только не стыдятся, но еще радуются, то тем более имеющий достохвальную любовь для блага любимых не откажется ни от чего подобного, и не только не откажется, но даже и не стыдится, когда терпит что-нибудь. Впрочем, чтобы нам не приводить в пример порочного дела, посмотрим в этом отношении на Христа, и увидим истину сказанного. Господь наш Иисус Христос подвергался оплеванию и бичеванию от жалких рабов, и не только не считал этого бесчестием, но еще радовался и вменял в славу; разбойника и человекоубийцу Он вместе с Собой прежде других ввел в рай, беседовал с блудницей, притом в присутствии всех обвинителей своих, и не считал этого постыдным, а даже позволил ей целовать Свои ноги, орошать слезами Свое тело и отирать волосами, и все это пред глазами врагов и противников, потому что любовь не бесчинствует. Поэтому и отцы, хотя бы они были мудрее и красноречивее всех, не стыдятся лепетать вместе с детьми, и никто из взирающих на это не осуждает их, а, напротив, это кажется настолько хорошим делом, что даже удостоивается похвалы; если опять дети бывают порочны, то они терпеливо стараются исправить их, наблюдают за ними, удерживают их от дурных поступков и не стыдятся, потому что любовь не бесчинствует, но как бы какими золотыми крыльями прикрывает все проступки любимых. Так и Ионафан любил Давида, а потому, выслушав слова отца: "**сыне девок**" блудниц, женовоспитанный[1] (1Цар.20:30), не устыдился, хотя слова исполнены великой укоризны; они именно означают следующее: сын блудниц, неистово пристрастных к мужчинам и предающихся всем проходящим,

изнеженный, слабый, не имеющий в себе ничего мужеского и живущий к бесчестию своему и родившей тебя матери. Что же? Огорчился ли он этим, устыдился ли и отстал ли от любимого? Совсем напротив, даже хвалился своей любовью; хотя (Саул) был тогда царем, Ионафан – сыном царя, а Давид – беглецом и скитальцем, но при всем этом он не стыдился своей любви, потому что любовь не бесчинствует. Подлинно, в ней достойно удивления то, что она не только не допускает скорбеть и огорчаться в случае обиды, но еще побуждает радоваться; потому и Ионафан после всего того, как бы получив венец, пошел и обнял Давида, потому что любовь не знает бесчестия и даже хвалится тем, чего другой стыдится. Для нее стыд – не уметь любить, или любя не подвергаться опасностям и не терпеть всего за любимых. Впрочем, когда я говорю: все, то не подумай, будто разумею и вредное, например, если бы кто стал помогать юноше в (преступной) любви к женщине, или просил бы сделать что-нибудь другое вредное. Такой человек не любит, как я доказал вам прежде примером египтянки. Тот только любит, кто любимому желает полезного; а кто не ищет добра, тот, хотя бы тысячу раз говорил, что любит, враждебнее всех врагов. Так некогда и Ревекка, будучи сильно привязана к сыну, решила даже на воровство, не стыдилась и не опасалась быть обличенной, – а предстояла немалая опасность, – но даже, когда сын возражал ей, сказала: **"на мне пусть будет проклятие твое, сын мой"** (Быт.27:13).

3. Видишь ли в жене апостольскую душу? Как Павел, – если можно сравнивать малое с великим, – желал подвергнуться анафеме за иудеев, так и она решалась даже подвергнуться проклятию, только бы сын ее получил благословение. Благо она предоставляла ему, – так как сама не могла участвовать с ним в благословении, – а зло готова была принять на одну себя, и притом радовалась, спешила, тогда как угрожала опасность, и огорчалась медленностью дела, опасаясь, чтобы Исав, предварив Иакова, не сделал напрасным мудрое ее распоряжение. Потому и выражается кратко, побуждает юношу и, не опровергая слов его, высказывает мысль, достаточную для его убеждения; не сказала: ты напрасно говоришь это и напрасно боишься, отец твой стар и не имеет зрения, – но что? **"На мне пусть будет проклятие твое, сын мой"**; только не расстраивай дела, не выпускай добычи, не теряй сокровища. И сам Иаков не был ли работником в продолжение двух семилетий у своего родственника? Не подвергался ли кроме рабства еще осмеянию после обмана? Что же? Чувствовал ли он осмеяние, считал ли бесчестием для себя, что он, будучи свободным, происходя от свободных родителей и получив благородное воспитание, был рабом у своих родственников, тогда как это особенно и бывает оскорбительно, если кто терпит поношение от близких? Нет, – и причиной тому была любовь, которая даже делала для него долгое время кратким: **"они показали"**, говорит (Писание), **"ему за несколько дней"** (Быт.29:20). Так он был далек от того, чтобы оскорбляться и стыдиться своего рабства! Потому справедливо говорит блаженный Павел: **"любовь не бесчинствует: не ищет своего, не раздражается"**. Сказав: не бесчинствует, он показывает и то, каким образом она не терпит бесчестия. Каким же? Она не ищет своего. Любимый составляет для нее все, и она вменяет себе в бесчестие, когда не может избавить его от бесчестия, так что, если можно собственным бесчестием помочь любимому, то не считает и этого бесчестием для себя: любимый для него – то же, что сам он. Любовь такова, что любящий и любимый составляют уже не два отдельных лица, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви. Потому не ищи своего, чтобы тебе найти свое; кто ищет своего, тот не находит своего. Потому и Павел говорил: **"никто не ищи своего, но каждый пользы другого"** (1Кор.10:24). Польза каждого заключается в пользе ближнего, а польза ближнего в его пользе. Как закопавший собственное золото в доме ближнего, если не захочет сходить поискать и откопать его там, никогда не увидит его, так и здесь, кто не хочет в пользе ближнего искать собственной пользы, тот не получит венцов.

Бог устроил так для того, чтобы мы были привязаны друг к другу. Когда кто побуждает ленивое дитя следовать за братом, а оно не хочет делать этого само собой, то дает в руки брату что-нибудь любимое и приятное для дитяти, чтобы оно, желая получить это, следовало за ним, что действительно и бывает, – так и здесь полезное для каждого Бог даровал ближнему, чтобы мы имели общение друг с другом и не разделялись. Если хочешь, можешь видеть это и на нас – проповедующих: полезное для меня заключается в тебе, а полезное для тебя – во мне; например для тебя полезно знать угодное Богу; но это вверено мне, чтобы ты от меня получал это, а потому ты принужден прибегать ко мне; а для меня полезно, чтобы ты сделался лучшим, – я получу за то великую награду, – но это зависит от тебя: потому я имею нужду следить за тобой, чтобы ты сделался лучшим и таким образом я получил бы от тебя полезное для меня. Потому и Павел говорил: **"ибо кто наша надежда? Не и вы ли?"** (1Фес.2:19). И еще: вы **"наша надежда, и радость, и венец похвалы"** моей (ст.19). Итак, радостью Павла были ученики, а они радовались его радостью; потому он и плакал, когда видел погибающих. С другой стороны их польза заключалась в Павле; потому он и говорил: **"за надежду Израилеву обложен я этими узами"** (Деян.28:20). И еще: **"посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение"** (2Тим.2:10). То же можно видеть и в делах житейских: ни **"жена"**, говорит (апостол), **"не властна над своим телом"**, ни муж, но жена мужа, и муж жены (1Кор.7:4). Так и мы, когда хотим связать несколько людей между собой, делаем то же: не позволяем никому распорядиться собой, но, составив из них цепь, заставляем одного зависеть от другого, а другого от третьего. Не то же ли можешь видеть и в правительстве? Судья садится судить не для себя самого, а для пользы ближнего; подчиненные угождением, послушанием и всеми другими способами доставляют пользу начальству; воины для нас берут оружие, потому что за нас подвергаются опасностям; а мы трудимся для них, потому что от нас они получают содержание.

4. Если ты скажешь, что каждый поступает так, ища собственной пользы, то и я говорю то же, – только собственная польза достигается посредством чужой. Если бы воин не сражался за тех, которые доставляют ему содержание, то никто не оказывал бы ему этой услуги; и наоборот, если бы они не доставляли содержания воину, то никто не стал бы защищать их. Видишь ли, как любовь простирается на все и устрояет все? Но не поленись рассмотреть всю эту золотую цепь. Сказав: **"не ищет своего"**, (апостол) опять говорит о благах, происходящих от любви. Какие же это блага? **"Не раздражается, не мыслит зла"**. Смотри опять, как она не только истребляет пороки, но даже не позволяет им получить начало. Не сказал: хотя раздражается, но преодолевает раздражение, а: **"не раздражается"**: не сказал также: не делает зла, но: **"не мыслит"**; не только не совершает, но даже и не замышляет ничего худого против любимого. И действительно, как она может делать зло, или раздражаться, когда не допускает даже худой мысли? А здесь и есть источник любви. **"Не радуется неправде"** (ст.6), то есть, не радуется, когда другие терпят зло; и не только это, но есть в ней и гораздо большее: **"а сорадуется истине"**, то есть, радуется о тех, которые благоустроены в жизни, как говорит Павел: **"радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими"** (Рим.12:15). Потому она и не завидует, потому и не гордится: блага других она признает своими. Видишь ли, как любовь делает питомца своего почти ангелом? Если он не имеет гнева, чист от зависти и свободен от всякой пагубной страсти, то очевидно, что он уже выше природы человеческой и достиг бесстрастия ангелов. Впрочем (Павел) не довольствуется этим, но находит сказать еще нечто большее; важнейшее он всегда излагает после. Любовь, говорит, **"все покрывает"** (1Кор.13:7), по своему долготерпению и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь подобное. Это также можно усмотреть из примера блаженного Давида. Что может быть тяжелее, как видеть сына, возмутившегося, ищущего власти и жаждущего крови своего отца? Но блаженный (Давид) перенес и это, не хотел даже произнести укоризненного слова против

отцеубийцы, а, предоставив все прочее военачальникам, повелел сохранить его жизнь: так крепко было у него основание любви! Потому и (говорит апостол): **"все покрывает"**. Этими словами он выражает силу любви, а дальнейшими доброту ее: **"всего"**, говорит, **"надеется, всему верит, все переносит"**. Что значит: **"всего надеется"**? Не отчаиваясь ожидает от любимого человека всего доброго, и хотя бы он был худ, не перестает исправлять его, пецись и заботиться. **"Всему верит"**: не просто надеется, но с уверенностью, потому что сильно любит; и хотя бы сверх чаяния не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переносит и это: все, говорит, переносит. **"Любовь никогда не перестает"** (ст.8). Видишь ли, чем он завершил и что особенно превосходно в этом даре? Что именно значит: **"никогда не перестает"**? Не прекращается, не ослабевает оттого, что терпит, потому что любит все. Кто любит, тот никогда не может ненавидеть, что бы ни случилось: в этом величайшее благо любви. Таков был Павел; потому он и говорил: **"не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти"** (Рим.11:14), и не переставал надеяться; и Тимофея увещевал так: **"рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины"** (2Тим.2:24-25). Как, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а их учение, не человека, а порочную жизнь и развращенную волю. Человек есть дело Божие, а заблуждение – дело диавола. Потому не смешивай Божьего с диавольским. Иудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Нем много злого, но ненавидел ли их Павел, который любил Христа более всех? Нет; напротив, он любил их и делал все для них; то он говорил: **"желание моего сердца и молитва к Богу"** о них **"во спасение"** (Рим.10:1); то: **"я желал бы сам быть отлученным от Христа"** за них (Рим.9:3). Так и Иезекииль, видя погибель их, говорил: **"о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?"** (Иез.9:8). И Моисей также говорил: **"прости им грех их"** (Исх.32:32). Почему же Давид говорит: **"мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне"** (Пс.138:21-22). Не все в псалмах Давидовых сказано самим Давидом; так в них говорится: **"живу у шатров Кидарских"** (Пс.119:5); и еще: **"при реках Вавилона, там сидели мы и плакали"** (Пс.136:1), – между тем он сам не видал ни Вавилона, ни селений Кидарских. С другой стороны, от нас (христиан) требуется ныне высшее любомудрие; так, когда ученики просили, чтобы сошел огонь, как во время Илии, то Христос сказал: **"не знаете, какого вы духа"** (Лк.9:55).

5. Тогда иудеям заповедано было ненавидеть не только нечестие, но и самих нечестивых, чтобы дружба с ними не послужила им поводом к беззаконию; потому им запрещено было вступать в родственные связи с язычниками и смешиваться с ними, и со всех сторон поставлены были между ними преграды; но теперь, когда (Бог) привел нас к высшему любомудрию и поставил выше подобной опасности, то заповедует входить в общение и беседовать с ними, потому что нам от них нет вреда, а им от нас бывает польза. Что же, скажешь, делать? Должно не ненавидеть, а оказывать милость; ведь, если ты будешь ненавидеть, то как можешь обратить заблуждающегося, как будешь молиться за неверного? А что надобно молиться за него, о том, послушай, как говорит Павел: **"итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков"** (1Тим.2:1); но тогда не все были верующими, как всякому известно. И далее: **"за царей и за всех начальствующих"** (ст.2); но они были нечестивые и незаконные, как тоже известно. Потом, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляет: **"ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины"** (ст.3-4). Потому же, когда случится язычнице-жене быть в супружестве с верующим, он не расторгал брака; между тем что ближе мужа к жене? **"Будут"**, говорит (Писание), **"одна плоть"** (Быт.2:24), и оттого бывает между

ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станем ненавидеть нечестивых и незаконных, то, простираясь далее, будем ненавидеть и грешников; а идя таким путем, мало-по-малу отделимся от большей части братьев, или, лучше, от всех, потому что нет никого без греха. Если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но Павел заповедал не так, – а как? **"Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем"** (1Фес.5:14). Как же, скажешь, он говорит: **"если же кто не слушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним"** (2Фес.3:14)? Правда, это сказано о братьях; но не просто, а тоже с кротостью; не оставяй без внимания и последующего, прибавь и то, что сказано далее. А именно, сказав: **"не сообщайтесь"**, он присовокупил: **"но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата"** (ст.15).

Видишь ли, как он повелевает ненавидеть худое (дело), а не человека? Дело диавола – отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению, и удержать его в заблуждении, а тебя во вражде, и таким образом заградить ему путь ко спасению. Если врач будет ненавидеть и убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача, и врач не будет приходить к нему? Почему же, скажи мне, ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцельной болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцельной болезнью, но Бог не переставал врачевать его; потому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог. Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе столько, сколько видя тебя кротким, добрым и обходительным; а это немаловажное дело, потому что таким образом многие могут наконец отстать от порока. Ничто не может привлекать так, как любовь. Из-за другого, то есть знамений и чудес, могут завидовать тебе, а из-за нее (любви) станут удивляться и любить, любя же примут мало-по-малу и истину. Впрочем, если (язычник) и не скоро сделается верующим, ты не удивляйся, не спеши, не требуй всего вдруг, но пусть он пока хвалит, любит, а потом мало-по-малу дойдет и до этого. Но чтобы ты видел ясно, насколько это важно, послушай, как сам Павел оправдывался, представ пред неверным судьей: **"почитаю себя счастливым"**, говорил он, **"что сегодня могу защищаться перед тобою"** (Деян.26:2), говорил не из лести, – нет, – но желая достигнуть пользы кротостью; и отчасти достиг, пленил судью тот, кто был подсудимым, и эту победу провозгласил сам плененный, сказав громким голосом в присутствии всех: **"ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином"** (Деян.26:28).

6. Что же Павел? Он еще более распространяет сеть и говорит: **"молил бы я Бога, чтобы не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз"** (ст.29). Что говоришь ты, Павел: кроме уз? Какое же ты будешь иметь дерзновение, если стыдишься их, избегаешь, и притом пред таким множеством народа? Не хвалишься ли ты ими везде в посланиях, называя себя узником и везде указывая нам на эти узы, как на диадему? Почему же ныне уклоняешься от уз? Не уклоняюсь, говорит, и не стыжусь, но снисхожу к слабости других, потому что они еще не могут принять того, чем я хваюсь; а я научился у Владыки моего не приставлять заплату новой к одежде старой (Мф.9:16); потому я и сказал так. Они еще худо понимают наше учение и враждуют против креста; следовательно, если я приложу еще узы, то ненависть их еще более увеличится; потому я и отделил их, чтобы сделать удобоприемлемым учение. Для

них кажется позорным делом быть связанным, потому что они еще не вкусили нашей славы; потому надобно быть снисходительным. Когда они научатся любомудрствовать, тогда познают красоту цепей и славу уз. Беседуя с другими, он называет страдания даром благодати: **"вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него"** (Флп.1:29); а в настоящем случае надлежало желать только того, чтобы слушатели не стыдились креста; потому он и простирается вперед постепенно. Когда кто-нибудь вводит другого в царские чертоги, то не показывает ему внутренних комнат прежде, нежели он рассмотрит передние и внешние, потому что иначе не покажутся ему (чертоги) удивительными, если он, простираясь внутрь, не узнает всего. Так и мы будем обращаться с язычниками, снисходительно, с любовью; она – великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей. Если ты хочешь знать силу ее, то представь человека робкого, боязливого и трепещущего пред тенью, или гневливого, грубого и похожего более на зверя, нежели на человека, или похотливого, сластолюбивого и преданного всем порокам, и отдай его в руки любви, введи его в это училище, и скоро увидишь, как этот боязливый и робкий сделается мужественным, великодушным и отважным на все; и, что всего удивительнее, это произойдет не потому, чтобы изменилось существо его, но потому, что любовь обнаруживает свою силу в самой робкой душе; здесь бывает то же, как если бы кто, сделав меч не из железа, а из свинца, и не изменяя существа свинца, довел его до возможности делать то же, что и железо. Смотри: Иаков был человек скромный, сидел дома, не знал трудов и опасностей, проводил жизнь спокойную и беззаботную и, как девица в тереме, так и он большей частью оставался хранить дом свой, а от торжища, от всякого шума и всего, бывающего на торжище, удалялся и постоянно жил вдали от хлопот и беспокойств. Что же? Когда огонь любви воспламенил его, этого скромного и не выходившего из своего дома человека, то, смотри, как он сделался смел и трудолюбив; послушай об этом не от меня, а от самого патриарха. Укоряя тестя, он говорит: **"вот, двадцать лет я был у тебя"** (Быт.31:38). И в каком положении был он двадцать лет? **"Я томился"**, присовокупляет он, **"днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убежал от глаз моих"** (ст.40). Таков был муж скромный, не выходивший из своего дома и проводивший прежде спокойную жизнь. А что он был робок, видно из того, что он, ожидая свидания с Исавом, смертельно боялся. Потом, смотри, как тот же боязливый сделался от любви отважнее льва: став впереди всех, как бы какой-нибудь оплот, он готов был первый встретить жестокого и дышащего, как он думал, убийством человека, и собственным телом защитить жен своих; кого боялся и страшился, с тем первый хотел ратоборствовать, потому что любовь к женам была сильнее страха. Видишь ли, как робкий вдруг сделался отважным не потому, чтобы переменил нрав свой, но потому, что был укреплен любовью? Он был робок и после, как видно из того, что он переходил с места на место. Впрочем пусть никто не думает, что это сказано в укоризну праведнику; робость – не порок; она происходит от природы, предосудительно лишь делать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природе сделаться мужественным по благочестию. Каков был Моисей? Не убоился ли он одного египтянина, не убежал ли и не удалился ли за пределы (Египта)? Между тем этот беглец, не перенесший угрозы одного человека, после того, как вкусил сладость любви, смело и без всякого принуждения готов был погибнуть с возлюбленными: **"прости им"**, говорил он, оставиши **"грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал"** (Исх.32:32). С другой стороны, что любовь делает жестокого кротким и невоздержного целомудренным, на это нет нужды приводить и примеров; это всем известно. Хотя бы кто был свирепее всякого зверя, от любви он делается смиреннее всякого агнца. Кто например был свирепее и неистовее Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, он не сказал ей даже грубого слова; убивший за Давида почти всех священников, узнав, как дочь выпустила его из дома, не оскорбил ее даже словом, тогда как хитрость употреблена была против него самого; это потому, что он был удержан сильнейшей уздой – любовью (к

дочери). Делая кроткими, любовь точно также делает людей и целомудренными; кто любит свою жену так, как должно любить, тот, хотя бы был крайне сластолюбив, из любви к ней не станет смотреть на другую: "**крепка**", говорит (Писание), "**как смерть, любовь**" (Песн.8:6). Следовательно, распутство происходит не от чего иного, как от недостатка любви. Итак, если любовь есть виновница всякой добродетели, то будем насаждать ее со всем тщанием в душах своих, чтобы она принесла нам многие блага, и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие; тогда достигнем и вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Греч. υιε κορασιων αυτομολουντων="сыне девок перебежчиц" – слово "женовоспитанный" отсутствует; здесь просматривается намек на похищение женоиноплеменниц коленом Вениаминовым (Суд.21). В синод. пер. "сыне негодный и непокорный"

БЕСЕДА 34

"Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится" (1Кор.13:8).

1. Доказав превосходство любви тем, что в ней имеют нужду и дарования и житейские подвиги, исчислив все ее совершенства и показав, что она есть основание истинного любомудрия, (апостол) еще с иной – третьей – стороны показывает ее достоинство. Он делает это как для убеждения считавших себя униженными, что они могут получить самое главное знамение и иметь нисколько не менее тех, которые получили дарования, и даже гораздо более их, если имеют любовь, так и для смирения имевших великие дарования и тем гордившихся и для внушения им, что они не имеют ничего, если не имеют любви. Таким образом они должны были бы любить друг друга, как скоро уничтожились между ними зависть и гордость, а любя друг друга, они далеко отогнали бы от себя эти страсти, потому что "**любовь не завидует, не гордится**". Так он оградил их со всех сторон несокрушимой стеной и разнообразными побуждениями к единодушию, которое истребляет все болезни и само оттого приобретает большую силу. Потому он и привел множество доказательств, которые могли утешить их в скорби: тот же, говорит, Дух дает, и дает на пользу, и разделяет как Ему угодно, и разделяет по благодати, а не по долгу; хотя ты получил мало, но и ты входишь в состав тела и также пользуешься великой честью; получивший больше имеет нужду в тебе, получившем меньше; а величайшее дарование и превосходнейший путь есть любовь.

Этими словами он хотел соединить их друг с другом двояким образом, – той мыслью, что при любви они не ниже других, и той, что прибегающие к ней и содержащие ее в себе уже не подвергаются никаким слабостям человеческим, как потому, что имеют корень дарований, так и потому, что уже не могут завидовать другим, хотя бы сами не имели ничего; кто однажды пленен любовью, тот чужд зависти. Потому, показывая им, какие блага они получают от любви, и изображая плоды ее, он самыми похвалами ей облегчает их болезни; каждое слово его служит достаточным лекарством для исцеления их ран. Так: "**долготерпит**", говорит он, против имеющих распри друг с другом; "**милосердствует**" – против несогласных и тайно враждующих между собой; "**не завидует**" – против завидующих имеющим больше их; "**не превозносится**" – против разделившихся; "**не**

гордится" – против тщеславных; **"не бесчинствует"** – против не желающих снисходить к другим: **"не ищет своего"** – против презирающих других; **"не раздражается, не мыслит зла"** – против оскорбляющихся обидами; **"не радуется неправде, а сорадуется истине"** – опять против завидующих; **"все любит"** – против огорчающихся наветами; **"всего надеется"** – против отчаивающихся; **"все терпит, никогда не перестает"** – против тех, которые легко впадают во вражду. Когда таким образом со всех сторон и со всей силой он показал величие любви, тогда делает то же с другой важнейшей стороны, превозносит ее достоинство посредством другого сравнения и говорит: **"хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут"**. Если эти два дара были ниспосланы для веры, то с распространением ее повсюду употребление их уже излишне. Но любовь друг к другу не прекратится, а еще более будет возрастать и здесь и в будущем веке, и тогда еще более, нежели теперь. Здесь многое ослабляет любовь, – деньги, (житейские) дела, телесные страсти, душевные болезни; а там не будет ничего такого. Впрочем, в том, что упразднится пророчества и языки, нет ничего удивительного; а что упразднится знание, это кажется странным, а он именно и присовокупил: **"и знание упразднится"**. Как? Неужели мы тогда будем жить в неведении? Нет, тогда-то в особенности и должно увеличиться знание, как и он сказал: **"тогда познаю, подобно как я познан"** (ст.12). Потому, чтобы ты не подумал, что и оно упразднится подобно пророчествам и языкам, он, после слов: **"и знание упразднится"**, не остановился, но показал и способ упразднения, тотчас присовокупив: **"отчасти знаем, и отчасти пророчествуем"**. **"Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится"** (ст.9-10). Следовательно, упразднится не знание, а неполнота знания, потому что мы будем знать не только это, но и гораздо большее. Так, – поясню это примером, – теперь мы знаем, что Бог существует везде, но как, не знаем; знаем, что Он сотворил все существующее из ничего, а каким образом, не знаем; знаем, что Он родился от Девы, а как, не знаем. Тогда же узнаем об этом более и яснее. Потом он показывает и то, какое различие (между тем и другим знанием), и что (теперь) недостает не мало: **"когда"**, говорит, **"я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое"** (ст.11). И далее объясняет то же другим примером: **"теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло"** (ст.12).

2. Далее, так как тусклое стекло все же несколько представляет видимый предмет, он присовокупляет: **"гадательно"**, чтобы показать, что настоящее знание в высшей степени неполно. **"Тогда же лицом к лицу"**, – не потому, будто Бог имеет лицо, но чтобы выразить яснее и удобопонятнее. Видишь ли, как возрастут все наши познания? **"Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан"**. Видишь ли, как он двояким образом смиряет гордость их, – тем, что знание неполно, и тем, что даже и такое знание они имеют не сами от себя? Не я, говорит, познал Его, но Он сам познал меня. Как Он сам наперед познал меня теперь и сам снизошел ко мне, так и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящий во мраке, прежде нежели увидит солнце, не сам приходит к прекрасным лучам его, но они являют ему себя, когда засияют; а когда он примет сияние их, тогда уже и сам стремится к свету. Такой же смысл в словах: **"подобно как я познан"**, – не тот, будто мы познаем Его так, как Он нас, но как Он сам снизошел к нам ныне, так и мы достигнем до Него тогда, узнаем многое такое, что ныне сокровенно, и сподобимся блаженнейшей беседы и премудрости. Если же Павел, знавший столько, был младенцем, то представь, каково (будущее знание); если (настоящее есть) тусклое стекло и гадание, то пойми отсюда, каково самое лицо. Чтобы хотя немного объяснить тебе это различие и ввести в душу твою хотя некоторый луч разумения этого предмета, припомни теперь, когда воссияла благодать, о временах подзаконных. До благодати тогдашнее казалось чем-то великим и удивительным; но после благодати, послушай, что говорит о том Павел: **"то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы"** (2Кор.3:10). Но чтобы сказанное мной сделалось

еще более ясным, возьмем какое-нибудь одно из тогдашних священнодействий, и ты увидишь различие; представим, если хочешь, пасху ветхозаветную и новозаветную, и ты поймешь преимущество (последней пред первой). Иудеи совершали ее, но совершали как бы в зеркале и гадании; неизреченных же тайн они даже и на уме никогда не имели, и не знали, что прообразовали их действия; они видели закланного агнца, кровь бессловесного и помазанные ею двери; а что воплотившийся Сын Божий будет заклан, избавит всю вселенную, даст в снедь грекам и варварам Кровь Свою, отверзет для всех небо, предложит тамошние блага человеческому роду, вознесет окровавленную плоть выше неба и неба небес и вообще выше всех горних воинств – ангелов, архангелов и прочих сил, и посадит ее на самом царском престоле одесную Отца в сиянии неизреченной славы, – этого никто из них и даже никто из других людей не знал тогда и не мог представить в уме своем. Но что говорят люди, дерзкие на все? Говорят, будто слова: **"теперь знаю я отчасти"**, сказаны (апостолом) о делах домостроительства; а о Боге будто бы имел он совершенное знание. Как же он называет себя младенцем, как – видящим в зеркале и гадании, если он имел полное знание? Почему он приписывает такое знание исключительно Духу и никакой другой сотворенной силе, когда говорит: **"ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия"** (1Кор.2:11)? И Христос также приписывает это Себе одному, когда говорит: **"это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца"** (Ин.6:46), называя видением самое ясное и совершенное знание. И как знающий существо (Божие) может не знать дел домостроительства Его? Ведь знание первого выше последнего. Следовательно, скажут, мы не знаем Бога? Нет, мы знаем, что Он есть, но не знаем, что такое Он по существу Своему. Чтобы тебе убедиться, что слова: **"теперь знаю я отчасти"**, (апостол) сказал не о делах домостроительства, выслушай, что далее он присовокупил: **"а тогда познаю, подобно как я познан"**; а он познан не делами домостроительства, но Богом. Итак, пусть никто не считает этого преступления маловажным и незначительным, но двойным, тройным и многократным, потому что безрассудно не только то, что они хвалятся знанием, свойственным одному Духу и едиnorodному Сыну Божию, но и то, что они считают себя достигшими всего посредством собственных умствований, тогда как и Павел не мог даже этого разумения отчасти иметь без откровения свыше; и не могут они указать, чтобы в Писании где-нибудь было сказано нам об этом. Впрочем, оставим их безумие и перейдем к последующим словам о любви. Не довольствуясь вышесказанным, (апостол) присовокупляет: **"а теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше"** (ст.13).

3. Вера и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды. Павел объяснил это, когда сказал: **"надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?"** (Рим.8:24). И еще: **"вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом"**[1] (Евр.11:1). Потому они прекращаются, когда те являются; а любовь тогда особенно и возрастает и делается сильнейшей. Вот новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказанным, (апостол) старается найти в ней еще нечто иное. Смотри: он сказал, что любовь есть великий дар и превосходнейший путь к дарам; сказал, что без нее дарования не приносят большой пользы; начертал ее образ обильно; а теперь хочет иначе возвысить ее и показать величие ее тем, что она не прекращается. **"А теперь"**, говорит, **"пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше"**. Почему же любовь больше? Потому, что те проходят. Если же такова сила любви, то он справедливо далее присовокупляет: гонитесь за любовью (14:1); нужно гнаться и сильно стремиться к ней: так она улетает от нас, и столько препятствий стремлению к ней! Потому нам нужны великие усилия, чтобы достигнуть ее. Чтобы выразить это, Павел не сказал: ищите любви, но: гонитесь за ней, побуждая нас и воспламеняя к ее достижению. И Бог от начала принимал множество мер,

чтобы насадить ее в нас. Он даровал всем нам одну главу – Адама. Для чего все мы не приходим из земли? Для чего не (приходим) совершенными, как он? Для того, чтобы рождение, воспитание и происхождение друг от друга привязывали нас друг к другу. Потому Он не сотворил и жены из земли. Так как единства природы было бы недостаточно для побуждения нас к единодушию, если бы мы не имели одного прародителя, то Он сделал и это. Если мы ныне, разделяясь одними только местами, чуждаемся друг друга, то тем более было бы так, если бы род наш имел два начала. Потому Он и соединил как бы одной главой все тело человеческого рода. И так как в начале, по-видимому, было два лица, то смотри, как Он опять соединил их и совокупил в одно посредством брака: "**потому**", сказал Бог, "**оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**" (Быт.2:24). Не сказал: жена, но: человек, потому что в нем привязанность бывает сильнее; а сильнейшей сделал ее для того, чтобы силой этой любви превосходнейшее существо преклонить и привязать к слабейшему. Так как надлежало установить и брак, то Он сделал жене мужем того, от кого она произошла. Для Бога все ниже любви. Если и при этом первый человек скоро впал в такое безумие и диавол посеял такую вражду и зависть, то чего не сделалось бы, если бы они происходили не от одного корня? Далее, устраивая, чтобы один повиновался, а другой повелевал, – так как равенство чести часто производит вражду, – Он учредил не народное правление, но царское, и подобно как в войске, такой же порядок можно видеть в каждом доме. Муж занимает место царя; жена – место правителя и военачальника; дети получили власть третьей степени; затем власть четвертой степени принадлежит рабам, – потому что и они имеют власть над низшими, и часто который-нибудь один бывает поставлен над всеми, заменяя господина, будучи, впрочем сам рабом; потом и между ними опять есть еще другие степени власти: иная у жен, иная у детей, и у самих детей также различные, сообразно с возрастом и полом, потому что и у детей женский пол имеет власть неодинаковую (с мужским). Везде Бог устроил степени и разнообразие власти, чтобы все пребывало в единодушии и великом согласии. Потому и прежде размножения рода нашего, когда были только два первых человека, Он повелел одному начальствовать, а другой подчиняться. Чтобы (первый) не стал презирать и не отверг (последней), как низшей, смотри, как Бог почтил и соединил ее с ним еще прежде сотворения: "**сотворим ему помощника**" (Быт.2:18), сказал Он, выражая, что она сотворена для его пользы, и таким образом соединяя его с тою, которая для него сотворена, так как мы бываем особенно расположены к тому, что сделано для нас. Чтобы опять не стала превозноситься она, как назначенная в помощь ему, и не расторгла этих уз, Бог сотворил ее из ребра его, внушая, что она есть часть целого тела. А чтобы и муж не стал превозноситься этим, дальнейшее Он не предоставил ему одному, как принадлежало ему одному предыдущее, но сделал противное тому, устроив деторождение, в котором хотя отдал предпочтение мужу, однако не все предоставил ему.

4. Видишь ли, сколько Бог устроил уз любви? Во всем этом заключаются естественные залогов единодушия. Подлинно, к нему приводит единство природы, – так как "**всякое животное любит подобное себе**" (Сир.13:19), – происхождение жены от мужа, и детей от них обоих. Отсюда происходят многие роды любви: одного мы любим как отца, другого как деда, одну как мать, другую как кормилицу, одного опять как сына, внука, или правнука, другую как дочь, или внуку, одного как брата, другого как племянника, одну как сестру, другую как племянницу. Впрочем для чего исчислять все виды родства? (Бог) употребил и другое побуждение к любви: запретив браки между родственниками, Он обратил нас к чужим, а их расположил к нам. Так как они не соединены с нами естественным родством, то Он соединил иначе – посредством брака, совокупляя посредством одной невесты целые дома и сводя целые роды с родами. Не бери в жены, сказал Он, сестры твоей, ни сестры отца, ни иной девицы, имеющей с тобою такое родство, которое препятствует браку, – перечислив поименно виды подобного родства

(Лев.18). Довольно для любви твоей к ним того, что ты родился из одной с ними утробы, или связан с ними другим образом. Для чего же и стеснять широту любви? Для чего более надлежащего усиливать расположение к любви здесь, тогда как можешь получить иной повод к любви, взяв жену из чужих и с нею ряд родственников, – мать, отца, братьев и их ближних? Видишь ли, сколь многими способами (Бог) соединил нас? Но Он не удовольствовался и этим, а устроил еще, что мы имеем нужду друг в друге, чтобы и таким образом соединить нас, так как нужда особенно производит общение. Для того Он не попустил, чтобы все находилось всюду, чтобы и этим заставить одних иметь общение с другими. Устроив так, что мы имели нужду друг в друге, Он сделал также и сношения удобными. Если бы этого не было, то опять возникли бы неприятности и затруднения; если бы например имеющий нужду во враче, плотнике или другом ремесленнике должен был совершать далекое путешествие, то все погибло бы. Потому Он и устроил города, и собрал всех вместе. А чтобы и к живущим далеко мы могли отправиться удобно, Он распростер между (городами) море и послал быстрые ветры, сделав таким образом сообщения удобными. В начале же Он поселил всех в одном месте и рассеял не прежде, как первые люди, получившие этот дар, злоупотребили согласием. Так Он соединил нас всеми способами – и природой, и родством, и языком, и местом! Он не хотел, чтобы мы лишились рая, – ведь, если бы хотел, то не поселил бы в нем первозданного человека, – но виновен в том нарушивший заповедь; не хотел также, чтобы мы были разноязычными, – а иначе сделал бы это в начале, – но тогда **"на всей земле был один язык и одно наречие"** (Быт.11:1). Поэтому и когда надлежало истребить живущих на земле, Он даже тогда не создал нас из другого вещества и не переселил (на небо) праведника, но, оставив его среди потопа, как бы какую искру вселенной, опять возжег род наш от блаженного Ноя. В начале Он установил одну власть, поставив мужа над женой; но когда род наш пришел в великое расстройство, то Он учредил и другие (власти) – господ, правителей; и это также для любви. Злоба развращала и погубляла род наш, – потому Он посадил среди городов судей, как бы каких врачей, чтобы они, истребляя злобу, как бы какую заразу любви, собирали всех в одно. А чтобы не только в городах, но и в каждом доме было великое согласие, Он почтил мужа властью и преимуществом, а жену вооружил страстью, и между обоими поставил дар чадородия, употребив кроме того и другие связи любви. Не все Он предоставил мужу, и не все – жене, но все разделил между обоими, вручив ей дом, а ему торжище, предоставив ему снискивать пропитание, – он именно возделывает землю, – а ей устраивать одежду, – именно пряжа и ткачество дело жены, ей дал Он искусство прясть. Но да погибнет сребролюбие, нарушающее такой порядок! Изнеженность многих обратила и мужей к пряже и дала им в руки ткацкие челноки, уток и кросна. Впрочем и при этом сияет промышление божественного домостроительства. И жена весьма нам нужна в других вещах необходимейших, и низшие нужны нам для поддержания нашей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто был богаче всех людей, однако не может чуждаться общения с другими и не нуждаться в беднейшем. Не только бедные имеют нужду в богатых, но и богатые в бедных, и первые даже более в последних, нежели последние в первых.

5. Чтобы тебе видеть это яснее, построим, если угодно, два города, один состоящий из богатых, а другой – из бедных; пусть в городе богатых не будет ни одного бедного, а в городе бедных ни одного богатого человека; отделим тщательно один от другого и посмотрим, который из них более будет в состоянии удовлетворить себе. Если найдем, что город бедных может сделать это, то очевидно, что богатые более будут нуждаться в них. В городе богатых не будет ни одного ремесленника, ни строителя, ни плотника, ни сапожника, ни хлебопекаря, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, – ни одного из подобных людей. Да и кто из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами занимающиеся ими, когда разбогатеют, не переносят трудностей таких работ? Как же будет существовать этот город? За деньги, скажешь, богатые купят все это у бедных?

Следовательно, они не удовлетворяют сами себе, если нуждаются в бедных. Как они будут строить дома? Или купят и их? Но это невозможно по существу дела. Потому необходимо пригласить сюда ремесленников и нарушить закон, который мы постановили вначале, когда населяли город; помните, мы сказали, чтобы не было в нем ни одного бедного. Но вот нужда, против нашей воли, призвала и поселила их здесь. Отсюда видно, что городу невозможно существовать без бедных; и если город будет продолжать не принимать никакого из них, то он уже не будет городом и погибнет. Итак, он не удовлетворит себе, если не соберет у себя бедных, как бы каких спасителей. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он так нуждаться, лишившись богатых. Но наперед определим богатство и объясним, в чем оно состоит. Что же такое – богатство? Золото, серебро, драгоценные камни, шелковые, пурпуровые и золотые одежды. Объяснив, что такое богатство, извергнем его из города бедных, если хотим устроить чисто город бедных; пусть здесь даже во сне не видится золото и золотые одежды, а если хочешь, то и серебро и серебряные вещи. Что же, скажи мне, в нужде ли будут жить обитатели этого города? Нет. Нужно ли построить дом, для этого требуется не серебро, золото и жемчуг, но искусство и руки, и не просто руки, а мозолистые, пальцы заскорузлые, великая сила, дерево и камни; нужно ли выткать одежду, для этого опять требуется не золото и серебро, но руки, искусство и способные к работе женщины; нужно ли копать и возделывать землю, для этого также кто нужен – богатые или бедные? Очевидно, что бедные. Если надобно будет ковать железо, или делать что-нибудь другое подобное, для этого особенно требуется нам такой народ. Когда же нам могут быть нужны богатые? Уж не тогда ли, когда бы потребовалось разрушить город? Подлинно, если с их появлением эти любомудрые люди, – любомудрыми я называю тех, которые не ищут ничего лишнего, – впадут в страсть к золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши, то они погубят все. Если же, скажешь, богатство бесполезно, то для чего оно дано Богом? А откуда известно, что богатство от Бога? Писание, скажешь, говорит: **"Мое серебро и Мое золото"**, и кому хочу, дам его (Агг.2:8). Здесь, если бы не было стыдно, я засмеялся бы громким смехом, в посмеяние говорящих это; как малые дети, сидящие за царской трапезой, вместе с такой пищей кладут в рот все, что случится, так и они, вместе с словами божественных Писаний, приводят и свои вымыслы. Я знаю, что слова: **"Мое серебро и Мое золото"** сказаны пророком; но слова: и кому хочу, дам его не прибавлены, а привнесены этими невеждами. А для чего они сказаны, я объясню вам. Пророк Аггей часто обещал иудеям, что, по возвращении их из Вавилона, храм будет восстановлен в прежнем виде, но некоторые не верили словам его и считали почти невозможным, чтобы дом (Божий) опять явился таким же из пепла и праха; потому он, чтобы уничтожить их неверие, говорит им от лица Божия как бы так: чего вы страшитесь? Почему не веруете? **"Мое серебро и Мое золото"**; Я не имею нужды занимать у других, чтобы украсить дом Свой. В подтверждение этого он присовокупил: **"слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего"** (Агг.2:10). Итак, не будем вплетать паутинных тканей в царскую одежду: ведь если тот, кто был бы обличен в примешивании к багрянице негодных нитей, подвергся бы жестокой казни, то тем более в предметах духовных подобный поступок есть немаловажный грех. Но что я говорю о прибавлении и убавлении? От одной точки и от одного неправильного чтения (Писания) часто рождались многие нелепые мысли.

6. Откуда же, скажешь, богатые? Ведь сказано: **"бедность и богатство – от Господа"** (Сир.11:14). Но спросим возражающих нам: всякое ли богатство и всякая ли бедность от Господа? Кто может сказать это? Мы видим, что многие собирают великое богатство хищением, гробокопательством, чародейством и другими подобными способами, и, владея им, даже недостойны жизни. Что же, отвечай мне, можно ли сказать, что это богатство от Бога? Нет. Откуда же? От греха. Блудница, оскверняя свое тело, обогащается; благообразный юноша, часто продавая красоту свою, постыдно приобретает

золото; гробокопатель, разрывая могилы, собирает несправедное богатство; также – и вор, подкапывая стены. Итак всякое ли богатство от Бога? Что же, спросишь, скажем мы на упомянутое изречение? Наперед выслушай, что бывает и бедность не от Бога, а потом обратимся к упомянутому изречению. Когда какой-нибудь невоздержный юноша растратит богатство на блудниц, на чародеев, или на какие-нибудь другие подобные прихоти, и делается бедным, то не явно ли, что это произошло не от Бога, но от собственного его невоздержания? Также, если кто делается бедным от праздности, если кто впадет в нищету от безрассудства, или от того, что предпринимал дела опасные и незаконные, то не совершенно ли явно, что никто из них и им подобных не введен в эту бедность Богом? Итак, Писание говорит ложь? Да не будет! Но заблуждаются те, которые не исследуют всего написанного с надлежащим тщанием. Ведь если известно, что Писание не ложно, и если доказано, что не всякое богатство от Бога, то недоумение происходит от вины невнимательных читателей. Здесь, освободив Писание от нареканий, нам следовало бы остановиться, чтобы тем наказать вас за небрежение к Писанию; но так как я весьма жалею вас и не могу долго видеть вас в смущении и беспокойстве, то теперь же предложу и разрешение, объяснив наперед, кто сказал упомянутые слова, когда и кому. Бог не одинаково беседует со всеми, подобно как и мы не одинаково говорим с детьми и с людьми взрослыми. Когда же это сказано, кем и кому? Соломоном, в Ветхом Завете, иудеям, не знавшим ничего, кроме предметов чувственных, и по ним судившим о силе Божией. Они говорили: **"Может ли Он дать и хлеб?"** (Пс.77:20). И еще: **"какое знамение"** покажешь нам? **"Отцы наши ели манну в пустыне"** (Ин.6:30-31). **"Их бог – чрево"** (Флп.3:19). Таким образом они судили о Боге; потому (Премудрый) говорит им, что для Него возможно и это, – делать и богатыми и бедными, не потому, будто Он непременно делает это, но может делать, когда хочет. Так (пророк) говорит: **"запретит Он морю, и оно высыхает, и все реки иссякают"** (Наум.1:4); но этого никогда не было. Как же пророк говорит об этом? Не как о бывающем всегда, но как о том, что Он может сделать. Какую же Он посылает бедность и какое богатство? Вспомни патриарха и узнаешь, какое богатство посылается Богом. Он сделал богатым Авраама и после него Иова, как этот последний сам говорит: **"неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?"** (Иов.2:10). И богатство Иакова происходило отсюда. Бывает от Него и бедность, достойная одобрения, которую некогда Он предлагал богатому в следующих словах: **"если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною"** (Мф.19:21); также – ученикам, когда давал им следующую заповедь: **"не берите с собою ни золота, ни серебра, ни двух одежд"** (Мф.10:9-10). Итак, не говори, что Он дает всякое богатство; известно, что оно собирается и убийствами, и хищением, и множеством других способов. Но возвратимся к прежнему вопросу. Если богатые несколько не полезны нам, то для чего они и существуют? Что сказать на это? То, что бесполезны те богатые, которые такими способами сами сделали себя богатыми, а обогатенные Богом весьма полезны. Это можешь узнать из самых дел их. Авраам владел богатством на пользу всех странников и имевших нужду. Когда пришли к нему три, как думал он, человека, то он заколол тельца и замесил три меры пшеничной муки; вспомни, как он, сидя у ворот во время полудня, щедро и усердно разделял со всеми свое имущество, предлагая кроме имущества и телесное служение, и притом в такой старости; он был пристанищем странников и терпевших нужду, и не считал своим ничего, даже собственного сына, – по повелению Божию, отдал и его; отдал вместе с сыном и себя и весь дом, когда поспешал спасти племянника; притом делал это не для приобретения имущества, но единственно по человеколюбию, так как, когда спасенные им сделали его распорядителем добычи, он отказался от всего, **"даже нитки и ремня от обуви"** (Быт.14:23).

7. Таков же был блаженный Иов. **"Двери мои"**, говорит он, **"я отворял прохожему"** (Иов. 31:32); **"я был глазами слепому и ногами хромоту; отцом был я для нищих"** (29:15-

16); и "странник не ночевал на улице" (31:32); "отказывал ли я нуждающимся в их просьбе?" (ст.16) "позволял ли немощному выходить из моих дверей с пустой пазухой?"[2] (31:34). И гораздо больше этого, – чтобы нам теперь не исчислять всего, – он постоянно делал, употребляя все свое богатство на нуждающихся. А не хочешь ли посмотреть на тех, которые сделались богатыми не от Бога, и узнать, как они пользовались богатством? Посмотри на (богача, упомянутого) с Лазарем, даже не уделявшего крупниц; посмотри на Ахаава, присвоившего виноградник; посмотри на Гиезия; посмотри на всех подобных людей. Приобретающие праведно, получив (богатство) от Бога, употребляют его согласно с заповедями Божиими; а оскорбляющие Бога в приобретении делают то же и в употреблении, расточая его на блудниц и праздных нахлебников, или закапывая и запирая, а не уделяя ничего бедному. Почему же, скажешь, Бог попускает таким людям делаться богатыми? Потому, что Он долготерпелив и хочет привести нас к покаянию; потому, что Он уготовал геенну и назначил день, в который будет судить вселенную. Если бы Он тотчас наказывал обогащающихся неправедно, то Закхей не имел бы времени раскаяться и отдать вчетверо больше того, что похитил, с приложением половины собственного имущества; Матфей не мог бы перемениться и сделаться апостолом, если бы не имел надлежащего времени, и многие другие подобные. Потому Он долготерпит, призывая всех к покаянию. Если же они не захотят (покаяться) и будут продолжать то же, то о них сказал Павел, что они **"по упорству твоему и нераскаянному сердцу"**, собирают себе гнев **"на день гнева и откровения праведного суда от Бога"** (Рим.2:5). Чтобы нам избежать этого гнева, будем собирать богатство небесное и искать бедности, достойной одобрения. Тогда мы получим и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Здесь синодальный текст совсем не выражает той мысли, которая содержится в оригинале. Славянский перевод: **"есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых"** – значительно ближе, но тоже не совсем точен. Вообще это место очень трудно для перевода. Гр. ελεγχος, переданное в слав. как "обличение", Златоуст понимает в смысле "отвержение", в противоположность υλοστασις – слав. "извещение". В целом мысль можно перефразировать так: "действие веры состоит в утверждении вещей ожидаемых и устранении невидимого", т. е. превращении в видимое

[2] Перев. проф. Юнгера

БЕСЕДА 35

"Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать" (1Кор.14:1).

1. Обстоятельно показав (коринфянам) все достоинство любви, (апостол) наконец убеждает их ревностно стремиться к ней; потому и говорит: достигайте (διώκετε). Гонящийся за чем-нибудь видит только то, чего старается достигнуть, устремляет к тому все внимание и не отстает, пока не достигнет. Когда он не может достигнуть сам собой, то старается остановить бегущего при помощи находящихся впереди его, с великим усердием убеждая находящихся вблизи задержать бегущего и задержав не выпускать, пока он сам не достигнет до него. Так же будем поступать и мы: если не достигаем до любви, то будем просить находящихся близко к ней задержать ее, пока мы не

приблизимся к ней; а когда достигнем, то постараемся не опускать ее, чтобы она опять не убежала от нас. Она часто удаляется от нас, потому что мы обращаемся с ней не надлежащим образом и предпочитаем ей все другое. Потому надобно употреблять все меры, чтобы крепко держать ее. Если будет так, то мы без большого или, лучше, без всякого труда, а напротив с радостью и торжеством, будем идти по узкому пути добродетели. Потому (апостол) и говорит: держитесь ея. Далее, чтобы не подумали, будто он вел речь о любви для того, чтобы унижить дарования, присовокупляет: **"ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать"**. **"Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение"** (ст.2-3). Здесь он сравнивает дарования, и поставляет ниже других дар языков, доказывая, что он и не совсем бесполезен, и не очень полезен сам по себе. Коринфяне много превозносились им и считали его великим дарованием, – считали великим потому, что апостолы получили его прежде всего и с такой торжественностью. Но это не делало его превосходнее других. Почему апостолы получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Как во время столпотворения один язык разделился на многие, так тогда многие языки часто принадлежали одному человеку, и один и тот же говорил на персидском, на римском, на индийском и на многих других языках, по внушению Духа. Такое дарование называлось даром языков, потому что (владевший им) мог говорить вместе на многих языках. Смотри же, как (апостол) и уничижает его и возвышает; словами: **"ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его"**, уничижает, показывая, что это дарование не очень полезно; а далее словами: **"он тайны говорит духом"**, опять возвышает, чтобы оно не показалось излишним, бесполезным и напрасно данным. **"А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение"**. Видишь ли, с какой стороны он доказывает превосходство этого дарования? Со стороны его общепользности. И везде он предпочитает то, что приносит пользу многим. А те, скажи мне, разве не людям говорили? Но не с таким назиданием, увещанием и утешением.

Иметь вдохновение от Духа одинаково свойственно обоим, и пророчествующему и говорящему языками; но первый, т. е. пророчествующий, имеет преимущество перед последним в том, что он еще полезен слушателям. Говорящих языками не слышали не имевшие этого дарования. Что же? Неужели они не назидали никого? Да, говорит, только самих себя. Потому (апостол) и присовокупляет: **"кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя"** (ст.4). Каким же образом, если он не знает, что говорит? Но здесь (апостол) беседует о тех, которые знали, что говорили, знали сами, но не могли передать другим. **"А кто пророчествует, тот назидает церковь"**. Какое различие между одним и церковью, такое же различие между первым и последним. Видишь ли мудрость (апостола), как он не обращает этого дара в ничто, а показывает, что он, хотя приносит пользу, но малую, и достаточен только для обладающего им? Потом, чтобы не подумали, будто он по зависти к ним унижает языки, – а дар этот имели многие, – он отклоняет их подозрение и говорит: **"желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали. Ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание"** (ст.5). Выражения: лучше и превосходнее означают не противоположность, но преимущество.

2. Отсюда также видно, что он не порицает дарования, но руководит слушателей к лучшему, показывая и свое попечениис о них, и свою душу, чуждую всякой зависти. Не сказал: двое или трое; но – **"желаю, чтобы вы все говорили языками"**, и не только этого желаю, но и того, чтобы вы пророчествовали, и последнего более, нежели первого, **"ибо пророчествующий превосходнее"**. Когда уже объяснил и доказал предмет, тогда и объявляет свое желание, впрочем не просто, но с прибавлением: **"разве он притом будет"**

и изъяснять"; если он будет способен и к этому, т. е. к истолкованию, тогда, говорит, он делается равным пророку, потому что тогда многие получают пользу. Надобно особенно заметить, как он во всем ищет ее (пользы) прежде всего. **"Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?"** (ст.6)? Но что, продолжает он, говорить о других? Пусть говорящим языками будет Павел: и тогда не будет никакой пользы слушателям. Говорит это с целью показать, что он ищет полезного для них, и что он не питает вражды к имеющим этот дар, если не отказывается признать его бесполезным даже в собственном своем лице. Неприятное он всегда прилагает к собственному лицу, как и в начале послания сказал: **"кто Павел? Кто Аполлос? Кто Кифа?"** (1Кор.3:5). То же делает и здесь: и я, говорит, не принесу вам пользы, **"когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением"**. Смысл слов его следующий: если я не скажу вам чего-нибудь такого, что может быть для вас удобопонятным и ясным, а только покажу, что я имею дар языков, то, выслушав языки, вы отойдете, не получив никакой пользы. **"И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гусях?"** (ст.7). Какая польза от слов, которых вы не понимаете? И что я говорю, продолжает он, что это бесполезно у нас, что полезно только ясное и понятное для слушателей? То же можно видеть и на бездушных музыкальных инструментах: если например будешь дуть в свирель, или ударять в гусли без надлежащего ритма и гармонии, но смешанно и как попало, то не доставишь удовольствия никому из слушателей, потому что и от нечленораздельных (инструментов) требуется некоторая ясность, и если будешь ударять в гусли или дуть в свирель неискусно, то не сделаешь ничего. Если же от бездушных (предметов) мы требуем такой ясности, стройности и отдельности, если бессмысленным звукам мы стараемся и усиливаемся придать великий смысл, то тем более требуется осмысленность от одушевленных и разумных людей и духовных дарований. **"И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?"** (ст.8). От вещей не необходимых (апостол) переходит к необходимейшим и полезнейшим и говорит, что можно видеть то же не только на гусях, но и на трубе. И от нее бывают стройные звуки, указывающие то на войну, то на что-нибудь другое, то призывающие к нападению, то – к отступлению; и кто не знает этого, тот подвергается крайней опасности. Чтобы объяснить это и указать эту опасность, он и говорит: **"кто станет готовиться к сражению?"** А кто не делает этого, тот погубляет все. Как же, скажете вы, это относится к нам? К вам это особенно и относится: потому он и присовокупляет: **"так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер"** (ст.9), т. е. не скажете ничего, будете говорить ни для кого. Везде он доказывает бесполезность (дара языков). Но, скажешь, если он бесполезен, то для чего и дан был? Для того, чтобы он был полезен получившему его; а чтобы он был полезен и другим, для того нужно было соединять с ним истолкование. Все это говорит (апостол), желая соединить их друг с другом, чтобы один, не имеющий дара истолкования, призывал на помощь другого, имеющего такой дар, и посредством него делал полезным свой дар. Потому он везде и доказывает несовершенство дара, чтобы хотя таким образом соединить их между собой; и кто думает, что этот дар достаточен для него самого, тот не столько возвышает, сколько унижает его, не устраивая, чтобы он сиял светло при помощи истолкования. Хорош и необходим этот дар, но тогда, когда кто-нибудь объяснит сказанное. И палец – необходимый член, но если отделишь его от прочих, то он будет не столько полезен; необходима и труба, но если она попусту издает звуки, то бывает даже тягостна. Не проявится искусство, если не будет материала; не обработается и материал, если ему не будет сообщена форма. Поставь же голос на место материала, а ясность на место формы, без которой не может быть никакой пользы от материала. **"Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения"** (ст.10), т. е. столько

языков, столько наречий, скифов, фракиан, римлян, персов, мавров, индийцев, египтян, и многих других народов! **"Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец"** (ст.11).

3. Не думай, говорит, будто это случается только с нами; то же бывает и со всеми. Таким образом, говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что он бесполезен для меня, пока бывает не ясен. Потом, чтобы обличение не было тяжким, он уравнивает вину: буду, говорит, **"для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец"**, не по свойству языка, но по причине нашего незнания. Видишь ли, как он мало-по-малу довел речь до существенного? Так он обыкновенно делает: заимствует примеры издалека и оканчивает тем, что собственно относится к предмету. Сказав о свирели и гусях, в примере которых было много недостаточного и ненужного, он перешел к трубе, (инструменту) полезнейшему, а потом наконец и к самому языку. Так и прежде, когда доказывал, что апостолам не запрещено получать (содержание от учеников), он начал с земледельцев, пастырей и воинов, а потом обратил речь на ближайшее к предмету, на ветхозаветных священников. Заметь, как он везде старается показать, что самый дар не заслуживает порицания, а переносит вину на получивших его; не сказал: буду чужестранец, но: **"для говорящего чужестранец"**; и далее не сказал: говорящий чужестранец, но: **"говорящий для меня чужестранец"**. Что же, скажешь, должно делать? Должно не только не порицать, но и увещевать и поучать, как и он сам поступает. Он именно, обличив, укорив и показав бесполезность дара, наконец предлагает совет и говорит: **"так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви"** (ст.12). Видишь ли всегдашнюю его цель, как он постоянно и во всем ищет в виду одно, – нужду многих, пользу церкви, поставляя это как бы каким правилом? И не сказал: чтобы вам получить дарования, но: чтобы **"обогатиться"**, т. е. чтобы иметь их в великом изобилии. Я, говорит, не только далек от желанного, чтобы вы не имели их, я напротив желаю, чтобы вы имели их в избытке, если только вы будете употреблять их на общую пользу. А как может быть это, он объясняет далее: **"А потому"**, говорит, **"говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования. Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом"** (ст.13-15). Здесь (апостол) показывает, что от них зависит получить дарование: **"пусть молится"**, говорит, т. е. пусть приложит то, что в его власти. Если усердно будешь просить, то получишь. Итак проси, чтобы тебе иметь не один только дар языков, но и дар истолкования, чтобы тебе быть полезным для всех, а не заключить дара в одном себе. **"Ибо когда"**, говорит, **"я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода"**.

Видишь ли, как (апостол) мало-по-малу доводит речь до того, что такой человек бесполезен не только для других, но и для самого себя, так как и его ум остается без плода? Если бы кто говорил только на персидском языке, или на каком-либо другом иностранном, и не знал, что говорит, то он был бы чужестранцем и для себя самого, а не только для других, потому что не разумел бы силы слов. В древности было много таких, которые вместе с даром языков имели дар молитвы; они молились, язык их произносил молитву на персидском или римском наречии, но ум не разумел произносимого. Потому он и говорит: **"я молюсь на незнакомом языке, то дух мой молится"**, т. е. дарование, данное мне и приводящее язык в движение, **"но ум мой остается без плода"**. Что же лучше и полезнее, и как нужно поступать или чего просить у Бога? Того, чтобы молиться и духом, т. е. дарованием, и умом. Потому он и говорит: **"стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом"**. И здесь он выражает то же, т. е. чтобы и язык говорил, и ум не оставался неведущим сказанного. Если же этого не будет, то может произойти и другое замешательство: **"ибо если"**, говорит, **"ты будешь"**

благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина[1] как скажет: "аминь" при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается" (ст.16-17). Смотри, как неуклонно и здесь он идет к своей цели, везде имея в виду назидание церкви. Невеждой он называет простолюдина и доказывает, что и он терпит немаловажный вред, когда не может сказать: аминь. Смысл слов его следующий: если ты будешь благословлять на языке иностранном, не зная, что говоришь, и не умея истолковать, то простолудин не может отвечать: аминь; не слыша окончательных слов: во веки веков, он не скажет: аминь. Потом он опять смягчает речь, чтобы не показалось, будто он слишком унижает дар (языков), и как выше говорил, что (такой человек) говорит тайны, говорит Богу, себя назидает, молится духом, предлагая в этом немалое утешение, так и здесь говорит: ты хорошо благодаришь, – так как говоришь по внушению Духа, – но тот, кто ничего не слышит и не понимает сказанного, стоит, не получая большой пользы.

4. После того, как (апостол) против имеющих дар языков сказал, что в этом нет ничего великого, далее, чтобы не подумали, будто он унижает их потому, что сам лишен его, смотри, что он говорит: **"Благодарю Бога: я более всех вас говорю языками"** (ст.18). То же он делает и в других случаях. Так, намереваясь низложить тщеславные притязания иудейства и показать, что оно уже ничтожно, он наперед изъясняет, что и сам имел (эти притязания) и притом в высшей степени, а потом называет их тщетой: **"если"**, говорит, **"кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный"** (Флп.3:4-6). Затем, когда доказал, что сам имел все эти преимущества, говорит: **"но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою"** (ст.7). Так он поступает и здесь: **"я более всех вас"**, говорит, **"говорю языками"**; потому не превозносите, как будто вы одни имеете этот дар; и я имею его, и притом гораздо больше вас. **"Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить"** (1Кор.14:19). Что значит. **"сказать умом моим, чтобы и других наставить"**? Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другим, говорить с сознанием и поучать слушателей. **"Нежели тьму слов на незнакомом языке"**. Почему? **"Чтобы и других наставить"**, говорит. Первое доставляет только показную славу, а последнее – великую пользу. Везде он ищет одного – общей пользы. Хотя дар языков был необыкновенным, а дар пророчества обыкновенным, древним, и принадлежал уже многим, между тем как тот стал известен тогда в первый раз, однако (Павел) считал его не очень желательным для себя, и даже не пользовался им, не потому, чтобы не имел его, но потому, что искал более полезного. Он был чужд всякого тщеславия и имел в виду только одно, как бы сделать лучшими слушателей. Потому он и мог видеть полезное и для себя и для других, что был свободен от тщеславия; а кто поработил себя этой страсти, тот не может видеть полезного не только для других, но и для себя. Таков был Симон, который, руководясь тщеславием, не видел полезного и для себя (Деян.8); таковы были иудеи, которые потому же предали диаволу собственное спасение.

Отсюда произошли идолы, и внешние (языческие) мудрецы, побуждаемые тем же безумием, впали в нелепые учения. И посмотри, как превратна эта страсть; по ее побуждению одни из них делались бедными, другие собирали богатство. Власть ее такова, что она выражает силу свою даже в вещах противоположных: один тщеславится целомудрием, другой напротив распутством, один – правдой, другой – неправдой, воздержанием и постом, кротостью и дерзостью, богатством и бедностью. Некоторые из внешних, и имея возможность брать (с других), не брали для того, чтобы им удивлялись. Но апостолы были не таковы: они были чисты от тщеславия и доказали это своими делами. Когда называли их богами и готовы были принести им в жертву увенчанных

волов, они не только остановили это, но и разодрали свои одежды (Деян.14). Когда они исцелили хромого и все удивлялись им, они сказали: **"что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?"** (Деян.3:12). Те избирали бедность между людьми, удивлявшимися бедности; а они – между людьми, презиравшими бедность и прославлявшими богатство, и тем, что получали, продовольствовали нуждавшихся. Так они все делали не из тщеславия, но по человеколюбию! А те, напротив, во всем, равно и с имуществом, поступали, как враги и губители всей природы. Один, как безумный и сумасшедший, напрасно и без пользы потопил в море все свое имущество: другой оставил невозделанным все свое поле. Так они все делали из честолюбия! Но не так поступали апостолы: они и принимали предлагаемое, и раздавали это бедным с такой щедростью, что сами непрестанно терпели голод. Если бы они искали славы, то не поступали бы так, не принимали бы и не раздавали бы, опасаясь, чтобы не навлечь на себя какого-нибудь подозрения. Ведь, кто бросает свое из тщеславия, тот тем более не возьмет чужого, чтобы не показаться имеющим нужду в других и не навлечь на себя подозрения. Они же, как видишь, и служили и сами просили для нуждавшихся. Так они были любвеобильнее всех отцов! Посмотри, как и заповеди их соразмерны и чужды тщеславия: **"имея"**, говорит (апостол), **"пропитание и одежду, будем довольны тем"** (1Тим.6:8), не так, как тот Синоплинин (Диоген), который без всякой нужды одевался в рубище и жил в бочке, удивлял многих, но пользы не принес никому. А Павел не делал ничего подобного, потому что не руководился честолюбием, но и одевался со всей благопристойностью, и жил всегда в доме, и был совершен в других добродетелях, которые упомянутый киник презирал, проводя жизнь распутную, поступая бесстыдно пред всеми и увлекаясь безумной страстью тщеславия. В самом деле, если бы кто спросил, для чего он жил в бочке, то не нашел бы никакой другой причины, кроме одного тщеславия.

5. Павел давал даже плату за дом, в котором жил в Риме (Деян.28:30). Если он переносил гораздо труднейшее, то тем более мог бы также (жить вне дома). Но он не искал славы, этого дикого зверя, злого демона, язвы вселенной, ядовитой ехидны. Как ехидна расторгает зубами чрево матери, так и эта страсть терзает питающего ее. Где же найти лекарство против этой разнообразной болезни? Нужно помышлять о тех, которые преодолели ее, и, взирая на пример их, согласно с тем устроить собственную жизнь. И патриарх Авраам... Но пусть никто не обвиняет нас в тождестве за то, что о нем мы вспоминаем часто и при всяком случае. Это особенно и делает его удивительным, а не подражающих ему лишает всякого оправдания. Если бы мы показали некоторую часть добродетели в одном, и часть в другом (человеке) добродетельном, то иной сказал бы, что добродетель неудобноисполнима, так как не легко одному совершить все то вообще, что по частям совершил каждый из святых. Но когда находится один и тот же имеющий все, то какое получают оправдание те, которые после закона и благодати не могут сравниться с жившими прежде закона и благодати? Как же этот патриарх преодолел и победил этого зверя, когда имел распрю с племянником? Будучи обделен и не получив лучшей части, он не скорбел; а вы знаете, что в таких случаях стыд бывает хуже убытка для малодушных, особенно когда человек бывает господином всего, как был тогда он (Авраам), и когда сам, наперед оказав честь, не будет взаимно удостоен чести. Но ничто из всего этого не оскорбило его: получив худшую часть, он остался доволен и, будучи обижен старшим младшим, дядя племянником, не вознегодовал и не огорчился, а напротив по прежнему оказывал ему любовь и попечение. Опять, одержав победу в великой и страшной войне и силой прогнав варваров, он не торжествовал победы и не поставил трофея, потому что хотел только спасти (других), а не показать (себя). Опять, когда он принимал странников, и тогда не тщеславился, но сам выходил им на встречу и кланялся, не как благодетельствующий, но как благодетельствуемый, называл пришельцев господами, не зная, кто они, и заставлял жену служить им. И прежде того в Египте, оказавшись столь

удивительным, получив обратно жену свою и удостоившись такой чести, он ни перед кем не хвалился. Туземцы называли его царем, а он заплатил им даже за могилу (Быт.23). Также, когда он посылал избрать невесту своему сыну, то не приказывал говорить о себе чего-нибудь великого и славного, а просто – привести невесту. Не хочешь ли посмотреть и на живших во времена благодати и видеть, как они были чужды этой страсти даже тогда, когда великая слава учения их распространилась повсюду?

Посмотри на того самого (апостола), которого слова мы слушаем, как он постоянно все приписывает Богу, как он часто вспоминает о грехах своих, а о подвигах никогда; если же бывает принужден сделать это в назидание ученикам, то называет это дело безумием, уступает первенство Петру, не стыдится работать у Прискиллы и Акилы и везде старается показать себя смиренным, не величаясь на торжище и не окружая себя толпами народа, но помещаясь в ряду незнатных. Потому он и говорил: **"в личном присутствии слаб"** (2Кор.10:10), т. е. не важен и чужд всякого великолепия; и еще: **"молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть"** (2Кор.13:7). И что удивительного, если он презирает эту (земную) славу? Если он презирает вышнюю славу, царство и геенну, для угождения Христу, – а он именно желает отлучен быть от Христа для славы Христовой, и хотя говорит, что желает подвергнуться этому за Иудеев, но говорит так, чтобы кто-нибудь из безумных не подумал, что данные им обетования он присвоит себе, – если, говорю, он был готов презреть это, то удивительно ли, что он презирает славу человеческую? Но нынешних (людей) губит все, не только желание славы, но и противное тому: оскорбление и опасение бесчестия; если кто станет хвалить тебя, ты надмеваешься, а если станет порицать, ты падаешь духом. Как слабые тела терпят вред и от незначительных причин, так и низкие души; их губит не только бедность, но и богатство, не только печаль, но и радость, и даже приятное более, нежели печальное, потому что бедность заставляет быть воздержным, а богатство часто доводит до великого зла. И как одержимые горячкой бывают недовольны всем, так и испорченные души от всего терпят вред.

6. Зная это, не будем избегать бедности и удивляться богатству, но будем устроить душу свою так, чтобы она была готова ко всему. Кто строит дом, тот заботится не о том, чтобы на него не лился дождь и не падали (солнечные) лучи, – это и невозможно, – но чтобы он мог вынести все. И кто строит корабль, тот заботится и старается не о том, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря, – это и невозможно, – но чтобы стены корабля были способны вынести все. И кто укрепляет тело, тот также старается не о том, чтобы не было воздушных перемен, но чтобы тело легко переносило все это. Точно так будем поступать и с душой, будем стараться не о том, чтобы избегать бедности, или сделаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самих. Не заботясь о них, будем уготовлять душу пригодной и к богатству и к бедности. Ведь хотя бы и не случилось ничего свойственного людям, – что бывает слишком редко, – и в таком случае не ищущий богатства и умеющий легко переносить все гораздо лучше, чем живущий всегда в богатстве. Почему? Во-первых, такой (человек) имеет опору спокойствия внутри себя, а не вне; как воин, полагающийся на крепость тела и воинское искусство, лучше того, который надеется только на силу оружия, так и огражденный добродетелью лучше того, кто надеется на деньги. Во-вторых, богатый, хотя бы и не впал в бедность, не может быть спокойным, потому что богатство причиняет много бурь и беспокойств. А добродетель напротив доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов, богатство же напротив делает его доступным и удобопреклонным. Из животных олени и зайцы легче всех могут быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабан, бык и лев не легко попадают в руки охотников; то же можно видеть на богатых и на живущих в добровольной бедности; последний подобен льву и быку, а первый – оленю и зайцу. Кого в самом деле не боится

богатый? Уж не разбойников ли? Не властителей ли? Не завистников ли? Не клеветников ли? Но что я говорю о разбойниках и клеветниках, когда он с подозрением смотрит на самих домашних? И что я говорю (о том времени), когда он еще жив? Даже и по смерти он не свободен от козней хищников; и самая смерть не может доставить ему безопасности, но и мертвого его грабят злодеи. Так опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же может быть хуже того, если самая смерть не доставляет ему безопасности, но даже лишившись жизни несчастное тело его не освобождается от житейских зол, если злодеи восстают даже против пыли и праха, и притом с большей жестокостью, нежели при его жизни? Тогда, входя в кладовую и разламывая сундуки, они по крайней мере не касались тела и не брали столько, чтобы обнажить самое тело; а теперь нечистые руки гробокопателей не воздерживаются и от этого, но сдвигают с места (и тело), переворачивают его и посмеиваются над ним с великой жестокостью. Когда оно бывает предано земле, то они, лишив его и покрова земли и одежд, оставляют его брошенным в таком виде. Кто же враждебнее богатства, которое при жизни губит душу, а по смерти подвергает поруганию тело и не дает ему покоя в земле, чего не лишены даже осужденные и тяжкие преступники? И с преступниками, наказав их смертью, законодатель ничего более не делают; а их богатство и по смерти подвергает жесточайшему наказанию – быть обнаженными к лишенными погребения: ужасное и жалкое зрелище! Подлинно, участь их тяжелее участи тех, которые подвергаются тому же по определению и гневу судей; последние, пробыв не погребенными один или два дня, предаются земле; а первые, когда бывают преданы земле, тогда именно и обнажаются и подвергаются поруганию. Если воры уходят, не взяв самого гроба, то и этим он обязан не богатству, а бедности; она сохраняет его, так что, если бы мы и гроб покрыли богатством, или устроили бы его не из камня, а из золота, то лишились бы и его. Так неверно богатство! Оно не столько принадлежит имеющим его, сколько занимающимся хищничеством. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда как имеющие его не находят безопасности даже в день смерти. С умершим кто не примиряется, хотя бы то был зверь, демон, или кто бы ни был? Достаточно одного взгляда на умершего, чтобы тронуться человеку железному и безжалостному; когда кто смотрит на мертвого, хотя бы в нем видел врага и неприятеля, то плачет вместе с ближайшими его друзьями; гнев погасает вместе с жизнью и вместо его является соболезнование; при выносе и погребении никто не различит врага и неврага: так все почитают общую природу и установленные для нее законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушает гнев против имеющих его и делает врагами умершего людей, несколько не обиженных им, потому что обнажать мертвое тело свойственно жестоким врагам и неприятелям. Природа примиряет с ним тогда и врагов; а богатство вооружает против него и тех, которые не могут ни в чем обвинить его и терзают тело, совершенно уединенное. Многие здесь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться в землю и тление и беспомощно; но ничто подобное не трогает злодеев, преданных преступной страсти. Страсть корыстолюбия, как бы какой жестокий тиран, настоятельно требует от них исполнения своих бесчеловечных повелений и, обращая их в зверей, ведет к гробницам. Нападая на умерших, как дикие звери, они не отказались бы и от тел, если бы (телесные) члены могли принести им пользу. Такие-то плоды мы получаем от богатства: по смерти подвергаемся поруганию и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкие преступники! Неужели после этого, скажи мне, мы будем еще любить такого врага? Нет, братие, нет, увещаю вас, побежим от него, не оглядываясь назад; если оно и само придет в наши руки, не будем удерживать его у себя, но свяжем его руками бедных; эти узы гораздо лучше могут удержать его; из этих хранилищ оно никогда не убежит, и неверное делается наконец верным, тихим и кротким, чрез подавание милостыни. Итак, когда оно придет к нам, будем употреблять его на это дело; если же не придет, не будем искать, изнурять себя и считать блаженными имеющих его. Какое это блаженство? Разве назовешь блаженными занимающихся

борьбой с дикими зверями за то, что такие борцы, заключив у себя дорого стоящих животных, стерегут их, между тем как сами не смеют приступить и прикоснуться к ним, боятся их и трепещут. Нечто подобное испытывают и богатые, заключив богатство в своих хранилищах, как дикого зверя. и каждый день получая от него тысячи ран, только не так, как от зверей. Звери, когда бывают выпущены, тогда и причиняют вред встречающимся с ними; а богатство, когда бывает заперто и хранимо, тогда и погубляет приобретших и хранящих его. Сделаем же этого дикого зверя кротким. А он будет кроток, когда мы не станем запираеть его, но будем передавать его в руки всех нуждающихся. Таким образом мы получим от него величайшие блага, и настоящую жизнь будем проводить безмятежно и с доброю надеждою, и в будущий день предстанем с дерзновением, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1]Гр. του ἰδιωτου – невежды

БЕСЕДА 36

Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни (1Кор.14:20).

1. После многих объяснений и доказательств (апостол) справедливо употребляет теперь речь более сильную, соединенную с великим обличением, и приводит пример, сообразный с предметом. Дети недоумевают и изумляются при виде малых вещей, а при весьма великих не приходят в такое удивление. Подобным образом и имевшие дар языков, который был последним из всех, думали, что они имеют все; потому он и говорит: не дети бывайте, т.е. не будьте неразумными там, где следует быть разумными, но будьте простыми детьми там, где неправда, где тщеславие, где гордость. Кто младенец на злое, тому должно быть и мудрым; как мудрость со злобой не была бы мудростью, так и простота с неразумием не была бы простотой; в простоте надобно избегать неразумия, и в мудрости — злобы. Как лекарства более надлежащего горькие или сладкие не приносят пользы, так и простота и мудрость сами по себе. Потому и Христос, повелевая соединять то и другое, сказал: **будьте мудры, как змии, и просты, как голуби** (Мф.10:16). Что же значит — младенствовать злобою? Даже и не знать, что такое зло; такими быть он желал им, когда говорил: **есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние** (1Кор.5:1). Не сказал: допускается, но: слышится. Вы верно, говорит, знаете это, потому что слышали о том некогда. Он хотел, чтобы они были и мужами и детьми, детьми на злое, а мужами по мудрости, и муж тогда будет мужем, когда вместе с тем будет младенцем; а пока он не будет младенцем на злое, то не будет и мужем, потому что злой не может быть совершенным, а бывает неразумным. **Иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушают Меня, говорит Господь** (1Кор.14:21). В законе нигде этого не написано; но он, как я сказал прежде, всегда называет законом все ветхозаветное Писание, и пророческие и исторические книги. Приведенное свидетельство он заимствует из пророка Исаии, чтобы опять ограничить славу дара (языков), для пользы слушателей; и здесь впрочем, говорит о нем с похвалой. Слова **но и тогда** показывают, что чудо было достаточно для того, чтобы тронуть их; если же они не убедились, то это их вина. Для чего же Бог сделал это, если они не хотели убедиться? Чтобы сделать со своей стороны все нужное. Доказав пророчеством, что упомянутое знамение не очень полезно, (апостол) продолжает: **итак языки суть знамение не для верующих, а для**

неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих. Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить *незнакомыми* языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь? Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: "истинно с вами Бог" (ст. 22-25). Сказанное здесь может возбудить в ком-нибудь большое недоумение. Если языки служат знаменем для неверных, то как он говорит: если неверные увидят вас говорящими на языках, то скажут, что вы беснуетесь? И если пророчество не для неверных, но для верующих, то как получают от него пользу и неверные? **Но когда, говорит, все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится.** И не только этот, но, кроме того, и другой здесь рождается вопрос: языки опять, по-видимому, больше пророчества, потому что если языки служат знаменем для неверных, а пророчество для верных, то дар, обращающий и делающий своими чужих, больше дара, назидającego своих. Что же означают сказанные слова? Они не затруднительны, не темны и не противоречат предыдущему, но весьма согласны с ним, если мы вникнем. Пророчество полезно для тех и других, а языки нет.

Потому, сказав о языках, что они в знамение суть, (апостол) присовокупил: не верующим, но неверным, и притом в знамение, т.е. более для удивления, нежели для назидания. Но, скажешь, и о пророчестве он выразился точно также в словах: а пророчество не неверным, но верующим; верующий не имеет надобности видеть знамение, а нуждается только в научении и назидании; как же ты утверждаешь, что пророчество полезно для тех и других, тогда как он говорит: не неверным, но верующим? Если тщательно исследуешь, то поймешь слова его. Он не сказал, что пророчество не полезно для неверных, но что оно не служит знаменем, как языки, т.е. не также бесполезно. И языки не есть что-нибудь полезное для неверных: они производят только одно изумление и смущение. Знамение принадлежит к числу безразличного; так Псалмопевец, сказав: **сотвори со мною знамение**, прибавляет: **во благо** (Пс.85:17); и еще: **для многих я стал как бы чудом** (Пс.70:7), т.е. в знамение.

2. Чтобы ты убедился, что знамение здесь не означает чего-нибудь, всегда приносящего пользу, (апостол) присовокупляет и то, что оно производит. Что же такое? **То не скажут ли, говорит, что вы беснуетесь?** Это зависит не от свойства знаменения, но от неразумия тех, (которые рекут). Под словом неверные не всегда разумей одинаковых людей, но иногда неисцельно больных и остающихся неисправимыми, а иногда могущих перемениться, каковы были те, которые удивлялись апостолам, глаголавшим величия Божия; таковы же были домашние Корнилия. Итак, смысл слов его следующий: пророчество имеет силу и между неверными и между верующими, а слыша языки, неверные и неразумные не только не получают пользы, но и смеются над говорящими на языках, как над беснующимися. (Языки) служат им только в знамение, т.е. только приводят их в изумление.

Если бы впрочем они имели ум, то получили бы и пользу, для которой дано знамение; ведь (и при апостолах) не только были насмехавшиеся над ними, как бы над опьяневшими, но многие и удивлялись им, как глаголющим величия Божия; так насмехавшиеся были неразумные. Потому и Павел не просто сказал: **не скажут ли, что вы беснуетесь**, но присовокупил: **незнающие или неверующие**. Пророчество же не просто служит в знамение, но нужно и полезно для веры и назидания тех и других. Впрочем, это он выразил не тотчас, но объяснил в дальнейших словах: **он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.**

Таким образом пророчество выше не только потому, что имеет силу между теми и другими, но и потому что обращает бесстыднейших из неверных. Не одинаково было чудо, когда Петр обличил Сапфиру, — это было действием пророчества, — и когда говорил языками; тогда все устрашились, а когда он говорил языками, то даже принят был за беснующегося. Итак, сказав, что языки не приносят пользы, и, оставив между тем обличение вины иудеев, (апостол) далее показывает, что они даже причиняют вред. Для чего же, скажешь, и даны они? Для того, чтобы употреблялись вместе с истолкованием, без которого случается и противное у неразумных. **Если, говорит, вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить [незнакомыми] языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?** Так и апостолы были приняты за опьяневших: **иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина** (Деян.2:13). Но причина не в знамении, а в неразумии (говоривших это); потому он присовокупил: **незнающие или неверующие**, т.е. мнение их происходит от неразумия и неверия. Он старается, как я сказал прежде, поставить дар (языков) в ряд предметов не совершенно достойных отвержения, но не очень полезных, и притом с целью смирить слушателей и внушить им необходимость искать истолкования. Так как они не заботились об этом, но многие через упомянутый дар старались показать себя и удовлетворить своему честолюбию, то он особенно и отклоняет их от этого, доказывая, что они напротив вредят своей славе, навлекая на себя подозрение в бесновании. Так всегда поступает Павел: когда хочет кого отклонить от чего-нибудь, то доказывает, что он терпит вред от того самого, к чему имеет пристрастие; так поступай и ты: отклоняя от удовольствий, покажи, что они исполнены горечи; отклоняя от тщеславия, покажи, что оно причиняет бесчестье.

Так и Павел поступал. Отклоняя богатых от любви к деньгам, он говорит, что богатство не только вредит, но и подвергает искушениям: **желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу** (1Тим.6:9). Так как богатство, по-видимому, не избавляет от напастей, то он утверждает противное тому, что думали богатые.

Другие имели пристрастие к внешней мудрости, как будто бы она служила им для объяснения догматов; а он доказывает, что она не только не приносит пользы кресту, но и унижает его.

Иные хотели судиться у чужих, считая недостойным судиться у своих, как будто бы внешние (язычники) были мудрее; а он доказывает, что судиться у внешних постыдно. Иные вкушали идольские жертвы, как бы желая показать в себе совершенное знание; а он доказывает, что неумение устроить благо ближних есть признак несовершенного знания. Так и здесь: (коринфяне) по честолюбию восхищались даром языков, а он доказывает, что это особенно и посрамляет их, не только лишая славы, но и подвергая подозрению в бесновании. Впрочем, он не вдруг сказал это, но, предварительно сказав очень многое, и тем приготовив их к принятию слов своих, потом и высказывает мысль крайне неожиданную. Такой у него обыкновенно образ речи.

Подлинно, кто хочет поколебать утвердившееся мнение и переменить его на противоположное, тот не должен тотчас высказывать противоположное: иначе он будет осмеян теми, которые предзаняты противоположным мнением; очень неожиданное не может быть принято вдруг без предварительной подготовки; наперед нужно иными доводами хорошо поколебать мнение других и тогда уже внушить им противоположное.

3. Так же он поступил, когда говорил о браке. Многие имели расположение (к браку), как бы доставляющему спокойствие; а он хотел доказать, что спокойствие заключается в безбрачном состоянии; если бы сказал это вдруг, то слова его не были бы

так хорошо приняты; теперь же, высказав это после многого другого и предложив благовременно, он сильно тронул слушателей. Так же он поступил касательно девства. Сказав предварительно многое, он уже после того говорит: **аз же вы шажду** (в русском переводе этих слов нет) (1Кор.7:28); и еще: **а я хочу, чтобы вы были без забот** (1Кор.7:32). Точно так он поступает и касательно дара языков, доказывая, что он не только лишает славы, но и посрамляет имеющих его перед неверными. А пророчество, напротив, и не подвергает посрамлению перед неверными, и доставляет величайшую славу и пользу; по поводу пророчества никто не скажет, **что вы беснуетесь**, и не станет смеяться над пророчествующими, но напротив всякий будет изумляться и удивляться им, потому что обличается всеми, то есть, все, что у него на сердце, обнаруживается и представляется всем. Не одно и то же — кому-нибудь войдя услышать одного говорящим по-персидски, другого по-сирски, или войдя, с какой бы то ни было целью, для искушения

и с лукавым намерением, или простосердечно, услышать тайны своего сердца, такие-то и такие-то свои деяния и намерения; последнее более первого возбуждает страх и приносит пользу.

Потому (апостол) и говорит, что по поводу языков скажут, **что вы беснуетесь**; впрочем говорит это не сам от себя, но как суждение других: **то не скажут ли**, говорит, **что вы беснуетесь?** Здесь же он основывается и на существе самого дела и на убеждении получающих пользу: **он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.**

Видишь ли, как это несомненно? Там действие подвергается различным суждениям, и иной из неверных может приписать его беснованию; а здесь не бывает ничего такого, а напротив он удивляется и поклоняется, исповедуя прежде делами, а потом и словами. Так поклонился Богу и Навуходоносор, который сказал: **истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны, когда ты мог открыть эту тайну!** (Дан.2:47). Видишь ли, как сила пророчества изменила (человека) грубого, научила его и привела к вере? **Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, - все сие да будет к назиданию** (ст. 26). Видишь ли основание и правило христианства? Как дело зодчего — строить, так дело христианина — всеми способами приносить пользу ближним. Так как (апостол) весьма сильно восставал против дара (языков), то, чтобы он не показался излишним, — а восставал он единственно с намерением смирить гордость их, — он опять поставляет его в числе других (духовных дарований) и говорит: **у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык.** В древности и составляли псалмы по дарованию, и учили по дарованию. Но все это, говорит, пусть клонится к одному — к назиданию ближнего; пусть ничто не делается напрасно; если ты приходишь не для назидания брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различие дарований; мои заботы только об одном и старания клонятся к одному — чтобы все делалось для назидания; тогда даже имеющий малое дарование превзойдет имеющего великое, если будет употреблять его с назиданием. Дарования для того и даются, чтобы каждый получал назидание; если же этого не будет, то дарование послужит даже к осуждению получившего его; скажи мне в самом деле, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвых, если никто не получает назидания? Если же в этом состоит цель дарований, которой можно достигнуть и другим способом без дарований, то не превозносись знаменами и не считай себя несчастным, не имея дарований. **Если кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу** (ст. 27, 28). Что говоришь ты? Сказав столько о даре языков, что он и бесполезен и

излишен, если нет истолкователя, ты опять повелеваешь говорить языками? Не повелеваю, говорит, но и не запрещаю. Как в том случае, когда говорит: **если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти** (1Кор.10:27), он не заповедует идти, но и не удерживает, так и здесь. **Говори себе и Богу**. Если, говорит, ты не можешь молчать, если ты так честолюбив и тщеславен, то говори про себя. Таким дозволением он еще более запрещает, потому что приводит в стыд.

4. Так же поступает он и в другом месте, когда беседует об отношениях к жене: **впрочем это сказано**, говорит, **по невоздержанию вашему** (1Кор.7:5,6). Но не так он говорит о пророчестве, — а как? Повелительно и решительно: **кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое**; и при этом нигде не требует истолкователя и не заграждает уста пророчествующему, подобно как там говорил: **если же не будет истолкователя, то молчи**. Говорящий языками сам по себе недостаточен: потому, если кто имеет оба дарования, то пусть говорит; если же не имеет, а хочет говорить, то пусть делает это при истолкователе. И пророк есть истолкователь, но Божий, а ты — человеческий. **Если же не будет истолкователя, то молчи**; ничего не должно делать напрасно и по честолюбию. **Говори себе и Богу**, т.е. в уме, или тайно и без шума, если хочешь. Здесь он не заповедует, но, может быть, более запрещает посредством такого дозволения, подобно как когда говорит: **а если кто голоден, пусть ест дома** (1Кор.11:34), где, по-видимому, дозволяет, но тем самым сильнее пристыжает. Не для того вы собираетесь, говорит, чтобы показать, что имеете дарование, но чтобы назидать слушателей, как говорил он и в начале: вся же к созиданию да бывают. **И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают** (ст. 29), — и более не прибавил ничего такого, что (говорил) о языках. Но что он говорит?

Не выражает ли он, что и пророчество само по себе недостаточно, если другим предоставляет рассуждать! Нет, оно весьма достаточно: потому он и не заградил уст пророчествующему, подобно как тому (говорящему языками), когда нет истолкователя; и между тем как о последнем сказал: **если же не будет истолкователя, то молчи**, о первом не сказал: если нет рассуждающего, то пусть не пророчествует, но только предложил наставление слушателю.

Он сказал это для предостережения слушателей, чтобы между ними не случился волхвователь. Остерегаться этого он повелевал и в начале, когда показывал различие между волхвованием и пророчеством, и теперь повелевает различать и наблюдать тоже самое, чтобы не вкралось что-нибудь диавольское. **Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение** (ст. 30, 31). Что означают эти слова? Если, говорит, в то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, дух другого возбудит его, тогда ты замолчи. Как прежде касательно языков, так и здесь он требует, чтобы это было по части (порознь), но здесь высшим образом; не сказал: по части но: **если же другому из сидящих будет откровение**.

И для чего первому продолжать речь, когда другой возбуждается к пророчеству? Но не следовало ли (говорить) обоим? Это неуместно и произвело бы беспорядок. Не следовало ли первому? И это неуместно, потому что для того Дух и возбуждал другого, когда говорит первый, чтобы и он сказал что-нибудь. Потом, в утешение тому, которому заповедует молчать, говорит: **все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение**. Видишь ли, как он опять приводит и причину, почему все так заповедует? Если имеющему дар языков он совершенно запрещает говорить, когда нет истолкователя, потому что речь была бы бесполезна, то справедливо повелевает прекращать и пророчество, когда оно не приносит пользы, но может

произвести замешательство, смятение и неуместный беспорядок. **И духи пророческие послушны пророкам** (ст. 32).

Видишь ли, как он сильно и страшно пристыжает? Чтобы человек не возражал и не противился, он говорит, что самое дарование повинуется: духом здесь он называет действие. Если же дух повинуется, то тем более ты, получивший его, не имеешь права возражать. Потом доказывает, что и Богу так угодно: **потому что Бог не есть [Бог] неустройства, но мира. Так [бывает] во всех церквах у святых** (ст. 33). Видишь ли, какими доводами он побуждает к молчанию и утешает уступающего другому? Во-первых тем, что в таком случае и он не исключается: **все один за другим**, говорит, **можете пророчествовать**; во-вторых, тем, что это свойственно Духу: **и духи пророческие послушны пророкам**; далее тем, что это согласно с волей Божией: **потому что**, говорит, **Бог не есть [Бог] неустройства, но мира**: в-четвертых, тем, что это правило простирается на всю вселенную, и что он не заповедует ничего нового: **так [бывает]**, говорит, **во всех церквах у святых**. Может ли быть что-нибудь изумительнее этого? Церковь тогда была небом; Дух устроил все в народе, руководил и вдохновлял каждого из

предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований. И ныне мы говорим и по двое, и по трое, и порознь, и один умолкает, когда начинает другой; но все это только знаки и памятники прежнего. Потому-то, когда мы начнем говорить, народ отвечает: *Духови твоему*, выражая, что в древности говорили так не по собственной мудрости, но по внушению Духа.

А теперь не то, впрочем я высказываю свое мнение.

5. Ныне церковь подобна жене, лишившейся прежнего богатства, сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей сундуки и лари от золотых (сокровищ), а самого богатства не имеющей; такой жене уподобилась ныне церковь. Говорю это, имея в виду не дарования, — не было бы слишком прискорбно, если было бы только это, — но и жизнь и добродетель. Тогда сонм вдов и лик девственниц составляли великое украшение церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и ныне вдовы, есть и девы, но они не составляют того украшения, каким должны быть посвятившие себя на такие подвиги. Отличительный признак девы есть попечение об одних делах Божиих и непрестанная усердная молитва; и признак вдовы состоит не столько в том, чтобы не вступать во второй брак, сколько другом, — в делах страннолюбия, нищелюбия, прилежания в молитвах, и во всем, что с великой точностью предписывает Павел в послании к Тимофею (1Тим.5).

Есть у нас и жены, которые в супружестве соблюдают великую скромность; но не это только требуется, а и тщательное служение нуждающимся, чем особенно отличались жены древние, — не так, как многие из нынешних. Тогда украшались вместо золота красотой милостыни; а ныне, оставив это, обвешивают себя со всех сторон золотыми цепями, сплетенными из множества грехов. Сказать ли еще о другом хранилище, утратившем прародительское украшение? В древности все сходились и пели вместе, — это мы делаем и ныне но тогда во всех **было одно сердце и одна душа** (Деян.4:32), а ныне даже в одной душе не видно такого согласия, но везде великая брань. И ныне предстоятель церкви желает мира всем, как бы придя в дом отеческий, но тогда как имя мира повторяется часто, самого дела нет нигде. Тогда и дома были церквами, а ныне и церковь стала домом, или даже хуже всякого дома. В доме можно видеть великое благочиние: госпожа дома сидит на седалище со всем благоприличием, служанки прядут в молчании и каждый из домашних имеет в руках вверенное ему. А здесь великий шум, великий беспорядок; собрание наше ничем не отличается от гостиницы; здесь такой же

смех, такой же шум, как в банях, как на торжищах, где все кричат и производят смятение. И это бывает только здесь; а в других местах не позволено сказать в церкви даже слова близ стоящему, хотя бы кто встретил давно не виденного друга, но делается это вне, — и весьма справедливо.

Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место ангелов, место архангелов, царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты, еще прежде страшного времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завеси и предшествующий сонм ангелов, возносись к самому небу. Но этого не знает непосвященный, — потому для него необходимо сказать нечто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что может возбудить и возвысить его. Итак ты, незнающий этого, когда услышишь слова пророка: сия глаголет Господь, отрешись от земли, вознесись на само небо, помысли, Кто через него вещает тебе. Между тем ныне, когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их совершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о таких страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам.

6. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, делая это.

Тем, которые пренебрегли бедных и одни вкушали пищу, Павел сказал: **разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?** (1Кор.11:22)?

Позвольте и мне сказать тем, которые здесь шумят и разговаривают: разве вы не имеете домов для пустословия? Или нерадите о церкви Божией и развращаете желающих сохранять целомудрие и спокойствие? Но, скажете, нам весело и приятно разговаривать со знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будет дома, на торжище, в банях; церковь же есть место не разговоров, а учения. Между тем ныне она несколько не отличается от торжища, и, может быть, если не оскорбительно сказать, даже от театра: так нецеломудренно и подобно тамошним блудницам украшаются собирающиеся здесь жены! Потому они и сюда привлекают многих невоздержных. Кто искушает или хочет соблазнить женщину, тот, кажется, не считает для себя никакого места удобнее церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнее рынка; здесь об этом бывает больше разговоров, нежели в самих лавках. Кто хочет злословить или слушать злословие, тот найдет и этого здесь более, нежели вне, на торжище. Хочешь ли слышать о делах гражданских, или о домашних, или о военных, — не ходи в судилище, не сиди в лечебнице, есть и здесь, есть люди, которые подробнее всех расскажут обо всем этом; здесь — место скорее всего другого, только не церковь. Быть может, я слишком резко коснулся вас? Не думаю; если вы не перестаете делать одно и то же, то как мне знать, что слова мои коснулись вас? Потому необходимо опять коснуться того же. Итак, можно ли стерпеть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто из вас не уходит с какой-нибудь пользой, а даже скорее с вредом. Подлинно, вы собираетесь и себе на осуждение, не имея никакого оправдания в грехе своем, и более благоговейных изгоняете, отовсюду беспокоя их своим пустословием. Но что говорят многие? Не слышу,

говорят, что читается, не понимаю, что говорится. Потому, что ты разговариваешь, потому, что шумишь, потому, что не приходишь с душой, исполненной благоговения. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но потому самому и следует быть внимательным.

Если неясное не пробуждает души твоей, то тем более ты не обратил бы внимания, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался беспечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходил в отчаяние. Евнух, хотя был и варвар, не говорил ничего такого, но даже среди множества дел и будучи на пути, держал в руках книгу и читал; а ты, среди множества учителей, и тогда, как другие читают тебе, представляешь мне оправдания и отговорки. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебе понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое само по себе понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понимал всего, и в таком случае следует молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твое молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вон, чтобы не причинять вреда другим.

В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один. Когда же многие разговаривают о многом и различном, то для чего мы напрасно и утруждаем вас? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаем вас, то вы не стали бы в то время, как мы говорим о таких предметах, разговаривать о предметах совершенно непристойных. От того у вас не только в жизни, но и в самом суждении о вещах крайний беспорядок; о ненужном вы заботитесь, истину оставляете, а за теньями и сновидениями гоняетесь.

Подлинно не тень ли и сновидения все настоящее, и даже не хуже ли тени? Оно, лишь только является, как и улетает, и прежде, нежели улетит, производит великое смятение и большее, чем (доставляемое им) удовольствие. Хотя бы кто приобрел и закопал здесь бесчисленное богатство, он, по прошествии ночи (настоящей жизни), отходит отсюда нагим, — и весьма естественно. Как обогащающиеся во сне, встав с постели, не имеют ничего, что воображали иметь во время сна, так и любостыжательные, или даже не так, а гораздо хуже. Обогащающийся во сне не имеет денег, которые воображал иметь, но встает без всяких дурных последствий от такого воображения; а тот и богатства лишается, и отходит отсюда исполненным грехов, происходящих от богатства, владея богатством в воображении, а зло, происходящее от богатства, испытывая уже не в воображении только, а в самой действительности; удовольствие было как бы во сне, а наказание за удовольствие бывает уже не во сне, а на самом опыте; или лучше сказать, даже прежде будущего наказания и еще здесь он подвергается величайшему наказанию, изнуря себя при самом собирании богатства множеством скорбей, забот, огорчений, препятствий, неприятностей и беспокойств. Потому, чтобы нам избавиться и от этих сновидений и от зол, которые бывают уже не в сновидениях, возлюбим вместо любостыжания милостыню, вместо хищения — человеколюбие. Таким образом мы сподобимся и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

Жены ваши в церквях да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит (1Кор.14:34).

1. Обличив беспорядок, происходивший от языков и от пророчеств, и поставив законом, чтобы не было смятения, чтобы говорящие языками делали это порознь, а из пророчествующих один молчал бы, когда начнет другой, (апостол) переходит далее к беспорядку, производимому женщинами, пресекает неуместное их дерзновение, — и весьма благовременно. Если имеющим дарования не позволительно говорить без порядка и когда они захотят, хотя ими руководит Дух, то тем более (не позволительно) женщинам пустословить напрасно и без пользы. Потому он с великой властью удерживает их от пустословия, ссылается притом на закон, и таким образом заграждает уста их.

Здесь он не только увещевает и советует, но и повелевает с силой, приводя о том древний закон. А именно, сказав: **жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит.** Где говорит об этом закон? **К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою** (Быт.3:16). Видишь ли мудрость Павла, как он привел такое свидетельство, которое повелевает им не только молчать, но и молчать со страхом, и притом с таким страхом, с каким надлежит безмолвствовать рабе? Потому и сам, после слов: **не позволено им говорить**, не сказал: молчать, но употребил, вместо — молчать, более значащее выражение — **а быть в подчинении.** Если же они должны быть таковы в отношении к мужьям, то тем более в отношении к учителям и отцам и общему собранию церкви. Но, скажешь, если они не могут ни говорить, ни спрашивать, то для чего им и присутствовать? Для того чтобы слушать, что следует, а о сомнительном узнавать дома у мужей. Потому он и продолжает: **если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих** (ст. 35). Им, говорит, не позволительно в церкви не только самим говорить открыто, но и спрашивать о чем-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тем более не позволительно говорить напрасно. Почему же он поставляет их в таком подчинении?

Потому, что жена есть существо слабейшее, непостоянное и легкомысленное. Потому он и поставляет им в учителя мужей и доставляет пользу тем и другим: жен делает скромными, а мужей внимательными, так как они должны с совершенной точностью передавать женам то, что услышат. Далее, так как у них считалось честью говорить в собрании, он опять доказывает противное и говорит: **ибо неприлично жене говорить в церкви;** доказывает это сначала законом Божиим, а потом общечеловеческим суждением и обычаем, как поступил он и тогда, когда беседовал с ними о волосах: или, говорил он, **не сама ли природа учит вас** (1Кор.11:14)? И везде можно видеть такой его образ речи, — что он обличает не только божественным Писанием, но и общеизвестными обычаями. Кроме того, он заимствует обличения от согласия всех и от повсюдности заповедей, как делает и здесь: **разве от вас, говорит, вышло слово Божие? или до вас одних достигло?** (ст. 36)? Здесь он выражает, что прочие церкви соблюдают тот же закон, и таким образом пресекает беспорядок указанием на нововведение, и делает слова свои более убедительными ссылкой на голос всех. Потому и в других местах он говорил: **послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви** (1Кор.4:17). И еще: **потому что Бог не есть [Бог] неустройства, но мира. Так [бывает] во всех церквах у святых** (1Кор.14:33). И здесь: **разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?** Т.е., вы не первые и не вы одни верные, но (такова) вся вселенная. Тоже он сказал и в послании к Колоссянам, беседуя о благовествовании: **которое пребывает у вас, как и во всем мире** (Кол.1:6). Поступает он и иначе, для увещания слушателей, указывая иногда на что-нибудь, как на принадлежащее сначала им и сделавшееся известным у всех. Так в послании к Фессалоникийцам он говорит: **от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога** (1Фес.1:8). Также к Римлянам: **вера ваша возвещается во всем мире** (Рим.1:8). И то и другое, и похвала от других и указание на согласие с другими

в образе мыслей, может убеждать и ободрять. Потому и здесь он говорит: **разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?** Вы, говорит, не можете сказать: мы были учителями других и нам не следует учиться у других, или: здесь только утвердилось учение веры и нам не следует подражать примеру других. Видишь ли, как много (доводов) он привел в их обличение? Привел закон, показал постыдность дела, представил в пример прочие церкви.

2. Потом, (апостол) приводит крайний, самый сильный довод: и ныне, говорит, Бог повелевает это через меня. **Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не понимает, пусть не понимает** (ст. 37, 38). Для чего он присовокупил это? Чтобы показать, что он не принуждает и не хочет состязаться; так выражаются те, которые не свои желания стараются исполнить, но имеют в виду пользу других. Потому он и в другом месте говорит: **а если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии** (1Кор.11:16). Впрочем не везде он поступает так, но только там, где проступки были не очень велики, притом и в таких случаях более пристыжает; когда же говорит о других (преступлениях), то выражается не так, — а как? **Не обманывайтесь: ни блудники, ни малакии Царства Божия не наследуют** (1Кор.6:9); и еще: **вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа** (Гал.5:2). Но здесь, так как у него была речь о молчании, он не очень сильно укоряет (слушателей), и тем самым еще более располагает их к себе. Далее, как он всегда делает, возвращается к прежнему предмету, который подал ему повод говорить об этом, и продолжает: **итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками** (ст. 39). Так он обыкновенно поступает: занимается не одним предметом, но, отступая от него, дает наставление и о том, что каким-нибудь образом кажется ему прикосновенным, а потом опять обращается к прежнему, чтобы не показалось, что он уклоняется от предмета. Например, беседа о единокровии при трапезах, он сделал отступление, начав говорить о приобщении тайн, и, предложив о них наставление, опять обратился к прежнему и сказал: **посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите** (1Кор.11:33). Так и здесь, сказав о благочинии в употреблении дарований и о том, что не должно ни скорбеть при малых дарованиях, ни гордиться при великих, он потом делает отступление, начиная говорить о благопристойности, приличной женщинам, и, предложив об этом наставление, возвращается к прежнему предмету: **итак, говорит, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками**. Видишь ли, как он до конца соблюдает различие (между этими дарованиями), и как внушает, что первое весьма необходимо, а последнее не так необходимо? О первом говорит: ревнуйте, а о последнем: **не запрещайте**. Потом, как бы в совокупности предлагая все наставления, присовокупляет: **вся же благообразно и по чину да бывают** (ст. 40). Здесь он опять укоряет тех, которые имеют суетное желание производить бесчиние, безрассудно домогаются славы и не соблюдают собственного места.

Ничто так не созидает, как благочиние, как мир, как любовь, а все противоположное им производит разрушение. Это можно видеть не только на предметах духовных, но и на всех других. Если нарушишь порядок в хоре (поющих), или на корабле, или на колеснице, или в войске, если большее отклонишь от его положения и поставишь на место его меньшее, то расстроишь и низвратишь все. Не будем же и мы расстраивать порядка, не будем ставить голову вниз, а ноги вверх. А это бывает тогда, когда здравый разум мы повергаем вниз, а порочные пожелания — раздражительность, гнев, сластолюбие — ставим выше разума, отчего и происходит великое смятение, сильное волнение, неукротимая буря, и все покрывается мраком. Но, если угодно, посмотрим наперед, какой происходит отсюда стыд, а потом — какой вред. Чем бы нам объяснить это и сделать совершенно очевидным? Представим себе человека, одержимого любовью к блуднице и

преданного этой безумной страсти, и тогда увидим, как он смешон. Что в самом деле может быть позорнее для человека, как стоять перед жилищем блудницы, получать удары от развратной женщины, плакать, рыдать и унижать честь свою? Если хочешь видеть и вред, то представь трату денег, крайние опасности, борьбу с соперниками, удары и раны, получаемые в таких состязаниях. Тоже бывает и с теми, которые преданы страсти к деньгам, или даже они терпят еще больший вред. Те бывают преданы заботам об одном теле; а сребролюбцы разведывают одинаково об имуществе всех, и бедных и богатых, и домогаются даже вещей несуществующих, что особенно и служит признаком безумной страсти. Они не говорят: мы желали бы иметь богатство такого-то, и только такого-то, а хотят, чтобы стали золотом и горы, и дома, и все видимые вещи, простираются далее пределов мира, страдают этой болезнью бесконечно и нигде не останавливаются в своих желаниях. Какое слово изобразит бурю таких помышлений, эти волны, этот мрак? А где волны и такая буря, там какое может быть удовольствие? Не может быть никакого, а напротив — смятение, страдания и мрачные облака, приносящие вместо дождя великую скорбь. Тоже обыкновенно бывает и с любящими чужую красоту. Потому совсем не предающиеся любви наслаждаются большим удовольствием, нежели предающиеся ей. Против этого возражать никто не станет. Я же скажу, что и любящий, но удерживающий страсть свою, больше получает удовольствия, нежели тот, кто постоянно обращается с блудницей. Хотя очень трудно, однако надобно постараться объяснить это; трудно не по существу самого предмета, но потому, что нет достойных слушателей такого любомудрия.

3. Что, скажи мне, приятнее для любящего, подвергаться ли презрению от любимой женщины, или пользоваться уважением и пренебрегать ею? Очевидно, последнее. Кого же, скажи мне, более будет уважать блудница, того ли, кто раболепствует ей и уже сделался ее пленником, или того, кто избегает ее сетей и парит выше стрел ее? Очевидно, последнего. Кому она окажет более внимания, тому ли, который пал, или тому, который еще не пал? Конечно тому, который еще не пал. Кого более она будет стараться привлечь к себе, побежденного или еще не плененного? Конечно, еще не плененного. Если не верите, то я представлю доказательство из вашего опыта. Какую жену более любит муж, ту ли, которая легко уступает и отдается ему, или ту, которая возражает и с трудом ему уступает? Очевидно, последнюю, потому что в этом случае пожелание сильнее воспламеняется. То же самое бывает и с женщинами: более уважения и удивления они окажут тому, кто пренебрегает ими. Если же это справедливо, то равным образом справедливо и то, что более уважаемый и любимый наслаждается большим удовольствием.

Военачальник скоро оставляет город, уже взятый, а твердо стоящий и сопротивляющийся осаждает всеми силами; и охотник пойманного зверя запирает и держит во мраке, как блудница своего любовника, а за убегающим гоняется. Но, скажешь, первый получает желаемое удовольствие, а последний не получает.

А не подвергаться позору, не раболепствовать самовластным приказаниям блудницы, не позволять ей водить себя, как пленного раба, и при этом не терпеть заушений, заплеваний, ударов в голову, неужели, скажи мне, ты считаешь малым удовольствием? Подлинно, если бы кто тщательно исследовал и имел возможность собрать вместе все их оскорбления, укоризны, постоянные неудовольствия, происходящие от душевной раздражительности и от телесного расслабления, ссоры, и все прочее, что знают только испытавшие, то увидел бы, что во всякой войне бывает более перемирий, нежели в их несчастной жизни. О каком же, скажи мне, ты говоришь удовольствии? О том ли, кратком и мгновенном, которое (происходит) от удовлетворения страсти? Но за ним тотчас следует борьба, волнение, раздражение и опять тоже неистовство. Все это мы говорим, как бы беседа с невоздержными юношами, которые не очень любят слушать слова о

царстве (небесном) и геенне; но если мы представим и это, тогда невозможно будет выразить словами, как велико удовольствие целомудренных, когда они воображают себе венцы, награды, беседы с ангелами, прославление по вселенной, дерзновение, благие и бессмертные надежды. Но удовлетворение страсти заключает в себе некоторое, удовольствие, — это часто повторяют, — а целомудренный не может постоянно бороться с силой природы. Напротив, блудник более подвергается насилию и борьбе: в его теле бывает великое смятение; его состояние гораздо хуже всякого волнующегося моря; его страсть никогда не успокаивается, но постоянно тревожит его, подобно беснующимся и непрестанно терзаемым злыми духами. А целомудренный, постоянно преодолевая ее, как мужественный подвижник, вкушает радость превосходнее и приятнее тысячи подобных наслаждений, всегда восхищается своей победой, спокойной совестью и славными трофеями. У того, если он после удовлетворения страсти несколько успокаивается, такое спокойствие бывает ничтожно, потому что скоро опять наступает буря, опять волнение. А любомудрствующий не позволяет даже начинаться этому смятению, даже волноваться этому морю, даже поднимать рев этому зверю. Хотя и он переносит некоторую борьбу, удерживая такое стремление, но (не такую, какую) тот, постоянно мятущийся, возбуждающийся и не выносящий раздражения. Он бывает подобен человеку, который удерживает уздой дикого коня, разъяренного и сопротивляющегося, и останавливает его с великим искусством, а кто уступает ему, избегая такого труда, того конь увлекает и носит повсюду. Пусть никто не осуждает, если все это я сказал яснее надлежащего; я хочу отличаться не чистотой слов, но сделать слушателей чистыми.

4. Потому и пророки не избегают ни одного из таких слов, желая прекратить развращение иудеев, но обличают их еще откровеннее, нежели мы теперь в нами сказанном. Врач, желая исцелить гнилую рану, не заботится о том, чтобы сохранить руки свои чистыми, но чтобы избавить больного от гниения; желающий сделать гордого смиренным наперед сам смиряется; старающийся поразить злоумышленника обагрят кровью и себя вместе с ним, и тем заслуживает большую честь; и воина, возвращающегося с войны, если кто увидит обрызганным (человеческими) соками, кровью и мозгом, то не будет презирать его, не отвратится он него за это, но еще более станет удивляться ему. Так будем поступать и мы: когда увидим, что кто-нибудь, умертвив похоть, идет обагранным кровью, то будем еще более удивляться ему, примем участие в его борьбе и победе и скажем преданным сладострастию: покажите нам, какое удовольствие от страсти.

Целомудренный получает (удовольствие) от победы, а ты ниоткуда. Вы указываете на (удовольствие), происходящее от удовлетворения страсти; но то (удовольствие) очевиднее и продолжительнее. Ты получаешь от удовлетворения страсти (удовольствие) кратковременное и даже незаметное, а он от своей совести — высшую, непрестанную и сладчайшую радость. Подлинно, не обращение с женщиной, а любомудрие может сохранить душу невозмутимой и окрылить. Таким образом он, как я сказал, ясно обнаруживает перед нами удовольствие; на тебе же скорбь поражения вижу, а удовольствие желаю видеть, но не нахожу. В какое время думаешь ты найти это удовольствие? Прежде ли удовлетворения страсти? Но нет; тогда — время неистовства, бешенства и умоисступления; скрежет зубов и исступление не служат знаком удовольствия; если бы тогда было время удовольствия, то не происходило бы с тобой того, что испытывают страждущие; ведь зубами скрежещут вступившие в борьбу и поражаемые, да еще тоже самое делают рожаящие жены, мучимые болезнями рождения; следовательно это не составляет удовольствия, но скорее неистовство, исступление и смятение. Или это время после того (удовлетворение страсти)? Но и тогда нет; о жене родившей мы не можем сказать, что она чувствует удовольствие, но она только освобождается от болезней рождения; это — совсем не удовольствие, а скорее слабость и изнеможение; но велико различие между тем и другим. Какое же, скажи мне, время этого

удовольствия? Нет никакого, а если и есть, то оно так кратко, что даже незаметно. Сколько мы ни старались найти и уловить его, не могли. Но удовольствие целомудренного не таково: оно продолжительно и очевидно для всех или, лучше, вся жизнь его проходит в удовольствии, потому что у него совесть торжествует, волнение успокоилось, и никакое смятение не тревожит его ниоткуда. Итак, если он более наслаждается удовольствием, а сластолюбец подвергается скорби и смятению, то будем избегать невоздержания и хранить целомудрие, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали (1Кор. 15:1-2).

1. Окончив речь о духовных (дарованиях, апостол) переходит к предмету самому важному, к учению о воскресении, потому что (коринфяне) и в этом отношении были весьма немощны. Как в телах, когда горячка коснется самых основных частей его, т.е. нервов, жил и первых стихий, зло делается неисцельным, если не приложишь великого попечения, так и здесь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самых оснований благочестия. Потому Павел и прилагает великое попечение; ему нужно было говорить уже не о житейских предметах, не о том, что один впал в прелюбодеяние, другой в корыстолюбие, третий покрывал свою голову, но о самом главном благе, потому что (коринфяне) разногласили касательно самого воскресения.

Так как в нем заключается вся наша надежда, то диавол сильно восставал против него, и иногда совершенно отвергал воскресение, а иногда говорил, что оно уже было. В послании к Тимофею, Павел назвал это нечестивое учение гангреною и указал распространителей его: **и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру** (2Тим.2:17,18). Иногда они это говорили, а иногда — будто тело не воскреснет, и будто воскресение есть очищение души. Такое учение внушал им злой демон, желая не только отвергнуть воскресение, но и представить басней все, совершенное для нас. Если бы поверили, что нет воскресения тел, то он мало-помалу убедил бы, что и Христос не воскрес, а отсюда простираясь далее, вывел бы, что (Христос) не приходил и не совершал того, что Он совершил.

Такова злоба диавола! Потому Павел называет действия его кознями (Ефес.6:11), так как он не обнаруживает прямо того, что хочет совершить, чтобы не быть изобличенным, но, принимая на себя некоторую личину, производит нечто другое, подобно как коварный враг, приступив к городу и стенам, тайно подкапывается снизу, чтобы таким образом не быть замеченным и успеть в своем предприятии. Но этот чудный и великий муж всегда открывал такие сети его и преследовал злые козни его: **чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы** (2 Кор.2:11).

Так и здесь он открывает все лукавство его, показывает все его хитрости, обнаруживает все его намерения и преследует все с великим тщанием; потому и говорит об этом предмете после других, что он самый важный и составляет для нас все. И посмотри на мудрость (апостола): он утверждает наперед своих, а потом, продолжая речь, сильно заграждает уста и внешним (язычникам). Своих он утверждает не рассудочными доказательствами, но указанием на события, на то, что они сами уже приняли и чему

уверовали, как действительному. Это было весьма поразительно и достаточно для их убеждения: ведь если бы они после того не стали верить, то не стали бы верить уже не Павлу, а самим себе, это же послужило бы к осуждению их, принявших однажды и потом отступивших. Потому он и начинает отсюда речь, показывая, что нет нужды в других свидетелях для доказательства истины слов его, кроме их самих, впадающих в заблуждение. Но чтобы сказанное мной было яснее, надобно выслушать сами слова (апостола). Какие же это (слова)? **Напоминаю вам, говорит, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам.** Видишь ли, с какой кротостью он начинает? Видишь ли, как в самом начале внушает, что он не преподает ничего нового или странного? Кто говорит о чем-нибудь уже известном, но забытом впоследствии, тот словами своими только напоминает о том.

Называя их братьями, он и этим самым немало подтверждает слова свои. Мы стали братьями не иначе, как через домостроительство воплощения Христова. Таким названием он с одной стороны смиряет и успокаивает их, а с другой напоминает им о бесчисленных благах. И следующее выражение также служит подтверждением. Какое же это? Благовествование. Сущность благовествований состоит в том, что Бог соделался человеком, был распят и воскрес. Об этом благовествовал Гавриил Деве; это возвещали вселенной пророки и все апостолы. **Которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали.** Видишь ли, как он призывает их самих в свидетели слов своих? Не говорит: что вы слышали, но: **приняли**, требуя от них как бы некоторого залога и выражая, что к принятию этого убедились не только словом, но и делами, знамениями и чудесами, и потому должны твердо держать это.

2. Напомнив о прежнем, (апостол) далее указывает на настоящее: **в котором и утвердились**, говорит, предупреждая их, что они не могут отвергнуть того, хотя бы весьма хотели. Потому и в начале он не сказал: научаю вас, но: **благовествовал вам**, т.е. то, что уже известно. Как же он колеблющихся называет стоящими? Он показывает вид незнания, для пользы их, подобно как поступает и в отношении к галатам, только иным образом. Там неудобно было показать вид незнания и потому он говорит иначе: **все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою** (Гал.3:10). Не говорит: *ничто другое разумеете*, — потому что их заблуждение было известно и очевидно, — но ручается за будущее; и, хотя оно неизвестно, но (делает это), чтобы более расположить их к себе. Здесь же показывает вид незнания и говорит: **в котором и утвердились**; затем (напоминает) о пользе: **и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам**, — следовательно, предлагаемое теперь наставление есть только пояснение и истолкование. Вы, говорит, не имеете нужды в том, чтобы я преподавал вам самый догмат, но чтобы напомнил вам о нем и исправил; говорит это, не желая вдруг пристыдить их. Что значит: **как я благовествовал вам**? Каким образом я, говорит, проповедовал вам действительность воскресения; что воскресение было, в этом вы, кажется, не сомневаетесь; но вы, может быть, желаете только яснее уразуметь сказанное; это я и сделаю; а сам догмат, как я вижу ясно, вы содержите. Далее, чтобы после слов его: **в котором и утвердились**, они не сделались беспечными, он опять внушает им страх: **если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали**, и тем показывает, что зло касается главного предмета, что дело идет не о чем-нибудь маловажном, но о целой вере. Здесь он говорит об этом кратко, а далее, воспламеняясь, взывает открыто и говорит: **если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших.** Но в начале не так (говорил), потому что полезнее было идти вперед спокойно и мало-помалу. **Ибо я первоначально преподавал вам, что и**

[сам] принял (ст. 3). И здесь не говорит: я вам сказал, или: я научил вас, но опять употребляет тоже выражение: **преподал вам, что и [сам] принял**. И не говорит также: я научился, но: **принял**, внушая две мысли, — ту, что ничего не должно вводить от себя, и ту, что они убеждались в истине не одними словами, но и делами; и таким образом, мало-помалу делая слова свои достоверными, относит все ко Христу и показывает, что из догматов нет ни одного человеческого. Что значит: **первоначально преподал вам?** Т.е. в начале, а не теперь. Здесь он указывает как на свидетеля на время и внушает, что крайне постыдно изменять вере после того, как верили столь долгое время, и не только это, но и то, что догмат необходим; потому он и преподаан между первыми и в самом начале. Что же, скажи мне, ты предал?

Но это объясняет он не вдруг, а наперед говорит: **что и [сам] принял**.

Что же ты принял? **Христос умер за грехи наши**. Не говорит прямо: будет воскресение тел наших, но доказывает это издалека и посредством других (истин): **что**, говорит, **Христос умер**, и тем полагает великое основание и непоколебимую опору учения о воскресении. И не просто говорит: **что Христос умер**, хотя и это служит достаточным доказательством воскресения, но с прибавлением: **что Христос умер за грехи наши**.

Впрочем, прежде надобно выслушать, что говорят об этом зараженные манихейской (ересью), враги истины, восстающие против собственного спасения. Что же говорят они? Смертью, говорят, Павел называет здесь не что иное, как пребывание во грехе, а воскресением — освобождение от грехов. Видишь ли, как заблуждение бессильно, как оно уловляется собственными своими сетями и не требует постороннего нападения, но поражает само себя? Смотри, как и эти люди поражают сами себя собственными своими словами. Если точно в этом состоит смерть, и если, как вы думаете, Христос не принял тела, и однако умер, то следует, по вашему, что Он был во грехе. Я утверждаю, что Он принял тело, и говорю, что смерть Его была телесная; а ты, отвергая это, по необходимости должен утверждать сказанное.

Если же Он был во грехе, то как Он говорит: **кто из вас обличит Меня в неправде?** (Ин.8:46), и еще: **идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего** (Ин.14:30); и еще: **надлежит нам исполнить всякую правду** (Мф.3:15)? И как Он умер за грешников, если сам был во грехах? Умиравшему за грешников нужно быть самому безгрешным, потому что кто сам грешник, тот как умрет за других грешников? Если же Христос умер за грехи других, то Он умер, будучи сам безгрешен; а если Он умер, будучи безгрешен, то умер не смертью греха, — как это могло быть с безгрешным? — но смертью телесной.

Потому и Павел сказал не просто: **умер**, но присовокупил: **за грехи наши**, и тем заставляет их невольно признать телесную смерть (Иисуса Христа) и показывает, что Он и прежде смерти был безгрешен, так как тому, кто умирает за чужие грехи, следует самому быть безгрешным. Не останавливаясь и на этом, (апостол) присовокупляет: **по Писанию**, подтверждая этим еще более истинность слов своих и показывая, о какой он говорит смерти. Писание везде говорит о (смерти Христовой) телесной; например, оно говорит: **пронзили руки мои и ноги мои** (Пс.21:17), и еще: **воззрят на Того, Которого пронзили** (Ин.19:37).

3. Не станем исчислять порознь всех других мест, из которых одни словами, а другие преобразованиями, в них заключающимися, доказывают, что Христос умер плотью и что Он умер за грехи наши. **За преступления**, говорится (в Писании), **народа Моего претерпел казнь**; и еще: **Господь возложил на Него грехи всех нас**; и еще: **Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши** (Ис.53:8,6,5).

Если же ты не хочешь верить Ветхому Завету, то послушай Иоанна, который, взывая, показывает ясно то и другое, и смерть телесную и ее причину: **вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира** (Ин.1:29); послушай Павла, который говорит: **не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом** (2Кор.5:21); и еще: **Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою** (Гал.3:13); и еще: **отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору** (Кол.2:15); и весьма многие другие места доказывают, что смерть Христова была телесная и притом за грехи наши. Так сам Он говорит: **и за них Я посвящаю Себя** (Ин.17:19); также: **князь мира сего осужден** (Ин.16:11), и тем выражает, что Он умер, не имея греха. **И что Он погребен был** (ст. 4). И это подтверждает вышесказанную мысль, потому что погребение, конечно, свойственно телу. Здесь (апостол) не прибавил: **по Писанию**; хотя мог бы, однако не прибавил. Почему? Или потому, что гроб всем известен и тогда и теперь, или потому, что слово: **по Писанию** относится ко всему вообще. Почему же далее он прибавляет — **по Писанию: и что воскрес в третий день, по Писанию**, — а не довольствуется первым, сказанным о всем вообще? Потому, что и это многим было неизвестно; здесь он указывает на Писание по вдохновению, внушая мудрую и божественную мысль. Не то же ли самое Он делает и касательно смерти? И там крест был всем известен, потому что Христос распят на глазах всех, а причина не всем была известна; что Он умер, это все знали, а что Он претерпел смерть за грехи вселенной, этого многие еще не знали; потому (апостол) и приводит свидетельство из Писаний. Впрочем это уже достаточно объяснено сказанным нами. Где же в Писаниях сказано, что Христос будет погребен и в третий день воскреснет? В прообразе Ионы, на который указывает сам (Христос), когда говорит: **как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи** (Мф.12:40); в прообразе купины в пустыне: как она горела и не сгорала, так и тело (Христово) было мертво, но не удержано смертью навсегда (Исх.3); в прообразе змия, бывшего при Данииле: как он, приняв пищу, данную ему пророком, расселся, так и ад, приняв тело (Христово), распался, потому что тело расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и в словах слышать то, что видишь в прообразах, то послушай Исаию, который говорит: **Он отторгнут от земли живых** (Ис.53:8); и еще: **Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с удовольствием; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет** (Ис.53:10,11); также — Давида, который еще прежде сказал: **Ты не оставишь душу мою в аду и не дашь преподобному Твоему видеть тление** (Пс.15:10). Потому и Павел отсылает тебя к Писаниям, чтобы ты знал, что это совершилось не просто и не напрасно. Да и могло ли быть так, если столь многие пророки преднаписали и предвозвестили это, и если Писание, упоминая о Владычной смерти, нигде не говорит о смерти греховной, но везде о телесной, и таком же погребении и воскресении? **и что явился Кифе** (ст. 5): прежде всех указывает, на свидетеля самого достоверного. **Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почил;** **потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу** (ст. 6-8). Приведя доказательства из Писаний, (апостол) присовокупляет доказательство от событий, после пророков приводит в свидетели воскресения апостолов и других верных людей. А если бы под воскресением он разумел освобождение от греха, то излишне было бы говорить: **явился** такому-то и такому-то; говорить так свойственно доказывающему телесное воскресение, а не беседующему об освобождении от греха.

4. Потому он не однажды сказал: **явился**, хотя достаточно было употребить это выражение и однажды о всех вообще, но повторяет его два и три раза и почти о каждом из

видевших: **явился**, говорит, **Кифе**, **явился более нежели пятистам братьев в одно время, явился и мне**. Как же в Евангелии напротив говорится, что (Христос) прежде всех явился Марии? Но из мужей — прежде всех (Петру), который особенно желал видеть Его. О каких одиннадцати апостолах говорит здесь (Павел), когда Матфий избран уже после вознесения Христова, а не тотчас после воскресения? Но, вероятно, Он являлся и после вознесения; следовательно этот самый апостол после вознесения и избран и видел Его. Павел не указывает времени, а просто и неопределенно исчисляет явления» которых, вероятно, было много; потому и Иоанн говорит: **уже в третий раз явился** (Ин.21:14). Потом **явился более нежели пятистам братьев**.

Некоторые говорят, что слово: **более** (εὐάνω) означает свыше, с небес, — то есть явился им, не по земле шествуя, но вверху, над их головой, потому что Он хотел уверить их не только в своем воскресении, но и вознесении, Другие же утверждают, что более пяти сот значит: более нежели пятистам. **Из которых большая часть доныне в живых**; хотя, говорит, я повествую о прошедших событиях, но имею свидетелей еще живущих. **А некоторые и почили**; не сказал: умерли, но: **почили**, утверждая также и этим выражением истину воскресения. **Потом явился Иакову**, — мне кажется, брату своему; его, говорят, Он сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме. **Также всем Апостолам**, потому что были и другие апостолы, именно семьдесят. **А после всех явился и мне, как некоему извергу**; это говорит он более по смиренномудрию. Не потому Христос явился ему после других, будто он был ниже всех; хотя он называет себя последним, но оказался славнее многих, призванных прежде него, и даже — всех; и пятьсот братьев не лучше Иакова потому, что Христос явился им прежде него. А почему Христос не явился всем вместе? Чтобы предварительно посеять семена веры. Кто первый видел Его и совершенно удостоверился, тот говорил о том другим; потом сказанное распространялось, производило в слушающих ожидание этого великого чуда и пролагало путь вере в (Его) явление. Потому Христос и явился не всем вместе и не многим в начале, но прежде всех одному только, именно верховному из всех и вернейшему. Самой верной душе надлежало первой сподобиться такого явления. Те, которые увидели после того, как видели другие и когда уже слышали от них, в свидетельстве их имели немалое пособие, располагавшее к вере и предуготовлявшее душу, а кто первый сподобился видеть Господа, тому, как я сказал, нужна была великая вера, чтобы не смутиться от необычайного зрелища. Потому Христос явился прежде всех Петру. Кто первый исповедал его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только (Христос) явился прежде всех ему одному, но и потому, что он отрекся; чтобы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, (Христос) удостоил его Своего явления прежде других, и ему первому вверил овец. Потому и женам Он явился первым; так как пол их подвергался унижению, то он первый сподобился благодати и при рождении и при воскресении (Христовом). После Петра (Христос) явился и каждому порознь, и немногим, и многим, чтобы они сделались друг для друга свидетелями и учителями в этом деле, и чтобы апостолы были проповедниками достоверными. **А после всех явился и мне, как некоему извергу**. Что хочет он сказать здесь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если он хочет показать себя достоверным и причислить себя к свидетелям воскресения, то следовало бы сделать противное, следовало бы превознести и возвеличить себя, как он делает во многих местах, когда требуют обстоятельства. И здесь он уничижает себя потому, что намеревается сделать тоже самое, только не вдруг, а со свойственным ему благоразумием. А именно, уничивив наперед себя и высказав по отношению к себе много укоризн, он потом возвеличивает дела свои. Для чего? Для того чтобы когда он скажет о себе великое и высокое изречение: **но я более всех их потрудился**, слова его были несомненными и приняты, как бы сказанные по ходу речи, а не преднамеренно. Так и в послании к Тимофею, намереваясь сказать о себе нечто великое, он наперед излагает свои проступки.

Кто говорит что-нибудь великое о других, тот говорит смело и дерзновенно: а кто принужден хвалить самого себя, особенно когда представляет себя в свидетели, тот стыдится и краснеет. Потому и этот блаженный (муж) наперед уничижает, а потом возвеличивает себя. Он делает это как для того, чтобы смягчить неприятность самовосхваления, так и для того, чтобы через то придать достоверность последующим словам своим; сказав неложно о том, что достойно осуждения, и не скрыв ничего такого, например, что он гнал церковь, что истреблял веру, он делает через то несомненными и достохвальными дела свои.

5. И, смотри, как велико его смиренномудрие. Сказав: **а после всех явился и мне**, он не удовольствовался этим, — так как **многие же**, говорит (Господь), **будут первые последними, и последние первыми** (Мф.19:30), — но присовокупляет: **как некоему извергу**; и на этом не останавливается, но присоединяет собственное суждение и приводит причину: **ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию** (ст. 9). Не сказал: только двенадцати, но — и всех прочих. Все это он говорит как по смирению, так и с тем намерением, о котором я сказал, т.е. чтобы расположить (слушателей) к скорейшему принятию последующих слов. Если бы он вместо этого сказал: вы должны верить мне, что Христос воскрес, потому что я видел Его, и я достовернее всех (свидетелей), потому что потрудился более всех, то мог бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая наперед обстоятельства, служащие к его уничижению и осуждению, он и смягчает речь свою и пролагает путь к вере в его свидетельство. Потому, как я сказал, он не просто представляет себя последним и недостойным наименования апостола, но приводит причину: **потому что гнал церковь Божию**. И хотя все это было прощено ему, однако он сам отнюдь не забывает того, желая показать величие благодати; потому и продолжает: **но благодатию Божиею есмь то, что есмь** (ст. 10). Видишь ли опять, как велико и здесь его смиренномудрие? Недостатки он приписывает самому себе, а добродетели не себе, но Богу. Далее, чтобы слушатель не сделался от того беспечным, говорит: **и благодать Его во мне не была тщетна**, — и опять (говорит) со смирением. Не сказал; я показал ревность, достойную благодати, но: **не была тщетна. Но я более всех их потрудился**.

Не сказал: почтен, но: **потрудился** и, имея право указать на смертные опасности, ограничивается названием труда. Потом, с обычным смиренномудрием, и об этом тотчас перестает говорить и приписывает все Богу: **не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**. Что может быть удивительнее этой души?

Столько уничивив себя и сказав только об одной своей заслуге, он и ее не называет своей, всячески ослабляя величие сказанного выражения как предыдущими, так и последующими словами, и притом тогда, как высказал это по необходимости. Смотри, как он изобилует словами смиренномудрия: **а после всех**, говорит, **явился и мне**, — таким образом ни с кем другим не равняет себя, и: **как некоему извергу**, — признает себя последним из апостолов и даже недостойным такого наименования. Не довольствуясь этим, но желал показать, что он смиренномудрствует не на словах только, приводит причины и доказательства: изверг — потому, что после всех видел Иисуса; недостойн наименования апостола — потому, что гнал церковь. Кто смиряется только на словах, тот не так поступает; а кто приводит и причины, тот говорит все от сокрушенного сердца. Он упоминает о том же и в другом месте: **благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик** (1Тим.1:12,13). Почему же он произнес те высокие слова: **более всех их потрудился**? Обстоятельства побуждали его к тому. Если бы он не сказал этого, а только уничивил бы себя, то как он мог бы с дерзновением приводить себя в свидетели, ставить себя наряду с другими и сказать: **по**

славному благовестию блаженного Бога, которое мне вверено (ст. 11)? Свидетелю нужно быть человеком достоверным и великим. А как он потрудился более их, это он объяснил выше, когда говорил: **или мы не имеем власти есть и пить как и прочие Апостолы? И еще: для чуждых закона - как чуждый закона, - не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, - чтобы приобрести чуждых закона** (1Кор.9:4,21). Где надлежало показать ревность, там он превзошел всех; и где надлежало оказать снисхождение, там он опять был превосходен. Впрочем некоторые говорят, что он послан был к язычникам и обошел большую часть вселенной; потому и получил большую благодать.

Подлинно, если он более потрудился, то благодать была больше; а большую получил он благодать потому, что показал более ревности. Видишь ли, как то самое, чем он старается и усиливается прикрыть свои дела, доказывает, что он был первый из всех?

б. Слыша это, будем и мы недостатки свои открывать, а о добродетелях умалчивать; если же потребуют обстоятельства, то будем говорить о них скромно, и все приписывать благодати, как делает апостол: прежнюю свою жизнь он изображает подробно, а все последующее приписывает благодати, чтобы во всем показать человеколюбие Бога, Который спас такого (грешника), и спасши сделал его таким (праведником). Потому пусть никто из порочных не отчаивается, и никто из добродетельных не надеется на себя, но пусть и последний будет осторожен, и первый ревностен. Как беспечный не может устоять в добродетели, так и ревностный не может быть бессильным в избежании порока.

Пример того и другого — блаженный Давид: он, как скоро допустил небольшую беспечность, глубоко пал; а когда предался сокрушению, то опять взошел на прежнюю высоту. То и другое, и отчаяние и беспечность, одинаково худо; одно скоро низвергает с самой высоты небесной, а другое не позволяет восстать лежащему. Потому о первом Павел сказал: **посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть** (1Кор.10:12); а о втором: **ныне, если голос Его услышите, не ожесточайте сердец ваших** (Пс.94:7,8); и еще: **укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени** (Евр.12:12). Потому и покаявшегося кровосмесника он скоро ободрил, **дабы он не был поглощен чрезмерною печалью** (2Кор.2:7). Итак, человек, для чего ты скорбишь о других вещах? Если и в отношении к грехам, где скорбь единственно полезна, неумеренность причиняет великий вред, то тем более в остальном. О чем же скорбишь ты? О том ли, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им.

Скажи с Иовом: **неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать** (2:10)? Вместе с тем размысли и о том, что, хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово, и при бедности ты еще не страдаешь расстройством тела. Или тело твое также потерпело расстройство? И это не край бедствий человеческих, но еще ты находишься пока в середине их; многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях; иные же терпят другие тягостнейшие (бедствия). Не дай Бог нам терпеть все, что возможно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие (бедствия), и не скорби ни о чем подобном; когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротив — требую; Впрочем и тогда — с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от того

неприятности; равно и в бедности принимай в соображение не только нищету, но и происходящие от нее приятности.

Богатство имеет только наружность светлую, внутри же исполнено мрака; а бедность напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же он боится другого, — в этом отношении он не имеет никакого преимущества перед тобой. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о дне, когда все переменится, и еще прежде

того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессонницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знают любомудрия; если бы ты знал его, то мы могли бы утешить тебя другими высшими побуждениями; но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и сколько людей засыпают голодными, теряют отцовские имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рождает печали, ни богатство — удовольствия; но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим.

Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем, — о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом, — о том, что не многими народами; когда многими народами, — о том, что не всеми; когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не царь; если сделается царем, — о том, что он не один; если будет один, — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной, — о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом замыслы его, простираясь в бесконечность, никогда не позволяют ему быть довольным.

7. Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостыжанию? Теперь изображу тебе противное и покажу, что благоразумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания; он несколько

не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно честь свойственную власти; если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве; если лишишь его и этого (богатства), он будет смотреть на тех, которые имеют немного; если отнимешь и немного и оставишь ему только самое необходимое для пропитания, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но непрестанно терпят голод и живут в темнице; если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержимых неисцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями, и найдет, что сам он в гораздо лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очисткой мусора, даже

сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие, и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты, что на чем бы они ни остановились, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и добреет; а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, — так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме и в неизреченных почестях не могут хорошо себя чувствовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Потому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только свойственное любомудрым и превышающее понятия многих. Какое же? То, что и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестье ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные, и отсюда получать утешение. Но многие, как я сказал, весьма далеки от такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановиться на вышесказанных мыслях, чтобы тех, которые примут их, постепенно возвести и к высшим.

Итак, представляя все это, будем всячески благоустраивать себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей; на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности; первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний иногда, не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Потому, помышляя о всем этом, будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с удовольствием, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали (1Кор.15:11).

1. Превознеся апостолов и уничив себя, потом опять поставив себя выше их, чтобы доказать свое равенство с ними, — а он доказал равенство, сказав, что он и ниже и выше их, — и таким образом представив себя достоверным учителем, (Павел) и еще продолжает говорить (об апостолах) и опять ставит себя наряду с ними, выражая единодушие о Христе. Впрочем делает это не так, как будто бы он присоединен к ним, но так, что он оказывается имеющим одинаковое с ними достоинство; этого и требовала польза проповеди. Он равно заботится как о том, чтобы не подумали, что он унижает (апостолов), так и о том, чтобы воздаваемой им честью не унижить себя перед подчиненными. Потому теперь он опять ставит себя наравне с ними: **итак я ли, говорит, они ли, мы так проповедуем**; у кого, говорит, хотите учиться, у того и учитесь; мы ничем не различаемся. Не сказал: если не хотите верить мне, то верьте им; но представляет и себя достойным веры и говорит, что как он сам по себе заслуживает этого, так и они сами по себе; различие лиц, при равных достоинствах, ничего не значило. Тоже он делает и в послании к Галатам, обращаясь (к апостолам) не потому, чтобы имел в них нужду, и утверждая, что он и сам по себе не имеет недостатка: **в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного**, и однако я желаю быть в согласии с ними, **подали мне и Варнаве руку общения** (Гал.2:6,9). Если бы достоверность Павла зависела от других и утверждалась на свидетельстве других, то

отсюда произошел бы крайний вред для учеников. Следовательно, он превозносит себя не из тщеславия, но из опасения за проповедь. Потому и здесь ставит себя наравне (с апостолами): **я ли, они ли, мы так проповедуем**. Хорошо сказал: **проповедуем**, выражая великое дерзновение; мы, говорит, не тайно и не скрытно проповедуем, но вещаем громче трубы. Не сказал: проповедовали; но и теперь — **так проповедуем**. **И вы так уверовали**; здесь не сказал: веруете, но: **уверовали**. Так как (коринфяне) колебались, то он обращается к прежним временам и представляет свидетелями их самих. **Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых** (ст. 12)? Видишь ли, как он превосходно рассуждает и доказывает воскресение (мертвых) воскресением Христовым, подтвердив наперед последнее многими доводами? О нем, говорит, предвозвестили пророки, и сам (Христос) засвидетельствовал явлениями Своими, и мы проповедуем, и вы веровали; таким образом он соединяет четыре свидетельства — пророков, сами события, апостолов и учеников; даже пять, потому что и то самое, что (Христос) умер за грехи других, доказывает истину Его воскресения. А когда это доказано, то очевидно следует и другое, т. е. что воскреснут и прочие мертвые.

Потому он укоряет их за сомнение в этом, как предмете несомненном, и с недоумением спрашивает: **если Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?** Так он опять низлагает дерзость противников. Не сказал: как говорите вы, но: **то как некоторые из вас говорят**; не всех укоряет, и укоряемых не открывает, чтобы не ожесточить их, опять же и не скрывает их совершенно, чтобы исправить их. Для того он, отделив их от всех, устремляется против них, и таким образом с одной стороны обессиливает и поражает их, а с другой утверждает других в истине для борьбы с ними, не допуская (верующих) уклоняться к тем, которые старались развратить их. Он приготовился применить сильную речь. Потом, чтобы не сказали, что хотя воскресение Христово известно и очевидно всем и никто в нем не сомневается, однако отсюда не следует необходимо и воскресение людей, — так как воскресение Христово было предвозвещено, сбылось и засвидетельствовано явлениями, а наше только еще в надежде, — смотри, что Он делает: опять с другой стороны доказывает то же самое (воскресение Христово), чем и делает речь своего весьма сильной. **Как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?** Этим ведь опровергается и Христово воскресение. Потому и продолжает: **если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес** (ст. 13). Видишь ли, с какой силой и непреодолимым искусством Павел старается доказать не только посредством известного сомнительное, но и посредством сомнительного для противников известное? Он делает это не потому, чтобы самое событие требовало доказательства, но чтобы внушить, что одно достоверно не менее другого.

2. Но какая, скажешь, здесь последовательность? Если Христос не воскрес, то следует, что и другие не воскреснут; а если другие не воскреснут, то можно ли основательно заключать, что и Христос не воскрес? Так как это, по-видимому, не совсем последовательно, то, смотри, как Он делает это весьма последовательным, бросив семена еще издали и основываясь на самом предмете проповеди, т.е. что (Христос) воскрес, умерев грех наших ради, и что Он есть начатой умершим. Начаток чьим был бы начатком, если не воскресают? И как Он был бы начатком, если не воскреснут те, которых Он начаток? Следовательно, как они не воскреснут? Если же они не воскреснут, то для чего воскрес Христос? Для чего Он пришел, для чего принял плоть, если не имел намерения воскресить плоть? Ведь Он не имел в ней нужды для Себя, но для нас. Впрочем об этом (апостол) рассуждает после, а теперь пока говорит: **если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес**: так одно соединено с другим!

Если бы Он не имел воскреснуть, то не сделал бы вышесказанного. Видишь ли, как этими словами и неверием в воскресение мало-помалу ниспровергается все домостроительство Божие? Впрочем, он пока ничего не говорит о воплощении, а только о воскресении, потому что не воплощение, а смерть (Христова) разрушила смерть; когда Он пребывал во плоти, то владычество смерти еще продолжалось. **А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна** (ст. 14). Хотя следовало бы сказать: если (допустите, что) Христос не воскрес, то будете противоречить очевидной истине, столь многим пророкам и сами событиям, — но он выражается гораздо разительнее: **то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша**. Он хочет потрясти души их.

Мы, говорит, все потеряли, все погибло, если (Христос) не воскрес. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христос, умерев, не смог воскреснуть, то и грех не истреблен, и смерть не побеждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповедовали, но и вы тщетно уверовали. И не только таким образом показывает нелепость этих нечестивых мыслей, но еще сильнее продолжает: **притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, [то есть], мертвые не воскресают** (ст. 15). Если же это нелепо, как хула и клевета на Бога, и однако вы будете говорить, что Бог не воскресил Христа, то отсюда произойдут еще другие нелепости. Здесь он опять утверждает тоже и повторяет: **ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес** (ст. 16). Если бы Христос не имел сделать это, то и не пришел бы. Впрочем (апостол) не говорит этого, а указывает только на конец, на воскресение Его, и тем убеждает всех. **А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна** (ст. 17). С известным и признанным за несомненное он неоднократно соединяет воскресение Христово, чтобы посредством твердо исповедуемого сделать твердым и очевидным и то, что казалось слабым и сомнительным. **Вы еще во грехах ваших**. Если Христос не воскрес, то и не умер; если же не умер, то и не истребил греха, потому что смертью Его истреблен грех: **вот Агнец Божий, говорится (в Писании), Который берет [на Себя] грех мира** (Ин.1:29). Каким образом берет? Смертью. Потому Он и назван агнцем, что был заклан. Если же Он не воскрес, то и не был заклан; если не был заклан, то грех не истреблен; если грех не истреблен, то вы еще во грехе; если вы еще во грехе, то мы тщетно проповедали; если мы тщетно проповедали, то вы тщетно уверовали. С другой стороны и смерть еще остается бессмертной, если (Христос) не воскрес; если Он сам удержан смертью и не расторг ее утробы, то как Он избавил всех других (от смерти), будучи сам удержан ею? Потому (апостол) и продолжает: **поэтому и умершие во Христе погибли** (ст. 18). Что я, говорит, указываю на вас, когда в таком случае погибли бы и все те, которые все окончили и не подлежат более неизвестности будущего? Выражение — **умершие во Христе** означает или умерших в вере, или за Него претерпевших многие опасности и великие страдания, шедших путем тесным. Где же теперь нечестивые уста манихеев, которые говорят, что **воскресением** (апостол) называет здесь освобождение от греха? Эти многочисленные, непрерывные и превратные умозаключения доказывают совершенно не то, что говорят они, но что говорим мы. Так как — *восстание* говорится и о том, кто упал, то он повторяет часто не только — *восстал*, но и с прибавлением: от мертвых. Притом коринфяне сомневались не в отпущении грехов, а в воскресении тел. И что за необходимая связь: если люди не безгрешны, то и Христос тоже? Если бы Христос не имел воскресить нас, то последовательно ли было бы говорить, для чего Он пришел, принял плоть и воскрес? Но при нашем (разумении) напротив. Грешат ли люди, или не грешат, Бог всегда пребывает безгрешным; о нашем состоянии нельзя заключать по его состоянию, и обратно по нашему о Его состоянии, как это делается касательно воскресения тел. **И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков** (ст. 19).

3. Что говоришь ты, Павел? Как если мы в этой только жизни надеемся, если тело не воскреснет, когда душа остается и пребывает бессмертной? Так, хотя бы душа осталась и тысячу раз была бессмертна, — какова она и есть, — но без тела она не получит неизреченных благ, равно как и мучений. **Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое (2Кор.5:10).** Потому он и говорит: **и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.** Если не воскреснет тело, то и душа останется неувенчанной, — вне блаженства небесного; если так, то мы тогда совершенно ничего не получим; если же тогда ничего не получим, то награды наши — в настоящей жизни.

Потому, говорит, может ли что быть несчастнее нас? Говорит это, как для того, чтобы утвердить (коринфян) в истине воскресения тел, так и для того, чтобы уверить их в бессмертной жизни, чтобы они не думали, будто все наши надежды ограничиваются настоящей жизнью. Достаточно доказав то, что хотел, вышесказанными словами: **если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес, а если Христос не воскрес, то мы погубили и еще остаемся во грехах,** — он присовокупляет еще и это, с целью низложить их гордость. Когда он хочет предложить какой-либо необходимый догмат, то сначала страхом потрясает грубые сердца их.

Так он поступает и здесь. Посеяв выше такие же мысли и приведя их в сокрушение, как лишающихся всего, он теперь, чтобы они более почувствовали скорбь, иным образом делает тоже самое и говорит: **мы несчастнее всех человеков,** если, после таких браней, смертных опасностей и тысячи бедствий, лишимся таких благ и все наши (надежды) ограничатся только настоящим, потому что все зависит от воскресения. Таким образом и отсюда очевидно, что он говорит не о грехах, но о воскресении тел, о жизни настоящей и будущей. **Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших (ст. 20).** Показав, сколько зла может произойти от неверия в воскресение, он опять повторяет: **но Христос воскрес из мертвых,** постоянно присовокупляя: **из мертвых,** чтобы заградить уста еретиков. **Первенец из умерших.**

Если Он **первенец,** то и они должны воскреснуть. Но если бы (апостол) под именем воскресения говорил об освобождении от грехов, а без греха нет никого, — и сам даже Павел говорит: **хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь (1Кор.4:4),** — то кто же воскреснет, по вашему мнению? Очевидно, что у него речь о (воскресении) тел. А чтобы сделать это несомненным, он постоянно указывает на Христа, воскресшего во плоти; потом приводит и причину, потому что, как я сказал, когда что-нибудь утверждается, но не приводится причина, то учение не так скоро принимается многими. Какую же причину? **Ибо, как смерть через человека, [так] через человека и воскресение мертвых (ст. 21).** Если человеком, то без сомнения имеющим тело. И посмотри на мудрость (апостола), как он доказывает еще с иной стороны необходимость (предложенной истины): побежденному, говорит, должно самому восстановить свое падшее естество и самому победить, потому что таким только образом может загладиться его бесчестье. Посмотрим же, о какой он говорит смерти? **Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут (ст. 22).** Что же, скажи мне, все ли умерли в Адаме смертью греховной? Как (умер) Ной, праведный в роде своем? Как Авраам? Как Иов? Как все другие (праведники)? И все ли, скажи мне, оживут во Христе? Где же те, которые будут ввержены в геенну? Если это сказано о теле, то сказано верно; а если о праведности и о грехе, то неверно. Далее, чтобы ты, слыша слова: **все оживут,** не подумал, что и грешники спасутся, он присовокупляет: **каждый в своем порядке (ст. 23).** Слыша о воскресении, не подумай, что все получают равное воздаяние; если наказание не все понесут равное, но весьма различное, то тем более между грешниками и праведниками будет великое

различие. Начаток Христос, потом же Христовы, т.е. верующие и благочестивые. **А затем конец** (ст. 24). Когда (умершие) воскреснут, тогда всему будет конец; а не так, как теперь, по воскресении Христовом, когда дела остаются еще без окончательного воздаяния.

Потому (апостол) и присовокупляет: в пришествии его, чтобы ты знал, что он говорит о будущем времени. **Когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу.**

4. Здесь тщательно внимайте мне и смотрите, чтобы не опустить чего-нибудь из сказанного. У нас борьба с врагами, и потому прежде всего нам надобно постараться довести их до нелепости, как и Павел часто делает: таким образом слова их представляются нам в яснейшем свете. Итак, во-первых, спросим их, что значит: **когда Он предаст Царство Богу и Отцу?** Если мы будем принимать это просто, а не богоприлично, то следует, что (Христос) после того уже не будет иметь царства, так как кто отдает что-нибудь другому, тот сам уже перестает владеть. И не одна только эта следует нелепость, но и та, что принявший также не имел прежде, нежели получил, т.е., по их мнению, ни Отец не был прежде царем и только еще ожидает царства над нами, ни Сын после того не останется царем. Как же Он сам говорит об Отце: **Отец Мой доныне делает, и Я делаю** (Ин.5:17)? А о Нем как (говорит) Даниил: **царство, которое веки не разрушится** (2:44)? Видишь ли, сколько выходит нелепостей и противоречий Писаниям, если принимать слова (апостола) по-человечески? Также об упразднении какого начальства он говорит здесь? Ангелов? Нет. Верующих? Тоже нет.

Какого же? Начальства демонов, о котором он же говорит: **брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего** (Еф.6:12). Теперь оно еще не совершенно упразднено, потому что часто они еще действуют; а тогда перестанут (действовать). **Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои** (ст. 25). И здесь опять выйдет иная нелепость, если мы будем принимать и это не богоприлично, потому что слово: **доколе** означает конец и предел, а этого нет в Боге. **Последний же враг истребится - смерть** (ст. 26). Как последний? После всех, после диавола, после всего прочего, также как и в начале смерть вошла после всего: прежде совет диавола, потом преслушание, а затем смерть. Сила ее и теперь упразднена, но действие прекратится тогда. **Потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что [Ему] все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все. Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем** (ст. 27, 28). Но прежде (апостол) не говорил, что Отец покорит Ему, а что Он сам упразднит: **когда упразднит всякое начальство и всякую власть**; и еще: **Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**. Как же здесь он приписывает это Отцу?

И не только это, по-видимому, несообразно, но и то, что он выражает как бы неуместный страх, делая оговорку: **покорится Покорившему все**, как будто кто может подумать, не покорится ли когда-нибудь и Отец Сыну. Может ли что быть несообразнее? И однако он делает оговорку. Что же это значит? И далее представляется много вопросов: обратите же все ваше внимание.

Прежде всего нам нужно показать цель и главную мысль Павла, которая бы везде ясно обнаруживалась, и тогда уже обратиться к разрешению; это поможет нам представить разрешение.

Какая же главная мысль Павла и какой у него прием? Он иначе говорит, когда беседует об одном Божестве (Христе), и иначе, когда ведет речь о домостроительстве (Божием). Когда

он беседует о (Христе во) плоти, то без опасения говорит все уничиженное, будучи уверен, что все сказанное может относиться к Нему. Посмотрим же и здесь, об одном ли Божестве он беседует, или вместе, имея в виду домостроительство, говорит о Нем то, что говорит? Впрочем, предварительно скажем, где он поступает так, как я сказал. Где же он так поступает? В послании к Филиппийцам: **Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его (2:6-9).** Видишь ли, как он, рассуждая об одном Божестве, приписывает Ему великое, т.е. что Он есть образ Божий, что Он равен Отцу, и усваивает Ему все; а изображая тебе Его во плоти, говорит опять уничиженно? Итак, если ты не будешь делать такого различия, то выйдет великое затруднение. Если (Христос) равен Богу, то как (Бог) превознес того, кто равен Ему? Если Он образ Божий, то **и дал Ему имя?** Дающий дает неимущему, и возвышающий возвышает уничиженного; потому окажется, что (Христос) был несовершенным и неимущим, прежде нежели вознесен и получил имя, — и множество произойдет отсюда других нелепых заключений. Если же ты будешь иметь в виду вместе и домостроительство, то сказанное будет справедливо. Так рассуждай и здесь, и с такими мыслями принимай сказанное.

5. Объясним после того и другие причины. Между прочим и то нужно заметить, что Павел говорит о воскресении, которое считалось делом невозможным и которому совершенно не верили, и что он пишет коринфянам, у которых было много философов, которые всегда смеялись над такими истинами. Касательно других предметов они разногласили между собой, а против этого все, как бы одними устами, утверждали, что не будет воскресения. Защищая такую истину, которой так мало верили и над которой смеялись, сколько по предрассудку, столько же и по трудности самого предмета, и желая доказать возможность воскресения, (апостол) доказывает это сначала воскресением Христовым. Доказав (эту истину) свидетельствами пророков, очевидцев и веровавших, и доведя противное мнение до нелепости, он доказывает наконец и (воскресение) людей: **если нет, говорит, воскресения мертвых, то и Христос не воскрес.** Далее, после неоднократных подтверждений в предыдущих словах, он вновь доказывает тоже иным образом, называя (Христа) первенцем и утверждая, что Он упразднит всякое начальство, власть и силу и после всего смерть. Как же, говорит, она упразднится, если прежде не лишится тел, которыми владела? Когда таким образом он сказал о Единородном нечто великое, т.е. что Он передаст царство, что Он сам совершит это, сам одержит победу и все низложит под ноги Свои, то, чтобы уничтожить неверие многих, присовокупляет: **Ибо ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои.** Доколе — сказал он не в том смысле, чтобы означить конец царствования, но чтобы сделать сказанное несомненным и внушить надежду. Когда говорит, ты слышишь, что (Христос) низложит всякое начальство, власть и силу, дьявола и такие бесовские полчища, скопища неверных, владычество смерти и все злое, — не опасайся, что у Него неостанет на то силы; Ему надлежит царствовать, доколе Он совершит все это, не в том смысле, будто после того Он уже не будет царствовать, но в том, что, хотя это будет не теперь, однако непременно будет; царство Его не прекращается; Он владычествует, управляет и пребывает дотолу, пока устроит все. Такой образ выражений можно находить и в Ветхом Завете. Так например, говорится: **во век слово Твое, Господи (Пс.118:89);** и еще: **а Ты - тот же, и лета Твои не оскудеют (Пс.101:28).** Это и тому подобное пророк говорит тогда, когда беседует о событиях, которые совершатся спустя долгое время и совершатся непременно, желая тем уничтожить опасение грубых слушателей. А что слова: **доколе, до,** когда они применяются к Богу, не означают конца, послушай, что говорит (Писание): **от века и до века Ты существуешь (Пс.89:3);** и еще: **и до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду (Ис. 46:4).**

Смерть (апостол) поставляет последней для того, чтобы неверующий, слыша о победе над другими врагами, скорее принял и эту истину, потому что если (Христос) низложил диавола, произведшего смерть, то тем более разрушит дело его. Когда таким образом он приписал (Христу) все: упразднение начальства и власти, устройство царства, т.е. спасения верующих, мира вселенной, истребления зол, — а устроить царство и значит истребить смерть, — и между тем не сказал, что Отец через Него, но что сам Он упразднит, сам низложит под ноги Свои, а нигде не упомянул об Отце, то далее, опасаясь, чтобы какие-нибудь неразумные не сделали заключения, будто или Сын больше Отца, или есть какое-либо другое нерожденное начало, он постепенно объясняет и смягчает чрезмерность сказанного, и говорит: **все покорил под ноги Его**. Здесь он приписывает эти дела Отцу не потому, будто Сын бессилён, — может ли быть таким тот, о котором (апостол) выше привел такое свидетельство и приписал все сказанное? — но как по той самой причине, о которой я сказал, так и для того, чтобы показать, что все совершенное для нас общее Отцу и Сыну. Что Он сам собой может покорить себе все, об этом послушай еще, как говорит Павел: **Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, [которою] Он действует и покоряет Себе все** (Флп.3:21). Далее он употребляет оговорку: **когда же сказано, что [Ему] все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все**, и тем опять воздает немалую славу Единородному; если бы Он был ниже и бессильнее, (апостол) никогда не выразил бы такого опасения. Не довольствуясь и этим, (апостол) присовокупляет еще нечто другое. Чтобы кто не подумал и не сказал: что из того, что Отец не покорится? это несколько не препятствует Сыну быть сильнее (Отца), — он, опасаясь такой нечестивой мысли и имея в виду, что сказанное прежде не было достаточно для опровержения ее, весьма ясно присовокупляет следующее: **когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится**, выражая как совершенное согласие Его с Отцом, так и то, что Родивший столь могущественного и совершающего такие дела есть начало и первая причина всех благ.

6. Если же он сказал больше, нежели требовала сущность дела, ты не удивляйся; он сделал это, подражая своему Учителю, Сам (Христос), желая показать Свое согласие с Отцом и то, что Он пришел не против воли Его, унижает Себя не столько, сколько требовалось для доказательства согласия, а сколько требовала слабость присутствовавших; Он молится Отцу не почему иному, как поэтому, и сам объясняет причину, когда говорит: **Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня** (Ин.17:25). Итак, подражая ему, (апостол) употребляет здесь усиленное выражение не для того, чтобы внушить тебе мысль о принужденном подчинении (Христовом), — нет, — но чтобы, как можно сильнее, опровергнуть нелепые мнения. Когда он хочет исторгнуть что-нибудь с корнем, тогда употребляет речь весьма сильную. Так, говоря о жене верующей и муже неверующем, соединенных между собой законом брака, и желая внушить жене, что она не

оскверняется от сожития и от сношений с неверующим, он не сказал, что жена не делается через это нечистой, или не терпит никакого вреда от неверующего, но сказал гораздо более, то есть что даже неверный святится через нее (1Кор.7:14); этим он не хочет выразить того, будто язычник делается через нее святым, но старается таким сильным выражением скорее уничтожить ее опасение. Точно так и здесь, стараясь сильным выражением уничтожить нечестивое учение, он сказал то, что сказал. Почитать Сына слабым — есть крайнее нечестие; потому он и опровергает это словами: **все покорил под ноги Его**; а еще нечестивее почитать Отца меньшим (Сына); потому он опровергает и это с великой силой. Смотри, как он выражается; не сказал просто: **кроме Того**, но: **ясно, что**; хотя это и известно говорит, однако я подтверждаю. А чтобы ты знал, что именно такова причина сказанного, я спрошу тебя: неужели увеличится тогда покорность Сына? Не нелепо ли это и недостойно Бога? Ведь величайшая покорность и послушание уже в том, что Он, будучи Богом, принял образ раба. Как же Он тогда покорится? Очевидно, что

(апостол) выразился так, чтобы опровергнуть нелепую мысль, и притом с надлежащим благоразумием. Покорится так, как прилично Сыну — Богу, и не по-человечески, но свободно и с полной властью. Иначе как Он сидит на престоле вместе (с Отцом)? **Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет** (Ин.5:21)? Как все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Ему, и принадлежащее Ему принадлежит и Отцу (Ин.17:10)? Это показывает нам совершенную власть Его наравне с Отцом. Что же значит: **когда Он предаст Царство**? Из Писания известны два царства Божии, одно по усвоению, другое по сотворению. По сотворению Он царствует над всеми, над язычниками, иудеями, демонами, врагами; а по усвоению царствует над верующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Об этом последнем царстве говорится, что оно имеет начало; так о нем сказано во втором псалме: **проси у Меня, и дам Тебе народы в наследие Твое** (Пс.2:8); о нем и сам (Христос) сказал ученикам: **дана Мне всякая власть от Отца Моего** (Мф.28:18), где приписывает все Отцу, не потому, чтобы сам Он не имел чего-нибудь, но чтобы показать, что Он есть Сын, а не нерожденный. Это то царство Он и предаст, то есть устроит. Но почему, скажешь, (апостол) не сказал ничего о Духе? Потому, что не о том у него теперь речь; он не смешивает всего сразу. Так и тогда, когда говорит: **один Бог Отец и один Господь Иисус Христос** (1Кор.8:6), Он умалчивает о Духе не потому, чтобы признавал Духа меньшим, но потому, что еще не было нужды говорить о Нем. Иногда Он упоминает об одном Отце, но мы не станем поэтому отвергать Сына; иногда только о Сыне и о Духе, но мы не станем поэтому отвергать Отца. Что значит: **да будет Бог все во всем**? Чтобы все зависело от Него, чтобы никто не вообразал двух начал безначальных или другого отдельного царства. Когда враги будут низложены под ноги Сына, и Он, имея их под ногами своими, не будет действовать против Отца, но сохранит совершенное единение с Ним, — тогда (Бог) будет все во всем. Некоторые говорят, что под этими словами (апостол) понимает истребление зла, так что все наконец покорятся, никто не будет противиться и делать зло, — то есть, когда не будет греха, тогда, очевидно, Бог будет все во всем. Но если не воскреснут тела, то будет ли это справедливо? Злейший из всех врагов — смерть останется и будет делать, что хочет. Нет, скажешь, тогда уже не будут грешить. Но что из этого? (Апостол) говорит здесь о смерти не душевной, а телесной. Как же она истребится? Победа состоит в том, чтобы возвратить взятое и удержанное. Если же тела останутся в земле, то, значит, власть (смерти) будет продолжаться, потому что они удержаны (в земле), а других тел, в которых бы она была побеждена, нет. Если же сказанное Павлом сбудется, как и действительно сбудется, то откроется славная победа, в которой Бог всемогуществом Своим воскресит тела, плененные смертью. Так и врага побеждают тогда, когда отнимают у него добычу, а не тогда, когда оставляют ее у него; если же никто не осмеливается взять ее у него, то можно ли сказать, что он побежден?

7. Таким же образом и Христос в Евангелии выражает победу, когда говорит: **как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его** (Мф.12:29), потому что иначе не видно будет победы.

Как в смерти духовной, хотя умерший греху оправдался (Рим.6:7), однако мы не можем назвать этого победой, — потому что не тот победил, кто не прилагает зла ко злу, а тот, кто уничтожил прежний плен страстей, — так и здесь, не то можно назвать славной победой, что смерть перестала поглощать тела, но то, что у нее отняты тела, уже плененные ею. Если еще станут спорить и говорить, что это сказано о смерти духовной, то (я спрошу): как она испразднится последняя? Ведь она уже упразднена в каждом крещенном. Если же разуместь это о теле, то сказанное, то есть, что (смерть) испразднится последняя, будет иметь место. Может быть, кто-нибудь придет в недоумение, почему (апостол), говоря о воскресении, не указал на тела, воскресшие при Господе? На это мы скажем, что такое указание не послужило бы в пользу воскресения; указать на

воскресших, которые опять умерли, не значило бы доказывать, что смерть истребится совершенно. Потому он и сказал, что она истребится последняя, чтобы ты не подумал, что она еще восстанет. Когда истребится зло, то тем более прекратится смерть, потому что невозможно оставаться реке, когда иссякнет ее источник, или быть плоду, когда засохнет корень. Итак, если в последний день враги Божии истребятся вместе со смертью, дьяволом и демонами, то не будем скорбеть, видя врагов Божиих благоденствующими: **враги же Господни, во время прославления и превозношения их, исчезли, как дым исчезли** (Пс.36:20). Когда ты видишь врага Божия богатым, окруженным телохранителями и множеством льстецов, то не унывай, а вздыхай, плачь и моли Бога, чтобы Он обратил его в число друзей своих; и чем более враг (Божий) успевает в делах своих, тем более оплакивай его.

Грешников должно оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатством и великим благоденствием, как больных, когда они пресыщаются и упиваются. Между тем некоторые даже из слушающих эти слова находятся в столь жалком состоянии духа, что горько плачут о себе и говорят: я достоин слез, потому что не имею ничего. Справедливо говоришь ты, что не имеешь ничего, не потому, что не имеешь того, что имеет другой, а потому, что в этом поставляешь блаженство; потому ты и достоин безмерных слез. Кто, будучи здоров, станет называть блаженным больного, лежащего на мягкой постели, тот гораздо несчастнее и злополучнее его, потому что нисколько не чувствует собственного благополучия. То же происходит и с этими (людьми); потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и беспорядками. Такие слова погубили тысячи (людей), предали их дьяволу и сделали их несчастнее истаивающих от голода. Подлинно те, которые желают большего, беднее самих нищих, потому что страдают большей и жесточайшей душевной скорбью, как можно видеть из следующего.

Некогда постигло наш город бездождие; все трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить их от этого ужаса. Тогда можно было видеть **небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью**, как говорит Моисей (Втор.28:23), и смерть, всех родов смерти ужаснейшую, и каждый день ожидаемую. Но после, слава человеколюбивому Богу, сверх всякого чаяния полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и все стали радоваться и торжествовать, как бы выйдя из самих врат смерти. Между тем, среди таких благодеяний Божиих и при всеобщей радости, один из богатейших людей ходил прискорбный и унылый, как бы омертвевший от горя, и, когда многие спрашивали его, по какой причине при всеобщей радости он один печален, тогда он, не в состоянии будучи даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силой этой болезни, открыто объявил причину: имея, говорил он, множество мер пшеницы, я не знаю, как мне теперь сбыть ее. Неужели, скажи мне, мы будем ублажать его после таких слов, за которые надлежало бы побить его камнями, как человека, жесточе всякого зверя, и общего врага? Что говоришь ты, человек? Ты скорбишь о том, что не погибли все, чтобы тебе собрать золото?

Разве ты не слышал, что говорит Соломон: **кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ** (Прит.11:26)? И ты еще бродишь, общий враг благоденствия вселенной, противник человеколюбия Владыки Господа вселенной, друг, или лучше, раб мамоны? Не следовало ли отсечь такой язык? Не следовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такие слова?

8. Видишь ли, как золото не позволяет людям быть людьми, но делает их зверями и демонами? Что может быть презреннее богача, который ежедневно вымаливает голод, чтобы у него было золото? Страсть производит у него совершенно противное: он не радуется обилию приобретенных плодов, но потому самому скорбит, что приобрел слишком много. Тогда как надлежало бы радоваться, что он имеет много, он потому самому печалится. Видишь ли, что богатые, как я сказал, не столько чувствуют

удовольствия от благ полученных, сколько терпят скорби от благ еще не полученных? Имейший бесчисленное множество мер пшеницы скорбел и сокрушался более алчущего; тогда как имевший только насущный хлеб радовался, веселился и благодарил Бога, владевший таким богатством скорбел и считал себя погибшим. Итак, не изобилие доставляет удовольствие, а любомудрое настроение; без него, хотя бы кто захватил все, будет в таком же состоянии духа, будет так же скорбеть, как и лишенный всего. И тот человек, о котором мы говорим теперь, если бы продал свою пшеницу за такую цену, за какую хотел, опять стал бы скорбеть, что не продал за большую; если бы мог продать за большую, то опять стал бы желать еще большей; если бы за каждую меру взял по золотой монете, то и тогда опять стал бы сокрушаться, что не продавал за эту цену каждой полумеры. А что он не с самого начала назначил бы такую цену, не удивляйся; и предающиеся пьянству не тотчас воспаляются, но когда уже помногу наполнятся вином, тогда и возжигают в себе сильнейший пламень. Так и эти, чем более имеют у себя, тем большую чувствуют нужду, и чем более приобретают, тем более впадают в бедность. Это говорится мной не по отношению к нему только, но и к каждому из одержимых подобной болезнью, возвышающих цену на товары и ввергающих ближнего в нищету. Никогда не бывает речи о человеколюбии, но всегда во время продажи страсть корыстолюбия руководит многими; и пшеницу, и вино один продает скорее, другой медленнее, не для общего блага, но один для того, чтобы получить больше, а другой для того, чтобы не получить меньше, когда уже испортился самый товар.

Так Бог, видя, что многие не внимают заповедям Божиим и держат у себя все под запором, и, желая иным образом побудить их к человеколюбию, чтобы они хотя по необходимости делали что-нибудь доброе, внушает им страх большей потери, и самим плодам земным не дозволяет сохраняться долго, чтобы люди, по крайней мере из опасения убытка от порчи, невольно предлагали нуждающимся то, что по злобе закопали и хранят дома. И однако некоторые столь ненасытны, что не вразумляются и этим. Многие выливали целые бочки (вина), а не давали ни одного стакана нищим и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно делалось прокислым и сами бочки повреждались вместе с плодом. Другие не давали ни одного куска хлеба алчущему, а целые житницы вываливали в реку. Они не слушали Бога, повелевающего подавать нуждающимся, потому гнилость повелевала им, против воли, предавать (все содержимое) гибели и совершенному истреблению; таким образом они подвергали себя великому осмеянию и навлекали на свою голову, вместе с убытком, многие проклятья. И это здесь; а что будет там, какое выразит слово? Как они здесь пшеницу, сгнившую и сделавшуюся негодной, бросают в реки, так и их, делающих это и потому самому делающихся негодными, Бог ввергнет в реку огненную. Как пшеницу съедает червь и тление, так их душу — жестокость и бесчеловечие. Причиной этого — привязанность к благам настоящим и пристрастие только к настоящей жизни. Потому такие люди и мучатся безмерной тоской; страх смерти уничтожает все, что ни представишь приятного, и такие люди умерли еще при жизни. Нисколько не удивительно, если этому подвергаются неверующие; но если вкусившие таких таинств и так любомудрствующие о благах будущих, пристращаются к (благам) настоящим, то могут ли они удостоиться прощения? Отчего же происходит это пристрастие к (благам) настоящим? От того, что предаются роскоши, утучняют плоть, развращают душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокий мрак и грубое покрывало. От роскоши лучшая часть (душа) делается рабой, а худшая — госпожой; первая совершенно ослепляется, повреждается и влечется, а последняя влечет и ведет всюду, тогда как самой ей надлежало бы подчиняться водительству. А между душой и телом находится тесная связь, которую Создатель устроил для того, чтобы никто не вздумал ненавидеть тело свое, как бы что-нибудь чужое.

9. Бог повелел любить и врагов; но диавол стал столь силен, что убедил некоторых ненавидеть даже собственное тело. Кто говорит, что (тело) от диавола, тот выражает именно такое убеждение. Это крайне безумно. Если оно от диавола, то откуда у него такое согласие с душой, что оно во всех от ношениях способно к делам ее любомудрия? Если же оно, скажешь, способно к этому, то как оно ослепляет душу? Нет, человек, не тело ослепляет душу, а роскошь. Отчего же мы предаемся роскоши?

Не от того, что имеем тело, — нет, — а от злой воли. Тело требует пищи, а не роскоши; тело нуждается в том, чтобы его питали, а не в том, чтобы его обременяли и утучняли. Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемого тела. Из крепкого оно делается слабым, из твердого нетвердым, из здорового болезненным, из легкого тяжелым, из плотного изнеженным, из красивого безобразным, из благовонного зловонным, из чистого нечистым, из стройного расстроеным, из полезного бесполезным, из молодого старым, из сильного бессильным, из гибкого медленным и ленивым, из совершенного уродливым. Если бы оно было от диавола, то не могло бы повреждаться от того, что принадлежит диаволу, т.е. от порока. Нет, ни тело, ни пища не от диавола; от него только роскошь. Через не этот злой демон успевает совершать множество зол. Так он погубил целый народ (израильский): **и утучнил Израиль, и стал упрям; утучнил, отолстел и разжирел** (Втор.32:15). За это громаы поразили жителей Содомы, что выражает Иезекииль, когда говорит: **вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала** (16:49).

Потому и Павел сказал: **а сластолюбивая заживо умерла** (1Тим.5:6). Отчего так? Оттого, что она носит, как гроб, тело свое, обремененное множеством зол. Если же тело подвергается такому повреждению, то что бывает с душой? Какого смятения, каких волн, какой бури исполняется она? Она делается неспособной ни к чему, не может легко ни говорить, ни слушать, ни хотеть, ни делать ничего должного; как кормчий, когда буря возьмет верх над его искусством, утопает с самим кораблем и плывущими на нем, так и душа вместе с телом погружается в страшную бездну бесчувствия. Бог дал нам желудок, как бы какую мельницу, сообщил ему соразмерную силу и назначил определенную меру, сколько он должен перемолоть в каждый день; потому, если кто положит в него более надлежащего, то оставшееся непеределанным причиняет вред всему (телу).

Отсюда происходят болезни, немощи и безобразие. Подлинно, роскошь не только расслабляет, но и делает даже красивую (женщину) безобразной; когда она беспрестанно производит неприятную отрыжку, выдыхает запах испортившегося вина и становится красной сверх должного, то нарушает приличную женщине благопристойность и теряет всякое благообразие; когда тело ее делается обвислым, ресницы кровяными и распухшими и вся она чрезмерно жирной и тучной, то представь, какое получается отсюда безобразие! Я слышал от врачей, что роскошь многим сильно препятствует даже достигнуть надлежащего роста; когда жизненная сила обременяется множеством яств и занимается их сварением, тогда то, чему надлежало бы обратиться в рост, тратится на сварение излишнего, Говорить ли еще о происходящих отсюда подаграх, распространяющихся по всему телу ревматизмах, других проистекающих отсюда болезнях и всякой нечистоте? Нет ничего столько неприятного, как женщина чрезмерно откармливаемая. Потому-то среди бедных можно видеть больше красоты, — никакие излишки у них не остаются и не приходят в их состав без нужды и напрасно, как бы какая посторонняя грязь; ежедневное упражнение, труды, работы, умеренная пища и строгая диета доставляют им крепкое здоровье, а отсюда большую красоту. Не говори мне об удовольствии роскоши; оно не простирается далее гортани; как скоро пища миновала язык, она тотчас пропадает, оставляя за собой много неприятного. Не смотри на роскошествующих только тогда,

когда они возлежат, но посмотри на них тогда, когда они встанут, последуй за ними, и увидишь, что они более походят на скотов и бессловесных, нежели на людей. Ты увидишь, как они страдают головокружением, расслаблением и неповоротливостью, нуждаются в ложе и постели и глубокой тишине, мечутся как бы во время сильного волнения, требуют помощи других и желают прийти в то состояние, в каком были прежде, чем насытились.

Они ходят, подобно беременным женщинам, с отягченным чревом, едва переступают, едва видят, едва говорят, и все едва (делают). Если же случится им немного заснуть, то им видятся нелепые сны и бессмысленные грезы. Говорить ли еще о неистовстве их другого рода, т.е. сладострастии? И оно проистекает из того же источника. Они, как неистовые кони, будучи возбуждаемы опьянением, бросаются на всех, устремляясь еще с большим безумием и бешенством, нежели эти бессловесные, и делают другие бесстыдства, о которых и говорить неприлично, потому что они уже не понимают, что делается с ними и что делают они. Не таков человек, не предающийся роскоши: он находится в пристани, взирая на кораблекрушения других, и наслаждается чистым и постоянным удовольствием, проводя жизнь, достойную свободного человека. Итак, зная это, будем избегать порочных удовольствий роскоши и соблюдать умеренность в трапезе, чтобы нам быть здоровыми по душе и по телу, совершать всякие добродетели и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? (1 Кор.15:29).

1. (Апостол) приступает теперь к другому доказательству, подтверждая (учение о воскресении) то том, что творит Бог, то том, что делают сами (верующие). И это немало служит к защите истины, когда дела самих противников приводятся в свидетельство сказанного. Что же говорит он? Но, если хотите, я наперед скажу, как искажают эти слова зараженные болезнью Маркиона. Знаю, что это будет весьма смешно, однако скажу, — особенно для того, чтобы вы еще более остерегались их болезни. Когда у них умирает кто-нибудь из оглашенных, то они, спрятав живого под одром умершего, приступают к мертвому, говорят с ним и спрашивают: желает ли он принять крещение?

Так как он ничего не отвечает, то спрятанный под одром отвечает за него, что он желает принять крещение; и таким образом крестят его вместо умершего, разыгрывая как бы представление на зрелище. Таковую силу имеет диавол над душами беспечных! Потом, когда их осуждают за это, они указывают на слова апостола, который, говорят они, сказал: **крестятся для мертвых**. Видишь ли, как это смешно? Потому стоит ли и опровергать их? Не думаю; иначе нужно было бы спорить и с безумными о том, что они говорят в припадке сумашествия.

Впрочем, чтобы никто из самых простых не был увлечен ими, надобно сказать что-нибудь и против них. Если точно Павел говорит это, то для чего Бог угрожает не крещающемуся? При такой выдумке невозможно, чтобы кто-нибудь не крестился, и в противном случае вина падает не на умершего, а на живого. К кому, скажи мне, относятся слова (Спасителя): **если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни** (Ин.6:53), — к живым или к умершим? И еще: **если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие** (Ин.3:5). Если допустить сказанное, если нет нужды в намерении приемлющего и в расположении его еще при жизни, то что

препятствует сделаться верными и язычникам и иудеям, когда другие после их смерти сделают это за них? Но не будем слишком много трудиться напрасно, разрывая такую паутину, а раскроем теперь смысл самого изречения. Что же говорит Павел?

Но прежде я хочу привести вам на память слова, которые повелевают вам произносить в тот вечер совершители таинства, и потом обращусь к изречению Павла; тогда оно будет понятнее для вас. После всего прочего мы присовокупим и то, что теперь говорит Павел. Я хотел бы выразить это ясно, но не смею по причине (присутствия) непосвященных; они затрудняют нас при объяснении, поставляя в необходимость или говорить неясно, или открывать им сокровенное; впрочем, буду говорить, сколько могу, прикровеннее. По произнесении тех таинственных и страшных слов и после страшных внушений откровенных с неба догматов, мы, наконец, приступая к крещению, присовокупаем и эти слова, повелевая произносить следующее: верую в воскресение мертвых. В такой вере мы и крещаемся, — после исповедания этого вместе с прочим, мы сходим в источник тех священных вод. Это самое припоминая, Павел говорит: если нет воскресения, то для чего ты и крестишься мертвых ради, т.е. тел? Ведь при крещении ты веруешь воскресению мертвого тела, — тому, что оно уже не останется мертвым. Ты словами исповедуешь воскресение мертвых, а священник, как бы в образе, показывает тебе самим делом то, чему ты веровал и что исповедал словами; ты веруешь без знака, а он тогда же представляет тебе знак; ты делаешь зависящее от тебя, а Бог тогда же удостоверяет тебя.

Как и каким образом? Водой. Схождение и погружение в воду, а потом выхождение от воды есть знак нисхождения в ад и восхождения оттуда. Потому Павел и называет крещение гробом, когда говорит: **мы погреблись с Ним крещением в смерть** (Рим.6:4). Этим он удостоверяет и в несомненности будущего, т.е. воскресения тела, потому что изгладить грехи гораздо труднее, нежели воскресить тело, как и Христос объяснил, когда сказал: **что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?** Первое, говорит, труднее последнего; но вы не верите тому, как делу неясному, и менее важное проявление моей силы считаете более важным, поэтому я не откажусь представить вам и это доказательство. Тогда глагола расслабленному: **встань, возьми постель твою, и иди в дом твой** (Мф.9:5,6).

2. Как трудно, скажешь ты, когда это возможно и царям и начальникам, которые прощают и прелюбодеев и человекоубийц?

Напрасно ты говоришь это, человек; прощать грехи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощают прелюбодеев и человекоубийц, но они освобождают их только от настоящего наказания, а самих грехов их не очищают; и хотя бы они возвели прощенных в высшие звания, хотя бы облекли их в порфиру, хотя бы возложили на них диадему, и тогда они сделают их царями, но от грехов не освободят; это совершает один Бог. Он совершает это в бане пакибытия; благодать касается самой души и с корнем исторгает из нее грех. Потому душа прощенного царем может быть нечистой, а душа крещенного — нет; она чище самих солнечных лучей, и такова, какой была в начале, или даже гораздо лучше, потому что она получает Духа, Который совершенно воспламеняет ее и делает святой. Как ты, переплавляя железо или золото, делаешь его опять чистым и новым, так точно и Дух Святой, переплавляя душу в крещении, как бы в горниле, и истребляя грехи, делает ее чище и блистательнее всякого чистого золота. Отсюда также ты можешь убедиться в истине воскресения тел. Так как грех ввел смерть, то по истреблении корня, без всякого сомнения, истребится и плод его. Потому ты и говоришь наперед об оставлении грехов, а потом исповедуешь и воскресение мертвых, переходя от первого к последнему; далее же, так как слово: воскресение еще не доказывает всего, — многие ведь воскресшие опять умерли, как, например, (воскресшие) в Ветхом Завете, как Лазарь, как

(воскресшие) во время крестной смерти Христовой, — то тебе повелевается говорить: и в жизнь вечную, чтобы никто не думал, что смерть будет и после того воскресения. Таким образом, припоминая эти слова, Павел и говорит: **что делают крестящиеся для мертвых?** Если нет, говорит, воскресения, то эти слова — шутка; если нет воскресения, то как мы убеждаем других верить тому, чего не даем? Если бы кто, требуя от другого расписки в получении того-то и того-то, не дал ничего, в ней написанного, а потом, получив расписку, стал бы требовать прописанного, то как бы поступил подписавшийся сделав себя должником, а между тем не получив того, в чем сознал себя должным? Тоже и (апостол) говорит здесь о крестящихся: **что делают, говорит, крестящиеся,** подписывала под истиной воскресения мертвых, а между тем не получая и обманываясь?

Какая вообще нужда и в самом исповедании, если бы за ним не следовало дело? **Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем** (ст. 30, 31). Смотри, чем еще он старается подтвердить догмат, — собственным решением, или, лучше, не своим только, но и прочих апостолов. И это немаловажное доказательство — указывать на учителей, вполне уверенных в истине и подтверждающих ее не только словами, но и делами. Потому он не просто говорит: и мы убеждены в этом, — одного этого недостаточно было для убеждения, — но представляет доказательство от дел и как бы так говорит: исповедовать это словами, может быть, кажется вам несколько не удивительным; но если мы представим вам доказательство от дел, то что вы скажете против этого? Послушайте же, как мы проповедуем это каждый день своими страданиями. Не сказал: я, но: **мы**, имея в виду всех апостолов вместе и таким образом с одной стороны показывая свое смирение, а с другой делая достоверными слова свои.

Что вы можете сказать? То ли, что обманываем мы вас, проповедуя это, и из тщеславия учим так? Но допустить такое мнение не позволяют (наши) страдания: кто стал бы непрестанно подвергаться страданиям тщетно и напрасно? Потому и говорит: **для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?** Из тщеславия, может быть, кто-нибудь решился бы на это один или два раза, но не во всю жизнь, подобно нам; а мы посвятили на это всю жизнь свою. **Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем.** Похвалою здесь он называет преуспевание (коринфян). Указав на многие страдания и желая показать, что он говорит об этом не с сожалением, присовокупляет: я не только не скорблю, но еще хвалюсь тем, что терплю для вас. Хвалится же он двумя обстоятельствами: тем, что страдает для них, и тем, что видит в них преуспевание. А потом, так как он сказал о делах великих, по обыкновению своему приписывает то и другое Христу. Как же он умирает **каждый день?** Ревностью и готовностью к тому. А для чего он говорит это? Опять для того, чтобы и таким образом подтвердить истину воскресения. Кто решился бы, говорит, подвергаться столь многим родам смерти, если нет воскресения и будущей жизни? Если и для верующих воскресению нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностям, то тем более, неверующий не решился бы подвергаться столь многим и столь тяжким родам смерти. И, смотри, как он постепенно усиливает (речь). Сказав: **подвергаемся бедствиям,** он присовокупляет: **ежечасно;** потом говорит: **каждый день;** и далее говорит, что не только — **подвергаюсь опасностям,** но и — **умираю;** наконец показывает и то, какими родами смерти: **по [рассуждению] человеческому,** говорит, **когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза** (ст. 32)?

3. Что значит: **по человеческому?** Сколько возможно человеку, я боролся с зверями. Бог избавил меня от опасностей; но что в том? Потому, если кто особенно должен скорбеть, то это — я, который претерпел столько опасностей и еще не получил никакой награды. Если

не придет время воздаяния и все наши дела ограничиваются настоящим, то мы терпим большой вред; вы уверовали без опасностей, а мы закалаемся каждый день.

Впрочем, все это он говорит не потому, чтобы не было для него пользы в самих страданиях, но по немощи многих, чтобы их утвердить в истине воскресения, — и не потому, чтобы он подвизался для награды; для него достаточным было воздаянием — делать угодное Богу, Равным образом и прежние слова: **и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков** (1Кор.15:19) он сказал также для слушателей, чтобы страхом столь бедственной участи потрясти их неверие воскресению, и из снисхождения к их немощи. Подлинно, великая награда уже в том, чтобы во всем угождать Христу, и помимо возмездия великое воздаяние уже в том, чтобы за Него подвергаться опасностям. **Станем есть и пить, ибо завтра умрем.** Этими словами (апостол) теперь пристыжает их и говорит не от себя, но приводит слова велеречивого пророка Исаии, который, говоря о некоторых беспечных и отчаянных людях, сказал так: **Но вот, веселье и радость! Убивают волов, и режут овец; едят мясо, и пьют вино: "будем есть и пить, ибо завтра умрем!" И открыл мне в уши Господь Саваоф: не будет прощено вам это нечестие, доколе не умрете, сказал Господь, Господь Саваоф** (Ис.22:13,14).

Если же в то время так рассуждавшие не были прощаемы, то тем более во время благодати. Потом, чтобы не сделать слов своих слишком тяжелыми, он не долго останавливается на доказательстве нелепости (такого образа мыслей), но опять начинает увещание и говорит: **не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы** (ст. 33). Этими словами он с одной стороны укоряет (коринфян), как неразумных, — потому что под благовидным названием благих нравов он понимает здесь удобопреклонные, — а с другой, сколько можно, извиняет их в прежних заблуждениях, снимая с них большую часть вины и возлагая на других, чтобы и таким образом обратить их к покаянию.

Тоже он делает и в послании к Галатам, когда говорит: **а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение** (5:10). **Отрезвитесь, как должно, и не грешите** (ст. 34), — (говорит) как бы опьяневшим и неистовствующим, потому что опьяневшим и неистовствующим свойственно выпускать все вдруг из рук своих, не видеть того, что прежде видели, и не верить тому, что прежде исповедовали. Что значит: **как должно?** С пользой и назиданием, потому что можно быть трезвенным и неправедно, когда кто-нибудь пробуждается ко вреду своей души. Хорошо также прибавил он: **не грешите**, показывая, что отсюда происходили у них семена неверия. Он во многих местах выражает, что развратная жизнь порождает худые мысли, — например, когда говорит: **корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры** (1Тим.6:10).

Многие, сознавая свои пороки и не желая понести наказание, от страха перестают верить и воскресению; напротив, делающие много доброго желают увидеть его каждый день. **К стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.** Смотри, как (апостол) опять слагает вину на других. Не сказал: вы не знаете, но: **некоторые из вас.** Не верить воскресению свойственно тому, кто не имеет совершенного понятия о непобедимой и вполне достаточной на все силе Божией. Ведь если Он сотворил сущее из не сущего, то тем более может воскресить разрушившееся. Сильно укорив и крайне пристыдив их обличением в невоздержании, неразумии и бесчувственности, (апостол) потом смягчает слова свои и говорит **к стыду вашему скажу**, то есть, чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сделались лучшими. Он опасался, чтобы, поразив более надлежащего, не отвратить их от себя.

4. Но не будем думать, что это сказано им одним только (коринфянам); это относится теперь и ко всем тем, которые страдают подобными болезнями и ведут развратную жизнь. Ведь не те только, которые держатся худых мыслей, но и те, которые преданы тяжким грехам, находятся в состоянии опьянения и неистовства. Потому и к ним справедливо можно сказать: **отрезвитесь**, особенно же к тем, которыеотягчены недугом корыстолюбия и совершают злое стяжание, — а есть и доброе стяжание — приобретение небес, не причиняющее никому вреда. В отношении имущества невозможно быть одному богатым без того, чтобы наперед другой не сделался бедным; в благах же духовных не так, а совершенно напротив: невозможно никому сделаться богатым без того, чтобы не обогатить другого, потому что, если ты никому не принесешь пользы, то и сам не сделаешься богатым. В (благах) телесных от раздаяния происходит уменьшение, но в духовных от раздаяния происходит умножение, а нераздаяние причиняет великую скудость и подвергает крайнему наказанию. Доказательством тому — (раб) скрывший талант.

Так, кто имеет дар мудрости, тот, передавая другому, умножает это богатство, делая мудрыми многих; а кто скрывает ее в себе, тот лишает себя богатства, не принося пользы другим. Также, кто имеет другие дары, тот, врачуя многих, умножает свой дар; сам не теряет от передачи, и многих других исполняет духовных дарований. Это правило остается неизменным во всех духовных (благах). Так бывает и с царством (небесным): кто делает многих своими соучастниками в царстве, тот тем более будет пользоваться им; а кто не желает иметь участником никого, тот и сам лишится многих благ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многие приобретают ее, и художник не теряет

своего искусства, когда делает художниками многих, то тем более приобретающий царство не уменьшает его, а напротив тогда и будет у нас богатство больше, когда мы многих призовем к нему.

Будем же приобретать то, что не истощается, но от раздаяния умножается; будем приобретать то, против чего никто не клеветает, чему никто не завидует. Если бы было такое место, откуда бы, как из источника, непрестанно истекало золото, и тем более истекало, чем более было бы почерпаемо, а другое место было бы такое, в котором закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотел бы получать богатство? Не из первого ли?

Конечно, оттуда. Но чтобы нам не описывать этого только словами, примените сказанное к воздуху и солнцу: они поглощаются всеми и наполняют все, и, однако, остаются одинаковыми и не уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чем я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковой, хотя бы она была раздаваема, или же не раздаваема, но более умножается именно тогда, когда бывает раздаваема. Если же кто не убеждается сказанным и не перестает прилепляться к скудным вещам житейским, приобретая подлежащее уменьшению, тот пусть вспомнит еще о пище из манны и устрашится этого примера наказания. Что было с манной, тоже и теперь случается с корыстолюбцами. Что же было тогда? Она обращалась от излишества в червей.

Тоже случается и теперь (с корыстолюбцами). Мера питания для всех одна, — один мы наполняем желудок; но у тебя, предающегося роскоши, гнили больше. Как там собиравшие манну в дома свои больше положенного собирали не манну, а множество червей и гнилости, так точно и предающиеся объедению и пьянству собирают в роскоши и пресыщении не большие удовольствия, а большую гниль. Впрочем, нынешние даже хуже тогдашних; те, однажды испытав такое зло, образумились; а эти, каждый день внося

в дома свои гораздо более опасных червей, не чувствуют и не насыщаются. Что одно похоже на другое по бесплодности труда, — потому что со стороны возмездия одно много тяжелее другого, — можешь видеть из следующего. Чем отличается богатый от бедного? Не одинаковое ли он одевает тело? Не одинаковый ли питает желудок? Чем же он превосходит его? Заботами, издержками, преслушанием Бога, растлением плоти, развращением души. Вот в чем он превосходит бедняка! Если бы он насыщал множество желудков, то может быть он мог бы сказать что-нибудь, например, что у него больше потребностей, что для него необходимы большие издержки. Но, скажешь, и теперь богатые могут возразить, что они насыщают многих, то есть, слуг и служанок? Да ведь это делается не по нужде и не по человеколюбию, а только по гордости, и потому не может служить для них оправданием.

5. Для чего иметь множество слуг? Как в отношении к одежде и пище надобно заботиться только о необходимом, так и в отношении к слугам. И какая в них нужда? Нет никакой. Одному господину надлежало бы иметь только одного слугу, или, лучше, двоим и троим господам одного слугу. Если это неприятно (слышать), то вспомни о тех, которые не имеют ни одного, и, однако, не остаются без прислуги» гораздо лучшей, потому что Бог сотворил людей достаточно способными к служению самим себе и даже к служению ближним. Если не веришь, то послушай Павла, который говорит: **сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии** (Деян.20:34), Так учитель вселенной, достойный небес, не стыдился служить тысячам (людей); а ты считаешь постыдным, если не окружишь себя толпами рабов, не понимая, что, напротив, это самое особенно и служит для тебя бесчестьем. Бог для того дал нам руки и ноги, чтобы мы не имели нужды в слугах; и не нужда ввела сословие рабов, — иначе вместе с Адамом был бы сотворен и раб, — но это есть следствие греха и наказание за преслушание. А Христос, придя, прекратил и это: о Христе Иисусе **нет раба, ни свободного** (Гал.3:28). Потому нет нужды иметь рабов; если же нужно, то разве одного, а много двух. И к чему толпы слуг?

Точно какие продавцы овец или торговцы невольниками, расхаживают богачи по баням и по торжищам. Впрочем, я ничего не говорю против: пусть будет у тебя и другой слуга; но если ты собираешь их множество, то делаешь это не из человеколюбия, а из роскоши; если бы ты заботился об их благе, то не заставлял бы никого из них служить тебе, но, купив и научив их ремеслам, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустил бы их на волю. Если же ты бичуешь их, если налагаешь на них оковы, то это уже не дело человеколюбия. Знаю, что я говорю неприятное для слушателей; но что мне делать? На то я поставлен и не перестану это говорить, хотя будет какая-нибудь польза, хотя нет. К чему ты, в самом деле, так гордо выступаешь на торжище? Разве ты ходишь среди зверей, что разгоняешь встречающихся? Не бойся: никто из мимоходящих и приближающихся к тебе не кусается. Но ты считаешь за бесчестье идти вместе со всеми? Как безумно, как странно, — когда близ тебя идет лошадь, не считать этого бесчестьем, а когда человек не прогнан от тебя на тысячи стадий, считать это бесчестьем! К чему ты еще окружаешь себя жезлоносцами, поступая с людьми свободными, как бы с рабами, или, лучше, сам проводя жизнь бесчестнее всякого раба? Подлинно, кто ведет себя с такой гордостью, тот презреннее всякого раба: не увидят истинной свободы те, которые поработили себя столь губительной страсти. Если ты хочешь очистить себе дорогу и идти вперед, то отгоняй не проходящих, а гордость, не через слугу, а через себя самого, не таким бичом, а духовным. Теперь же слуга твой гонит проходящих, а тебя сверху гонит гордость с большим бесчестьем, нежели слуга твой — ближнего. Если ты, сойдя с коня, прогонишь гордость смиренномудрием, то займешь высшее место и доставишь себе больше чести, нисколько не нуждаясь для того в слуге. Когда ты будешь смиренно идти по земле, то воссядешь на колесницу смиренномудрия, которая, имея крылатых коней, вознесет тебя до небес; а

когда, ниспадая с нее, взойдешь на колесницу гордости, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животных, ползающих по земле, и даже гораздо хуже и несчастнее их, потому что их заставляет ползать недостаток телесный, а тебя — болезнь гордости: **всякий, возвышающий сам себя, унижен будет** (Лк.18:14). Итак, чтобы нам не унизиться, а возвыситься, будем восходить на эту высоту; таким образом мы найдем и покой душам нашим, по божественному обетованию (Мф.11:29), и достигнем истинной и высочайшей чести, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет (1 Кор.15:35,36).

1. Будучи всегда весьма кротким и смиренным, апостол здесь говорит весьма строго по причине упорства противников, — к не довольствуется этим, но представляет и доказательства и примеры, чтобы таким образом укротить и самых упорных спорщиков. Выше он говорил: **как смерть через человека, [так] через человека и воскресение мертвых** (15:21); а здесь опровергает возражение, представляемое язычниками. Впрочем, смотри, как он опять смягчает силу укоризны. Не сказал: но может быть вы скажете, а неопределенно указывает на возражателя, чтобы прямым резким указанием не слишком поразить слушателей. Он приводит два недоумения: касательно образа воскресения и касательно качества тел, потому что возражавшие сомневались в том и другом и говорили: как воскреснет разрушившееся, и в каком явятся теле? Что значит: **в каком теле?** Т.е., в этом ли истлевшем, разрушившемся, или в каком-нибудь другом? Потом, внушая, что они спрашивают не о чем-либо сомнительном, но о том, что достоверно известно, он тотчас обращается к ним со строгими словами и говорит: **безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет.** Так обыкновенно поступаем и мы с теми, которые противоречат чему-нибудь достоверно известному. А почему он не тотчас указывает на силу Божию? Потому, что рассуждает с неверующими. Когда он говорит с верующими, то не очень прибегает к умозаключениям; так и в другом месте, сказав: **Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его,** и, открыв здесь нечто более воскресения, он не привел сравнений, а вместо всякого доказательства указал прямо на силу Божию, прибавив следующее: **силою, [которою] Он действует и покоряет Себе все** (Флп.3:21). Здесь же он употребляет и умозаключения. Доказав истину словами Писаний, он теперь с силой направляет речь против неверующих Писаниям и говорит: **безрассудный! то, что ты сеешь,** т.е. ты сам у себя имеешь доказательство воскресения в том, что делаешь ежедневно, и еще ли сомневаешься? Безумным я называю тебя за то, что не знаешь совершаемого ежедневно самим тобой и, тогда как ты сам бываешь виновником воскресения (семян), сомневаешься в том по отношению к Богу. Весьма выразительно говорит: **то, что ты сеешь,** т.е. ты, смертный и разрушающийся. И, смотри, как сами выражения его соответствуют настоящему предмету: **не оживет, если не умрет.** Не употребляя выражений, относящихся к семенам, как-то: прозябает, произрастает, сгнивает, истлевает, он приводит соответствующие плоти нашей: **не оживет, если не умрет,** — что свойственно не семенам, а телам. И не сказал: оживет после того, как умрет; но, — что выражает больше, — потому оживет, что умрет. Видишь ли, что он, как я часто замечал, всегда выводит противное? Из чего другие выводили заключение против воскресения, то самое он обращает в доказательство воскресения. Они говорили, что тело не воскреснет, потому что умерло. Что же он говорит вопреки этому? Если бы оно не умерло, то и не воскресло бы, потому и воскреснет, что умрет. Так и Христос яснейшим образом показывает тоже

самое, когда говорит: **если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода** (Ин.12:24). Отсюда же и Павел, заимствуя это сравнение, не сказал: не будет жить, но: не оживет, указывает опять на силу Божию и внушает, что не земная природа, но сам (Бог) совершает все. А почему он не указал на то, что было ближе к предмету, т.е. на семя человеческое, — так как и наше рождение, подобно пшенице, начинается гниением? Потому что (тот и другой пример) не равны, но первый важнее. Апостол хочет указать на что-нибудь всецело истлевающее, а семя человеческое только часть (человека); потому он и указывает (на пшеницу). С другой стороны, семя человеческое выходит из живого человека и падает в живую утробу; а здесь семя бросается не в тело, а в землю, и в ней истлевает подобно умершему телу. Таким образом приведенный пример прямее относится к делу. **И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее** (ст. 37). Сказанное доселе относится к тому, как (мертвые) воскреснут; а это к тому недоумению, в каком явятся теле. Что значит: **не тело будущее**? Не колос целый и не пшеницу новую. Здесь говорится уже не о действительности воскресения, но об образе воскресения, т.е. каково будет тело, имеющее воскреснуть, — такое ли, как прежде, или лучшее и превосходнейшее. То и другое (апостол) выводит из одного и того же примера и доказывает, что оно будет лучше.

2. Еретики же, не понимая ничего такого, возражают и говорят: иное тело умирает и иное тело воскреснет. Но что это за воскресение? Ведь восстание (воскресение) относится к тому, что упало. И где та чудная и славная победа над смертью, если одно падает, а другое восстает. Тогда уже не будет явно, что она возвратила то, что держала в своем плену. Как же это сравнение идет к предмету? Не иное существо сеется, а иное возрастает, но (возрастает) тоже самое в лучшем виде. Иначе и Христос, бывший начатком воскресающих, воскрес не в том же самом теле, но, по вашему, одно тело Он оставил, хотя оно было без всякого греха, а другое принял. Откуда же Он взял другое? То от Девы, а это откуда? Видишь ли, до каких нелепостей доводит такое мнение? Для чего также Он показал язвы гвоздиные?

Не для того ли, чтобы доказать, что это самое (тело) и ко кресту было пригвождено и оно же воскресло? И что значит прообраз Ионы? Без сомнения, не иной Иона был поглощен, а иной извергнут на землю. И еще, почему (Христос) говорил: **разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его** (Ин.2:19)? Он, конечно, воздвиг тот самый храм, который разрушен; потому евангелист и присовокупил: **а Он говорил о храме тела Своего** (ст. 21). Итак, что означают слова: **сеешь не тело будущее**? Т.е. не колос, потому что он тот же и не тот же: тот же потому, что одного существа с (семенем); не тот же потому, что он лучше; существо осталось тоже, но явилось большей благолепие, и Он восстал в новом виде. А если бы не так, то не было бы нужды и в воскресении, когда бы тело не могло воскреснуть лучшим; для чего разрушать дом, если не строить его лучшим?

Это (апостол) сказал против тех, которые думают, что (тело) истлевает. А далее, чтобы кто не подумал, что отсюда произойдет другое тело, он разрешает недоумение и сам изъясняет сказанное, не позволяя слушателю выводить какое-нибудь несообразное заключение. К чему же тогда и наши слова? Послушай, как он сам говорит и изъясняет, что значит: **сеешь не тело будущее**; он именно тотчас присовокупляет: **а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое**. Не тело будущее, т.е. не так одетое, не имеющее стебля и колосьев, **а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое**. **Но Бог дает ему тело, как хочет** (ст. 38). Так, скажешь; но здесь действует природа. Какая, скажи мне, природа? И здесь все совершает Бог, а не природа, не земля и не дождь. Потому-то (апостол), не упоминая ни о земле, ни о дожде, ни о воздухе, ни о солнце, ни о руках земледельца, говорит: **но Бог дает ему тело, как хочет**. Не исследуй же и не допытывайся, как и каким образом, когда слышишь, что это — дело силы и воли

Божией. **И каждому семени свое тело.** Где же чужое тело? Дает свое. Потому, когда (апостол) говорит: **сеешь не тело будущее**, утверждает не то, будто вместо одного воскреснет другое существо, но — воскреснет в лучшем, славнейшем виде. **И каждому семени свое тело.** Отсюда наконец он выводит и различие (тел) при будущем воскресении. Из того, что сеется пшеница и из нее восходят все колосья, не заключай, будто и при воскресении (тела) будут равночестны. Даже и из семян происходят (колосья) не одинакового достоинства, но одни лучше, другие хуже. Потому (апостол) и присовокупляет: **и каждому семени свое тело.**

Впрочем, не довольствуясь этим, он выражает еще другое различие, большее и яснейшее. Чтобы ты, как я сказал, услышав, что все воскреснут, не подумал, что все получают и одну честь, он еще прежде посеял семена своей мысли, сказав: **каждый в своем порядке** (15:23). То же самое еще яснее он выражает и здесь, продолжая так: **не всякая плоть такая же плоть** (ст. 39). Что я указываю, говорит, на семена? Тоже самое мы можем видеть на телах, о которых теперь идет у нас речь. Потому и продолжает: **но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе** (ст. 40, 41).

3. К чему здесь эти слова? Для чего (апостол) от воскресения тел уклонился к речи о звездах и солнце? Не уклонился он и не отступил от предмета, — нет, — а еще продолжает говорить о нем. Доказав истину воскресения, он теперь доказывает, что великое будет тогда различие в славе, хотя воскресение одно, и разделяет все на две части — на тела небесные и на земные. Примером пшеницы он доказал, что тела воскреснут; а здесь доказывает, что не все они будут в одинаковой славе. Как неверие воскресению делает людей сонливыми, так и то мнение, что все удостоятся одинаковой участи, делает их беспечными. Потому он исправляет то и другое; о первом сказал выше, а о последнем начинает говорить теперь. Разделив всех на два разряда, на праведников и грешников, он потом разделяет эти два разряда на многие части, показывая, что праведники и грешники получают не одинаковую участь, также — что ни праведники все не будут равны с праведниками, ни грешники с грешниками. Первое деление — на праведников и грешников — он делает в словах: **тела небесная и тела земная**, разумея под земными последних, а под небесными первых. По том показывает различие между самими грешниками в словах: **не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц**; хотя все они — тела, но одни более, другие менее маловажны, как в образе жизни, так и в самом устройстве. Сказав об этом, он опять обращается к небу и говорит: **иная слава небесных, иная земных**. Как в земных телах есть различие, так и в небесных, и различие не малое, но простирающееся даже до последних (звезд); есть различие не только между солнцем и луной, между луной и звездами, но и между самими звездами; хотя все они на небе, но одни имеют более, другие менее славы. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, хотя все праведники будут в царстве (небесном), но не все получают одинаковое блаженство; и грешники, хотя все будут в геенне, но не все будут одинаково мучиться. Потому он и присовокупляет: **так и при воскресении мертвых** (ст. 42). Что — **так**? Будет такое же великое различие. Далее, оставив этот предмет, как достаточно доказанный, он опять обращается к доказательству и к образу самого воскресения и говорит: **сеется в тлении, восстает в нетлении**. И посмотри на мудрость его: о семенах он употребляет выражения приличные телам: **не оживет, если не умрет**; а о телах употребляет выражения приличные семенам: **сеется в тлении, восстает в нетлении**. Не сказал: произрастает, чтобы ты не приписал этого действию земли, но: **восстает**. Сеянием же здесь он называет не зачатие наше в утробе матери, но погребение в земле мертвых тел, разрушение, прах. Потому, сказав: **сеется в тлении, восстает в нетлении**, он продолжает: **сеется в унижении** (ст. 43), так как что

безобразнее мертвого, разрушившегося (тела)? **Восстает в славе. Сеется в немощи.** Не проходит и тридцати дней, как все разрушается; плоть не может поддержать сама себя и продолжить даже на день. **Восстает в силе.** Тогда уже ничто не преодолеет ее. Для того и нужны были приведенные примеры, чтобы многие, слыша, что тела восстанут в нетлении, славе и силе, не подумали, будто не будет никакого различия между воскресшими. Хотя все воскреснут в силе и нетлении и в славе нетления, но не все в одинаковой чести и степени. **Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное** (ст. 44). Что говоришь ты? А это тело разве не духовно? Оно духовно, но то будет гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетает, когда кто впадает в тяжкие грехи, и тогда, как Дух пребывает в душе, (отлетает) жизнь плоти, — а без первого и последняя ничтожна, — но тогда не так, а напротив (Дух) будет непрестанно пребывать в плоти праведников и станет господствовать в ней, хотя и душа будет присутствовать.

Таким образом (апостол) разумел или что-нибудь подобное, когда сказал: духовное, или то, что оно будет легче, тоньше, и будет способно носиться даже по воздуху, или лучше — то и другое.

Если же не веришь сказанному, то посмотри на тела небесные, столь светлые, неизменные и никогда не стареющие, и веруй, что Бог может и тленные тела сделать нетленными и гораздо лучшими видимых. **Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий** (ст. 45). Первое действительно написано (Быт.2:7), а последнего не написано: как же (апостол) сказал: **так и написано?** Он вывел это из событий, как и часто делает. Так обыкновенно поступают и пророки; например, пророк сказал, что Иерусалим наречется град истинный (Зах.8:3), однако он не назывался так. Что же?

Неужели пророк сказал неправду? Нет, он говорит, делая вывод из событий. Также: Христос наречется Еммануил (Ис.7:14), и однако Он не назывался так; но дела дают Ему это название.

Так и здесь: **а последний Адам есть дух животворящий.**

4. (Апостол) сказал это для того, чтобы ты знал, что уже есть знамения и залогов как настоящей, так и будущей жизни: настоящей — Адам, а будущей — Христос. Так как лучшие (блага) он поставляет в надеждах, то теперь доказывает, что начало их уже пришло, что корень и источник их уже явились.

Если же корень и источник для всех очевидны, то не должно сомневаться и о плодах. Потому он и говорит: **последний Адам в дух животворящ; и в другом месте: оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас.** (Рим.8:11).

Следовательно, животворить — дело Духа. Потом, чтобы кто не сказал: почему худшее прежде, и почему душевное сбылось все, а не в начатке только, духовное же только в начатке, — (апостол) выражает, что таков порядок того и другого. Но не прежде, говорит, духовное, но душевное, потом же духовное (ст. 46).

Не говорит — почему, но довольствуется указанием на распоряжение Божие, имея свидетелем превосходства домостроительства Божия опыт событий и через то доказывая, что все с нами происходит к лучшему, а вместе с тем придает еще более достоверности словам своим. Если сбылось худшее, то тем более надобно ожидать лучшего.

Итак, если нам предстоят такие блага, то постараемся поставить себя в тот разряд (праведников) и будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь во зле. Земледелец, когда видит пшеницу разрушающейся, не плачет; напротив, когда видит, что она в земле остается твердой, боится и трепещет; а когда видит ее разрушающейся, тогда радуется, потому что разрушение есть начало будущего ростка. Так и мы будем радоваться, когда тленный дом распадается, когда человек сеется. Не удивляйся, что (апостол) назвал погребение сеянием; это — лучшее сеяние. За тем (сеянием) следуют смерти, труды, опасности, заботы, а за этим, если будем жить праведно, венцы и награды; за тем — тление и смерть, а за этим — нетление, бессмертие и бесчисленные блага; при том сеянии — совокупление, похоть и сон, а при этом — только глас, сходящий с небес, и вдруг все совершается, и восстающий вступает не в жизнь многотрудную, но туда, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Если же ты (жена) нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех Защитнику, Спасителю и Благодетелю — Богу, к этой необоримой помощи, готовому подкреплению, надежному покрову, вездесущему и отовсюду нас ограждающему. Но привычное обращение с ним, скажешь, вожделенно и приятно? И я знаю это; но если ты умеришь страсть свою рассудком и размыслишь о том, Кто взял его, и что ты, перенес твердо, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие; если же ты будешь малодушничать, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь никакой награды. Вместе с этими мыслями припомни и примеры, как из настоящей жизни, так и из божественных Писаний; вспомни, как Авраам заклал сына своего, и не плакал, не произнес жалобного слова. Но, скажешь, это был Авраам? А ты призвана еще к большим подвигам. Иов, хотя скорбел, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся об умерших; а то, что ныне делаем мы, свойственно врагам и неприятелям. В этом деле, если бы ты стал плакать и рыдать о ком-нибудь, введенном в царские чертоги и увенчанном, то я не назвал бы тебя его другом, а явным врагом и неприятелем. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя?

И это несвойственно любящему — желать, чтобы он еще беспокоился о тебе и подвергался неизвестности (твоего) будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он? Как не знаешь, скажи мне? Он жил или праведно или нет; поэтому известно, куда отойдет он. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником? Это — одна отговорка и предлог; если бы ты поэтому оплакивала умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершенствовать его при жизни; но ты заботишься только о себе, а не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаем при божественных таинствах поминовение об умерших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, взявшего грехи мира, но для того, чтобы им было от того некоторое утешение; не напрасно предстоящий перед жертвенником, при совершении страшных таинств, взывает: о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершались поминовения, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не сценические представления, — да не будет — они совершаются по устройению Духа.

5. Будем же помогать им и совершать о них поминовение.

Если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что, когда и мы приносим жертву за умерших, им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать

одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: **дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за** (2 Кор. 1:11).

Не поленимся же помогать умершим приносить за них молитвы, потому что предстоит общее очищение вселенной. Потому мы и молимся тогда с дерзновением о всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Мы все одно тело, хотя члены — одни других превосходнее. Так, отовсюду возможно снискивать им прощение, и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними.

Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколе имеешь Его, Он сам будет для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя, так как и при их жизни Он же делал для тебя все. Так-то помышляй и говори подобно Давиду: **Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюсь?** (Пс.26:1). И еще: **Отца сирот и Судии вдов** (Пс.67:6).

Моли Его о помощи; Он теперь сравнительно с прежним временем тем более будет промышлять о тебе, чем в большем ты находишься затруднении. Или ты (отец) потерял сына? Не потерял; не говори так. Это сон, а не смерти переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умилоствляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему и тебе; если же нет, то ты

еще более прогневаешь Бога, подобно как если бы, видя, что господин наказывает раба, ты озлобился на него, то раздражил бы господина еще более против себя самого. Не поступай же так, но благодари Бога, чтобы таким образом рассеялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному (Иову): **Господь дал, Господь и взял** (Иов.1:21); представь, как многие, более тебя угодившие Богу, даже вовсе не имели детей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желал бы (иметь их), потому что лучше не испытывать удовольствия, нежели, испытав, лишиться. Нет, увещаю тебя, не говори так, не раздражай этим Владыку; но благодари и за то, что получил, благословляй и за то, чего не удержал до конца. Не говорил Иов: лучше было бы не иметь, как говоришь ты неблагодарный, но и за то благодарил: **Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно.** И жене, заграждая уста и вразумляя ее, он сказал такие чудные слова: **неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?** (2:10). И после, когда он подвергся еще тягчайшему искушению, также не поколебался, но терпел столь же мужественно и славословил (Бога). Так поступай и ты и помышляй в себе самом, что не человек взял (сына твоего), но Бог, Который сотворил его, Который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, как многие (дети), оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь.

Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их; но состояние твоего сына надежнее, нежели их; они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен; а за него тебе уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ним перемена. Так же рассуждай и о жене доброй и домовитой, и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; может быть, Бог хочет привести тебя к воздержанию, призывает к большим подвигам, хочет освободить тебя от уз. Любомудрствуя таким образом, мы и здесь приобретем душевное спокойствие, достигнем и будущих венцов, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

Первый человек - из земли, перстный; второй человек - Господь с неба (1Кор.15:47).

1. Сказав, что первый человек душевен, а второй духовен, теперь (Павел) представляет иное различие, называя одного перстным, а другого небесным. Препрежнее различие относилось к жизни настоящей и будущей, а это ко времени до благодати и после благодати. Представляет же он такое различие для того, чтобы внушить добродетельную жизнь. Чтобы слушатели, как я сказал, надеясь на воскресение, не стали пренебрегать жизнью и благочестием, он и здесь опять призывает их на подвиги и увещевает быть добродетельными: **первый человек**, говорит, **из земли, перстный; второй человек - Господь с неба**, называя того и другого вообще человеком, но в одном указывая высшую его сторону, а в другом низшую. **Каков перстный, таковы и перстные**, — также погибнут и умрут; и: **каков небесный, таковы и небесные**, — также пребудут бессмертными и светлыми (ст. 48).

Но и последний разве не умер? Умер, однако не только не потерпел от того никакого вреда, но еще таким образом разрушил смерть. Видишь ли, как здесь (апостол) самой смертью подтверждает учение о воскресении? Когда есть, как я прежде сказал, начаток и глава, то не сомневайся и касательно всего тела.

Притом здесь он предлагает превосходное увещание к добродетельной жизни, представляя образцы как высокой и любозумрой, так и противоположной тому жизни, и указывая начатки той и другой, первой во Христе, а второй в Адаме. Потому не просто сказал: от земли, но: **перстный**, т.е. плотян, привязан к настоящему; а о Христе напротив: **Господь с неба**. Если же некоторые из выражения: **с неба** выводят такое заключение, будто Господь не имеет тела, то для заграждения уст их и прежде сказанное достаточно, и теперь ничто не препятствует опровергнуть их. Что же значит: **Господь с неба**? О существе ли говорит апостол, или о высшей жизни? Очевидно, что о жизни.

Потому и присовокупляет: **и как мы носили образ перстного**, т.е. как делали зло, **будем носить и образ небесного**, т.е. будем делать добро (ст. 49). Кроме того я желал бы спросить тебя, о существе ли сказано в словах: **из земли, перстный**, и: **Господь с неба**? Да, говорить ты. Как же, разве Адам был только **перстный**, или он имел еще какую-нибудь другую сущность, сродную с существами высшими и бесплотными, которую Писание называет душой и духом? Без всякого сомнения, (имел) и ее. Следовательно и Господь был не только свыше, хотя и говорится, что Он **с неба**, но принял и плоть. Смысл слов (апостола) следующий: как мы носили образ земного — злые дела, так будем носить и образ небесного — небесную жизнь. А если бы здесь говорилось о существе, то дело не требовало бы убеждения и совета; и потому очевидно, что здесь говорится о жизни. Потому (апостол) и говорит об этом в виде увещания и указывает на образ, а тем самым опять показывает, что он говорит о деятельности, а не о существе; мы от того сделались перстными, что стали совершать злые дела; мы перстны не потому, что так были сотворены, но потому, что согрешили, так как прежде грех, а потом смерть: **прах ты и в прах возвратишься** (Быт.3:19); отсюда же произошло и множество страстей. Не происхождение только из земли делает человека перстным, — потому что и Господь был из того же тела и того же состава, — но совершение земных дел; равно и небесным делает жизнь, достойная неба. Впрочем, для чего напрасно трудиться, доказывая это? (Павел) сам, продолжая речь, раскрывает нам свою мысль и говорит так: **но то скажу [вам], братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления** (ст. 50).

Видишь ли, как он объясняет сам себя, избавляя нас от затруднения? Так он часто поступает. Плотью здесь он называет злые дела, как и в других местах, когда, например, говорит: **вы не по плоти живете** (Рим.8:9); и еще: **живущие по плоти Богу угодить не могут** (Рим.8:8); так что, когда он говорит: **но то скажу**, в словах его содержится не иное что, как следующее: я сказал это для того, чтобы ты знал, что злые дела в царство не вводят. От воскресения он тотчас переходит к царству и присовокупляет: **и тление не наследует нетления**, т.е. зло не наследует славы и нетленных благ. Таким именем он часто называет зло; например: **сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление** (Гал.6:8). Если бы он говорил о теле, а не о порочной деятельности, то не назвал бы его тлением; он нигде не называет тела тлением: оно не тление, а тленное. Потому и далее, рассуждая о нем, не называет его тлением, а тленным: **тленному сему надлежит облечься в нетление**, Окончив увещание касательно жизни, далее он по своему всегдашнему обыкновению, соединяя один предмет с другим, переходит опять к учению о воскресении тел и говорит: **говорю вам тайну** (ст. 51).

2. О страшном и неизреченном, о том, что не все знают, намеревается говорить (апостол), и оказывает им великую честь, беседуя с ними о предметах неизреченных. Что же это такое?

Не все мы умрем, но все изменимся. Смысл слов его следующий: не все мы умрем, но все изменимся, даже и те, которые не умрут, несмотря на то, что и они смертны. Итак, когда умираешь, не бойся из-за этого, как будто не воскреснешь; есть, несомненно есть такие, которые избегнут смерти, но для воскресения им будет того недостаточно, а необходимо, чтобы тела и тех, которые не умрут, изменились и сделались нетленными.

Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе (ст. 52). После многого, сказанного о воскресении, он теперь благовременно открывает в нем весьма дивное. Не то только удивительно, говорит, что тела сперва сгниют и потом восстанут, и не то, что восставшие после гниения будут лучше нынешних, и не то, что перейдут в гораздо лучшее состояние, и не то, что каждый получит собственное, а не чужое тело, но и то, что столь многие и столь великие дела, превосходящие всякий ум и всякое разумение, совершатся: вскоре, т.е. в мгновение времени, или, как он яснее выражает это, в мгновении ока, — (так же быстро), как мигают ресницы. Потом, так как он сказал нечто великое и изумительное, т.е. что столь многие и столь великие дела совершатся так скоро, приводит и доказательство в удостоверение истины события: **ибо вострубит**, говорит, **и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.** Слово — **мы** здесь он относит не к себе, а к тем, которые тогда окажутся живыми. **Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление** (ст. 53). Чтобы кто-нибудь слыша, что плоть и кровь царствия Божия не наследят, не подумал, что тела не воскреснут, он присовокупляет: **тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие.** Тленное — это тело, и мертвенное тоже тело; тело остается, потому что оно есть то, что облачается, исчезают же смертность и тленность, когда оно облачается в бессмертие и нетление. Потому не сомневайся на счет того, как тело будет жить бесконечно, когда слышишь, что оно будет нетленно. **Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою** (ст. 54). Так как он сказал о делах великих и неизреченных, то еще подтверждает слова свои пророчеством: **поглощена смерть победою**, т.е. окончательно, так что не останется ни следов ее, ни надежды на возвращение, когда тление будет поглощено нетлением. **Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?** (ст. 55). Видишь ли величие души его?

Как бы торжествуя победу, он воодушевляется и, созерцая будущее, как бы уже совершившееся, восхищается и попирает ногами низложенную смерть, и над главой

поверженной издает победный клик, громко взывая: **смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?** Прошла, погибла и исчезла совершенно, — все сделано тщетным. (Господь) не только обезоружил и победил смерть, но истребил ее и обратил в ничто. **Жало же смерти - грех; а сила греха - закон** (ст. 56). Видишь ли, что здесь идет речь о смерти телесной? Следовательно и о воскресении телесном. Если (тела) не воскреснут, то как будет поглощена смерть? И еще: каким образом сила греха закон? Что жало смерти — грех, который даже тяжелее ее, и что в нем она имеет силу, это известно; а как силу греха составляет закон? Без закона грех был слаб; он был совершаем, но не мог так подвергать осуждению, потому что зло (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось с такой ясностью. Потому закон немало содействовал, как большему познанию греха, так и увеличению наказания. Если же он, имея целью ограничить грех, сделал его более тяжким, то вина лежит не на враче, а на том, кто худо пользовался врачеством. Так и пришествие Христово послужило большим бременем для иудеев; но мы не обвиняем его за это, а напротив еще удивляемся ему, и тем более осуждаем их, что они получили вред от того, от чего следовало получить пользу. Что не сам (закон) сообщил силу греху, (видно из того, что) Христос исполнил все, и однако был чужд греха. Смотри, как и через это (апостол) доказывает воскресение: если грех есть причина смерти, а Христос, придя, разрушил грех и нас избавил от него через крещение, с грехом же прекратил и закон, в нарушении которого состоит грех, то как после этого сомневаться в воскресении? Чем теперь будет сильна смерть? Законом? Но он прекращен. Грехом? Но он разрушен. **Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!** (ст. 57).

3. Трофеей воздвигнул сам (Христос), а венцов удостоил и нас, не по обязанности, а по одному человеколюбию. **Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы** (ст. 58). Справедливо и благовременно это увещание: ничто столько не колеблет, как мысль, что трудишься тщетно и напрасно. **Всегда преуспевайте в деле Господнем**, т.е. в чистой жизни. Не сказал: делая добро, но: **преуспевайте**, т.е. чтобы добро было совершаемо обильно и выше предписанных пределов. **Зная, что труд ваш не тщетен пред Господом**. Что говоришь ты? Опять труд? Но этот труд удостоивается венцов и (совершается) для небес. Первый, после рая — наказание за грехи; а этот — основание будущих наград. Потому его можно бы и не называть трудом — как поэтому, так и потому, что он удостоивается великой помощи свыше. Потому (апостол) и присовокупляет: **пред Господом**. Первый для того, чтобы нам понести наказание, а последний для того, чтобы получить будущие блага. Не будем же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно сподобиться царства небесного беспечным, равно и преданным роскоши и невоздержанию.

Скорее, изнуряя и измождая свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит брань, как склонен человек ко злу, как окружает грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о желудке, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о (вещах) необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти (заботы): **не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться** (Мф.6:25). Если же не должно пещись о необходимой пище и одежде, и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: **никакой воин не связывает себя делами житейскими** (2Тим.2:4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное

нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах! **Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением**, говорит (Господь), **уже прелюбодействовал с нею в сердце своем** (Мф.5:28); а люди, которые должны отдать отчет даже за нескромный взгляд, не стесняются сгнивать в самом этом грехе. **Кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной** (Мф.5:22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (Мф.5:46); а мы ненавидим и любящих. Какое же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто: но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в (место) неотвратимых мучений и невыносимых казней. Потому увещаю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока остается еще краткий срок жизни, примите с сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы там по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение перед Богом, никто тогда не избавит тебя от (мучений), заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по делам только, и иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить, или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Если мы будем беспечны, то нас не защитит никто — ни праведник, ни пророк, ни апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то с дерзновением удостоимся и благ, уготованных любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских (1Кор. 16:1).

1. Окончив учение о догматах и намереваясь излагать учение нравственное, (Павел) оставляет все прочее и переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне. Сказав об этом одном предмете, он оканчивает (речь) между тем в других посланиях нигде не делает этого, но заключает их беседой и о милостыне, и о воздержании, и о кротости, и о долготерпении, и о всех прочих добродетелях. Почему же здесь он занимается одной только частью нравоучения? Потому, что и в прежде сказанном было весьма много нравственного, именно в том, чем он наказывал блудника, чем вразумлял судившихся у внешних (язычников), чем приводил в страх преданных пьянству и чревоугодию, чем обличал возмутителей, состязателей и властолюбцев, чем угрожал предать нестерпимому наказанию недостойно приступающих к таинствам, чем объяснял вечерю любви. Потому теперь он упоминает об одном только том, что особенно нужно было, т.е. о пособии святым. И посмотри на мудрость его: он беседует об этом уже тогда, когда убедил их в истине воскресения и возбудил ревность. Правда, он беседовал с ними об этом и прежде, когда говорил: **если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?** и еще: **кто, насадив виноград, не ест плодов его?** (1Кор.9:11,7). Но так как он знал величие предлагаемой добродетели, то не оставляет сказать о ней и в конце послания. Милостынею он называет сбор для того, чтобы тотчас

же с самого начала представить это дело легким, потому что если она должна собраться со всех, то такое установление для каждого становится легким.

Впрочем, начав говорить о сборе, он не тотчас сказал: **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает**, хотя это и следовало; но наперед сказал: **как я установил в церквах Галатийских**, а потом присовокупил и то; указанием на совершаемое другими он возбуждает их к соревнованию, предлагая им это в виде повествования. Так он поступил и в послании к Римлянам, где, объясняя им причину своего отправления в Иерусалим, говорит между прочим и о милостыне: **а теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахايا усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме** (Рим.15:25,26). Одних побуждает примером македонян и коринфян, а других — примером галатийцев: **поступайте так, как я установил**, говорит, **в церквах Галатийских**; им стыдно было бы оказаться ниже галатийцев. Не сказал: я убеждал и советовал, но: **установил**, чем выражается большая власть; привел в пример не один город, не два и не три, но целый народ, как делал он и в отношении к догматам: **так**, говорит, **во всех церквах у святых** (1Кор.14:33); если же такое убеждение сильно для веры в догматы, то еще сильнее для подражания в делах. Что же, скажи мне, устроил ты? **В первый день недели**, т.е. в день воскресный, **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду** (ст. 2). Смотри, как он убеждает их самим временем: этот день сам по себе достаточно располагает к милостыне. Вспомните, говорит, чего вы сподобились в этот день: неизреченные блага, корень и источник нашей жизни получили начало в этот день, и не поэтому только это время располагает к человеколюбию, но и потому, что оно доставляет отдых и свободу от трудов; душа, облегченная от бремени трудов, бывает удобопреклоннее и способнее к милосердию. Кроме того, и причащение в этот день страшных и бессмертных таин производит великую готовность (к подаянию). Итак, в этот день, **каждый из вас**, не только тот или другой, но **каждый**, беден ли он или богат, жена или муж, раб или свободный, да полагает у себе сохраняя. Не сказал: пусть приносит в церковь, чтобы им не стыдно было приносить малое, но — пусть, сберегая мало-помалу, увеличивает приношение, и потом покажет его, когда я приду; а до того времени, говорит, отлагай у себя, и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей; будь стражем священного имущества, самопоставленным домоправителем бедных; человеколюбие дает тебе это священное право. Знаком этого остается и доньше сосудохранилище. Но знак остается, а дела нет. Знаю, что многие из присутствующих опять будут укорять нас и, слыша слова наши, говорить: не будь, просим тебя, не будь тяжел и обременителен для слушателей; предоставь это их произволу, отдай на волю слушателей; ты так стыдишь нас и заставляешь краснеть! Но я не перестану говорить об этом; и Павел не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящим милостыни.

Если бы я говорил: отдай мне и принеси в мой дом, то, может быть, слова мои были бы постыдны; Впрочем и тогда — нет, потому что служащий алтарю, говорит (апостол), со алтарем делится (1Кор.9:13).

2. Но, может быть, кто будет укорять меня, что я говорю о самом себе. Нет, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся, или, лучше, не о нуждающихся, а о вас — подающих; потому и говорю смело. И что за стыд — сказать: подай Господу алчущему, одень Его, ходящего нагим, прими Его — странника?

Владыка твой перед целой вселенной не стыдится говорить: **ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть** (Мф.25:42), тогда как Он ни в чем не имеет недостатка и никакой нужды, — и я ли буду стыдиться и колебаться? Нет, такой стыд — от диавольских козней. Потому я не стыжусь, но смело говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели

сами нуждающиеся. Если бы кто мог доказать и уличить, что, говоря это, мы привлекаем вас к самим себе, и под предлогом бедных имеем в виду собственную пользу, то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громов, и тем, которые делают это, не следовало бы жить; если же, по милости Божией, мы о себе нисколько не заботимся, но предлагаем вам благовестив безвозмездно, трудясь, хотя не так, как Павел, однако довольствуясь своим, то я со всем дерзновением говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а неподающих буду осуждать строго.

Если бы я был военачальником и имел у себя воинов, то, конечно, не стыдился бы выпрашивать пищи своим воинам; так же много я пекусь и о вашем спасении. Но чтобы слова мои были действительнее и сильнее, для этого, став под руководство Павла, буду говорить вам вместе с ним: **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние.** Смотри опять, как это не трудно. Не сказал: столько-то или столько-то, но: **сколько позволит ему состояние**, много ли, мало ли. Не сказал также: сколько кто приобретет, но: **сколько позволит ему состояние**, выражая, что приобретение — от Бога. И не этим только способом он делает совет свой удобоисполнимым, но и тем, что не повелевает вносить все в одно время, так как если собирать мало-помалу, то служение и расход делаются нечувствительными.

Потому он и повелевает не тотчас принести, но назначает продолжительный срок и приводит причину: **чтобы не делать сборов, когда я приду**, говорит, тогда собрания бывают, т.е. чтобы не делать сборов тогда, когда наступит время взноса. И не без цели предлагает им такое внушение: ожидание Павла должно было возбуждать в них более усердия. **Когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим** (ст. 3). Не сказал: кого-нибудь, но: **которых вы изберете**, т.е. кого изберете, чтобы служение было несомнительно. Дело избрания тех, которые отнесут милостыню, он предоставляет самим (коринфянам); не так будет, говорит, что жертвовать станете вы, а избирать имеющих отнести — не вы. А чтобы не показалось, будто он себя устраняет от них, он прилагает и свои послания: **которых, говорит, вы изберете, тех отправлю с письмами**; как бы так сказал: и я буду с вами, и я приму участие в служении посредством посланий. Не сказал: пошлю их отнести милостыню вашу, но: благодать вашу, чтобы показать, что они совершают великое дело, чтобы внушить, что и сами они от этого получают пользу. В других местах он называет (такое подаяние) благословением и общением (2Кор.8; Фил.1), первым — для того, чтобы слушатели не сделались нерадивыми, а последним — для того, чтобы они не возгордились; но нигде не назвал милостыней. **А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут** (ст. 4). Здесь он опять располагает их к щедрости: если говорит, будет столько собрано, что понадобится и мне идти, то и я не откажусь. Но прямо не обещал этого и не сказал: когда приду, то сам отнесу, потому что не столько расположил бы их к увеличению подаяния, если бы сказал это в самом начале, а после такое прибавление хорошо и благовременно. Потому-то он и не прямо это обещал, и совершенно не умолчал об этом, но, сказав наперед: **отправлю**, потом упомянул и о себе. И в этих словах: **а если прилично будет и мне отправиться** он опять предоставляет дело на их волю, т.е., что от них зависит собрать много и столько, чтобы не стыдно было и ему предпринять путешествие. **Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию** (ст. 5). Он сказал тоже и прежде, но тогда с гневом, прибавив: **но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу** (1Кор.4:19); а теперь благосклоннее, чтобы они желали его прибытия. А чтобы они не сказали: для чего ты предпочитаешь нам македонян? — он не сказал: когда пойду, но: **когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую** (ст. 6); хочу не мимоходом зайти к вам, но остановиться и пожить у вас. Он писал это зимой, находясь в Эфесе. Потому и говорит: пребуду же в

Ефесе до Пентикостии, потом пойду в Македонию; и, пройдя ее, летом приду к вам, быть может, проведу у вас и зиму.

3. Но почему он сказал: **может быть**, а не утвердительно?

Потому, что не все предвидел Павел, и потому, что это было полезно. Поэтому он и не утверждает прямо, чтобы, если бы этого не случилось, иметь оправдание в том, что говорил тогда неопределенно, равно и в том, что его направлял Дух по своей власти, куда хотел, а не куда желал сам (Павел). Также он поступает и во втором послании, когда оправдывается в своем замедлении: **или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то "да, да", то "нет, нет"** (2Кор.1:17). **Чтобы вы меня проводили, куда пойду.** И это — слова любви и великого благорасположения. **Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит** (ст. 7). Здесь он выражает свою любовь и вместе устрашает грешников, впрочем, не прямо, а под видом дружеского расположения. **В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы** (ст. 8). Не напрасно он говорит обо всем этом с точностью, но открывает им, как друзьям, потому что дружбе свойственно — объявлять причину, почему не приходит, почему медлит и где находится.

Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много (ст. 9). Если же (дверь) велика, то откуда сопротивление? От этого самого и много противников, что велика вера, что велик и широк вход. Что же значит: дверь велика? Многие готовы принять веру; многие готовы приступить и обратиться; широк у меня вход, потому что души приступающих охотно принимают послушание веры. Сильной злобой дышал тогда диавол, видя, что многие от него отступают. Поэтому (Павлу) надлежало остаться там по двум причинам: потому что велика была польза, и потому что велик был подвиг. Такой речью он тоже ободрял (коринфян), сообщая им, что, наконец, слово повсюду действует и

удобно возрастает. А что много было противников, то и это означает успех евангельской проповеди. Злой демон никогда так не свирепеет, как когда видит, что многие из его сосудов расхищаются. Потому и мы, когда захотим совершить что-нибудь великое и доблестное, будем смотреть не на то, что дело представляет много труда, а на его пользу. И Павел, смотри, не теряет бодрости и не убегает потому, что много противников, но остается и напрягает свои силы, потому что велика была дверь.

Это, как я сказал, было знаком разоружения диавола. Этого злого зверя не может раздражить тот, кто сделал что-нибудь малое и незначительное. Потому не удивляйся, когда видишь, что праведный муж, совершающий великие подвиги, терпит множество бедствий; надлежало бы дивиться противному, т.е. если бы диавол, будучи часто поражаем, оставался в покое и кротко переносил (наносимые ему) раны. Не удивительно, если змий, получая непрерывные удары, свирепеет и бросается на ударяющего. А диавол, пресмыкаясь, свирепствует против всех злее всякого змия и нападает, выставив жало, подобно скорпиону. Это не должно смущать нас; возвращающемуся с войны, после, сражения и победы, необходимо быть в крови, а нередко и иметь раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел, и таким образом сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается. Великое (дело) быть милосердным и добродетельным тогда, как обстоятельства благоприятны; но гораздо важнее не отступать от доброй деятельности и во время

бедствий. В последнем случае человек действует собственно для Бога. Итак, возлюбленные, будем ли мы находиться в опасности или терпеть что-нибудь прискорбное, станем тем с большим усердием совершать подвиги добродетели, потому что еще не время воздаяния. Не будем искать венцов здесь, чтобы во время (раздаяния) венцов нам не уменьшить своей награды. Как у художников работающие на собственном иждивении получают большую плату, а проживающие на счет нанявшего их получают плату гораздо меньшую, так и из святых кто совершает много добра и терпит много зла, тот получает полную награду и гораздо большее воздаяние — не только за добро, которое он сделал, но и за зло, которое он претерпел; а кто наслаждается здесь, живя в удовольствиях и роскоши, тот получает там не столь светлые венцы. Потому не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения.

4. Чтобы сказанное было яснее, представим двух людей богатых, которые оба милосердны и подают бедным. Потом, пусть один останется при своем богатстве и наслаждается полным благоденствием, а другой пусть впадет в бедность, подвергнется болезням и несчастьям и между тем благодарит Бога. Когда они отойдут отсюда, то который из них получит большую награду?

Не явно ли, что подвергшийся болезням и скорбям, так как он и в благоденствии и в злополучии не впал в человеческие слабости? Без сомнения, он. Такой человек, подлинно, есть столп адамантовый, раб верный. Если же всякое добро надобно делать, имея в виду не царство, а волю Божию, которая больше всякого царства, то чего удостоится тот, кто нерадит о добродетели, потому что здесь не получает за нее воздаяния? Потому не будем смущаться, когда видим, что кто-нибудь, охранявший вдовиц и часто угощавший бедных, лишается своего дома от пожара, или испытывает другое подобное несчастье; он и за то получит награду. Так и Иову не столько удивляются за его милостыни, сколько за следовавшие потом страдания; а друзья его за то и осуждаются и почитаются ничего не стоящими, что они требовали воздаяний в настоящей жизни и поэтому несправедливо судили о праведнике. Итак, терпя бедность и нищету, не будем искать воздаяния в здешней жизни; крайне постыдно — домогаться здешних благ тогда, как нам предложено небо и блага вышeneбесные. Не будем же поступать так, но какое бы из неожиданных обстоятельств ни встретилось с нами, будем постоянно обращаться к Богу и следовать блаженному Павлу; устроим в своем доме ковчежец для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву, и всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню, и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, так же (не начинай ее) и без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, чем повесить Евангелие близ своей кровати; если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно.

Пусть стоит этот ковчежец у твоей кровати, и ночь твоя будет без мечтаний; только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний; дело твое — милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, чтобы таким образом сделать их легкими? Ремесленник, например, сапожник, кожевник, медник, или какой бы то ни было другой, продав что-нибудь из произведений своего ремесла, пусть приносит начаток цены Богу, пусть отлагает некоторую малую часть туда и этой малой частью поделится с Богом; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставляю этого законом, не

запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке. То же правило пусть соблюдают и владельцы полей, при собирании с них доходов; то же и все, приобретающие праведно; не говорю о ростовщиках, равно и о воинах, которые притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, — от них Бог не примет ничего, — а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; когда же сами испытаем, что это дело не трудное, то перейдем мало-помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгнув в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я (1Кор.16:10).

1. Может быть, кто подумает, что такое увещание не достойно мужества Тимофея; но это сказано не для Тимофея, а для слушателей, чтобы они через какие-нибудь действия против него не причинили вреда самим себе. Он всегда был готов на опасности: **потому что**, говорит (Павел), **он, как сын отцу, служил мне в благовествовании** (Фил.2:22); но чтобы они, оскорбляя ученика, не оскорбили учителя и сами не сделались хуже, (апостол) заблаговременно предостерегает их и говорит: **чтобы он был у вас безопасен**, т.е. чтобы кто-нибудь из бесстыдных не восстал против него. Ему, может быть, предстояло сделать им замечание за то, о чем писал Павел, для чего он и был послан, как выразил (апостол) в словах: **для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви** (1Кор.4:17). Итак, чтобы они, надеясь на знатность, на богатство, на защиту от народа и на мирскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить против него козни, негодуя на его обличения, или на вразумления учителя, и желая отомстить последнему в лице первого, (апостол) говорит: **чтобы он был у вас безопасен**. Не ссылайтесь, говорит, на внешних — язычников и неверующих; требую этого от вас, для которых писано все послание. Им он внушал страх еще в начале, во вступлении; потому и здесь говорит: **у вас**. Затем внушает им доверие (к Тимофею) по самому его служению: **ибо он делает дело Господне**. Не смотри на то, говорит, что он не богат, не образован и не стар, а на то, что поручено ему и что он исполняет: **ибо он делает дело Господне**; это заменяет ему и знатность, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этим, присовокупляет: **как и я**; и выше (говорил): **для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе** (4:17). Так как он был молод и ему одному поручено было исправление такого общества, а потому то и другое могло быть причиной пренебрежения к нему, то (апостол) справедливо продолжает: **потому никто не пренебрегай его** (ст. 11); и не только этого требует для него, но еще большей чести: **проводите же**, говорит, **его с миром**, т.е. безопасно, без ссор и словопрений, без вражды и ненависти, но с покорностью и почтительностью к нему, как к учителю. **Чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями**; и этим он внушает им страх, чтобы они, зная, что он расскажет (апостолу) все, с ним случившееся, были более кроткими; для того и присовокупляет: **ибо я жду его**. А с другой стороны этим он также внушает доверие (к Тимофею), выражая, что он сам, намереваясь отправиться, ожидает его, и вместе свидетельствует любовь свою к ним, показывая, какого полезного он послал к ним человека. **А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти**

ныне, а придет, когда ему будет удобно (ст. 12). Этот, как видно, был образован и старше Тимофея; потому, чтобы они не сказали, почему он не послал к ним этого мужа, а (прислал) вместо него молодого человека, — смотри, как апостол и касательно него успокаивает их, называя его братом и сообщая, что он много просил его (отправиться к ним). И опять, чтобы не подумали, будто он предпочел ему Тимофея и потому не послал его, и чтобы не возбудить в них большей зависти, говорит: **я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам**. Что же? Он не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался?

(Павел) не говорит этого, но чтобы и его не обвинить и себя оправдать, замечает: **но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно**. Затем, чтобы не сказали, что это только отговорка и предлог, присовокупляет: **придет, когда ему будет удобно**. Таким образом он и его оправдал, и их, желавших видеть его, успокоил надеждой на его прибытие. Далее, внушая, что они должны полагать надежду спасения не в учителях, а в себе самих, он говорит: **бодрствуйте, стойте в вере** (ст. 13), не в мудрости внешней, — потому что в ней невозможно стоять твердо, не колеблясь, — а в вере, в которой можно стоять твердо. **Будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью** (ст. 14). В этих словах он, по-видимому, предлагает увещание, а между тем укоряет их за беспечность; и потому говорит им: **бодрствуйте**, как спящим, **стойте**, как колеблющимся, **будьте мужественны, тверды**, как малодушным, **все у вас да будет с любовью**, как не имеющим взаимного согласия; одно направлено против обольстителей: **бодрствуйте, стойте**: другое против оскорбителей: **будьте мужественны**; третье против возбуждающих несогласие и распри: **все у вас да будет с любовью**, — любовью, которая есть союз совершенства, корень и источник благ. Что же значит: **все у вас да будет с любовью**? Обличает ли кто, начальствует ли кто, или повинуется, учится ли кто, или учит, все (должно быть) с любовью, потому что и все упомянутое (зло) произошло от пренебрежения ею. Если бы (любовь) не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили бы: **"я Павлов"**; **"я Аполлосов"** (1Кор.1:12); если бы она была между ними, то они не судились бы у внешних (язычников), или лучше, не судились бы вовсе; если бы она была между ними, то (блудник) не жил бы с женой своего отца, они не презирали бы немощных братьев, не имели бы разделений, не тщеславились бы духовными дарованиями. Потому он и говорит: **все у вас да будет с любовью. Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым)** (ст. 15).

2. Еще в начале послания он упомянул об этом, когда сказал: **крестил я также Стефанов дом** (1Кор.1:16), и теперь называет его начатком не только Коринфа, но и всей Греции.

Немаловажная честь — первым приступить ко Христу. Потому и в послании к Римлянам, похваляя за это некоторых, он сказал: **прежде меня еще уверовавших во Христа** (Рим. XVI, 7).

Не сказал здесь: первые уверовали, но: **есть начаток**, выражая, что вместе с верой они показали и прекрасную жизнь, как ее плод, и оказались достойными во всех отношениях.

Подлинно, начаток должен быть лучше прочего, чего он есть начаток, — это Павел и засвидетельствовал об них таким выражением. Они, как я сказал, не только искренне уверовали, но и на деле показали великое благочестие, высокую добродетель и ревность в делах милосердия. И не только этим он доказывает их благоговение, но и тем, что весь дом был исполнен благочестия. А как они были ревностны в добрых делах, это (апостол) показывает в дальнейших словах: **они посвятили себя на служение святым**. Слышите ли, какую он воздает похвалу страннолюбия? Не сказал: служат, но: **и что они**

посвятили себя на служение святым; такую жизнь они избрали себе навсегда, об этом заботятся. **Будьте и вы почтительны к таковым** (ст. 16), т.е. содействуйте им и денежными пожертвованиями и телесным служением, имейте с ними общение, — потому что и труд для них делается легче, если они будут иметь сотрудников, и действия благотворительности будут простираются на большее число людей. Не просто сказал: содействуйте, но: повинуйтесь (*в русском переводе этого слова нет*) им, что бы они вам ни повелели, внушая самое строгое повиновение. Но чтобы не показалось, будто он угождает им, присовокупляет: **и ко всякому содействующему и трудящемуся**.

Пусть, говорит, этот закон будет общим; я говорю не об них исключительно, но и всякий, подобный им, пусть получает тоже. Потому, еще начиная говорить о них, он призывает в свидетели самих (коринфян): **прошу вас, братия**, говорит, **вы знаете семейство Стефаново**. Вы, говорит, сами знаете, как они трудятся, и не имеете нужды слышать об этом от нас. **Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых** (ст. 17, 18). Так как они могли иметь неудовольствие против этих лиц, потому что это были те самые, которые пришли и возвестили (Павлу) об их смутах, и через которых было писано ему о девстве и о браке, — то, смотри, как он еще в начале послания

успокаивал их, когда говорил: **ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры** (1:11), где, указывая на них, вместе с тем и

скрыл их, — а о них, конечно, он упоминает здесь, — теперь же говорит: **восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили**, и тем показывает, что они пришли к нему вместо всех и за них решились предпринять такое путешествие. Но как это

частное действие их может сделаться общим? Если ваше отсутствие вы вознаградите добрым расположением к ним, если станете почитать их, если будете принимать их, если покажете участие в их добром деле. Потому он и говорит: **будьте и вы почтительны к таковым**. Похваляя пришедших к нему, он вместе с тем воздает похвалу и другим, с посланными соединяет пославших: **ибо они**, говорит, **мой и ваш дух успокоили. Будьте и вы почтительны к таковым**, — потому что для вас они оставили отечество и дом свой. Видишь ли мудрость (апостола)? Не Павлу только, говорит, они оказали услугу, но им, потому что представили в лице своем весь город; а через это он и посланных делал достойными доверия, и пославшим не позволял отделяться от них, так как они были представителями всех перед Павлом. **Приветствуют вас церкви Асийские** (ст. 19). Он всегда в своих приветствиях сближает и соединяет членов (Церкви). **Приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью**. У них он жил, как скинотворец. **С домашнею их церковью**. И это немаловажная заслуга — обратить дом свой в церковь. **Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием** (ст. 20). Такое прибавление — лобзанием святым — он делает только здесь. Почему? Потому что (между коринфянами) было великое разделение; они говорили: **"я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "я Христов"** (1Кор.1:12); одни из них терпели голод, а другие упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы: даже из-за самих даров благодати у них была великая зависть и великая надменность. Примирив их своим увещанием, он справедливо повелевает им соединиться и святым целованием; оно могло соединить их и сделать единым телом, — оно свято, если чуждо коварства и лицемерия. **Мое, Павлово, приветствие собственноручно** (ст. 21): выражает, что это послание писано им с великим тщанием; потому присовокупляет и следующее: **кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа** (ст. 22).

3. Одним этим изречением он приводит в страх всех тех, которые делали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братию вкушением жертв идольских, назывались по именам людей, не веровали воскресению, — и не только приводит в страх, но и указывает путь к добродетели и источник пороков. Как любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняет и истребляет все виды грехов, так точно она, когда слаба, позволяет произрастать им. **Маранафа**. Для чего сказано это, и притом на еврейском языке? Так как причиной всех зол была надменность, которая происходила от внешней (языческой) мудрости, и эта надменность была главным злом, которое преимущественно разделяло коринфян, то (апостол), желая низложить их надменность, употребляет не греческое, а еврейское выражение, показывая тем, что он не только не стыдится простоты, но, напротив, очень любит ее. Что значит — **Маранафа**? Господь наш пришел. Для чего же он говорит это? Чтобы подтвердить учение о домостроительстве Божиим, так как преимущественно в этом заключаются семена воскресения, и еще для того, чтобы пристыдить их, — как бы так говорит: общий Владыка всех благоволил уничтожить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь в том же положении и продолжаете грешить? Вас не поражает чрезмерная любовь Его, важнейшее из всех благ? Помните только это одно, говорит, и вы будете в состоянии преуспевать во всякой добродетели и истреблять всякий грех. **Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами** (ст. 23). Учителю свойственно помогать не только советами, но и молитвами. **И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь** (ст. 24). Чтобы они не подумали, что он из лести к ним делает такое заключение, говорит: **во Христе Иисусе**; (любовь его) не имеет в себе ничего человеческого, ничего плотского, но есть духовная, и потому самая искренняя; выражения его обнаруживают сильную любовь. Будучи отделен от них по месту, он как бы простирает свою десницу и обнимает их руками любви: любви моя, говорит, с вами; как бы так говорит: я сам со всеми вами. Это показывает, что написанное им происходило не от раздражительности и не от гнева, но от попечения (о коринфянах), если он и после таких обличений не отвращается от них, по любит и обнимает их, несмотря на далекое расстояние, и изливает перед ними (свою душу) в писаниях и посланиях. Так следует поступать всякому, исправляющему других; если он будет делать это с одним только гневом, то будет удовлетворять свою страсть; а если, обличив грешника, окажет и любовь к нему, то докажет, что и укоризны его происходили от любви. Будем же и мы таким образом вразумлять друг друга: и обличающий пусть не гневется, потому что гнев обнаруживает страсть, а не желание исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что делаемое ему обличение есть врачество, а не что-нибудь враждебное. Если врачей, когда они делают прижигания, не упрекают, хотя часто они ошибаются в успехе дела, но даже сами больные, подвергаемые прижиганиям и разрезам, считают своими благодетелями причиняющих им такие страдания, то тем более принимающему обличение нужно иметь такое расположение, слушать вразумляющего, как врача, а не как врага. И мы, обличая кого-нибудь, будем приступать к нему с великой кротостью и с великим благоразумием. Если ты видишь согрешающего брата, то обличи его не всенародно, но как повелел Христос: **между тобою и им одним** (Мф.18:15), притом не понося и не нападая на лежащего, но соболезнуя и сокрушаясь; будь и сам готов выслушать обличение, если ты согрешишь в чем-нибудь. Но чтобы сказанное было яснее, представим это посредством примера; впрочем, я не желаю, чтобы такие примеры были в действительности. Положим, что какой-нибудь брат живет вместе с девицей; пусть он будет человек благонравный и целомудренный, но при всем том идет об нем худая молва. Когда до тебя дойдет молва о таком его сожитии, то не оставляй этого без внимания и не говори: разве у него нет своего ума? Разве он сам не знает, что ему полезно?

Без причины любви, но не допускай ненависти без причины (говорит пословица): для чего же мне напрасно навлекать на себя вражду? Такие безумные слова свойственны диким зверям или лучше, демонам. Кто хочет исправить другого, тот не навлекает на себя

ненависти напрасно, но действует для достижения великих благ и неизреченных венцов. А против того, что говоришь ты: разве у него нет своего ума? — я скажу тебе, что действительно нет, потому что он опьянен страстью. Если в мирских судилищах подсудимые, будучи волнуемы гневом, бывают не в состоянии говорить сами за себя, хотя, впрочем, такая чувствительность и не ставится им в вину, то во сколько раз хуже состояние человека, преданного порочной страсти? Потому я и говорю, что хотя бы он был тысячу раз умен, но при всем том у него нет бодрственного ума. Кто был благоразумнее Давида, который говорил: **неизвестное и тайное премудрости Твоей Ты явил мне** (Пс.50:8)? Но когда он взглянул нескромными очами на жену воина, то испытал тоже, что обыкновенно случается с людьми, плывущими по бурному морю, как он сам говорит: **и вся мудрость их пропала** (Пс.106:27); и он имел нужду, чтобы другие исправили его, и даже не чувствовал, в какой находился глубине зол; потому, оплакивая грехи свои, он и говорил: **ибо беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бремени отяготели на мне. Воссмердели и согнили раны мои от безумия моего** (Пс.37:5, 6).

4. Итак, кто грешит, у того нет ума, потому что он опьянен и омрачен. Потому не говори так, и к словам своим: какая мне нужда? — не прибавляй еще: **каждый понесет свое бремя** (Гал.6:5). Ты навлекаешь и на себя величайшую ответственность, если, видя заблудшего, не хочешь помочь ему.

Если законом иудейским запрещалось оставлять без внимания даже скот врага (Втор.22:1), то какое будет иметь оправдание оставляющий без внимания не скот и не врага, а погибающую душу друга? Не может оправдать нас то, что у него есть свой ум, потому что и мы, многократно преподававшие наставления другим, часто в отношении к себе оказывались несостоятельными и не могли помочь самим себе. Также рассуждай и о другом заблуждающемся, что он скорее может получить добрый совет от тебя, нежели от себя, и не говори: какая мне до него нужда? Вспомни с ужасом о том, кто первый сказал такие слова; они означают тоже, что и слова (Каина): **разве я сторож брату моему?** (Быт.4:9). От того и происходят все роды зла, что мы считаем чужим принадлежащее нашему собственному телу. Что говоришь ты? Тебе нет никакой нужды до брата? Но кому же будет до него нужда?

Неужели неверующему, который радуется его бедствию, поносит его и старается вредить ему? Или диаволу, который преследует его и расставляет ему сети? И почему ты говоришь так?

Потому, скажешь, что мои благонамеренные слова и советы не будут иметь успеха. Но откуда известно, что они не будут иметь успеха? И это опять крайне безумно — не зная последствий, делать себя виновным в явном нерадении. Сам Бог, которому известно будущее, часто говорил без успеха, и однако не переставал говорить, хотя и знал наперед, что Его не послушают.

Если же Тот, Кто наперед знал, что Он ничего не сделает, не переставал принимать меры к исправлению людей, то какое оправдание будешь иметь ты, который совершенно не знаешь будущего, и предаешься беспечности и нерадению? Многие, принимаясь за это дело, имели успех, и когда менее всего надеялись, тогда особенно и успевали. Если же и не сделаешь ничего, то, по крайней мере, исполнишь свой долг. Потому не будь бесчеловечен, неосострадатель и нерадив. Слова твои происходят от жестокости и нерадения, как можешь видеть из следующего. Когда у тебя страдает какой-нибудь из членов телесных, то почему ты не говоришь: какая мне до него нужда? И почему ты знаешь, что, если употребишь врачевание, то он выздоровеет? Однако ты принимаешь все

меры, чтобы, если и не будешь иметь никакого успеха, то, по крайней мере, не обвинять себя самого, что ты опустил сделать что-нибудь полезное. Так мы заботимся о членах телесных: почему же нерадим о членах Христовых? Какое после того мы будем иметь оправдание? А если тебя не преклоняют слова мои: позаботься о собственном своем члене, — то я напому тебе о теле Христовом, чтобы ты, хотя из страха, сделался лучше. В самом деле, не ужасно ли видеть тело Его покрытым язвами, и оставаться равнодушным? Когда у тебя слуга или даже осел бывает поражен язвами, ты не остаешься равнодушным; а когда видишь тело Христово в гнойных струпах, то как проходишь мимо? Не достойно ли это тысячи громов? От того у тебя все и извратилось, — от такого бесчеловечия, от такого нерадения!

Итак, увещаю, оставим эту жестокость: приди к тому, кто живет вместе с девицей, скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложив ее из тех достоинств, какие в нем находятся, и такой похвалой, как бы теплой водой, омочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься в жалком состоянии, представь виновность всего рода человеческого, объясни, что все мы во грехах, попроси прощения, что ты принимаешь на себя дело, которое выше сил твоих, но что любовь побуждает тебя решиться на все; затем и предложи совет, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредством всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будет произойти от действия обличения, и когда, так сказать, свяжешь его неоднократными извинениями и просьбами, чтобы он не гневался, тогда и наноси ему удар, не слишком сильный и не слишком слабый, чтобы в первом случае он не отскочил от тебя, а в последнем не остался невнимательным.

Если ты нанесешь удар недостаточно сильный, то ничего не сделаешь; а если поразишь слишком сильно, то он удалится от тебя. Потому и после всего этого, приступая к обличению, ты опять присоединяй к обличению похвалы; но так как поведение его само по себе не может назваться похвальным, — ведь жить с молодой девицей дело не похвальное, — то ты обратись к намерению живущего с ней и скажи: я знаю, что ты делаешь это для Бога, что ты подал руку помощи этой несчастной, видя ее одинокой и беззащитной. Хотя бы он на самом деле и не руководился такими намерениями, ты говори так, а потом, попросив опять извинения, в дополнение к прежнему скажи: я говорю тебе это не как приказание, но как напоминание; я знаю, что ты делаешь это ради Бога, но посмотрим, не произойдет ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдет никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дело, — никто не препятствует; но если отсюда может произойти вред важнее пользы, то, увещаю тебя, будем осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствие одной душе, не соблазнить тысячи. Впрочем не представляй ему прямо тех наказаний, какие ожидают соблазнительей, но прими его самого в свидетели и скажи: ты не имеешь нужды узнавать об этом от меня, ты сам знаешь, какому подлежит наказанию тот, **кто соблазнит одного из малых сих** (Мф.18:6); и, таким образом усладив слова свои и успокоив его горячность, прилагай наконец врачество исправления. Если же он опять будет ссылаться на ее одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этот предлог, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточным для тебя оправданием будет опасение — соблазнить других, так как ты оставишь эту заботу не по беспечности, а по желанию блага другим.

5. Притом советы твои пусть будут кратки, потому что он не нуждается в длинных нравоучениях; извинения же пусть будут неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость речей своих и оставляя дальнейшее на его волю; скажи: я только предлагаю и советую тебе это, а послушаться зависит от тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему рассуждению.

Если таким образом мы будем приниматься за обличение, то мы легко сможем исправлять согрешающих. А то, что мы делаем теперь, свойственно более диким зверям и бессловесным животным, нежели людям. Ныне иные, как скоро услышат о каком-нибудь подобном грешнике, ему не говорят ничего, а сами между собой шепчутся, как пьяные старухи, и уже здесь, кажется, никогда не имеет места пословица: без причины любви, но не допускай ненависти без причины. Когда хотят кого-нибудь злословить, то вовсе не думают, чтобы не навлечь напрасно на себя ненависти, и даже наказания, — это же влечет за собой не только ненависть, но и наказание, — а когда нужно кого-нибудь исправить, то приводят и эту отговорку и множество других предлогов. Тогда-то именно, когда ты злословишь, когда ты клеветнешь, и следовало бы держать в уме правила: не навлекай на себя напрасно ненависти, или: не будет никакого успеха, или: мне нет нужды до другого. Между тем теперь в первом случае ты сильно и ревностно хлопочешь, не взирая на происходящую отсюда ненависть и множество зол; а когда нужно позаботиться о спасении брата, тогда ты остаешься без действия и не хочешь быть тягостным для другого. Злословие ненавистно перед людьми и перед Богом, но ты не слишком заботишься об этом; а за совет наедине и за подобные обличения ты приобретаешь себе любовь и от самого обличаемого и от Бога. Если же он возненавидит тебя, то тем более Бог будет любить тебя за это. Впрочем, и он не будет ненавидеть тебя так, как возненавидел бы за злословие; напротив, тогда он стал бы отвращаться от тебя, как от недоброжелателя и врага, а теперь он будет уважать тебя более отца. Хотя по наружности он и огорчится, но внутренне, наедине, воздаст тебе великую благодарность.

6. Итак, помня это, будем пещись о наших членах, а не изошрять язык друг против друга и не говорить речей пагубных, подрывая честь ближнего и, как бы на войне и в сражении, нанося и получая удары. Какая после того будет нам польза от поста или бдения, если язык наш предастся невоздержанию, питается пищей сквернее мяса псов, делается кровожадным, извергает грязь и превращает уста наши в поток нечистот, или даже еще хуже? Вытекающее из этих потоков оскверняет тело; а извергаемое им часто заражает душу. Говорю это, жалея не о тех, о ком распространяют дурную молву напрасно, — они даже заслуживают венцов, если переносят клеветы великодушно, — а об вас, распространяющих такую молву. Того, о ком худо говорят напрасно, Писания ублажают; а того, кто худо говорит о другом, лишают святых таинств и даже изгоняют из самых недр (Церкви): **тайно клеветущего на ближнего своего - сего я изгонял**, говорит (Псалмопевец) (Пс.100:5), и даже считает такого человека недостойным читать священные книги: **зачем, говорит, ты проповедуешь уставы Мои и содержишь завет Мой устами твоими?** (Пс.49:16); потом приводит и причину: **сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал** (ст. 20). Здесь не определено, справедливое ли что-нибудь будет говорено, или несправедливое; а в другом месте определено и это и сказано, что, хотя бы ты мог говорить и правду, и в таком случае тебе говорить не следует: **не судите**, говорит (Господь), **да не судимы будете** (Мф.7:1). Потому и (фарисей), порицавший мытаря, был осужден, хотя порицал его справедливо. Как же, скажешь, если встретится какой-нибудь человек дерзкий и развратный, — неужели нам не следует обличать его и исправлять? Следует обличать и исправлять, но так, как я выше сказал; а если ты будешь порицать его, то смотри, чтобы тебе не уподобиться фарисею и не потерпеть того же, что потерпел он. Ведь от этого не бывает никакой пользы ни тебе говорящему, ни тому, кто слушает тебя, ни тому, кто порицается; а напротив последний делается еще бесстыднее: он, пока еще не обнаружен, может и стыдиться, а когда делается известным и обесславленным, тогда свергает с себя и последнюю узду; тот же, кто слушает, терпит еще большой вред: если он сознает за собой какие-нибудь достоинства, то укоризны против другого возбуждают в нем гордость и надменность, а если сознает недостатки, то охотнее склоняется на зло; наконец и сам говорящий заслуживает дурное о себе мнение от того, кто слушает его, а тем более навлекает на себя гнев Божий. Потому, увещаваю, оставим всякое злословие и

будем говорить только доброе и служащее к назиданию. Или ты желаешь отомстить кому-нибудь? Но для чего вместо него мстишь себе самому? Стараясь отомстить кому-нибудь, оскорбившему тебя, ты мсти так, как повелевает мстить Павел: **если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его** (Рим.12:20). Если же ты не поступаешь так, а только клеветнешь, то ты поднимаешь меч на самого себя. Потому когда другой худо говорит о тебе, то мсти ему одобрением и похвалами: таким образом ты и ему отомстишь, и себя избавишь от худого о тебе мнения. Кто огорчается дурной о себе молвой, о том обыкновенно думают, что его мучит нечистая совесть; а кто смеется над такой о себе молвой, тот представляет яснейшее доказательство, что он не знает за собой ничего худого. Итак, если порицаниями ты не приносишь пользы ни слушающему тебя, ни себе самому, ни тому, кого порицаешь, а только поднимаешь меч на самого себя, то вразумись

хотя этим. Тебе следовало бы находить побуждения в учении о царстве небесном и воле Божией; но так как ты еще слишком груб и угрызаешь других, как дикий зверь, то вразумись хотя этим, чтобы, сделавшись благоразумнее от вышесказанного, ты мог руководиться единственно волей Божией и, став выше всякой страсти, достигнуть небесных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.